

№ 12 (76)
2020

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск 75 ЛЕТ ООН

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

- 38** Кузьмин Э. Л.
75-летие ООН: надежды и реалии

ЮРИСТ-МЕЖДУНАРОДНИК: НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

- 53** Ануфриева Л. П.
Дифференциация основных принципов и норм
jus cogens как понятий теории и практики
современного международного права
- 182** Кожеуров Я. С.
Юристы-международники
как профессиональное сообщество

№ 12 (76)
2020

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
75 ЛЕТ ООН

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

Грачева Елена Юрьевна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнеры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкурентного права, начальник Управления международного сотрудничества Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — заведующий кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Государственного университета управления, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2020

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция

РОМАНОВА Виктория Валерьевна — заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, г. Москва, Россия

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Уни-

верситета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР
ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — начальник Управления содействия международному развитию и взаимодействию с международными организациями Федерального агентства по делам СНГ, соотечественникам, проживающим за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственный редактор выпуска:

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.
ISSN	2311-5998
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 04.03.2021 Объем 26,56 усл. печ. л. (16,94 а. л.), формат 84×108/16 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор	Л. А. Мункуева
Корректор	А. Б. Рыбакова
Компьютерная верстка	Д. А. Беляков

**№ 12 (76)
2020**

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

**Edition
75TH ANNIVERSARY OF THE UN**

**Published from the year of 2014
Monthly journal**

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Financial Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Dean of the Law Faculty of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of Theory of the State and Law, International Law and Comparative Law of Voronezh State University, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «DufLOT & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Head of the Department of International Cooperation of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeyevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Head of the Department of Theory and History of the State and Law of the State University of Management, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2020

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

LYUTOV Nikita Leonidovich — Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROMANOVA Victoria Valeryevna — Head of the Department of Energy Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial

University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Science of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifen, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Head of the Department of International Development Assistance and Interaction with International Organizations of the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation, Dr. Sci. (Politic.), Moscow, Russia

Editor-in-Chief of the Issue:

SOKOLOVA Natalia Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor

THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361
ISSN	2311-5998
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)". 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	04.03.2021 Volume: 26,56 conventional printer's sheets (16,94 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper
<i>When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.</i>	
Editor	L. A. Munkueva
Proof-reader	A. B. Rybakova
Computer layout	D. A. Belyakov

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	6
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	9
ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ И РОССИЯ ООН и Россия: международно-правовое обозрение (The UN and Russia: International Legal Review)	34
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ Актуальные проблемы деятельности ООН	
Кузьмин Э. Л. 75-летие ООН: надежды и реалии	38
Ануфриева Л. П. Дифференциация основных принципов и норм <i>jus cogens</i> как понятий теории и практики современного международного права	53
Захарова Л. И. Основные направления регулирования спортивной деятельности в рамках ООН	68
Ильинская О. И. Изменение международных договоров в межгосударственной практике	83
Сидоров В. Н., Сидорова Е. В. Деятельность Организации Объединенных Наций в сфере упрощения процедур торговли	95
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	
Гуласарян А. С. Обзор работы Комиссии международного права ООН (2019—2020 гг.) ...	111
ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН	
Ильинская О. И. Перенос Посольства Соединенных Штатов в Иерусалим (Палестина против Соединенных Штатов Америки)	123
Теймуров Э. С. Обзор решения Международного Суда ООН от 13 февраля 2019 г. «Некоторые иранские активы (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки)»	127
Батырь В. А. Правовые последствия отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 г. (обзор консультативного заключения Международного Суда ООН от 25 февраля 2019 г. и Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 17 мая 2019 г.)	135
Захарова Л. И. Решение Международного Суда ООН по делу К. Ядава (Индия против Пакистана) от 17 июля 2019 г.	146
ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО	
Маркова Е. Ю. Международная защита прав экологических мигрантов: деятельность органов, программ и агентств системы ООН	150

Попова О. А.

- Принцип сотрудничества
в международном космическом праве 159

ЮРИСТ-МЕЖДУНАРОДНИК: НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Извечная дилемма: форма и содержание
(современная практика защиты диссертаций)

Ануфриева Л. П.

- Задумываясь над диссертационными исследованиями
и их защитами: от чего зависит оценка «по гамбургскому счету» 172

Профессия: юрист-международник

Кожеуров Я. С.

- Юристы-международники как профессиональное сообщество 182

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: УНИКАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

Батырь В. А.

- Нюрнбергский приговор: уроки истории для будущего 197

НАУЧНЫЙ ПОИСК

Забралова О. С.

- Правовые принципы формирования расходных обязательств
бюджетов бюджетной системы Российской Федерации 217

Бурла В.

- Цифровизация — фактор трансформации
государственного суверенитета как международно-правовой
категории в документах ООН и ценности
в конституциях государств — членов СНГ 224

Монокин Е. Н., Мазеева Н. Н.

- Развитие правового регулирования
Интегрированной политики ЕС по Арктике
в заключениях Совета Европейского Союза 2016 и 2019 гг. 233

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Памятники права

Шпаковский Ю. Г.

- Лига наций 249

Юридическое наследие

Радек К. Б.

- Лига Наций — обеспечение мира 257

Из периодики прошлого

- Первая Международная ассоциация журналистов 262

ПОСТСКРИПТУМ

Романович-Славатинский А. В.

- Голос старого профессора по поводу университетских вопросов 264

Приложение. Н. И. Зибер и А. Е. Назимов

- (Из воспоминаний старого профессора) 266

Слово к читателю

Уважаемые читатели!

Двенадцатый выпуск 2020 года научного журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» подготовлен кафедрой международного права.

Главная тема номера — 75-я годовщина Организации Объединенных Наций, Устав которой вступил в силу 24 октября 1945 г. (День ООН). Именно данному событию посвящен ряд статей и обзоров выпуска. Его открывает статья Чрезвычайного и Полномочного Посла России в отставке Э. Л. Кузьмина, который обращается к оценке до-

стижений и перспективам деятельности ООН, философски осмысливает ее роль в современном мире.

Выступая на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Президент Российской Федерации В. В. Путин выразил убежденность в том, что «нынешний юбилей обязывает нас вспомнить о зафиксированных в Уставе ООН непреходящих принципах межгосударственного общения, а отцы-основатели Всемирной Организации сформулировали их предельно четко и недвусмысленно. <...> Оглядываясь на прошедшие десятилетия, можно сказать, что при всех сложностях периода “холодной войны”, кардинальных геополитических сдвигах, при сегодняшних хитросплетениях мировой политики ООН достойно выполняет свою главную миссию — беречь мир, содействовать устойчивому развитию народов и континентов, помогать в преодолении локальных кризисов».

Понятию основных принципов как явлению международно-правовой действительности, особенно в плане дифференциации их и норм *jus cogens*, посвящена статья профессора Л. П. Ануфриевой.

Юбилейная дата — достойный повод обратиться к внешнеполитическим приоритетам России в контексте перспектив взаимодействия с ООН для обеспечения верховенства права в международных отношениях. Поэтому предметом специальных обзоров выпуска стали наиболее интересные и значимые новые решения и консультативные заключения Международного Суда ООН (подготовлены профессором В. А. Батырем, доцентами Л. И. Захаровой, О. И. Ильинской, Э. С. Теймуровым),

международно-правовые аспекты взаимодействия России и ООН в свете внешнеполитических приоритетов нашего государства, основных тем Комиссии международного права ООН в 2019—2020 гг. (подготовлены доцентом А. С. Гуласаряном). Комиссия активно обращается к различным аспектам международных договоров, что нашло отражение в статье доцента О. И. Ильинской, посвященной изменению международных договоров в межгосударственной практике, для адаптации их к новым реалиям.

Одной из главных целей ООН является осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера. Таких проблем становится все больше, что неизбежно актуализирует вопросы, связанные с направлениями и формами сотрудничества. Статьи, посвященные основным направлениям международно-правового регулирования физической культуры и спорта в системе ООН на современном этапе (доцент Л. И. Захарова), деятельности в сфере упрощения процедур торговли (доцент В. Н. Сидоров, докторант Е. В. Сидорова), вопросам реализации принципа сотрудничества в международном космическом праве (аспирант О. А. Попова), деятельности органов, программ и агентств системы ООН по международной защите прав экологических мигрантов (аспирант Е. Ю. Маркова) отражают многоплановый характер сотрудничества государств в рамках ООН.

Помимо генеральной темы, в этом выпуске журнала затронуты важные проблемы, связанные с подготовкой кадров в сфере международного права. Одно из направлений представлено размышлениями об актуальности, новизне, об уровне качества, оценке достигнутых научных результатов для формирования компаративного взгляда на реалии защит и требований к диссертациям, отражаемых в отзывах, конструируемых по новым подходам и алгоритмам, в сравнении с «ортодоксальными» (профессор Л. П. Ануфриева).

Другое направление посвящено профессиональной подготовке юристов-международников (доцент Я. С. Кожеуров): «Несмотря на то, что юристы-международники представляют самые разные страны с разными культурами и правовыми традициями, с разным уровнем экономического развития и политическими целями, можно говорить о существовании единого уникального профессионального сообщества, которое говорит на одном языке — языке международного права. В международных отношениях в отсутствие высшей (надгосударственной) власти юристы подчас становятся единственными, кто “цивилизирует” защиту национальных интересов, что обуславливает специфические этические проблемы в работе юриста-международника, которые рассматриваются на примере работы юриста во внешнеполитических ведомствах, в международных организациях и в международных судах».

В 2020 г. отмечалось еще одно важное событие — 75-летие начала работы Международного военного трибунала. Анализу Нюрнбергского приговора в контексте уроков истории для будущего посвящена статья профессора В. А. Батыря.

Надеемся, что этот выпуск «Вестника Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» будет полезен тем, кто занимается вопросами международного права, интересуется деятельностью международных организаций, осуществляет профессиональную подготовку в сфере юриспруденции.

Н. А. Соколова,
*заведующий кафедрой международного права,
научный руководитель
Научно-исследовательского института
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент*

Декабрь 2020¹

ГЛАВНЫЕ СОБЫТИЯ МЕСЯЦА

Виктор Блажеев принял участие в презентации новой книги Павла Крашенинникова «История отечественных конституций»

10 декабря в редакции «Российской газеты» прошла презентация новой книги председателя Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, сопредседателя рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ Павла Крашенинникова «История отечественных конституций». Мероприятие прошло в онлайн-формате.

Выход в свет новой работы известного правоведа, государственного и общественного деятеля вызвал значительный интерес. Юридический труд входит в цикл исследовательских работ Павла Крашенинникова, посвященных развитию отечественного государства и права. В новом научном исследовании П. Крашенинников акцентировал внимание читателей на истории России, обратившись к истории создания всех ее конституций, чтобы увидеть в новом свете знаковые события прошлого века. Альманах содержит множество архивных фотографий, изображений обложек всех конституций и интересных страниц с авторскими пометками.

Павел Крашенинников начал презентацию своей книги с поздравления всех с наступающим Днем Конституции.

«Каждый коренной закон отражает тот момент жизни общества, в котором происходит принятие соответствующего акта. В 1918 г. была Декларация прав эксплуатируемого народа, а в 1993 г. была Декларация независимости. В этой книге — очерки о восьми отечественных конституциях и истории, связанные с подготовкой конституций», — рассказал автор о своей книге.

Особенно актуальной видится глава книги, посвященная модернизации Конституции Российской Федерации в 2020 г., а именно подготовке и принятию поправок в действующую Конституцию.

Коллеги Павла Крашенинникова по работе над поправками в главный Закон страны также были в числе приглашенных на презентацию новой книги. Ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ Виктор Блажеев в ходе презентации отметил:

«Павел Крашенинников — основоположник нового жанра научно-публицистической юриспруденции. <...>

Это особая подача, особенно с точки зрения неюристов, материала, но эта подача интересна всем, потому что отмечаются новые моменты, на которые раньше не обращалось внимание. Фактически эта книга — история

¹ URL: <https://msal.ru/news/>

развития конституционализма в России, это первые идеи о конституции в дореволюционный период, а в последующем — первые конституции РСФСР, СССР и уже новой России. Это генезис развития. Подача материала очень емкая, книга написана понятным языком, нет ничего лишнего, каждое слово имеет глубокий смысл», — подчеркнул Виктор Блажеев.

По словам ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), особенность книги состоит в обилии фотоматериалов и исторически важных документов, в том числе нигде ранее не встречавшихся. В качестве примера он привел Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ), подписанное в Беловежской пуще.

«Автор книги удивительно связал тематику дореволюционного периода зарождения идей конституционализма. Из книги также становятся отчетливо понятны субъективные моменты в истории и их влияние на развитие конституционного процесса. Интересны сравнения конституций Пестеля и Муравьева. Исторический контекст очень важен для понимания переломных моментов, связанных с созданием конституции», — поделился своими впечатлениями Виктор Блажеев.

Виктор Блажеев и Олег Нилов обсудили проблемы экологии и обращения с упаковкой в России

22 декабря 2020 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась встреча руководства Университета с депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VI и VII созывов, первым заместителем председателя Комитета Государственной Думы по контролю и Регламенту, заместителем руководителя фракции политической партии «Справедливая Россия» в Государственной Думе Олегом Ниловым.

Организатором встречи выступили представители Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в котором реализуется государственный контракт по проведению экспертно-аналитического исследования

для Аппарата Государственной Думы РФ на тему «Совершенствование правового регулирования использования, обращения и возврата тары и упаковки в Российской Федерации».

На мероприятии присутствовали ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев, проректор по научной работе МГЮА Владимир Синюков, а также руководитель экспертно-аналитического исследования, старший преподаватель кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА, кандидат юридических наук Любовь Зайцева.

«На мой взгляд, стоит дополнить ст. 217 Налогового кодекса России пунктом 17.4 следующего содержания: “Доходы, получаемые от реализации возвратной потребительской тары, образующиеся у физических лиц в быту и принадлежащие им на праве собственности”», — прокомментировала эксперт, говоря о том, что пластиковую тару можно будет внести в перечень доходов, не подлежащих налогообложению, т.е. при сдаче тары на переработку в специальные пункты приема потребитель будет получать некоторое денежное вознаграждение. С данного вознаграждения не будет удерживаться налог на доходы физических лиц. Олег Нилов поддержал инициативу руководителя исследования.

«Мировая практика свидетельствует о том, что стекло, пластик и бумагу следует утилизировать, до 80 % мусора можно направлять на вторичную переработку. Чтобы мотивировать граждан к сбору отходов, пригодных к вторичной переработке, следует использовать и материальные механизмы поощрения», — подчеркнул депутат.

Также Олег Нилов выразил уверенность, что к апробации исследования следует подключить крупных ритейлеров и переработчиков, а также представителей государственных органов и научных организаций в целях выстраивания технологической цепочки процесса сбора и переработки пластиковой тары.

Ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев обратил внимание на зарубежный опыт в данной сфере и призвал наладить тесное сотрудничество с организациями, задействованными в данном процессе, что, по его мнению, будет способствовать выработке эффективного законодательства.

В ходе встречи были затронуты вопросы разработки рекомендаций по совершенствованию действующего правового регулирования использования, обращения и возврата тары и упаковки в Российской Федерации.

КОНФЕРЕНЦИИ, КОНГРЕССЫ, СЕМИНАРЫ

Новый импульс юридической науки: трансформация идей и образов

2 и 4 декабря 2020 г. прошел на английском языке II Международный научно-методологический семинар «История юридической науки: трансформация идей и образов» (тема семинара — «Мифологемы закона: иррациональное в праве») — как сателлитное мероприятие XVIII Кутафинских чтений.

Миссия семинара — представить правовую реальность как пространственно-временной континуум, в который мы погружены, «взломать» догматические грани-

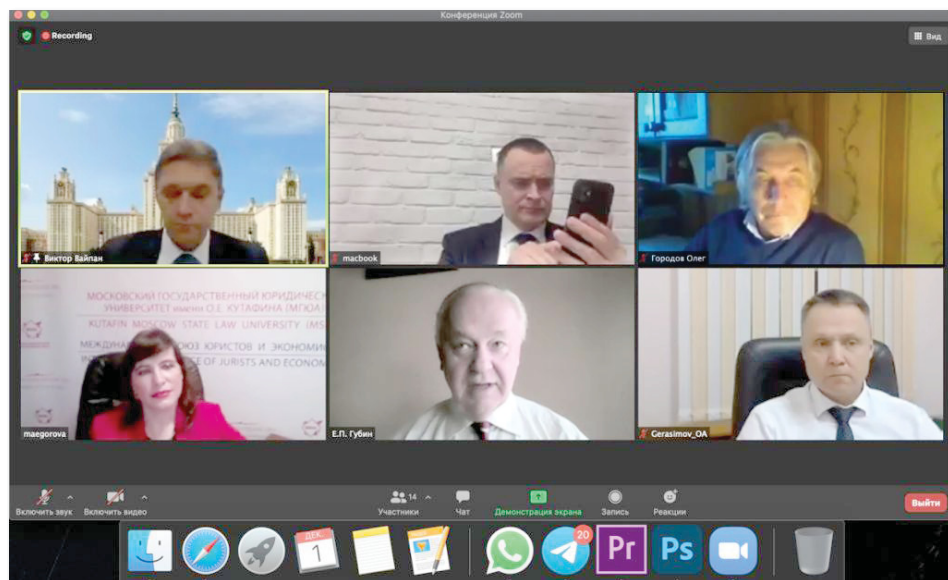
цы и на широком историческом материале показать всю неоднозначность, заключающуюся в существовании закона на разных этапах его формирования, где ушедшее непостижимым образом соседствует с грядущим, будущим государства и права.

Научный руководитель проекта — Игорь Исаев, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Россия).

Интерактивный семинар на платформе ZOOM объединил участников из 10 стран — Австрии, Индии, Казахстана, Малайзии, Палестины, России, Словакии, Таджикистана, Франции, ЮАР — разных специальностей: юристов, философов, культурологов, политологов, социологов, историков, архитекторов и др. Междисциплинарность дала профессионалам возможность объединить свои усилия для получения многомерного объективного научного знания и поиска, выработки традиционных и инновационных инструментов оптимизации государства и права в связи с цифровой перестройкой всей планеты.

20 и 27 декабря 2020 г. в рамках продолжения II Международного научно-методологического семинара и коллаборации с проектом «Swadhyaya Sahachakra Dialogues» Ананты Кумара Гири, профессора Мадрасского института исследований в области развития, учредителя и почетного попечителя Международного центра азиатского процветания, PhD (Индия), доцент кафедры истории государства и права Валентина Румянцева выступила со следующими сообщениями на двух семинарах: «Гражданское общество в современном мире: в поисках справедливости и солидарности»; «Гражданское общество и справедливость власти (на примере стихотворения М. Ю. Лермонтова “Смерть поэта”»)».

Цифровые экосистемы — в центре внимания участников дискуссии в МГЮА

2 декабря 2020 г. прошла Международная научно-практическая конференция «Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты». Организаторами мероприятия выступили кафедра предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и Управление международного сотрудничества Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Проректор по инновационному научно-технологическому развитию, профессор кафедры предпринимательского права МГУ имени М. В. Ломоносова Виктор Вайпан, обращаясь к участникам конференции, сказал, что обсуждение вопросов цифровизации — добрая традиция в рамках Московской юридической недели, безусловно, признанная в научных кругах.

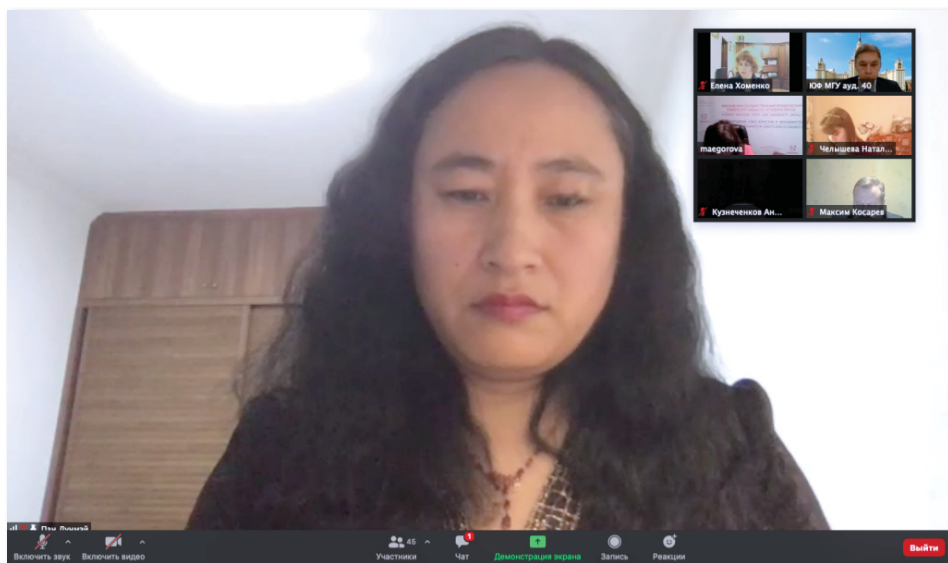
По его мнению, повсеместное распространение электронных сервисов необходимо учитывать при формировании новой регуляторной среды и правовых моделей регулирования.

«Поиск компромиссного баланса интересов при создании новых норм является чрезвычайно важной задачей», — выразил уверенность Виктор Вайпан.

Модератором дискуссии выступила начальник Управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права МГЮА Мария Егорова. Она же открыла работу конференции, выступив с ключевым докладом «Правовые условия создания цифровых экосистем». Спикер заострила внимание слушателей на том, что вопрос дискуссионный и недостаточно изучен в науке.

«Под цифровыми экосистемами следует подразумевать реестры физических и юридических лиц, недвижимости, ценных бумаг, лицензий. Достаточно важным инструментом управления экосистемой и созданными на ее базе при-

ложениями является многоуровневый механизм управления правами доступа к реестру», — сказала она.

Пан Дунмей, руководитель Центра исследования российского права, профессор юридического института Хэйлунцзянского университета (Китай), остановилась на уголовно-правовых рисках применения искусственного интеллекта. По ее мнению, искусственный интеллект повсеместно становится объектом исследований, что сказывается на поддержке развития, разработках и преобразовании материалов искусственного интеллекта и других технологий.

Говоря об опыте Китая, спикер напомнила, что в июле 2020 г. Государственный совет КНР опубликовал план развития искусственного интеллекта и предложил использовать преимущества развития данной технологической разработки в Китае. В частности, в государстве предпринимаются попытки внедрения искусственного интеллекта в судебной сфере.

Также участники дискуссии обсудили подходы к цифровой трансформации с точки зрения инноваций в предоставлении населению цифровых сервисов, которые формируются в режиме реального времени, с учетом экономических реалий и соблюдения всех правовых норм и регламентов, в условиях максимального доверия.

В МГЮА обсудили проблемы противодействия информационным угрозам в интернет-среде

3 декабря 2020 г. на платформе ZOOM прошла научно-практическая конференция на тему «Противодействие информационно-мировоззренческим угрозам в интернет-среде с использованием специальных знаний», организаторами которой выступили кафедра судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министер-

стве юстиции РФ и Центр академического развития и образовательных инноваций МГЮА.

В качестве первого спикера выступила профессор кафедры судебных экспертиз МГЮА, академик РАЕН, доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор Елена Игоревна Галяшина, являющаяся руководителем научного проекта «Концептуализация противодействия информационным угрозам в интернет-среде с использованием специальных юридико-лингвистических знаний».

В ходе активных дискуссий участники конференции рассмотрели общетеоретические и прикладные проблемы обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в интернет-среде, в том числе проблемы противодействия экстремизму, буллингу, троллингу, пропаганде суицида, тюремной культуры, культа насилия и жестокости, секстингу, фейк-ньюз, диффамации и т.д. Отдельное внимание было уделено криминалистическим проблемам использования специальных знаний при исследовании вредоносных компьютерных программ, контрафактной и недокументированной информационно-компьютерной продукции.

В МГЮА состоялся II Международный конгресс по цивилистической компаративистике

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошли «Мозолинские чтения». В рамках программы первого дня заседаний прошел II Международный конгресс по цивилистической компаративистике на тему «Роль человека в современном обществе».

Организаторами мероприятия выступили кафедры гражданского права, гражданского и административного судопроизводства и истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), НОЦ частного права МГЮА, изда-

тельство «Статут», Российский арбитражный центр при Российском институте современного арбитража.

Дискуссию модерировали и.о. заведующего кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук Елена Богданова, главный редактор журнала «Lex russica», руководитель НОЦ частного права, доктор юридических наук Дмитрий Богданов и заместитель заведующего кафедрой гражданского права МГЮА, кандидат юридических наук Елена Моргунова.

Открыла первый день конгресса Елена Богданова. Она тепло поприветствовала всех российских и иностранных докладчиков и представила почетного гостя Мозолинских чтений — американского правоведа, профессора Университета штата Пенсильвания и Университета Лондона, члена Международной академии сравнительного права, Российской академии естественных наук (РАЕН) Уильяма Эллиотта Батлера.

«Формат "чтений" я считаю исключительно русским способом почтить память выдающегося человека, имя которого они носят. Чтения имени Виктора Павловича Мозолина служат развитию науки гражданского права в современном обществе, тем более что это событие также посвящено 90-летию Университета имени еще одного выдающегося российского правоведа — Олега Емельяновича Кутафина. Не могу не вспомнить, что скоро юбилей Университета его имени. Я рад участвовать в таком мероприятии, с удовольствием выслушаю своих коллег. И я торжественно объявляю II "Мозолинские чтения" открытыми», — с улыбкой сказал Уильям Эллиотт Батлер.

Затем Елена Богданова передала слово проректору по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимиру Синюкову.

«Мы рады приветствовать наших коллег из зарубежных научных школ у нас, в Российской Федерации. Виктор Павлович Мозолин — это выдающийся цивилист, который внес значительный вклад в развитие школы цивилистики и цивилистической науки в целом. Идеи Виктора Мозолина актуальны и сегодня.

Сейчас ситуация такова, что постановка темы нашего конгресса в высшей степени инновационна, потому что человек открывает такие технологии, что можно говорить о новом этапе развития гражданского права. Мы видим много информационных аспектов, которые выходят на субъекты гражданского права. Кафедра значительно расширяет рамки конгресса, и теперь, помимо пленарного заседания, в программу входят площадки для молодых ученых и т.д. Важно, что такая повестка корреспондирует с тем, чем сейчас занимается Российская Федерация. В нашей стране была принята программа здоровья, биотехнологий, генетических технологий, а в этом году на базе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Министерство образования и науки Российской Федерации создало Федеральный межведомственный центр применения генетических технологий — Центр права и биоэтики в сфере геномных исследований и применения генетических технологий. Этот Центр активно работает и вбирает опыт Москвы и регионов, но для нас очень важно участие в работе Центра коллег из других научно-практических центров и лабораторий. Наш конгресс — международный, а с будущего года еще и принимает формат общероссийского», — сообщил Владимир Синюков.

В рамках работы конгресса участники обсудили ряд вопросов биотехнологии, защиты прав граждан в гражданско-правовом аспекте, искусственного интеллекта и прав человека, проблемы гражданско-правовой ответственности, роли человека и роли информационных технологий в судебной защите.

Представители МГЮА приняли участие в работе X Международного конгресса сравнительного правоведения

Представители Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) приняли участие в работе X Международного конгресса сравнительного правоведения «Конституционные изменения в России и в современном мире: диалектика универсального и национального», который прошел 4—5 декабря 2020 г. Организаторами конгресса являлись Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ совместно с Европейской комиссией за демократию через право (Венецианской комиссией) Совета Европы.

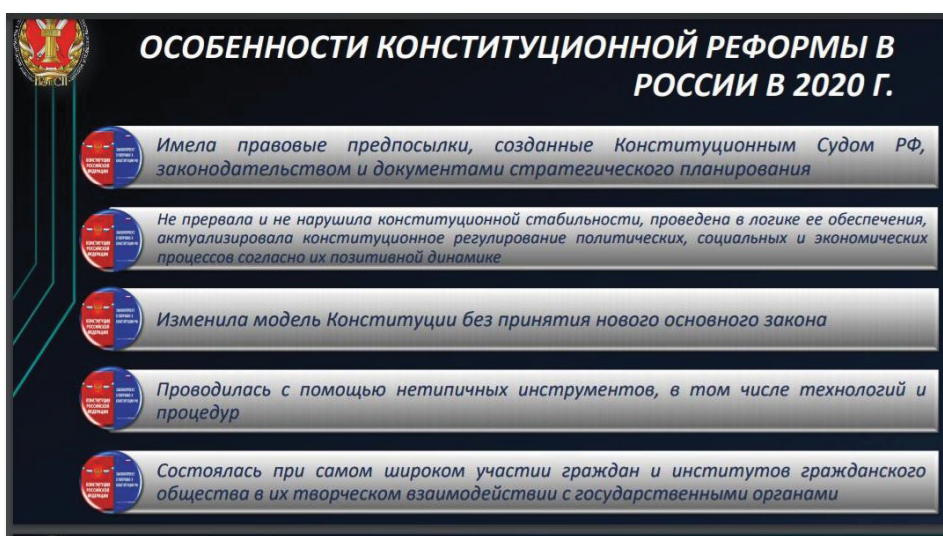
Значительные конституционные преобразования последних лет, произошедшие во многих странах мира, в том числе в Российской Федерации, предопределили необходимость глубокого всестороннего изучения вопросов глобального конституционного развития, его основных трендов и перспектив. В ходе конгресса эти вопросы обсуждались в свете корреляции национальных традиций и универсального конституционного наследия, а также влияния конституционных изменений на отдельные отрасли права.

Впервые конгресс проходил в формате онлайн и привлек значительное внимание научной общественности. В первый день в мероприятиях конгресса приняли участие более 500 человек не только из России, но и из Франции, Исландии, Италии, Норвегии, Чехии, США, Китая, Казахстана, Азербайджана, Белоруссии, Таджикистана, Кыргызстана и других стран.

На открытии пленарного заседания с докладом на тему «Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального» выступила директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заместитель президента Российской академии наук, член Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии), академик РАН, доктор юридических наук, профессор, действительный член Международной академии сравнительного права, член Бюро Президиума АЮР Талия Хабриева.

«В новом конституционном цикле Россия выработала модель Конституции, соответствующую отечественному менталитету и новым требованиям государственной безопасности. Она лучше, чем ранее, отражает государственно-гражданскую идентичность России, ее социокультурные основы и политико-правовые идеалы. Эта модель учитывает накопленный исторический опыт, проверенные эволюцией практики и приоритеты, осознанные не только властью, но и широкими слоями общества», — отметила она.

Одним из участников пленарного заседания стал проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков.

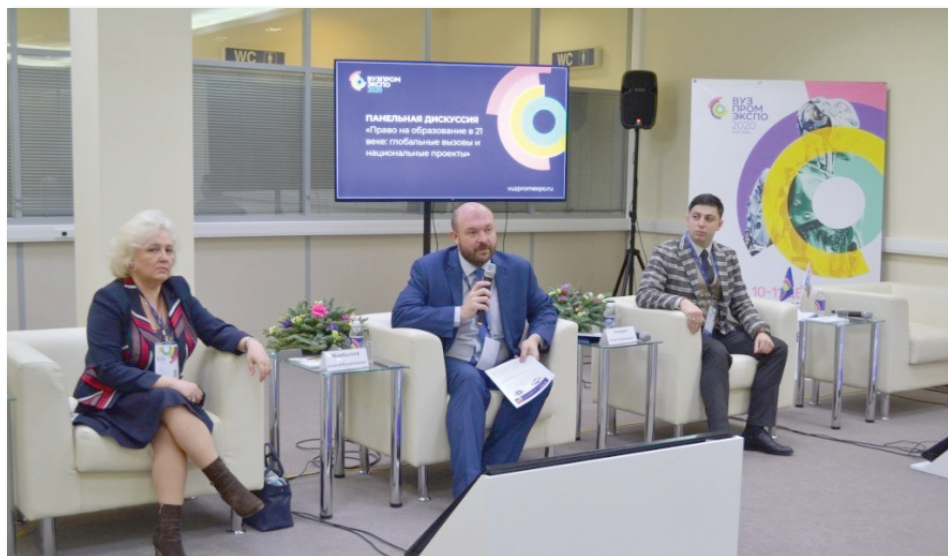
В ходе X Международного конгресса сравнительного правоведения в формате онлайн были проведены круглые столы, на которых с докладами выступили представители МГЮА.

Поднятые в рамках конгресса сравнительного правоведения проблемы важны не только для законотворческой деятельности, они имеют значение и для выработки правовых позиций Совета Европы, Европейского Суда по правам человека, Венецианской комиссии. По итогам работы X Международного конгресса Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ планируется публикация научных обзоров.

Право на образование в XXI в. обсудили представители МГЮА на форуме «Вузпромэкспо-2020»

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) выступил учредителем одной из интеллектуальных площадок VII ежегодной Национальной научно-образовательной выставки-форума «Вузпромэкспо-2020», прошедшей 10–11 декабря 2020 г.

Крупнейшее мероприятие посвящено презентациям наиболее перспективных и ярких научно-технологических разработок, созданных при поддержке государства и кооперации науки и бизнеса. «Вузпромэкспо-2020» — это итоговое мероприятие Министерства науки и высшего образования РФ, основанное на результатах реализации национальных проектов в области науки и образовании.

В дискуссии «Право на образование в XIX веке: глобальные вызовы и национальные проекты», состоявшейся 11 декабря 2020 г., участники обсудили ряд проблем, связанных с доступом к образованию, безопасностью образовательных услуг, а также с переходом на дистанционный формат.

Модерировал мероприятие заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директор НОЦ образовательного права, доктор юридических наук Алексей Минбалеев.

Он прежде всего обратил внимание на проблемы, с которыми столкнулась система образования в условиях пандемии.

«У многих студентов отсутствуют технические возможности, и они начинают жаловаться, в том числе в Министерство науки и высшего образования России на то, что вузы им не предоставляют ноутбуки. Мы анализировали Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” и другие нормативные правовые акты, которые говорят, что местом обучения является помещение вуза, но нигде в законодательстве и документах об образовательных стандартах не прописано, что вуз обязан обеспечивать студентов

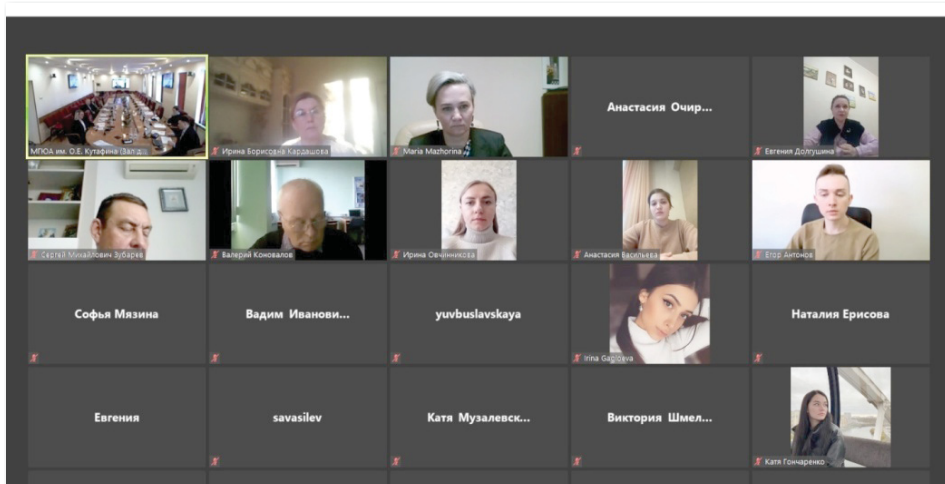
техническими средствами. Вузы только обязаны обеспечивать учебниками студентов-бюджетников. Каждый вуз сам принимает решение о предоставлении техники малообеспеченным бюджетникам, у которых нет возможности самостоятельно приобрести необходимое оборудование, но это определяется локальными актами вуза. Создание оцифровки подталкивает к совершенствованию и созданию новых информационных платформ для работы», — пояснил Алексей Минбалева.

В МГЮА проанализировали проблемы антикоррупционного просвещения студентов

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в онлайн-формате прошла II Всероссийская конференция для педагогических работников «Антикоррупционное просвещение обучающихся». Мероприятие было приурочено к Международному дню борьбы с коррупцией. Организатором конференции выступил Научно-исследовательский институт. В дискуссии приняли участие научные работники, студенты и аспиранты разных вузов, которые проанализировали российское и зарубежное законодательство в сфере борьбы с коррупцией.

С приветственным словом к участникам дискуссии обратилась проректор по учебной и методической работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Мажорина.

«Коррупция — это крайне деструктивное явление, это препятствие на пути к прогрессу общества и государства. Проведение превентивных мероприятий по формированию антикоррупционной деятельности еще в стенах университетов, где готовится интеллектуальная элита страны, — это актуально и крайне важно сегодня. Если вы подаете пример правильного поведения, то кто осмелится вести себя неправильно?» — задала тон дискуссии Мария Мажорина.

В МГЮА прошел очный этап IV Всероссийского правового (юридического) диктанта

В День Конституции, 12 декабря 2020 г., в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошел очный этап IV Всероссийского правового (юридического) диктанта, в котором приняли участие студенты, преподаватели и работники Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Организаторами Всероссийского правового (юридического) диктанта являются Ассоциация юристов России и общественная организация «Деловая Россия». Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) традиционно предоставляет свою площадку для проведения очного этапа диктанта.

Подведены итоги IV Всероссийского правового (юридического) диктанта

14 декабря 2020 г. в пресс-центре МИЦ «Известия» подвели итоги IV Всероссийского правового (юридического) диктанта. В этом году его участниками стало рекордное количество человек: 507 174 граждан, проживающих в России и за рубежом.

В пресс-конференции приняли участие председатель Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству Павел Крашенинников, председатель Правления Ассоциации юристов России Владимир Груздев, директор Центра мониторинга законодательства и правоприменения, доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Олег

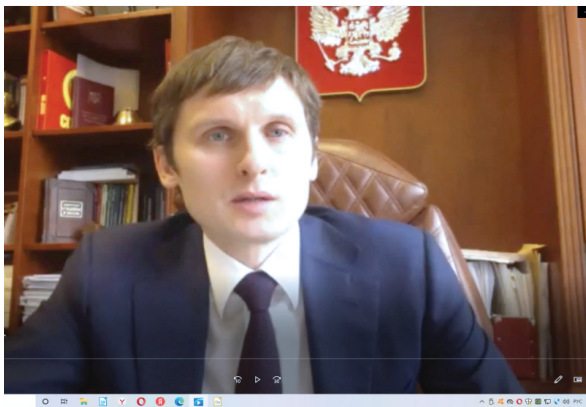

Гринь и вице-президент, руководитель исполнительного комитета общероссийской общественной организации «Деловая Россия» Нонна Каграмян.

Диктант состоял из 40 вопросов, на ответы каждому участнику выделялось 60 минут. Основная тематика диктанта в этом году касалась Конституции Российской Федерации с поправками 2020 г., мер поддержки граждан и бизнеса в период пандемии коронавирусной инфекции, а также вопросов трудового, гражданского и семейного права. В 2020 г. в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне в юридический диктант также были включены вопросы, посвященные Нюрнбергскому трибуналу.

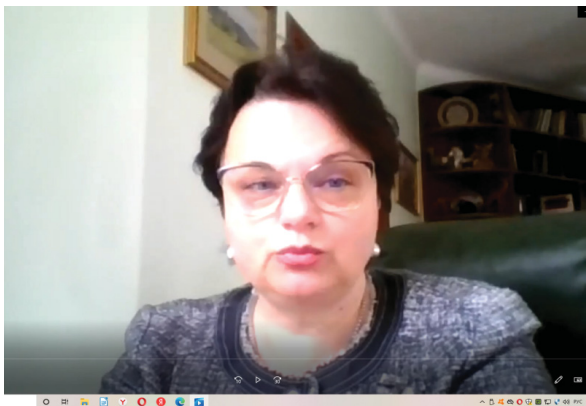
Перспективы развития предпринимательского права рассмотрели представители МГЮА на «Лаптевских чтениях — 2020»

Представители кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) приняли активное участие в работе III Международной научно-практической конференции «Проблемы развития и перспективы предпринимательского права в современных экономических условиях». Конференция, организованная Институтом государства и права РАН и посвященная памяти крупного ученого, основоположника и организатора науки хозяйственного и современного предпринимательского права, академика РАН Владимира Викторовича Лаптева, прошла 15 декабря 2020 г.

На пленарном заседании конференции выступил профессор Василий Лаптев с докладом «Идеи третьей школы хозяйственного права как фундамент современной цифровой экономики». Он раскрыл концепцию академика Лаптева о реальном секторе экономики и будущем пути развития отрасли предпринимательского права. Спикер охарактеризовал качественное состояние нормативного регулирования современного предпринимательства, отметил тенденции изменения хозяйственно-правовой мысли в России в части предмета предпринимательского права и сущности регулируемых отраслью права общественных отношений.

В рамках секции 1 «Идеи академика В. В. Лаптева в современных условиях развития предпринимательства: традиции и инновации» профессор Инна Ершова,

доценты Татьяна Шишмарева и Екатерина Енькова проанализировали некоторые аспекты правового статуса самозанятых как субъектов предпринимательской деятельности.

«Необходимо глубокое научное осмысление правового положения самозанятых с целью достижения доктринального единообразия и выработки предложений, адресованных законодателю и правоприменителю», — подчеркнула заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права МГЮА Инна Ершова.

Объявлены победители конкурса МГЮА на лучшее сравнительно-правовое исследование

15 декабря 2020 г. Научно-исследовательский институт совместно с Содружеством выпускников МГЮА и Советом молодых ученых подвели итоги конкурса на лучшее сравнительно-правовое исследование на 2020/2021 учебный год, участниками которого стали более 50 студентов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Победители и лауреаты конкурса получают дипломы, денежные премии, а также возможность публикации работ в журнале «Российское право онлайн».

В МГЮА подвели итоги работы Союза криминалистов и криминологов в 2020 г.

17 декабря 2020 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошло итоговое заседание Союза криминалистов и криминологов. Открыл заседание президент Союза криминалистов и криминологов, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права МГЮА, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Игорь Мацкевич. В своем выступлении он осветил итоги работы Союза в 2020 г. Несмотря на пандемию коронавирусной инфекции, в прошедшем году Союзом было проведено много российских и международных научных мероприятий. Он отметил, что журнал «Союз криминалистов и криминологов», который издается с 2013 г., в этом году начал выходить регулярно по графику — каждый квартал.

«Хочу обратить отдельное внимание на № 3 журнала “Союз криминалистов и криминологов”, который посвящен Азербайджану. Презентация журнала прошла и в Азербайджане, хоть и очень скромно из-за пандемии. Филиалы Союза

криминалистов и криминологов открылись еще в нескольких городах, также проводятся регулярные конференции, в том числе за рубежом», — подчеркнул Игорь Мацкевич. Он также сообщил, что конференцию, которая должна была пройти в Казахстане, из-за пандемии пришлось провести в формате онлайн. Но, по его словам, это не мешает развивать международные связи Союза.

«В этом году на нас вышли коллеги из Венгрии, и мы будем оформлять соответствующие документы об открытии представительства. На уровне министра юстиции Вьетнама нам поступало предложение о регистрации представительства нашего Союза в этой стране, сейчас ждем их ответа по двустороннему соглашению», — рассказал Игорь Мацкевич.

«В этом году нами была в очередной раз проведена ежегодная Международная летняя правовая школа, которую курируют профессор МГЮА Татьяна Понятовская и руководитель представительства Союза в Германии — профессор Потсдамского университета Уве Хелльманн. Тема Потсдамской летней правовой школы в 2020 г. — медицинское уголовное право. В работе школы традиционно приняли активное участие студенты и преподаватели из Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), МГУ имени М. В. Ломоносова, Псковского государственного университета, НИУ ВШЭ, РУДН, РГСУ», — резюмировал президент Союза криминалистов и криминологов. Союз криминалистов и криминологов в ближайшее время должен приобрести статус международной организации — в настоящий момент завершается процесс перерегистрации.

В МГЮА обсудили мировоззренческие, методологические и аксиологические аспекты юридической деятельности

24—25 декабря 2020 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в формате онлайн состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Юридическая деятельность: мировоззренческие, методологические и аксиологические аспекты».

Мероприятие объединило специалистов в области философии, истории политических и правовых учений, теории и истории государства и права, социологии права, политологии. Помимо ученых-теоретиков, в работе конференции приняли участие практикующие адвокаты, государственные служащие (всего более 60 исследователей, преподавателей высшей школы и практических работников).

В своем докладе — вступительном слове заведующий кафедрой философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор Олег Рыбаков отметил, что конференция дает старт новому инициативному научному проекту кафедры философии и социологии «Философские беседы о праве».

Данный проект задуман как постоянно действующий и нацелен на объединение интеллектуальных усилий ученых и практикующих юристов по философскому постижению закономерностей бытия права.

«При этом юридическая деятельность, представляющая особый исследовательский интерес, является наиболее насыщенным в онтологическом отношении модусом существования права. Именно в процессе деятельности созревают одни императивы, проверяются на прочность и легитимность другие, утрачивают свою актуальность и исчезают третьи», — сказал он.

РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТА

«МОЭК» и МГЮА подписали Соглашение о партнерстве

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и ПАО «МОЭК» подписали соглашение о стратегическом партнерстве.

Документ предполагает сотрудничество во многих областях деятельности, включая прохождение студентами Университета различных видов практик в ПАО «МОЭК». Приоритетом будут пользоваться стипендиаты премии имени С. С. Филя, учрежденной ООО «Газпром энергохолдинг», обучающиеся на кафедре энергетического права.

В рамках соглашения также предусмотрена возможность трудоустройства в ПАО «МОЭК» выпускников МГЮА. Кроме того, соглашение предоставит возможность учебы в Университете представителям «МОЭК» в рамках целевого обучения.

«Наш Университет давно и плодотворно сотрудничает с ПАО “МОЭК”, а заключение соглашения о стратегическом партнерстве открывает и для нас, и для наших коллег новые горизонты, а также позволяет и дальше уверенно развиваться в области энергетического права, изучать и совершенствовать законодательство в этой сфере», — рассказала первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Елена Грачева.

Как отмечается в документе, еще одним из направлений сотрудничества является проведение совместных научно-практических семинаров и конференций, а также реализация совместных программ и проектов, направленных на совершенствование правового регулирования в сфере энергетики.

В настоящее время в МГЮА осуществляется подготовка бакалавров по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» по образовательной программе «Юрист в сфере энергетики».

«Сегодня образование в области энергетического права должно отвечать насущным требованиям ведущих энергетических компаний и соответствовать высоким международным стандартам. Уверен, что соглашение, подписанное

именно сегодня, в наш профессиональный праздник — День юриста, позволит МГЮА, выпускниками которого являются более 20 % сотрудников Правового управления нашей компании, и дальше готовить лучшие в стране юридические кадры для энергетики. «МОЭК», в свою очередь, получит возможность принять на работу уникальных, высококлассных специалистов», — отметил член Ассоциации юристов России и Попечительского совета МГЮА, заместитель управляющего директора — директор по правовым и корпоративным вопросам ПАО «МОЭК» Алексей Шарафутдинов.

**Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) отмечен наградой
Уполномоченного при Президенте Российской Федерации
по защите прав предпринимателей**

21 декабря прошло заключительное в 2020 г. заседание общественного совета Центра общественных процедур «Бизнес против коррупции», на котором традиционно вручаются награды самым активным экспертам-юристам. Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на мероприятии представлял заместитель начальника Учебно-методического управления, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения МГЮА Александр Чанышев. Награду «За активное содействие в защите прав предпринимателей» Александру Чанышеву вручил Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей Борис Титов.

МЕРОПРИЯТИЯ РЕКТОРАТА

**Ученый совет МГЮА подвел итоги учебного года
в условиях пандемии и утвердил план развития**

28 декабря 2020 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошло заключительное в этом году заседание Ученого совета. На мероприятии члены Совета подвели итоги работы и утвердили стратегию дальнейшего развития Университета.

Мероприятие началось с минуты молчания в память о докторе юридических наук, профессоре, заслуженном деятеле науки Российской Федерации, почетном работнике высшего профессионального образования Российской Федерации Александре Боннере.

Ректор Университета Виктор Блажеев отметил, что *«Александр Тимофеевич Боннер — классик науки гражданско-процессуального права, его научные интересы простирались далеко за пределы права. 50 лет он преподавал в нашем Университете. Память его останется в наших сердцах»*.

Заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент Алексей Минбалеов выступил с докладом, посвященным актуальным проблемам информационного права в условиях цифровой трансформации.

В выступлении спикер подчеркнул, что информационное право — молодая отрасль и это вызывает трудности в развитии данного направления.

«Мы наблюдаем тенденцию, что государство стимулирует развитие цифровых технологий, но вместе с тем вводит ряд запретов», — подчеркнул заведующий кафедрой.

Методологически важно определить границы воздействия и регулирования правовых норм в части цифровых технологий.

«В обществе начинается использование новых цифровых и информационных технологий, из-за чего развивается и информационное право. Развитие цифровых отношений и развитие цифрового права — это пока только институт, потому что пока нет четкой позиции», — уверен Алексей Минбалеев.

Далее с докладом выступила директор Института частного права, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения МГЮА Надежда Черных. Она рассказала о стратегии развития возглавляемого Института. В числе приоритетов развития Института — фундаментальная подготовка, практикоориентированность студентов, раннее вовлечение обучающихся в научную деятельность.

«Последнее направление мы пытаемся развить с помощью двух проектов: выпуска журнала для публикаций студентов "Российское право онлайн", в журнале уже существует редакционный совет, и второй проект — это "Большая наука МГЮА". В Университете реализуется большое количество грантов, в том числе Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)», — отметила Надежда Черных.

Следующий шаг в развитии — новые формы взаимодействия с крупными работодателями.

«Для этого мы предлагаем создать совет Института частного права, а также создать и вести кадровый резерв. Также мы выработали некоторые формы внеучебной деятельности: первая — это Лаборатория инноваций LegalTech, вторая — "Школа медиаторов", созданная совместно с Институтом бизнес-права и Центра медиации. Еще мы запланировали другие формы внеучебной деятельности, например клуб дебатов, юридический коворкинг, мероприятие "День с юристом", Юридический киноклуб и др.», — рассказала директор Института.

Все эти мероприятия, уверена она, будут способствовать тому, чтобы сделать выпускника Института частного права МГЮА конкурентоспособным и востребованным на рынке труда.

О работе библиотеки Университета в период дистанционного формата обучения рассказала директор соответствующего структурного подразделения Антонина Болова.

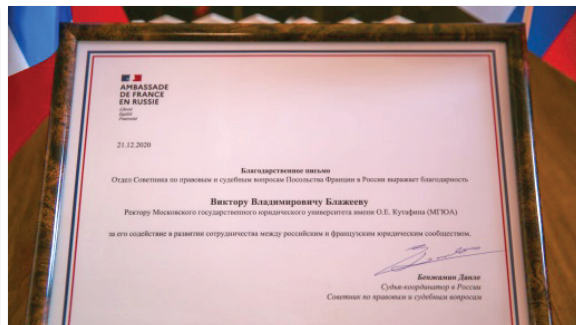
«На протяжении последних двух лет мы двигались по пути цифровизации, и переход на удаленное обслуживание прошел у нас более чем успешно. Начиная с 2018 г. библиотека пыталась перевести студентов на электронную массовую выдачу литературы. Сегодня весь учебный процесс на 100 % обеспечивается электронными версиями изданий», — рассказала директор библиотеки.

В МГЮА предоставляются три группы электронных ресурсов: учебные пособия, справочно-правовые системы, базы данных. Библиотекой было проведено более 12 обучающих семинаров для ознакомления пользователей с ресурсами и их использованием. Была отлажена система онлайн-заказа выдачи литературы, это упростило и ускорило процесс обеспечения обучающихся необходимыми учебными пособиями.

Проректор по учебной и методической работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Мажорина рассказала о процессе вовлечения аспирантов в серьезные научные проблемы, которыми занимается Университет, а также о грядущем юбилее вуза.

Также в рамках Ученого совета первый проректор МГЮА Елена Грачева наградила начальника Управления организации закупок Станислава Гронского знаком «Ветеран МГЮА», а директору Национальной академии нотариата Наталье Поддубной вручила грамоту «За многолетнюю работу».

Начальник Управления международного сотрудничества Мария Егорова передала Виктору Блажееву благодарственное письмо от отдела советника по правовым вопросам Посольства Франции в Российской Федерации за содействие в развитии сотрудничества между российским и французским сообществом.

Минэнерго России поддержало инициативу заведующего кафедрой энергетического права МГЮА Виктории Романовой по развитию правового регулирования газификации

Заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктория Романова выступила на Общественном совете при Министерстве энергетики Российской Федерации. Доктор юридических наук, доцент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) предложила проработать вопрос об отдельном законодательном акте, посвященном газификации. Связано это, отметила Виктория Романова, с необходимостью устранить пробелы в нормативной базе Российской Федерации. Предложение было поддержано и включено в решение Общественного совета Минэнерго России.

Заседание Общественного совета при Министерстве энергетики Российской Федерации касалось вопроса развития газификации субъектов России. Мероприятие прошло 24 декабря 2020 г. в режиме видео-конференц-связи.

Кроме того, министр энергетики Российской Федерации Николай Шульгинов обозначил вопрос значимости дорожной карты по газификации и газоснабжения субъектов Российской Федерации.

Дорожная карта разработана с учетом недостатка пропускной способности магистральной инфраструктуры в ряде регионов нашей страны, дефицита источников для финансирования газификации, а также длительности и высокой стоимости подключения к газораспределительным сетям.

НАГРАЖДЕНИЯ, БЛАГОДАРНОСТИ

Советник ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Н. И. Шаклеин стал лауреатом Всероссийской юридической премии имени Г. Ф. Шершеневича

Звания лауреата Всероссийской юридической премии имени Г. Ф. Шершеневича удостоен Николай Иванович Шаклеин, советник ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, почетный работник Прокуратуры СССР, заслуженный юрист России, председатель Кировского регионального отделения Ассоциации юристов России. Торжественная церемония вручения премии состоялась в Казани 4 декабря.

Студент МГЮА Петр Савищев занял 1-е место на Всероссийской студенческой юридической олимпиаде

1-е место в финальном туре Всероссийской студенческой юридической олимпиады в номинации «Гражданское право» занял студент 4-го курса Института правового консалтинга, староста научного клуба по гражданскому праву Петр Савищев.

Ежегодно в конкурсах ВСЮО принимают участие лучшие студенческие кадры нашей страны. Из года в год конкурс содействовал не только выявлению лучших студентов-юристов, но и позволял высшим учебным заведениям обмениваться опытом, демонстрировать свои научные достижения.

Конкурс направлен на укрепление системы юридического образования и юридической науки, на содействие и развитие традиций участия студентов в профессиональных студенческих конкурсах в сфере права. Олимпиада призвана стимулировать научный поиск молодых студентов в демократическом правовом государстве, содействовать процессу приобретения ими дополнительных профессиональных знаний и навыков.

Доцент кафедры уголовного права МГЮА Арсений Бимбинов победил в конкурсе грантов Президента России

Доцент кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук Арсений Бимбинов стал победителем конкурса грантов Президента РФ для поддержки молодых российских ученых. Тема его работы — «Уголовная ответственность за сексуальные преступления в зарубежных странах: закон, доктрина, практика».

Говоря о критериях отбора победителей, научный работник отметил, что правильный выбор темы имеет определяющее значение.

«Поддержку получают наиболее актуальные темы. Это не только популярные направления, связанные, например, с цифровыми технологиями или регулированием экономики, но и исследования, посвященные давно существующим правовым проблемам, которые еще не получили качественного решения», — уточнил Арсений Бимбинов.

Гранты Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук и докторов наук учреждены Правительством РФ в соответствии с Указом Президента РФ «О мерах по усилению государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов и докторов наук» и назначаются ежегодно в размере 600 тыс. рублей в год для кандидатов наук и 1 млн рублей в год для докторов наук сроком на два года. На конкурсы было подано около 1 500 заявок.

КНИЖНАЯ ПОЛКА УНИВЕРСИТЕТА

**Вышла в свет научная монография к юбилею
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)**

Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт: монография. — М. : Проспект, 2021. — 592 с.

Монография опубликована под общей редакцией ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), сопредседателя Ассоциации юристов России Виктора Блажеева и начальника Управления международного сотрудничества, сопредседателя Международного союза юристов и экономистов (Франция), профессора Марии Егоровой.

«Современному юристу, ставящему перед собой задачу разобраться в тонкостях нормативно-правового регулирования инновационной деятельности, важно акцентировать внимание на таких аспектах правовой регламентации указанной сферы, как формирование моделей правового регулирования инновационной инфраструктуры и регулирование объ-

ектов инфраструктуры инновационного развития. Немаловажное значение в данном контексте должно быть уделено векторам правового регулирования цифровых технологий в условиях развития инновационной инфраструктуры», — подчеркнул ректор МГЮА Виктор Блажеев, говоря об актуальности монографии.

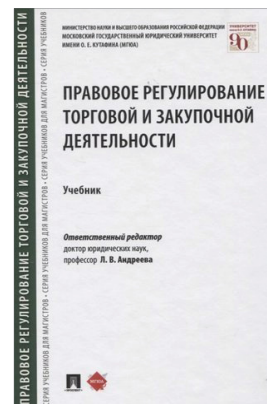
В монографии приняли участие более 50 авторов, среди которых заведующие кафедрами и преподаватели Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ученые из ведущих российских вузов, а также профессора и ученые-исследователи из зарубежных университетов Италии, Швейцарии и Китая.

Выходит в свет новый учебник по правовому регулированию торговой и закупочной деятельности

Правовое регулирование торговой и закупочной деятельности : учебник / под ред. Л. В. Андреевой. — М. : Проспект, 2021.

В авторский коллектив вошли преподаватели кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) и других организаций высшего образования и практические работники.

Учебник имеет оригинальную структуру, в нем на основе обновленного торгового законодательства и законодательства о публичных закупках рассмотрены актуальные правовые вопросы организации и осуществления торговой и закупочной деятельности, в том числе субъектный состав, основные направления государственного регулирования, включая антимонопольные требования к торговым сетям, цифровой маркировки и прослеживаемости товаров, налогообложение торговой деятельности. В учебнике изложены основные положения функционирования контрактной системы государственных (муниципальных) закупок и закупок для нужд государственных компаний и иных юридических лиц. Особое внимание уделено таким значимым в настоящее время закупкам, как закупки лекарственных препаратов, для нужд обороны и безопасности государства и др. Впервые в учебной литературе освещен вопрос о закупочной деятельности Банка России.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ И РОССИЯ

ООН И РОССИЯ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ

THE UN AND RUSSIA: INTERNATIONAL LEGAL REVIEW

В 2020 г. 24 октября ООН отмечала свою 75-ю годовщину. Эта памятная дата служит нам хорошим поводом для обращения к краткому обзору внешнеполитических приоритетов России в контексте перспектив взаимодействия России и ООН на пути обеспечения верховенства права в международных отношениях.

Ниже приводится конспективное изложение международно-правовых аспектов взаимодействия России и ООН в свете внешнеполитических приоритетов России, содержащихся в Концепции внешней политики РФ (далее — КВП), утвержденной Президентом России В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.¹.

1. Россия намерена противодействовать попыткам государств подвергнуть ревизии общепризнанные принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН, а также попыткам произвольно их толковать (подпункт «б» пункта 26 КВП РФ 2016 г.)². Россия рассматривает ст. 51 Устава ООН в качестве адекватной и не подлежащей ревизии правовой основы для применения силы в порядке самообороны, в том числе в условиях существования таких угроз миру и безопасности, как международный терроризм и распространение оружия массового уничтожения (пункт «32» КВП РФ).

2. Россия выступает против попыток некоторых стран по легитимизации на площадке ООН концепции «ответственности по защите» (R2P), намерена противодействовать попыткам ее использования для вмешательства во внутренние дела государств³. Принудительные меры, связанные с использованием воору-

¹ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6Z29/content/id/2542248 (дата обращения: 10.09.2020).

² 25 июня 2016 г. КНР и Россия подписали Декларацию о повышении роли международного права, в которой подтвердили вновь свою приверженность основным принципам международного права, как они отражены в Уставе ООН и Декларации 1970 г. о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1386148.shtml> (дата обращения: 10.09.2020)).

³ См.: О позиции России на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Пункт 53 // URL: https://www.mid.ru/ekonomiceskij-i-social-nyj-sovet-oon-ekosos/-/asset_publisher/UH6Dd3Xn6DMu/content/id/4252717 (дата обращения: 10.09.2020). См. также: подпункт «в» пункта 26 КВП РФ.

женных сил, должны опираться на главу VII Устава ООН, в которой подчеркивается альтернативность Совета Безопасности (далее — СБ ООН) как главного органа ООН, призванного действовать в случаях угрозы мира, нарушения мира и актов агрессии.

Попытки активного продвижения концепции R2P предпринимались во время событий в Сирии и Ливии в 2011 г.

3. Россия не поддерживает привязку деятельности Совета ООН по правам человека (далее — СПЧ) к СБ ООН и выступает против реформы СПЧ в целях превращения его в квазисудебный мониторинговый механизм. Россия исходит из того, что деятельность исполнительных структур ООН призвана играть вспомогательную роль, а первостепенную ответственность за защиту и поощрение прав человека несут государства⁴.

Россия избиралась в состав СПЧ трижды (в 2006—2009, 2009—2012, 2013—2016 гг.), имеет сейчас в СПЧ статус наблюдателя (с 2017 г.). Выдвинута в настоящее время кандидатура России в СПЧ на период 2021—2023 гг. Будучи в составе СПЧ, Россия последовательно проводила работу на недопущение использования проблематики прав человека в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Россия трижды — в 2009, 2013 и 2018 гг. — успешно проходила процедуру Универсального периодического обзора (УПО) в рамках СПЧ. В настоящее время осуществляется работа по выполнению рекомендаций третьего цикла УПО⁵.

4. Россия намерена и впредь участвовать в миротворческой деятельности под эгидой ООН (п. 31 ВВП РФ). Россия считает, что миротворческая деятельность ООН должна осуществляться при строгом соблюдении ее базовых принципов (согласие сторон, беспристрастность и неприменение силы, кроме самообороны и защиты мандата) и Устава ООН. Наделение миротворцев дополнительными полномочиями, в том числе по применению силы, возможно только по решению СБ ООН, при строгом учете страновой специфики каждой отдельной ситуации⁶.

Впервые российское воинское подразделение (900 российских миротворцев) участвовало в составе Сил Организации Объединенных Наций по охране (СООНО) — миротворческой миссии ООН на территории стран бывшей Югославии, действовавшей в 1992—1995 гг. С тех пор российские воинские контингенты проходили службу в разных частях планеты — в Европе, Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке⁷.

5. Россия осуждает незаконные односторонние принудительные меры («санкции») государств, принимаемые в нарушение Устава ООН, и исходит из того, что решения о введении санкций должны приниматься СБ ООН на коллегиальной основе (подпункт «д» пункта 26 ВВП РФ). Санкции СБ ООН не должны допол-

⁴ См.: О позиции России на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Пункт 54.

⁵ См.: Кандидатура Российской Федерации в Совет ООН по правам человека на период 2021—2023 гг. // URL: https://www.mid.ru/web/guest/rossia-prava-celoveka/-/asset_publisher/Z02tOD8NkusZ/content/id/4013134? (дата обращения: 10.09.2020).

⁶ См.: О позиции России на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Пункт 28.

⁷ См.: К 45-летию участия России в миротворческой деятельности ООН. Постпредство России при ООН // URL: <https://russiaun.ru/ru/news/unpko251118> (дата обращения: 10.09.2020).

няться односторонними рестрикциями, должны быть направлены исключительно на пресечение деятельности, создающей угрозу международному миру и безопасности, иметь адресный характер и ограниченный срок действия. Россия добивается распространения института омбудсмана, который действует в интересах лиц, листированных в «алькаидовском» и «антиталибском» комитетах, на другие санкционные комитеты СБ ООН⁸.

Современная история «санкционной войны» США против России начинается с 2012 г., когда в США принимается Закон (или Акт) Магнитского⁹.

6. Россия намерена содействовать прогрессивному развитию международного права и его кодификации, прежде всего осуществляемым под эгидой ООН (подпункт «г» пункта 26 КВП РФ). Россия принимает участие в работе Комиссии международного права ООН (КМП), которая вносит значительный вклад в кодификацию и прогрессивное развитие международного права и выступает за то, чтобы наиболее ценные наработки Комиссии находили должное продолжение в рамках ООН¹⁰.

Специальным докладчиком КМП ООН по теме «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции» в 2008 г. был назначен член КМП ООН от России — Р. Колодкин, который за период с 2008 по 2011 г. представил вниманию Комиссии три доклада по теме¹¹.

7. Россия выступает за дальнейшее повышение эффективности деятельности СБ ООН, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности (подпункт «б» пункта 24 КВП РФ). Россия считает, что цель реформы СБ ООН — расширение представленности в Совете развивающихся государств Африки, Азии и Латинской Америки без ущерба для его эффективности и оперативности. При этом прерогативы постоянных членов Совета, включая право вето, ревизии не подлежат¹².

8. Россия последовательно выступает за сохранение центральной роли ООН в мировых делах¹³. Выступая на пленарном заседании юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, Президент России В. В. Путин заявил: «Организация Объединенных Наций — структура, которой нет равных по легитимности, представительности и универсальности»¹⁴.

⁸ См.: О позиции России на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Пункт 29.

⁹ См.: Russia and Moldova Jackson-Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012) // URL: <https://www.congress.gov/112/plaws/publ208/PLAW-112publ208.pdf> (дата обращения: 10.09.2020).

¹⁰ См.: О позиции России на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Пункт 49.

¹¹ См.: Analytical Guide to the Work of the International Law Commission — Immunity of State officials from foreign criminal jurisdiction // URL: https://legal.un.org/ilc/guide/4_2.shtml (дата обращения: 10.09.2020).

¹² См.: О позиции России на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Пункт 5.

¹³ См.: Выступление В. Путина на 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/29423> (дата обращения: 10.09.2020).

¹⁴ Выступление В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 10.09.2020).

23 января 2020 г. Президентом России В. В. Путиным в Иерусалиме на Всемирном форуме «Сохраняем память о Холокосте, боремся с антисемитизмом» было предложено проведение встречи стран — постоянных членов СБ ООН (саммита «пятерки» СБ ООН — P5 Summit)¹⁵ для обсуждения шагов по выработке коллективных принципов в мировых делах (планируемые темы для обсуждения: вопросы сохранения мира, укрепления глобальной и региональной безопасности, контроль над стратегическими вооружениями, противодействие терроризму, экстремизму и иным вызовам и угрозам, преодоление последствий пандемии коронавируса для мировой экономики)¹⁶.

Вышеприведенные положения подтверждают неизменность курса России на дальнейшее упрочение политических и правовых основ ООН.

Материал подготовил:

Артур Сергеевич ГУЛАСАРЯН,

доцент кафедры международного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

¹⁵ См.: Выступление В. Путина на форуме «Сохраняем память о Холокосте, боремся с антисемитизмом» // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62646>.

14 августа 2020 г. В. Путиным было принято заявление «О предложении России созвать встречу глав государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН с участием руководителей ФРГ и Ирана» // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63888> (дата обращения: 10.09.2020).

¹⁶ См.: *Putin V. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II* // The National Interest. June 18, 2020. URL: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982> (дата обращения: 10.09.2020).

**Эдуард Леонидович
КУЗЬМИН,**

Чрезвычайный и
Полномочный Посол России
в отставке,
кандидат юридических наук
[intlwmgua@yandex.ru](mailto:intlawmgua@yandex.ru)
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

75-ЛЕТИЕ ООН: НАДЕЖДЫ И РЕАЛИИ

Аннотация. Рассматривая в первой части статьи историю создания ООН, автор акцентирует внимание на исключительно значимом вопросе, согласованном в 1945 г. в ходе Крымской конференции руководителей трех великих держав, — порядке голосования в Совете Безопасности.

Облеченные в различную форму призывы отказаться от закрепленного в Уставе ООН «права вето» постоянных членов Совета Безопасности стали основным лейтмотивом многочисленных попыток США и их ближайших союзников подвергнуть ревизии Устав ООН. Проводя обзор подобных предложений, автор обращает внимание, что в западных политических и научных кругах получили широкое распространение популистские идеи, суть которых сводится к призыву подменить основанную на принципах равноправия всех государств международную Организацию некой наднациональной структурой, деятельность которой фактически основывалась бы на принципе «у кого сила, у того и власть».

Далее автор рассматривает принципиально важный вопрос: справилась ли Организация со своей главной миссией — поддержанием международного мира и безопасности?

Перечисляя разработанные в недрах ООН выдающиеся универсальные документы современности, автор называет самое заметное, по его мнению, достижение Организации — реальное освобождение от колониального гнета десятков стран Азии, Африки и Латинской Америки. Анализируя деятельность ООН, автор признает, что Организация по многим позициям все еще далека от своей объединительной конвергентной сути: США и их союзники по НАТО ведут линию на слом системы международных отношений, основанной на центральной роли ООН в мировой политике, продвигают концепцию, которая подразумевает создание закрытых альянсов для выработки и реализации шагов в обход ООН. На фоне таких реалий Россия, добиваясь укрепления многосторонних начал в мировых делах, особое значение придает созданию саморегулируемой международной системы, что требует коллективного лидерства ведущих государств, представительного в географическом и цивилизационном отношении и осуществляемого при полном уважении центральной и координирующей роли ООН. В статье также обращается внимание на то, что современная действительность обозначает все новые и новые трудноразрешимые проблемы, приводящие зачастую к «автономизации» международного права: образующиеся «ниши», не заполненные правовым материалом,

неизбежно порождают ситуации, когда соответствующие пробелы регулируются партикулярными и специальными нормами на двусторонней или региональной основе. Расширение возможностей международного права автору видится в утверждении начал межкультурного общения, стремлении к своего рода синтезу различных правовых систем, идеологий, культур, религий и иных духовных ценностей, что стало бы надежной основой укрепления значения и роста влияния международного права.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, международное право, право вето, миропорядок, деколонизация, Устав ООН, межкультурное общение, международный мир и безопасность, Крымская конференция, Совет Безопасности ООН.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.76.12.038-052

E. L. KUZMIN,

Extraordinary and Plenipotentiary
The Russian Ambassador in retirement,
Cand. Sci. (Law)

intlawmgua@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

75TH ANNIVERSARY OF THE UN: HOPES AND REALITIES

Abstract. Examining the history of the UN creation in the first part of the article, the author focuses on an exceptionally significant issue settled in 1945 during the Crimean Conference of the Heads of the Three Great Powers, namely: the order of voting in the UN Security Council.

Various appeals to renounce the “veto” of permanent members of the UN Security Council enshrined in the UN Charter have become the main leitmotif of numerous attempts of the United States and their closest allies to revise the UN Charter. Reviewing such proposals, the author notes that populist ideas the essence of which constitutes the call to replace, based on the principles of equality of all States, an international Organization by a supranational structure whose activities would actually be based on the principle of “who has force, has power” have been disseminated in Western political and scientific circles.

The author goes on to consider the crucial question: whether the Organization have been able to cope with its main mission: to maintain international peace and security?

Listing the outstanding universal documents of our time developed in the bowels of the UN, the author calls the most notable, in his opinion, achievement of the Organization — a real liberation of dozens of countries in Asia, Africa and Latin America from colonial oppression.

Analyzing the activities of the UN, the author acknowledges that the Organization in many respects is still far from its unifying convergent essence: the US and its NATO allies lead the policy aiming at crashing the system of international relations, based on the central role of the UN in world politics; the US promote a concept that implies the creation of closed alliances to develop and implement measures bypassing the UN. Amid such realities, Russia, seeking to strengthen multilateral principles in international affairs, emphasizes the creation of a self-regulating international system, which requires collective leadership of the leading States that is represented geographically and civilizationaly, and exercised with full respect for the central and coordinating role of the United Nations.

The article also draws attention to the fact that modern reality identifies more and more intractable problems, which often lead to the "autonomization" of international law: "niches" that are not filled with legal material inevitably give rise to situations where the gaps concerned are governed by particular and special rules based on bilateral or regional foundations. The author sees the empowerment of international law in the approval of principles of intercivilizational communication, the pursuance of synthesis of various legal systems, ideologies, cultures, religions and other spiritual values, which would provide a reliable basis for strengthening the importance and influence of international law.

Keywords: *United Nations Organization, international law, power of veto, world order, decolonization, UN Charter, intercivilizational communication, international peace and security, Crimean Conference, UN Security Council.*

В годы Второй мировой войны державы антигитлеровской коалиции пришли к осознанию необходимости некой всеобъемлющей организации, главной задачей которой стало бы поддержание мира и безопасности на Земле. Политический крах Лиги Наций, тонувшей в бесконечном потоке речей, но проявившей полную беспомощность в предотвращении надвигавшейся со стороны гитлеровской Германии угрозы, подтолкнуло к созданию Организации Объединенных Наций, 75-летие которой торжественно отмечалось в 2020 г. Принятие в декабре 1941 г. Декларации правительств СССР и Польши, расширенная встреча всех союзных государств в Вашингтоне и подписание 1 января 1942 г. от имени 26 стран Декларации обозначили первые вехи на пути к созданию принципиально новой по своей направленности, целям, задачам и методам их решения международной организации.

Контуры такой организации были значительно более четко прорисованы в Московской декларации, подписанной СССР, США, Великобританией и Китаем 30 октября 1943 г., и получили авторитетное подтверждение на Тегеранской конференции того же года. В принятом по ее итогам документе от имени трех держав, в частности, торжественно провозглашалось: «Мы будем стремиться к сотрудничеству и активному участию всех стран, больших и малых, народы которых сердцем и разумом посвятили себя, подобно нашим народам, задаче устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости... Мы уверенно ждем того дня, когда

все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью»¹.

Основные проблемы, касающиеся создания всемирной организации безопасности, были согласованы на конференции представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе в августе — сентябре 1944 г. Участники встречи подготовили и первоначальный проект Устава будущей организации. По нерешенным там вопросам — о порядке голосования в Совете Безопасности и о составе первоначальных членов делегации — договорились на Крымской (Ялтинской) конференции трех держав в феврале 1945 г.

Большим успехом советской дипломатии стало достижение согласия о допуске к членству в будущей организации Белорусской ССР и Украинской ССР. Несмотря на первоначальную готовность принять это предложение, американские представители высокого уровня в дальнейшем, безусловно, пытались воспрепятствовать реализации договоренности. Характерно, что даже британский премьер-министр У. Черчилль, которого трудно заподозрить в симпатиях к СССР, посчитал «нелогичным» отказ в приглашении «двух советских республик, принесших столь большие жертвы в борьбе с фашистской Германией»².

На Крымской конференции была решена и исключительно значимая проблема о так называемом «праве вето» — достигнута договоренность, что решения в Совете Безопасности (органе, несущем главную ответственность за поддержание мира и международной безопасности) по всем важным вопросам, за исключением процедурных, должны приниматься только при единогласии всех его постоянных членов.

Емко и предельно четко комментируя «сражение за принцип единогласия» — так назвал один из разделов своих воспоминаний А. А. Громыко, патриарх советской послевоенной дипломатии писал: «Предложенный США порядок голосования в Совете Безопасности не обеспечивал должных гарантий против превращения ООН в инструмент навязывания воли одной группировки государств другим странам, прежде всего Советскому Союзу. Такой порядок давал бы западным державам возможность принимать решения о применении санкций, в том числе военных, исходя из своих узких интересов. Державы, которые располагали бы большинством в Совете Безопасности, могли поддаться соблазну вместо поиска взаимоприемлемых решений обращаться к силе. А это было бы чревато прямой угрозой вовлечения мира в пучину новой катастрофы»³.

Небезынтересны в контексте рассматриваемой проблемы и оценки видного советского дипломата А. А. Рощина, одного из советников делегации СССР на конференции в Сан-Франциско: «Накал борьбы вокруг вопроса о порядке голосования в Совете Безопасности был столь значительным, что, казалось, конференция потерпит кораблекрушение. Речь шла о характере Организации, о ее способности действовать, не вызывая новой мировой войны... Используя свое

¹ Цит. по: Крылов С. Б. История создания Организации Объединенных Наций. М., 1960. С. 21.

² Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско. 25 апреля — 26 июня 1945 г. : сборник документов. М., 1980. С. 84.

³ Громыко А. А. Памятное. М., 1988. Кн. 1. С. 236.

пребывание в Москве, советник Президента США Гарри Гопкинс в беседе со Сталиным поднял вопрос о порядке голосования в Совете Безопасности. В результате была подтверждена формула, согласованная в Крыму по данному вопросу»⁴.

И если в дальнейшем советская внешняя политика, усилия отечественной дипломатии были направлены на поиски конструктивных решений возникающих проблем, реального повышения эффективности, то США и их ближайшие союзники упорно добиваясь ломки Устава с целью превращения Организации по существу в некую наднациональную структуру, в которой рассчитывали играть доминирующую роль. Печальной памяти «фултонская речь» У. Черчилля, положившая, как принято считать, начало «холодной войне», подтвердила именно такую ориентацию политики Запада.

Показательно, что 11 июня 1948 г. американский Сенат принял «резолюцию Ванденберга», в которой правительство страны призывалось добиваться «добровольного соглашения об отмене права вето во всех вопросах, касающихся разрешения мирным путем всех международных споров и конфликтов, равно как и приема новых членов»⁵.

От практических политиков не отставали и теоретики. Широко известный ученый-нормативист Г. Кельзен расценивал пересмотр Устава ООН как попытку «найти выход из тупика», в который-де попала Организация в результате «неудачного правила единогласия»⁶. Американский политолог Ф. Феллер видел в ООН «единственную реальную основу для образования мирового правительства»⁷, а его коллега Ч. Лерч, исходя из перспективы роста «регионального и функционального федерализма», ратовал за создание некоего утопического «всемирного правопорядка»⁸.

С развернутой программой полной ревизии Устава ООН выступили в нашумевшей в свое время книге «Через мировое право к всеобщему миру» профессора из Гарварда Дж. Кларк и Л. Сон. В результате предлагавшихся авторами мер ООН должна была бы превратиться в подобие мирового правительства, имеющего свои законодательные, исполнительные и судебные органы и даже «мировые полицейские силы»⁹.

Многие маститые юристы-международники «отметились» критикой Устава ООН, отдавая приоритет в тянувшейся десятилетиями полемике вокруг проблем государственного суверенитета достаточно расплывчатым идеям популизма, предлагая, по сути, подменить основанную на демократических принципах равноправия всех государств международную Организацию некой наднациональной структурой, деятельность которой фактически строилась бы по принципу «у кого сила, у того и власть». «Суверенные государства, — весьма туманно излагал свои мысли признанный знаток международного права Г. Шварценбергер, — мо-

⁴ Дипломаты вспоминают : Мир глазами ветеранов дипломатической службы. М., 1997. С. 28.

⁵ См.: Дипломаты вспоминают... С. 28 (примечание).

⁶ Kelsen H. The Law of the United Nations. London, 1951.

⁷ Feller F. United Nations and World Community. Boston, 1952.

⁸ См.: Lerch Ch. Principales of International Politics. New York, 1956.

⁹ См.: Clark G., Sohn L. World Peace through World Law. New York, 1958.

гут отказаться от сфер исключительной юрисдикции в пользу наднациональных учреждений, а весь негативный суверенитет, которым пользовались его бывшие носители, будет трансформирован в позитивный суверенитет, которым будет владеть мировое государство...»¹⁰.

Не менее авторитетный уругвайский ученый Э. Х. Аречага не скрывал своего отрицательного отношения к принципу единогласия великих держав в Совете Безопасности. «Ни одно государство, — писал он, — не может доверять такой системе безопасности, при которой та или иная великая держава имеет возможность использовать право вето не только для защиты себя самой, но и для защиты союзнического или дружественного государства вопреки решению Совета Безопасности о том, что это государство нарушало мир или совершало акт агрессии»¹¹.

Широкую известность «отрицателя» суверенитета снискал Дж. Брайерли, видевший в этом принципе «просто фразу», а в отказе от него — «единственный путь избежать анархии в международных отношениях»¹². К. Райт, критикуя Устав ООН, призывал к существенной «модификации государственного суверенитета»¹³, а Г. Лаутернахт, пытаясь умалить значение этого принципа, выступал сторонником вмешательства во внутренние дела государств (задолго до появления концепции «ответственность по защите») по «соображениям гуманности»¹⁴. «Анахронизмом» считал суверенитет профессор Колумбийского университета (США) У. Фридман¹⁵.

В трудные годы «холодной войны» Г. Моргентау, Г. Ауфрихт, А. Юнг, Ж. Ссель и другие известные политологи тех времен видели в государственном суверенитете источник «слабости и неэффективности международного правопорядка», «главный камень преткновения» на пути к миру. И как не вспомнить здесь пророческие слова немодного ныне Ф. Энгельса: «Чтобы обеспечить международный мир, надлежит прежде всего устранить все, какие только возможно, национальные трения, каждый народ должен обладать независимостью и быть хозяином в своем собственном доме»¹⁶. Не этим ли благородным целям была призвана служить и по сей день остается приверженной ООН?

Разумеется, далеко не все ученые Запада резко отрицательно относились к принципу суверенитета. Известный английский историк А. Гейнби призывал к установлению подлинного равенства во взаимоотношениях между государства-

¹⁰ Schwarzenberger G. A Manual of International Law. New York, 1960. P. 58.

¹¹ Аречага Э. Х. Современное международное право. М., 1983. С. 179.

Как считал ученый, соперничество между великими державами превратило систему безопасности, предусмотренную Уставом ООН, в «нечто неэффективное, что дало повод назвать ее системой безнаказанности» (там же).

¹² См.: Brierly J. L. The Basis of Obligation in International Law. Oxford, 1958. P. 16, 48. *Idem*. The Law of Nations. Oxford, 1955. P. 46.

¹³ См.: Wright Q. The Study of International Relations. New York, 1955. P. 145.

¹⁴ См.: Оппенгейм Л. Международное право. М., 1948. Т. 1, полутом 1. С. 285—286 (соответствующий раздел курса подготовлен Г. Лаутернахтом).

¹⁵ См.: Friedmann W. The Changing Structure of International Law. London, 1964. P. 31—34.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 422.

ми. А. Уилкс высказывался в том плане, что «доктрина суверенитета необходима для политической теории». Авторитетный юрист-международник А. Анцилотти, отвергая «надгосударственность» и «мировое право» исходил из того, что все государства «соотносятся между собой как совершенно независимые друг от друга и не подчинены общей власти»¹⁷.

Спустя три четверти века после создания ООН невольно задаешься вопросами: насколько оправдала себя деятельность этой во многом уникальной международной организации, до какой степени смог приблизиться мир к реализации целей и задач, провозглашенных в Уставе Организации, справилась ли она со своей главной миссией, для осуществления которой и задумывалась — поддержания международного мира и безопасности?

С одной стороны, налицо выдающийся успех: Землю удалось уберечь от десятилетиями нависающей над ней угрозы новой мировой войны, которая в силу разрушительной мощи современных вооружений могла бы привести к уничтожению всего живого на планете, положить конец существованию самого человечества. Характерно, что главным достижением ООН за минувшие 75 лет Генеральный секретарь Организации А. Гутерриш назвал именно предотвращение третьей мировой войны. С другой стороны, десятки региональных локальных конфликтов и войн унесли и продолжают уносить миллионы жизней людей. С именем ООН связаны разработанные в недрах Организации или под ее эгидой такие выдающиеся универсальные документы современности, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г., Международные пакты о правах человека 1966 г., Договоры о нераспространении ядерного оружия 1968 г. и о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г., Декларация о принципах международного права 1970 г., Хартия экономических прав и обязанностей государств 1977 г., и многие, многие другие важнейшие акты.

И тем не менее сотни миллионов людей на планете по-прежнему прозябают в нищете, гибнут от голода и болезней; чудовищному воздействию агрессивной внешней среды подвергается экосистема; во многих странах по-прежнему грубо попираются элементарные права и свободы человека; разрушительное действие на устои жизни оказывают непрекращающиеся гонка вооружений, нарушения действующих в этой сфере конвенций и других соглашений; бездумное применение экономических санкций в качестве средства эгоистической реализации геополитических целей и амбиций.

«К сожалению, итоги деятельности ООН должны быть признаны весьма скромными, — с горечью констатировал выдающийся советский юрист-международник Г. И. Тункин спустя 15 лет после создания ООН. — Организация Объединенных Наций пока не стала эффективным органом, направляющим усилия государств в деле международного сотрудничества, разоружения и укрепления мира... Основные задачи ООН все еще не решены. Над миром порой нависает угроза опасности новой мировой войны»¹⁸.

¹⁷ Анцилотти А. Курс международного права. М., 1961. С. 54.

¹⁸ См.: Тункин Г. И. Предисловие // Крылов С. Б. Указ. соч. С. 4.

Самым заметным, на наш взгляд, достижением стало реальное освобождение от колониального гнета десятков стран Азии, Африки и Латинской Америки. Московская конференция 1943 г. положила начало международному обсуждению соответствующих проблем; на Крымской встрече был уточнен круг территорий, на которых может быть применена система опеки. Но только конференция в Сан-Франциско вплотную занялась выработкой жизненно необходимых решений. При этом, если американская делегация пыталась во многом свести проблему к институту международной опеки, то советские представители в работе над соответствующими материалами добивались включения в пакет Устава ООН проблем не только самоуправления, но и самоопределения, предполагавшего скорейшее достижение народами колониальных территорий полной государственной независимости.

Нельзя не признать, что принятая 14 декабря 1960 г. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, по праву названная Великой хартией деколонизации, не только стала закономерным развитием положений Устава ООН, но и наметила реальные пути, разработала своего рода «маршрутную карту», следуя которой, десяткам стран Азии, Африки и Латинской Америки удалось реализовать свое право на самоопределение и тем самым в корне изменить политическую карту мира.

На бывшие колониальные державы фактически возлагалась обязанность незамедлительно принять меры для передачи всей власти народам соответствующих территорий, предоставить возможность пользоваться вновь образовавшимся государствам полной независимостью, свободно устанавливать свой политический статус, осуществлять экономическое, социальное и культурное развитие. Любые военные действия или репрессивные меры против зависимых народов должны были быть незамедлительно прекращены, а всякая попытка, направленная на частичное или полное разрушение национального единства и территориальной целостности страны провозглашалась несовместимой с целью и принципами ООН. Последовательному претворению в жизнь положений Декларации способствовала активная деятельность Комитета по наблюдению за ее выполнением.

В плане теории международного права несомненный интерес представляет подмеченная Э. Х. Аречагой квалификация Декларации, содержащей «нормообразующие элементы», как части обычного права — «всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы». По итогам рассмотрения ситуации в Намибии (1971 г.) Международным Судом ООН, на основе ряда других его консультативных заключений видный уругвайский ученый констатировал, что «в результате основанной на положениях резолюции Генеральной Ассамблеи практики государств и самой ООН были созданы новые нормы обычного международного права»¹⁹.

В отечественной литературе обращается внимание на еще один теоретический аспект, связанный с процессом деколонизации. В ряде случаев колониальная территория еще до получения независимости вступала в межправительственное соглашение, становилась отдельным или ассоциированным членом международной организации, что играло важную роль в принятии новыми государствами политики сохранения в силе договоров, применявшихся в отношении

¹⁹ См.: Аречага Э. Х. Указ. соч. С. 54, 159.

их территорий до независимости. «Таким образом, — приходит к заключению К. А. Бекашев, — колониальные территории не требуют подтверждения какого-либо специального положения и должны рассматриваться как субъекты общих международно-правовых норм». Отмечается также, что в ряде случаев от имени колониальных территорий могут заключаться соглашения (например, о технической помощи) — но лишь незадолго до получения независимости, когда территория, по существу, уже представляет собой государство и принимает участие в переговорах. Кроме того, условия договора могут указывать на существование и роль местного правительства²⁰.

Есть, думается, глубокий внутренний смысл в том, что в самом начале своего видеообращения к 75-й, юбилейной, сессии Генассамблеи ООН Президент России В. В. Путин напомнил лидерам всех стран о прописанных в Уставе Организации основных принципах межгосударственного общения, которые основатели ООН сформулировали предельно четко и недвусмысленно. «Это, — подчеркнул российский лидер, — равенство суверенных государств, невмешательство в их внутренние дела, право народов самим определять свою судьбу, отказ от угрозы или применения силы, политическое урегулирование споров». С момента своего возникновения ООН имеет целью поддержание мира и безопасности, создание максимально благоприятных условий для сотрудничества между различными государствами планеты, независимо от их социально-экономического и политического строя, идеологии, доминирующей религии и иных факторов. Речь шла тогда и идет сегодня о неких скрепах, своего рода несущих конструкциях, поддерживающих каркас, увы, все еще весьма хрупкого, подчас словно под воздействием земных колебаний шатающегося здания международных отношений.

Советской дипломатии удалось закрепить в главном международно-правовом документе послевоенной эпохи проходящий красной нитью через него принцип мирного сосуществования (В. И. Ленин называл его «мирным сожительством») как цель и как средство взаимодействия всех членов мирового сообщества. Уже в преамбуле Устава провозглашалась решимость «избавить грядущие поколения от бедствий войны», «проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи», а, если уж и применять вооруженные силы, то «не иначе, как в общих интересах».

Обеспечить претворение этих благородных намерений и задач имелось в виду четким определением в соответствующих главах и статьях Устава целей и принципов Организации Объединенных Наций, тщательно продуманными основами членства в ней, структуры и функций главных и вспомогательных органов, порядка мирного разрешения споров, системы противодействия угрозе миру, его нарушениям и актам агрессии и, разумеется, неукоснительным соблюдением разумных норм, их последовательной реализацией.

Устав ООН открывал широкие возможности для заключения региональных соглашений и деятельности соответствующих органов; определял пути международного сотрудничества в целях повышения уровня жизни, занятости населения, развития в области здравоохранения, культуры и образования; ставил задачу содействия всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основ-

²⁰ См.: Бекашев К. А. Международное публичное право : учебник. М., 2019. С. 107.

ных свобод. Были решены вопросы создания Секретариата во главе с Генеральным секретарем ООН; определены мероприятия по безопасности в переходный (до вступления в силу ряда особых соглашений по поддержанию мира) период; установлены порядок принятия поправок к Уставу, его ратификации и подписания, отрегулированы некоторые другие, на первый взгляд технические, но имеющие большое значение для нормативного функционирования достаточно сложного международного механизма.

Уставом учреждался Международный Суд, призванный действовать в качестве главного судебного органа ООН, все члены которого *ipso facto* становились участниками Статута Международного Суда. Сам же Статут был основан на ранее действовавшем Статуте Постоянной палаты международного правосудия и составлял неотъемлемую часть Устава ООН.

Конечно, возвращаясь мысленно к истокам возникновения ООН, нельзя не признать, что Организация по многим позициям все еще далека от своей объединительной конвергентной сути, от решения задач, которые ставились, тех надежд, которые возлагались на нее. И на юбилейной 75-й сессии всемирной Организации тревожным набатом звучали слова российского Президента об особой опасности разрушительных ударов по самим основам послевоенного мироустройства, «когда глобальная стабильность подвергается серьезным испытаниям, когда деградирует система контроля над вооружениями, не стихают региональные конфликты, обостряются угрозы, исходящие от терроризма, организованности и наркотрафика».

США и их союзники по НАТО нередко проводят политику односторонних шагов, нацеленную на продвижение собственных узкокорыстных интересов без учета легитимных озабоченностей других государств, ведут линию на слом системы международных отношений, основанной на центральной роли ООН в мировой политике, продвигают концепцию, которая подразумевает создание закрытых альянсов для выработки и реализации шагов в обход ООН и ее Совета Безопасности. Все более явным становится и откровенно «потребительское» отношение США к всемирной организации и ее специализированным учреждениям, от которых Вашингтон под угрозой прекращения финансирования или приостановки членства требует принятия выгодных для себя решений. Подчас серьезно осложняются условия для работы штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке.

Привычная в понимании старших поколений «холодная война» заменяется некой «гибридной войной», сочетающей в себе информационные, «кибер» и прочие угрозы, держащие мировое сообщество в состоянии постоянного напряжения.

Неудивительно, что в такой обстановке нарастают скептические оценки ООН, алармистские настроения в мировом общественном мнении, в том числе и в нашей стране. На все более заметное несоответствие между изменениями в мировом сообществе и сохранением ООН «в почти окаменевшем виде» обращал внимание ветеран дипломатии Ю. И. Акимов²¹; видный политолог Ф. Лукьянов отличительной чертой предстоящих лет считает «неопределенность»²², а его коллега Д. Евстафьев видит в «не столь отдаленном будущем» нечто вроде

²¹ См.: Дипломаты вспоминают... С. 494—495.

²² См.: Лукьянов Ф. Без горизонта // Российская газета. 2020. 20 июля. С. 6.

«бесконтактной социальной среды, способной очень быстро стать не просто постчеловеческой, но и бесчеловеческой»²³.

«Сама неустойчивость международной архитектуры в данный момент создает уникальные возможности для нестандартной дипломатии, — провозглашал один из столпов мировой дипломатии Г. Киссинджер, — всем государствам придется пересмотреть свои приоритеты, и, если в результате сформируется система совместимых приоритетов, возникнет новый международный порядок. Если же компромисса между приоритетами найти не удастся, сообщество расколется»²⁴.

Россия стремится наращивать воздействие на глобальные процессы в целях установления справедливого и демократического миропорядка, основанного на коллективных началах в решении мировых и региональных проблем, на верховенстве международного права, равноправных и партнерских отношениях со всеми государствами. Большое значение придается «сетевой» дипломатии, приходящей на смену блоковым подходам к решению международных проблем и опирающейся на гибкие формы участия в многосторонних структурах. Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров с полным основанием исходит из того, что «современный этап мирового развития — не только экономического, но и общественного — делает востребованными такие категории, как конвергенция, синтез, fusion, диктует необходимость преодоления былых антагонистических идейных конструкций»²⁵.

Добиваясь укрепления многосторонних начал в мировых делах, наша страна особое значение придает созданию саморегулируемой международной системы. Это требует, в свою очередь, коллективного лидерства ведущих государств мира, представительного в географическом и цивилизационном отношении и осуществляемого при полном уважении центральной и координирующей роли ООН, доказавшей свою безальтернативность и наделенной уникальной легитимностью.

Неэффективность системы глобального управления, ее неадекватность современным реалиям признается сегодня практически всеми. Особенно остро эта проблема встала в условиях навязывания миру западноцентричной модели (а в ее рамках — и монополярности США), грубо противоречащей объединительной по своей сути природе ООН. Отказ от идеологизации международных отношений, доминировавшей в период «холодной войны», позволяет, думается, избегать рассмотренных выше внешне благородных, романтических, но оторванных от жизни идей «мирового правительства», стремиться реально выстраивать миропорядок, утверждающий толерантность и плюрализм, имеющий способность к саморегулированию без отказа от проверенных жизнью принципов суверенного равенства всех государств, взаимной выгоды и международной законности.

Характерно, что и в среде западных ученых нашлось немало оппонентов (М. Виралли, В. Дженкс, Р. Фолк и др.) идей «мирового правительства» именно в силу их непрактичности, нежизнеспособности.

Следует решительно отвергнуть предложения некоторых американских теоретиков, например Д. Фрамма, ратующего за создание новой международной

²³ См.: *Евстафьев Д.* Жизнь после ко... // Литературная газета. 2020. № 12. С. 2.

²⁴ International Herald Tribune. 2009. 13 January.

²⁵ *Лавров С. В.* Потенциал перемен // Российская газета. 2009. 8 сент. С. 9.

ассоциации, состоящей лишь из стран, «демократически избирающих своих лидеров», нередко озвучиваемые на политическом уровне.

Не пришло (и вряд ли скоро придет) время и для реализации высказанной в отечественной литературе, прямо скажем, нестандартной и весьма смелой идеи об учреждении некоего нового образования (по типу ЕС) — Всемирной конфедерации государств на основе реорганизации ООН или (при ее сохранении) действующей в согласии с ней²⁶.

О ведущей роли, особой ответственности держав — постоянных членов Совета Безопасности ООН в поддержании мира и безопасности, сохранении основ международного права твердо высказался В. В. Путин на юбилейной сессии ООН. Вместе с тем, активно участвуя в разработке и продвижении инициатив, направленных на совершенствование Организации, наша страна в полной мере учитывает происходящие в мире перемены, ищет адекватные ответы на них, обусловленные единством судеб человечества, задачами обеспечения в конечном счете его выживания.

Заслуживает, на наш взгляд, внимания предложение Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина начать полноценную и систематическую юридическую работу по обновлению Устава ООН. В частности, первоочередной проблемой, как он считает, является глубокая и детальная юридическая проработка десяти основных принципов международного права и их конкретизация в системе международно-правовых актов, с тем чтобы исключить коллизии их неоднозначных толкований и произвольных применений. Итогом соответствующей работы, по его мнению, должен стать созыв всемирного совещания по международному праву, на котором в результате содержательной профессиональной дискуссии по каждому из выработанных предложений нужно будет одобрить обновленные и уточненные новые международно-правовые нормы. К совещанию предлагается идти путем детальной проработки новых международных норм в Комиссии ООН по международному праву и последовательной постановки предлагаемых норм на всемирное обсуждение на Генеральной Ассамблее.

Известный российский юрист И. А. Покровский еще в 1916 г. применительно к гражданскому обществу обосновал идею закрепления в законодательстве «права на существование». «Конечно, признание права на существование не создает идеального порядка и не разрешает всех социальных вопросов, — писал он, — но это первый серьезный шаг к поднятию общества на уровень современных этических требований... Растущая этическая невозможность мириться с тем, что рядом с нами наши собратья гибнут от голода, не будет давать нам покоя до тех пор, пока не признаем нашей общей солидарности и не возьмем на себя соответственной реальной обязанности»²⁷. А один из метров международного права — А. Фердросс, думается, с полным основанием рассматривал мораль и право как «звенья нравственного мирового порядка»²⁸.

В принципиально значимом документе Великой Французской революции (правда, не увидевшем свет) — проекте Декларации международного права, представ-

²⁶ См.: Явич Л. С. О философии права на XXI век // Просвещение. 2003. № 3. С. 41—42.

²⁷ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 321.

²⁸ См.: Фердросс А. Международное право. М., 1959. С. 52.

ленном Конвенту аббатом Грегуаром в апреле 1795 г., содержались положения о том, что «народы находятся между собой в естественном состоянии, связывает их всеобщая мораль»; «народы должны в состоянии мира делать друг другу как можно больше добра, а в состоянии войны — как можно меньше зла»²⁹. Эти исполненные глубокого смысла слова не утратили своей актуальности и в наши дни, составляя, по сути дела, стержневую основу последовательной гуманизации современного миропорядка и призванного стоять на его страже международного права. И, конечно же, далеко не случайно в Уставе ООН метаюридическая категория «справедливость» тесно соседствует с понятием «международное право».

Развитие международных отношений — объективный процесс, складывающийся под воздействием экономических, геополитических, военных, социально-культурных, демографических и иных факторов. «На основе соглашения между государствами, а это единственный путь в межгосударственной системе, состоящей из суверенных государств, — отмечал Г. И. Тункин, — международное право и международная организация сделали гигантский шаг вперед»³⁰.

В самом деле, сегодня нет, по сути, ни одной отрасли, в которой не произошли бы существенные изменения: кодифицированы воздушное, морское, дипломатическое, гуманитарное право, право международных договоров; подлинными прорывами стали закрепление права народов на самоопределение, универсализация «прав человека» в целом; достаточно четкое определение получили многие юридические параметры и институты, связанные с разоружением, освоением космического пространства, развитием мировой торговли и финансов и т.д.

Вместе с тем динамичное развитие мировой обстановки естественным образом порождает ситуации, когда международное право не в состоянии оперативно реагировать на них, не успевает в достаточной мере «покрывать» новые области отношений и новые международные проблемы. В этом смысле можно, очевидно, вести речь и о его своего рода «обреченности» на существование пробелов, под которыми принято понимать отсутствие обычаев и договорных актов в отношении определенных сфер, предполагающих их правовую регламентацию.

В таком авторитетном документе, как Декларация тысячелетия ООН, принятая главами государств и правительств на Генассамблее 8 сентября 2000 г., наряду с традиционными понятиями и категориями, адаптированными к нуждам XXI в., появились положения, нуждающиеся в дополнительной интерпретации. И если, к примеру, принципы «человеческого достоинства, справедливости и равенства на глобальном уровне» могут быть в той или иной мере разъяснены через позитивное международное право, то такие понятия, как «культура мира», «принуждение к миру», «новая этика отношения к природе», «благое управление», требуют расшифровки. Да и в столь, казалось бы, очевидном понятии, как «демократия», обстоятельную международно-правовую трактовку получил пока лишь один, хотя и важнейший, элемент — права человека.

Современная действительность обозначает все новые и новые трудноразрешимые проблемы, связанные с развитием информационных технологий,

²⁹ Цит. по: Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. История международного права. М., 1990. С. 110—111.

³⁰ Тункин Г. И. Международное право: наследство XX века // Российский ежегодник международного права. 1992. СПб., 1994. С. 12.

энергетики, изменением климата, преодолением нищеты в значительном числе государств, борьбой с пандемиями, терроризмом, пиратством, наркоторговлей, организованной преступностью и т.д.

Образуются своего рода «ниши», не заполненные правовым материалом, что с неизбежностью порождает ситуации, когда соответствующие пробелы регулируются партикулярными и специальными нормами на двусторонней или региональной основе. Происходит некая «автономизация» международного права, особенно заметная при вторжении в сферы, не считавшиеся ранее подлежащими международно-правовой регламентации.

Проблемы же, по которым не предвидится достижение широкого согласия, регулируются в какой-то степени разного рода резолюциями, декларациями и подобными документами «мягкого права», не имеющими юридической силы, но оказывающими немалое морально-политическое воздействие на поведение субъектов общения на международной арене. Решение этих общечеловеческих, глобальных по своей сути задач требует объединения усилий большинства, а подчас и всех государств, согласования их воли, что пока далеко не всегда достижимо.

Ограниченные возможности международного права далеко не в последнюю очередь связаны с тем, что основные подходы к нему (к структуре, принципам и другим нормам) были сформированы на базе иудеохристианской цивилизации Запада и не учитывают специфики других цивилизационных подходов.

Вместе с тем именно утверждение начал межцивилизационного общения, стремление к своего рода синтезу различных правовых систем, идеологий, культур, религий и иных духовных ценностей могло бы стать надежной основой укрепления значения и роста влияния международного права. Важное значение для повышения его эффективности имеют выработка государствами и другими субъектами, мировым сообществом в целом (прежде всего в лице ООН) тактики и стратегии в области создания и применения соответствующих норм, а также осознание и адекватное восприятие накопленных в процессе развития цивилизации ценностей, традиций и установок, отвечающих определенным общечеловеческим нравственным критериям.

Осознание того, что мир подошел к переломному рубежу, все глубже погружается в состояние, чреватое реальной угрозой существования самого рода человеческого, требует смены парадигмы его развития, пересмотра, подчас взламывания устоявшихся стереотипов, решительного отказа, в частности от национального эгоизма отдельных «абсолютных суверенов», повышения уровня «планетарности» в управлении мировым сообществом и его делами. И именно интересы всего человечества, мирового гражданского общества, нравственные начала будут становиться все более мощными катализаторами соответствующего процесса.

Без учета реально происходящих на планете перемен, без адекватного и своевременного реагирования на них международное право может стать, как однажды полушутя-полусерьезно выразилась Н. А. Нарочницкая, «факультетом ненужных профессий»³¹. В конце XIX в. немецкий ученый А.-В. Гефтер высказал убеждение, что единственным регулятором международного права является общественное мнение, а его высшим судьей — история, «которая своим безапелляционным

³¹ См.: Москва. 2003. № 5. С. 6—7.

приговором утверждает право и, подобно Немезиде, карает его нарушение»³². Стоило бы прислушаться к словам мыслителя, не утратившими за полтора века своей актуальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Анцилотти А.* Курс международного права. — М., 1961.
2. *Арчага Э. Х.* Современное международное право. — М., 1983.
3. *Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И.* История международного права. — М., 1990.
4. *Бекашев К. А.* Международное публичное право : учебник. — М., 2019.
5. *Гефтер А.-В.* Европейское международное право. — СПб., 1880.
6. *Громыко А. А.* Памятное. — М., 1988. — Кн.1.
7. *Дипломаты вспоминают : Мир глазами ветеранов дипломатической службы.* — М., 1997.
8. *Крылов С. Б.* История создания Организации Объединенных Наций. — М., 1960.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — Т. 21.
10. *Оппенгейм Л.* Международное право. — М., 1948. — Т. 1. — Полутом 1.
11. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. — М., 1998.
12. *Тункин Г. И.* Международное право: наследство XX века // Российский ежегодник международного права. 1992. — СПб., 1994.
13. *Фердросс А.* Международное право. — М., 1959.
14. *Явич Л. С.* О философии права на XXI век // Просвещение. — 2003. — № 3.
15. *Brierly J. L.* The Basis of Obligation in International Law. — Oxford, 1958.
16. *Clark G., Sohn L.* World Peace through World Law. — New York, 1958.
17. *Feller F.* United Nations and World Community. — Boston, 1952.
18. *Friedmann W.* The Changing Structure of International Law. — London, 1964.
19. *Kelsen H.* The Law of the United Nations. — London, 1951.
20. *Lerch Ch.* Principales of International Politics. — New York, 1956.
21. *Schwarzenberger G.* A Manual of International Law. — New York, 1960.
22. *Wright Q.* The Study of International Relations. N.Y. — New York, 1955.

³² *Гефтер А.-В.* Европейское международное право. СПб., 1880. С. 3.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ *JUS COGENS* КАК ПОНЯТИЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА¹

Аннотация. Содержание статьи касается сопоставления и разграничения понятий «основные принципы» и *jus cogens* (императивные нормы общего международного права) как явлений международно-правовой действительности с позиций их места в теории и практике международного права. В представленном материале автор не ограничивается фиксацией серьезной проблемы, существующей в сфере исследования и состоящей в немалом терминологическом разнообразии, что усложняет аппарат современной международно-правовой науки, а проводит последовательную дифференциацию многих иных понятий, помещаемых в разряд принципов международного права. При этом во главу угла рассматриваемой проблематики поставлен более широкий ее срез — анализ категории «принцип» как центральной, главенствующей в современном международном праве. Поскольку основные принципы выступают в качестве одного из главных понятий как системы международного права, так и его науки, их оценка осуществляется прежде всего с точки зрения их функциональной роли в правовом регулировании межгосударственных отношений. На фоне сравнения с нормами *cogens* основные принципы рассматриваются также для определения их значения для теории и практики международного права в целом.

Ключевые слова: Устав ООН; дифференциация; фрагментация; основные принципы; общепризнанные принципы и нормы международного права; общее международное право; императивные нормы; *jus cogens*; генезис; правовая природа; принятие; признание; юридическая обязательность; нормативность; общепризнанность; общие принципы права, признанные цивилизованными нациями; защита фундаментальных ценностей; международное сообщество.

**Людмила Петровна
АНУФРИЕВА,**

профессор кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук
lpnufrieva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.76.12.053-067

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01060 А.

L. P. ANUFRIEVA,

Professor of the Department of International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law)

lpanufrieva@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

DIFFERENTIATION OF BASIC PRINCIPLES AND NORMS JUS COGENSAS CONCEPTS OF THE THEORY AND PRACTICE OF MODERN INTERNATIONAL LAW

Abstract. *The article deals with both juxtaposition and differentiation of the concepts of “basic principles” and jus cogens (peremptory norms of general international law) as phenomena of international legal reality from the point of view of their location in the theory and practice of international law. Not limited to fixing a serious problem that exists in the field of research and consists in a considerable variety of terms having complicated the apparatus of modern international legal science, this article provides a consistent differentiation of many other individual notions which fall under the head of the principles of international law. Along with this, as the key-stone of the problem under consideration the broader “layer” — the analysis of the “principle” as a category of legal science shall be subject to accentuation as core, dominant in modern international law. Since the “basic principles” are one of the main concepts of both the system of international law and its science, they are evaluated primarily from the point of view of their functional role in the legal regulation of interstate relationships. While being compared with the peremptory norms of general international law (jus cogens), the basic principles are also envisaged in this article aiming to determine their importance for the theory and practice of international law in general.*

Keywords: *Charter of the United Nations, differentiation, fragmentation, basic principles, generally accepted principles and norms of international law, general international law, peremptory norms, jus cogens, Genesis, legal nature, acceptance, recognition, binding character, normativity, generally recognized principles, general principles of law recognized by civilized Nations, protection of the fundamental values, international community.*

Термин «**основные принципы**». Как ни удивительно, но в современной теории международного права не так просто сориентироваться в вопросе о принципах (хотя это его «несущая конструкция») в связи с множеством терминов, оперирующих элементом «принцип/принципы»². О необходимости

² См., например: Абашидзе А. Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. 2017. № 4 (108). С. 19—29 ; Нефедов Б. И. Принципы в международном праве: терминология // Там же. 2019. № 1 (113). С. 6—17 ; Черниченко С. В. Базовые принципы международ-

«наведения порядка» в терминологических аспектах проблемы, касающейся принципов в международном праве, уже говорилось в российской литературе³.

В свете данной констатации представляется важным провести дифференциацию и классификацию, выявить существо каждого из понятий, присутствующих в разряде принципов, с учетом родового, видового и внутривидового разнообразия и различий в последних, равно как и фундаментального подхода к рассмотрению особенностей их юридического содержания с акцентом на некоторых из них и т.д.

Кроме того, за базовые положения в разработках следует принять анализ названного явления (а принципы в международном праве — это, несомненно, явление, в силу чего в начале настоящей статьи было отнюдь не случайно сказано о парадоксальности сложившейся ситуации) прежде всего с точки зрения выстраивания соответствующих структурных понятийных рядов и иерархии принципов в целях формирования их системы. Однако все это, думается, составляет задачу не одного поколения исследователей и уж точно не только одного представителя науки.

Центральным звеном в системе принципов, существующих в международном праве, как норм, имеющих наивысшую юридическую силу, являются **основные принципы**. В капитальном труде в рамках отечественной науки международного права, каковым выступает «Курс международного права» (в 7 томах), со ссылкой на решение Постоянной палаты международного правосудия в 1927 г. по делу «Лотос», утверждается, что термин «принцип международного права» был издавна известен доктрине и практике, под ним понимались «или наиболее общие нормы права, либо принципы-идеи»⁴. К сожалению, не всё, что присутствует в данных тезисах, можно поддержать. И на это есть разные причины, которые станут понятными в дальнейшем.

Сейчас же необходимо отметить, что давность — понятие весьма относительное. Отсчитывать неотъемлемость принципов по отношению к международному праву с момента его возникновения объективно невозможно — принцип (исходя из одной лишь семантики слова) предполагает главенство, более высокое положение по отношению к другим правилам поведения, а следовательно, и наличие нижестоящих, «простых» норм. Таким образом, вести речь о принципах, и в частности о неких основных принципах в «давнем» международном праве, можно при условии обращения к более поздним периодам его существования. С учетом этого продуктивность исторического дискурса рассмотрения при подходе к истокам принципов современного международного права, и особенно его основных принципов, не вызывает сомнений.

Исторические и теоретические предпосылки понятия «принцип» в науке и практике международного права. В вышеуказанном смысле непосредственные ассоциации вызывают «принципы мирного союза государств»,

ного права: диапазон усовершенствования // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5 (144). С. 30—35.

³ Ануфриева Л. П. Епигма Конституции 1993 года: общепризнанные принципы и нормы международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 4—25.

⁴ Курс международного права : в 7 т. М. : Наука, 1989. Т. 2 : Основные принципы международного права / отв. ред. И. И. Лукашук. С. 5.

связанные с именем Иммануила Канта, который в своем политико-философском трактате «К вечному миру» еще в 1795 г. охарактеризовал политико-правовые, культурные и философские основы будущего существования народов, выразив идею объединения государств: «Международное право должно быть основано на федерализме свободных государств... Поэтому должен существовать особого рода союз, который можно назвать мирным союзом и который отличался бы от мирного договора тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый — всем войнам и навсегда. Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, но лишь поддержание и обеспечение свободы каждого государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости подчиниться публичным законам и их принуждению», но должно постепенно привести таким путем к вечному миру⁵.

Союз государств, по мнению великого философа, мог бы позволить осуществлять контроль конфликтных ситуаций и осуществлять усилия по сохранению и укреплению мира между государствами. Продолжая обзирать последующие этапы в вопросе отражения принципов в актах международного права, важно обратиться к Уставу Лиги Наций, попытавшейся воплотить идеи Канта, провозгласив требования «уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целость и существующую политическую независимость всех членов Лиги», подчиняясь в случае нападения, угрозы или опасности нападения мерам по обеспечению выполнения этого обязательства, Советом Лиги (ст. 10). При этом понималось, что «всякая война или угроза войны, затрагивает ли она прямо или нет кого-либо из членов Лиги, интересуется Лигу в целом и что последняя должна принять меры, способные действительным образом оградить мир наций» (ст. 11). Предусматривалось обязательство разрешать любой возникший между членами Лиги конфликт третейским или судебным разбирательством, не прибегая к войне (ст. 12)⁶.

Термин «принципы» в его современном звучании — явление относительно недавнее в объективном праве и международно-правовой науке. В юридической литературе царской России конца XIX — начала XX в. бытовало понятие «начала»⁷. Иностранная же доктрина, хотя и пользовалась термином «принцип/

⁵ См.: *Кант И.* К вечному миру // URL:http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf. С. 11, 14.

⁶ Нет надобности, думается, отдельно подчеркивать, что в основополагающих принципах поствоенного времени (наступившего после Второй мировой войны) и принципах Лиги Наций во многом нет совпадения по юридическому содержанию, а иногда и по идейной составляющей, поскольку Лига Наций и принципы общения между государствами-членами были нацелены на охрану вовсе не мира как такового, а того международного порядка, в котором превалировали интересы его «создателей» — стран Антанты и союзных с ними государств. В то же время их игнорирование как предтечи нынешних принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН, было бы неправильным.

⁷ Отталкиваясь от значения, придаваемого «началам» в древнегреческой литературе («Начала», или «Элементы», Евклида о систематическом построении геометрии и теории чисел), под «началами» надо понимать отдельные базовые элементы, из которых

принципы», воспринимала словосочетание «принципы международного права» (англ. — *principles of international law*) совсем иначе — не только в отрыве от буквальной его трактовки, но даже отступая от понятия «начала», склоняясь больше к значениям словосочетаний «общие положения», «исходные тезисы» или «суждения и представления», касающихся международного права, что стало, пожалуй, некой традицией юридической литературы, относящейся уже к XX в.

Подтверждением служат некоторые из хрестоматийных трудов авторов периода 1950—1960-х гг. Так, работа Й. Броунли «Принципы международного публичного права»⁸, выдержавшая множество переизданий, термин «принцип» в современном понимании использует крайне редко. То же можно сказать и в отношении легендарного произведения крупнейшего ученого-юриста XX столетия Х. Кельзена «Принципы международного права»⁹, поскольку собственно принципы в нем так и не стали предметом анализа. Зато обстоятельно и самобытно, с воплощением авторских концепций, получивших мировую известность, изложен основной курс международного права.

Да и в более общем плане в западной литературе практически не встречаются курсы международного (публичного) права, тексты которых оперировали бы значительными разделами, посвященными принципам. Не являются исключениями в данном случае ни солидные издания, ставшие классикой современной теории международного права, ни менее крупные публикации¹⁰. Сказанное не означает, что зарубежной литературе вовсе не свойственны работы, касающиеся существа проблемы принципов международного права. Предположение подобного рода легко опровергается внушительным списком публикаций по данной тематике,

состоит наука. Сходное понимание наблюдается и в римском праве. Так, первая часть в Дигестах Юстиниана называется «Prota» (*древнегр.* «начала»), куда входят наиболее общие положения права и судопроизводства (см.: Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2002. Т. 1. 584 с. С. 14).

⁸ См.: Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law. 9th ed. Oxford : Oxford University Press, 2019. 872 p.

⁹ См.: Principles of International Law by Hans Kelsen. The Law book Exchange Ltd., Clark — New Jersey, 2003.

¹⁰ См.: Shaw M. International Law. 8th ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 1033 p. ; International Law. 2nd ed / ed. by M. D. Evans. Oxford : Oxford University Press, 2006. 833 p.

В связи с упоминанием о менее известных изданиях укажем работу эстонского автора (см.: Mäliksoo L. Russian Approaches to International Law. Oxford : Oxford University Press, 2015. 240 p.). Но она, вопреки своему названию и предмету, будучи посвященной специально «российским подходам» к международному праву, которые, как замечено ранее, тем и отличаются, что на первый план ставят как раз принципы (основные принципы), этого вопроса не решает. Французская литература также не проявляет специального интереса к принципам международного права. Так, к примеру, некоторые учебные курсы международного права упоминают только «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» (см.: Alland D. Manuel de droit international public. 6-ème éd. mise à jour. Collection droit fondamental. Paris, 2019. 309 p. P. 178—181).

приведенным в вышеупомянутой отечественной работе «Курс международного права»¹¹.

Особенности правовой природы основных принципов. Их соотношение с иными ключевыми понятиями международного права, относящимися к принципам. Констатируя в целом отсутствие стремления западной доктрины внедрять в мировое общественное сознание понятие «основные принципы», нелишне признать, что такая тенденция далеко не в последней мере поддерживается нормативной практикой (как международной — договорной, так и внутригосударственной отдельных стран, в том числе и России). В частности, в новейших документах Российской Федерации международной направленности проскальзывают некоторые нюансы, отнюдь не способствующие достижению устойчивости в укоренении сформулированного концепта понимания такого термина, как «основные принципы».

К примеру, Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» предусматривает налаживание международного сотрудничества в обозначенной сфере «на основе строгого *соблюдения основных принципов и норм международного права*» (курсив мой. — Л. А.), в частности принципа суверенного равенства государств». Другими словами, к понятию «основные принципы международного права» далеко не единодушно воспринимаемому в международно-правовой действительности, добавляется еще один «двучлен»: «основные принципы и нормы международного права» (как будто основные принципы не являются нормами!).

Дополнительным примером усложнения терминологических и содержательных аспектов понятий, относящихся к принципам в международном праве, служат положения Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18.03.2014. Юридическая основа взаимоотношений сторон договора вытекает из формулировки: «...признавая и подтверждая принцип равноправия и самоопределения народов, закрепленный в Уставе Организации Объединенных Наций... в соответствии с *общепризнанными принципами и нормами международного права*, а также осознавая тесную взаимосвязь *других основных принципов международного права*» (курсив мой. — Л. А.), закрепленных, в частности, в Уставе Организации Объединенных Наций и Хельсинкском Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе». Выделенные фрагменты вызывают новые основания для недоумений, возникающих по поводу множасьей терминологической базы применительно только к одному разряду принципов международного права — его основным принципам.

Для отечественной правовой науки, которая активно пользуется рассматриваемым термином, основные принципы международного права служат руководящими, основополагающими нормами императивного, обязывающего и неоспоримого характера и квалифицируются в качестве краеугольных положений международного права и изучающей его науки, хотя ни в положениях Устава

¹¹ Курс международного права : в 7 т. Т. 2 : Основные принципы международного права. С. 5—6.

ООН, ни в Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, Хельсинкского акта СБСЕ подобное словосочетание не присутствует.

В то же время широко известен документ, в котором термин «основные принципы международного права» зафиксирован текстуально. Это резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (далее — ГА ООН) от 24.10.1970, содержащая Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (далее — Декларация 1970 г.)¹², которая, по существу, является кодификацией международного права и гласит: «Принципы Устава, воплощенные в настоящей Декларации, представляют собой основные принципы международного права, и поэтому (ГА ООН. — Л. А.) призывает все государства руководствоваться этими принципами в своей международной деятельности и развивать свои взаимоотношения на основе строгого соблюдения этих принципов»¹³.

Однако приведенная квалификация не раскрывается. Касаясь содержания Декларации 1970 г., нельзя не внести в приведенный выше обзор реакции зарубежной международно-правовой науки на понятие «основные принципы международного права» добавление о том, что объективную реальность трудно изменить, вследствие чего порою ее следует признавать. Так, авторитетный Комментарий к Уставу ООН, опирающийся непосредственно на нормы Устава ООН (в частности, главы 1 «Цели и принципы»), закономерно вынужден использовать те понятия, которые зафиксированы в акте, и именно «принципы», а не что-то иное¹⁴.

¹² Принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (см.: Дос. A/RES/2625(XXV) // СПС «КонсультантПлюс»).

¹³ В иностранной доктрине есть определенные исключения, которые касаются вопроса о принципах, например публикации известного уругвайского юриста Эдуардо Хименеса де Аречага или видного теоретика и практика международного права А. Кассизи. Первый из них трактует общие принципы международного права, относя к их числу предписания, входящие в разряд основополагающих норм: неприменения силы, невмешательства, суверенного равенства, равноправия и самоопределения народов и др., т.е. все то, что квалифицируется отечественным правоведением в качестве *основных принципов* (см.: Аречага Э. Х. де. Современное международное право / пер. с исп. М. : Прогресс, 1983. 480 с.), а второй посвящает 25 страниц текста «основным принципам, регулирующим международные отношения» (см.: Cassese A. International Law. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2005. 558 p.). Помимо этого, обозначения «основные правила», «принципы» или «основные принципы международного права» как «выражающие суть правовых положений о международных отношениях», а также «общие принципы международного права» не чужды и немецкой школе международного права. В подтверждение этого выступает солидный коллективный труд «Международное право» под ред. Г. В. Витцтума (см.: Международное право = Völkerrecht / Вольфганг Граф Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер [и др.] ; пер. с нем. Н. Спица ; сост. В. Бергманн. 2-е изд. М. : Инфотропик Медиа, 2015. Серия «Германская юридическая литература: современный подход». Кн. 2. 1072 с. С. 43 и сл., 95—98).

¹⁴ См.: The Charter of the United Nations. A Commentary. 2nd ed. Vol. 1 / ed. by B. Simma. Oxford : Oxford University Press, 2002. 895 p. P. 39—44, 63—171.

Не раз в российских изданиях по международному праву отмечалось, что неразграничение основных и общепризнанных принципов международного права не вполне оправданно¹⁵. Вместе с тем некоторые контуры подобного решения заложены семитомным «Курсом международного права», определяющим основные (общепризнанные) принципы международного права как «исторически обусловленные, основополагающие общепринятые нормы, выражающие главное содержание международного права, его характерные черты и обладающие высшей юридической силой»¹⁶.

Иными словами, именно этот доктринальный источник ставит знак равенства между понятиями «основные» и «общепризнанные» принципы международного права, в то время как иностранная западная доктрина и практика, в большинстве случаев не углубляясь ни в сущность того или другого, ни в их отличия, предпочитают пользоваться понятием *jus cogens*. Правда, и в этом случае не все гладко: тождественность или кардинальное расхождение между *jus cogens* и основными принципами — далеко не праздные догадки и вопросы, ответы на которые еще предстоит получить.

При этом на фоне уже сказанного нелишне отметить, что и в отечественном правоведении наметилась тенденция оспаривания поддержки основных принципов международного права как обособляемой, специфической категории руководящих норм, выражающих его сущность. Подвергая сомнению оправданность выделения такого понятия, В. Л. Толстых вслед за зарубежной практикой высказывается за использование вместо них *jus cogens*¹⁷. Здесь нельзя не остановиться на немаловажном нюансе: западная наука как будто бы не ведает о рассматриваемой категории, просто не замечая ее, в то время как российский международник занимает весьма осмысленную позицию, возражая против анализируемого понятия.

Правда, в упомянутом сочинении автор все же излагает свод международно-правовых принципов, преподносимых именно в таком качестве¹⁸. Зато последующая его работа вообще обходит стороной и термин «основные принципы», и их дифференциацию по отношению к *jus cogens*, именуя ранее перечисленные 10 главенствующих норм, «известных благодаря документу ООН в качестве основных принципов международного права», просто «принципами», отводя им пять страниц текста. При этом, обращаясь к содержанию данного понятия, автор указывает: «Принципы международного права устанавливают ориентиры для правотворчества и толкования, а также непосредственно регулируют общественные отношения, особенно в случае пробелов. Некоторые принципы являются нормами *jus cogens* (запрет агрессии, право народов на самоопределение, некоторые права человека)»¹⁹.

¹⁵ См.: Ануфриева Л. П. Епигма российской Конституции 1993 года: «общепризнанные принципы и нормы международного права» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 4—25.

¹⁶ Курс международного права : в 7 т. Т. 2. С. 5.

¹⁷ См.: Толстых В. Л. Курс международного права : учебник. М. : Волтерс Клувер, 2010. 1056 с. С. 115—121.

¹⁸ Толстых В. Л. Курс международного права : учебник. М., 2010. С. 126—152.

¹⁹ Толстых В. Л. Курс международного права : учебник. М. : Проспект, 2018. 736 с. С. 159. Очевидно, что столь невнятное обозначение того, чем являются принципы в междуна-

Как видно, из поля зрения автора выпало главное: основные принципы имеют нормативное выражение, по своей правовой природе это главные правила поведения для субъектов международного права обязывающего характера. Явно брошенные вскользь суждения, граничащие с поверхностностью, небрежение, чтобы не сказать большего, теорией международного права, нигилистическое восприятие его принципов, проявляемые в цитируемых фрагментах, значат гораздо больше, чем это кажется на первый взгляд. За рамками изложенного стоит подчеркнуть, что многое в приведенных текстах лишний раз доказывает не просто неучтенность всех сторон изучаемых явлений и последствий выдвигаемых предложений, но прежде всего в целом недостаточность научных разработок в данной области, которую, безусловно, требуется устранить.

Осуществляя подобные шаги, не мешает опереться на фундированные выводы известных советских ученых, предметно занимавшихся проблемами принципов международного права, и именно основных его принципов. Так, Н. А. Ушаков, не колеблясь, констатирует: «Среди норм общего международного права выделяют его *основные нормы-принципы*. Основные принципы международного права — это такие нормы общего характера, в соответствии с которыми должны устанавливаться все остальные его нормы. Они являются исходными в системе международно-правовых норм и регулируют в обобщенном виде поведение в международных отношениях государств и иных субъектов международного права путем установления их основных прав и обязанностей»²⁰.

Не считая оправданным введение уточнения «нормы-принципы», тем не менее — по существу — следует определенно признать правоту представленных суждений, до сей поры не опровергнутую. Однако при этом стоит предостеречь от гиперболизации обобщенности правил поведения государств и иных субъектов международных отношений, присутствующей в приводимой характеристике основных принципов международного права. Думается, данное обстоятельство способно породить заблуждение относительно регулятивной функции принципов, а именно способствовать представлениям о принципах международного права как об абстракциях, оторванных от материальной основы и лишенных качества выступать регуляторами конкретных общественных (междувластных) отношений.

Принципиальная основа международного права, разумеется, не является застывшим формированием. Как отмечалось выше, нормы международного права, опосредствующие его основные принципы, объективны, исторически обусловлены и в своем развитии способны отражать потребности сообщества, испытывая на себе воздействие различных сил. Юристы-международники, специально обращавшиеся к данной проблеме, отмечают два пути уточнения, углубления и совершенствования международно-правовых принципов: а) конкретизация уже существующих нормативных элементов принципа без изменения их системы

родном праве, неминуемо ведет к скудным представлениям не только об их сущности, перечне и содержании, но и о сути явления, именуемого императивными нормами общего международного права — *jus cogens*.

²⁰ Ушаков Н. А. Международное право: основные понятия и термины. М., 1996. С. 7.

Развернутую характеристику основных принципов, представленную этим автором, см.: Ушаков Н. А. Проблемы теории международного права. М., 1988.

или «набора»; б) формулирование новых нормативных элементов в основных принципах²¹. Свое качество быть основными, т.е. исходными и вместе с тем фундаментальными, принципами для всей системы современного международного права они демонстрируют посредством воздействия на все другие категории и виды международно-правовых принципов и норм.

Соответствующей иллюстрацией в данном случае являются принципы права международной безопасности, в котором на этапе его становления значительно менее выраженными были начала коллективной безопасности, равной безопасности; в понятие принципа всеобщей безопасности не включались аспекты экономической или экологической безопасности. Главный фокус его содержания концентрировался на военной безопасности, которая проецировалась как кумулятивное проявление основных принципов: суверенного равенства, запрета применения силы и угрозы силой, невмешательства во внутренние дела, нерушимости границ, территориальной целостности, мирного разрешения споров. Однако с течением времени возникла настоятельная необходимость расширения как диапазона регулирования, так и, соответственно, содержания этого центрального принципа современного международного права.

Новое в развитии науки международного права в части принципиальной его основы. На фоне изложенного ранее по поводу в общем-то бездоказательного отрицания некоторыми современными российскими юристами-международниками потребности в понятии «основные принципы» применительно к международному праву привлекают внимание творческие инициативы некоторых зарубежных ученых в части развития принципиальной основы данной системы права. Речь идет о выдвижении китайской международно-правовой доктриной концепции «сопрогрессирования» и об условиях реализации основных принципов²² как о передающих сущность современного международного права.

Примечательно, что в представлениях о базовом наборе фундаментальных принципов «международного права сопрогрессирования» автор, во-первых, не отказывается от термина «основные принципы», а во-вторых, включает в пять принципов «международного права сопрогрессирования», рассматривая их с правовой

²¹ См.: *Игнатенко Г. В., Малинин С. А.* Новые тенденции в международном нормотворчестве // XXX ежегодное собрание Советской ассоциации международного права. 28, 29, 30 января 1987 г. : тезисы докладов. М., 1987. С. 8—9.

В качестве примера первого из указанных векторов приводится определение агрессии, конкретизирующее такой нормативный элемент принципа неприменения силы, как запрет применять вооруженную силу. Второй вариант демонстрируется авторами на материале принципов неприменения силы и нерушимости границ, посредством указания на обогащение их юридического содержания.

²² См.: *Yee S.* Towards an International Law of Co-progressiveness. Part II: Membership, Leadership and Responsibility. Leiden ; Boston, 2014. P. 1—18 ; *Сяньхэ И.* Международное право сопрогрессирования: общая характеристика, нормативное обоснование и некоторые основные принципы // Российский юридический журнал. 2015. № 5. С. 56—70.

С точки зрения лингвистической есть, разумеется, вопросы к переводу термина на русский язык — в оригинале у автора, как видим, имеет место существительное «co-progressiveness».

точки зрения, по сути, как принципы, закрепленные в Уставе ООН и Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами 1970 г., которая и ввела данную формулу («основные принципы»), следующие принципы: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование²³.

Автор пишет: «В разгар “холодной войны” сущность заключалась в сосуществовании государств, в период разрядки международного напряжения — в их содействии (сотрудничестве), а сегодня, в эпоху после “холодной войны”, — в сопрогрессировании». В предложенном термине, согласно трактовке, выдвинутой самим автором, нашли отражение основные черты этого права — всеобъемлющего (отсюда приставка «со») и ориентированного на осуществляемый разумными темпами прогресс, в первую очередь моральный и этический, цель которого — процветание человечества (отсюда — «прогрессирование»)²⁴.

Это явный рефрен «пяти принципов мирного сосуществования» (принципов «панча шила») 1950—1960-х гг., сначала закрепленных в индийско-китайских отношениях соглашением 1954 г. о Тибете, а затем вошедших в Конституцию КНР 1982 г.²⁵ Во всяком случае, налицо полное текстуальное воспроизведение всех пяти принципов. И хотя в статье говорится о них как об основных принципах «международного права сопрогрессирования», которое и идейно и хронологически выступает следующим этапом в развитии настоящего и грядущего международного права (т.е. приходящего на смену и «праву сосуществования государств», свойственному разгару «холодной войны», и «праву содействия/сотрудничества» эпохи разрядки международной напряженности), вряд ли можно согласиться с предположением о тождественности принципов, предназначенных для кардинально различающихся по сути периодов в функционировании международного права. Главным контраргументом выступает неясность, в чем же тогда заключаются отличия в этапах и, соответственно, новизна, воплощающая сущность конкретного этапа?

Однако, как бы там ни было, нельзя не заметить главного: во всех составляющих изложенной концепции (добавим к этому, что и в ряде подходов других специалистов тоже!) фигурируют «основные принципы», которые, по замыслу китайского юриста-международника, действительно необходимы для отражения краеугольных отличий эпохи и адекватного ей международного права. Здесь необходимо подчеркнуть существенный момент: при всем видовом разнообразии

²³ См.: Сяньхэ И. Указ. соч. С. 65—68.

²⁴ Сяньхэ И. Указ. соч. С. 57 и сл.

²⁵ См.: Agreement between the People's Republic of China and the Republic of India on Trade and Intercourse between the Tibet Region of China and India, preamble, as reproduced. 1954 // On the Five Principles of Peaceful Coexistence — Essays in Commemoration of the Five Principles of Peaceful Coexistence. Beijing, 2004. P. 525.

Не стоит при этом забывать, что указанные положения поначалу служили принципами внешней политики двух стран, а не международно-правовыми принципами универсального значения. Чуть позже данные принципы легли в основу итогового документа Бандунгской конференции 1955 г. и движения неприсоединения в целом.

принципов в системе международного права, причем с учетом еще и наличия неординарных — «когентных» норм («императивных норм общего международного права») все же нельзя упускать из поля зрения особый их ряд, каковыми являются основные принципы.

Возникает закономерный вопрос: может ли категория *jus cogens* заменить собой основные принципы международного права? Ответ отрицательный — нет, не может: термин *jus cogens* не идентичен ни терминологически, ни содержательно, ни, что является главным, функционально понятиям «принцип» и конкретно — «основные принципы» международного права. Констатируя функциональную значимость основных принципов по сравнению с *jus cogens*, необходимо подчеркнуть, что они составляют не просто элемент в системе международного права, но обеспечивают роль несущей конструкции. К этому целесообразно добавить: будучи особой принадлежностью системы международного права, отражающей его сущность, природу и отличительные черты как уникального феномена, основные принципы не могут исчисляться десятками. В свете изложенного тот их перечень, который существует в настоящее время, очевидно, не будет неизменным, но вряд ли оправдан прогноз на его активное и быстрое «размножение» в будущем. Во всяком случае, искусственное подталкивание или торпедирование процессов подобного рода явно не способно принести нужные плоды.

Основные принципы и *jus cogens*. В непосредственной связи с указанным находится и ответ на вопрос о юридической квалификации основных принципов при их сопоставлении с *jus cogens* с точки зрения иерархии норм международного права. Здесь первейшим моментом для выяснения служит дилемма: входят ли эти два понятия в одну и ту же категорию или нет? Говоря другими словами, возможно ли основные принципы относить к *jus cogens*, а понятие *jus cogens* автоматически распространять на основные принципы, имея в виду, что ведь основные принципы также должны обладать «когентностью»?!

С внешней точки зрения, ответ вроде бы очевиден: сравниваемые понятия разнородны, ибо в современном международном праве далеко не все нормы *jus cogens* это основные принципы, хотя последние в силу своего юридического значения для системы международного права не могут не быть «императивными нормами общего международного права» (*jus cogens*).

Вторым обстоятельством, подлежащим выяснению, служит проблема иерархического положения основных принципов и *jus cogens* по отношению друг к другу, причем исходными являются две аксиомы: основные принципы обладают нормативностью, обязательностью, характером руководящих норм, наделенных высшей юридической силой; *jus cogens* — также императивные нормы. При этом нет доказательств того, что основные принципы подчиняются *jus cogens* либо что *jus cogens* подчиняется основным принципам.

В поисках убедительных подтверждений правильности того или иного ответа на данные вопросы следует обратиться к материалам Комиссии международного права ООН (КМП). Правда, содержание разработанных ею материалов далеко не всегда однозначно! В частности, и в 60-е гг. XX в., когда КМП готовила проект статей Венской конвенции о праве международных договоров, в рамках чего ею была предпринята разработка понятия *jus cogens*, и ныне, в ходе программно-

целевой работы над темой «*Jus cogens*»²⁶, КМП руководствовалась выявленными критериями норм *jus cogens*, в числе которых: императивность; общепризнанный характер («признание международным сообществом государств в целом»); принадлежность к «общему международному праву»; отражение и защита «фундаментальных (общечеловеческих) ценностей международного сообщества»; иерархически наивысшая юридическая сила по отношению к другим нормам международного права; невозможность отступления в силу соглашения сторон.

Казалось бы, что под данную категорию норм безусловно подпадает перечень принципов международного права, содержащихся в Уставе ООН, которые именуются в ее документах как основные принципы: неприменения силы и угрозы силой, уважения государственного суверенитета и суверенного равенства, мирного разрешения споров, невмешательства во внутренние дела других государств, равноправия и самоопределения народов и наций, сотрудничества, соблюдения международных договоров и обязательств. Они полностью отвечают приведенным выше признакам.

Однако по результатам рассмотрения работы КМП над темой в Шестом комитете ГА ООН и обсуждения в Комиссии 4-го доклада специального докладчика (A/CN.4/727) был, во-первых, поставлен вопрос о «региональном» *jus cogens*, а во-вторых, предложен для включения в выводы, представляемые в рабочий орган по выработке проекта заключительных положений по теме, *иллюстративного перечня императивных норм (jus cogens)* в виде приложения, с уточнением, что список носит неисчерпывающий характер и ограничивается теми императивными нормами общего международного права, на которые КМП ООН ссылалась ранее.

В этот перечень входят: а) запрещение агрессии; б) запрещение геноцида; с) запрещение преступлений против человечности; d) основные нормы международного гуманитарного права; е) запрещение расовой дискриминации и апартеида; f) запрещение рабства; g) запрещение пыток; h) право на самоопределение. Как видим, даже несмотря на упомянутые оговорки, содержание списка далеко от того, чтобы допустить, что Комиссия в какой бы то ни было мере исходила из алгоритма понимания *jus cogens* прежде всего как принципов, закрепленных Уставом ООН.

Более того, последние фразы об условии вхождения в иллюстративный список норм, на которые Комиссия ссылалась ранее, вследствие чего, как следует догадываться, их статус в качестве норм *jus cogens* становится подтвержденным, еще сильнее обнажают суть того, почему Комиссия не обращалась к строго сформулированным предписаниям, например Устава ООН, опосредствующим принципы общего международного права, — его основные принципы. В этом плане, думается, даже подчеркивание ссылки на заведомую неполноту перечня не спасает положения. Не оправдывает подобное также и предположение о так называемых «частично когентных» нормах *jus cogens*²⁷, выявленных также и среди некоторых

²⁶ На своей 69-й сессии в 2017 г. Комиссия международного права ООН приняла решение об изменении формулировки наименования темы с «*Jus cogens*» на «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)».

²⁷ Подробнее об этом см.: *Wet de E. Jus cogens and obligations erga omnes* // The Oxford Handbook of International Human Rights Law / D. Shelton (ed.). Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 542.

принципов Устава ООН, благодаря чему можно было бы опровергнуть подобное допущение. Однако именно примеры этого рода присутствуют в иллюстративном списке (в частности, запрет на применение силы или угрозы силы (правда, в формулировке запрещения агрессии) или право на самоопределение).

Все изложенное, к тому же взятое в сочетании с такой совершенно абстрактной позицией списка, как «основные нормы международного гуманитарного права», является в итоге достаточным для определения парадигмы отыскания ответа на поставленный ранее вопрос, а именно констатации явного несовпадения рассматриваемых двух понятий в разработках КМП ООН по теме *jus cogens*.

В заключение к этому стоит добавить важное соображение: свод *jus cogens* не выступает сводом в собственном смысле этого слова (нормы, включаемые в данную категорию, в ряде случаев относятся не к общему международному праву, а функционируют как отраслевые), в то время как основные принципы, несомненно, во-первых, видятся как обладающие характеристикой устойчивого образования (т.е. служащие фундаментом в системе норм), во-вторых, принадлежат всему международному праву.

Следовательно, даже легкое прикосновение к сравнительно-правовым признакам основных принципов международного права и *jus cogens* не дает возможности квалифицировать последнее в качестве принципов международного права и тем более констатировать тождественность двух явлений. Причем в компаративном подходе к двум явлениям немаловажен и еще один момент — результат рассмотрения их через призму категориального подхода, т.е. определения способности того и другого служить *категориями* науки международного права. И если в отношении основных принципов есть возможность утвердительно ответить на соответствующий вопрос, то применительно к *jus cogens* это вряд ли реалистично. Однако данная проблема составляет самостоятельный предмет²⁸.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абашидзе А. Х.* Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. — 2017. — № 4 (108). — С. 19—29.
2. *Ануфриева Л. П.* «Основные принципы» как категория международного права // Актуальные проблемы современного международного права : материалы XVI Международного конгресса «Блищенковские чтения». Москва, 14 апреля 2018 г. : в 3 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Н. Н. Емельянова. — М. : РУДН, 2019. — Ч. 1. — 582 с. — С. 186—197.
3. *Ануфриева Л. П.* Epigma Конституции 1993 года: общепризнанные принципы и нормы международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 3. — С. 4—25.

²⁸ См.: *Ануфриева Л. П.* «Основные принципы» как категория международного права // Актуальные проблемы современного международного права : материалы XVI Международного конгресса «Блищенковские чтения». Москва, 14 апреля 2018 г. : в 3 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Н. Н. Емельянова. М. : РУДН, 2019. Ч. 1. 582 с. С. 186—197.

4. Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М. : Статут, 2002. — Т. 1. — 584 с.
5. Курс международного права : в 7 т. — М. : Наука, 1989. — Т. 2 : Основные принципы международного права / отв. ред. И. И. Лукашук.
6. Международное право = *Völkerrecht* / В. Г. Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер [и др.] ; пер. с нем. Н. Спица ; сост. В. Бергманн. — 2-е изд. — М. : Инфотропик Медиа, 2015. — Кн. 2. — 1072 с. — (Германская юридическая литература: современный подход).
7. *Нефедов Б. И.* Принципы в международном праве : терминология // Московский журнал международного права. — 2019. — № 1 (113). — С. 6—17.
8. *Толстых В. Л.* Курс международного права : учебник. — М. : Волтерс Клувер, 2010. — 1056 с.
9. *Ушаков Н. А.* Проблемы теории международного права. — М., 1988.
10. *Сяньхэ И.* Международное право сопргрессирования: общая характеристика, нормативное обоснование и некоторые основные принципы // Российский юридический журнал. — 2015. — № 5. — С. 56—70.
11. Базовые принципы международного права: диапазон усовершенствования // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 5 (144). — С. 30—35.
12. *Brownlie's Principles of Public International Law.* — 9th ed. / J. Crawford. — Oxford : Oxford University Press, 2019. — 872 p.
13. *Principles of International Law by Hans Kelsen.* — The Law book Exchange Ltd. — Clark ; New Jersey, 2003.
14. *The Charter of the United Nations. A Commentary.* — 2nd ed. — Vol. 1 / ed. by B. Simma. — Oxford : Oxford University Press, 2002. — 895 p.
15. *Wet de E.* *Jus cogens and obligations erga omnes* // The Oxford Handbook of International Human Rights Law / D. Shelton (ed.). — Oxford : Oxford University Press, 2013.
16. *Yee S.* *Towards an International Law of Co-progressiveness. Part I; Part II: Membership, Leadership and Responsibility.* Leiden; Boston, 2014. P. 1 — 18.

**Лариса Ивановна
ЗАХАРОВА,**

доцент кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент

lizakharova@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ООН

Аннотация. В статье обозначены основные направления международно-правового регулирования физической культуры и спорта в системе Организации Объединенных Наций на современном этапе. Автор анализирует полномочия, имеющиеся в данной сфере у Генеральной Ассамблеи ООН и ее вспомогательного органа — Совета по правам человека, а также Совета Безопасности ООН, Департамента по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН. Автор демонстрирует, как неблагоприятный исход футбольного матча способен стать катализатором для обострения межгосударственного спора и его последующей передачи в Международный Суд ООН. Охарактеризован порядок взаимодействия между Олимпийским движением и двумя специализированными учреждениями ООН — Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры и Всемирной организации здравоохранения.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, ООН, Генеральная Ассамблея, Совет по правам человека, Совет Безопасности, Департамент по экономическим и социальным вопросам, Международный Суд, ЮНЕСКО, ВОЗ, физическое воспитание, допинг, физическая активность.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.76.12.068-082

L. I. ZAKHAROVA,

Associate Professor of the International Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (Law), Associate Professor

lizakharova@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya- Kudrinskaya, 9

MAIN DIRECTIONS OF REGULATING SPORTS ACTIVITIES IN THE UN

Abstract. The article outlines main directions of international legal regulation of physical culture and sport in the United Nations system at the present stage. The author analyzes the powers of the UN General Assembly and its subsidiary body — the Human Rights Council, the UN Security Council, and the Department of Economic and Social Affairs of the UN Secretariat. The author demonstrates how an unfavourable outcome of a football match can become a catalyst for aggravating an interstate dispute and its subsequent transfer to the International Court of Justice. The article describes the interaction between the Olympic movement and two of the UN specialized agen-

cies — the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization and the World Health Organization.

Keywords: *physical culture, sport, UN, General Assembly, Human Rights Council, Security Council, Department of Economic and Social Affairs, International Court of Justice, UNESCO, WHO, physical education, doping, physical activity.*

Введение

К числу уставных целей Организации Объединенных Наций относятся развитие дружественных отношений между нациями, принятие иных мер для укрепления всеобщего мира и безопасности, осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера (п. 2, 3 ст. 1 Устава ООН). Однако в тексте Устава отсутствует прямое упоминание о международно-правовом регулировании физической культуры и спорта в рамках ООН. Наиболее вероятное объяснение этого факта заключается в том, что разработчики Устава ООН не стремились к регулированию олимпийской системы, краеугольным камнем которой является сохраняющийся принцип автономии спорта. Барон П. де Кубертен, по инициативе которого Международный атлетический конгресс 1894 г. принял решение о возрождении Олимпийских игр и учреждении Международного олимпийского комитета (далее — МОК), мечтал о создании автономной регулятивной системы в области спорта, равной по своему статусу действовавшей в те годы Лиге Наций. По этой причине требование Торговой регистрационной палаты в Лозанне зарегистрировать МОК в качестве юридического лица вызывало у него активное неприятие¹. К моменту разработки окончательного текста Устава ООН в 1945 г. МОК действовал уже более 50 лет, и его позиции как главного регулятора олимпийского движения никем не подвергались сомнению.

МОК и по сей день сохраняет свои позиции организации, занимающей центральное место в олимпийской системе, которая обрела к настоящему времени некоторые черты международной правосубъектности, чему, в частности, способствуют признание особого правового статуса МОК Швейцарией и Генеральной Ассамблеей ООН, а также значительное количество соглашений между МОК и специализированными учреждениями, фондами и программами ООН².

Международный паралимпийский комитет (далее — МПК) был создан существенно позже — в 1989 г. Он стал контролировать подготовку и проведение Паралимпийских игр начиная с 1994 г. С формальной точки зрения МПК является юри-

¹ Gilléron V. C. Les relations de Lausanne et du Mouvement Olympique à l'époque de Pierre de Coubertin 1894—1939. Lausanne : IOC, 1993. P. 92—93. Cited in: Mestre A. M. The Law of the Olympic Games. The Hague : T. M. C. Asser Press, 2009. P. 38.

² Тексты данных соглашений см.: Latty F. Le Comité international olympique et le droit international. Paris : Montchrestien, 2001. Подробнее о международной правосубъектности МОК см. Захарова Л. И. Правовой статус и элементы международной правосубъектности МОК // Евразийский экономический журнал. 2014. № 7 (74). С. 75—78.

дическим лицом, учрежденным в соответствии с требованиями законодательства ФРГ и зарегистрированным в реестре ассоциаций и обществ в окружном суде Бонна³. Таким образом, общественная потребность в учреждении международной межправительственной организации, которая координировала бы международное сотрудничество в спортивной сфере, отсутствует.

Вместе с тем в рамках современной ООН ряд ее главных органов и специализированных учреждений обладают полномочиями регулировать отдельные направления межгосударственного сотрудничества в области физической культуры и массового (любительского) спорта.

Деятельность Генеральной Ассамблеи СПЧ ООН: установление олимпийского перемирия и развитие уважения к правам человека в спорте

Своей резолюцией 48/11 «Соблюдение “олимпийского перемирия”» от 25 октября 1993 г.⁴, разработанной по предложению МОК, Генеральная Ассамблея ООН (далее — ГА ООН) возродила древнегреческую традицию священного перемирия перед каждыми Олимпийскими играми — экехейрию (от др.-греч. *ἐκεχειρία* — снятие оружия), утверждению которой в Античности способствовало соглашение, заключенное в 884 г. до н.э. между Ифитом, царем Элиды, Ликургом, законодателем Спарты, и Клеосфеном, царем Писатиды⁵. На время Игр прекращались все военные действия, Олимпия объявлялась нейтрализованной территорией: на месте проведения соревнований воины складывали оружие, атлетам и зрителям гарантировались свобода передвижения и личная неприкосновенность в Олимпии и по пути следования к ней, даже если они пересекали территории полисов, находившихся в состоянии войны с их родным городом⁶.

С 1993 г. ГА ООН перед каждыми Олимпийскими играми принимает резолюцию об экехейрии. Призыв «соблюдать “олимпийское перемирие”, индивидуально и коллективно, в настоящее время и в будущем, и поддерживать Международный олимпийский комитет в его усилиях по поощрению мира и взаимопонимания между людьми посредством спорта и воплощения олимпийских идеалов» содержится и в п. 10 Декларации тысячелетия ООН, утвержденной резолюцией ГА ООН 55/2 8 сентября 2000 г.⁷

9 декабря 2019 г. ГА ООН приняла резолюцию 74/16 «Утверждение мира и построение более счастливой жизни на планете посредством спорта и воплощения

³ Устав Международного паралимпийского комитета. 2011 г. Ст. 1.3 // URL: https://www.paralympic.org/sites/default/files/document/141113141030725_2014_10_01+Sec+i+chapter+1_0_IPC+Constitution.pdf (дата обращения: 29.10.2020).

⁴ URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/48/11> (дата обращения: 28.10.2020).

⁵ *Sirracos C.* History of the Olympic Games. From Antiquity to the Present Time. New York, 2002. P. 35.

⁶ *Mestre A.* The Law of the Olympic Games. The Hague : T. M. C. Asser Press, 2009. P. 8.

⁷ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 28.10.2020).

олимпийских идеалов» по инициативе Японии, с тем чтобы обеспечить соблюдение «олимпийского перемирия» в течение всего периода, начинающегося за семь дней до начала XXXII летних Олимпийских игр и заканчивающегося через семь дней после закрытия XVI Паралимпийских игр в Токио в 2020 г.⁸ Проект резолюции ГА ООН аналогичного содержания был внесен Японией 22 июня 2020 г. в связи с переносом XXXII летних Олимпийских игр и XVI Паралимпийских игр на июль — сентябрь 2021 г. вследствие пандемии коронавируса⁹.

Невозможно утверждать, что государства, даже те из них, которые принимали Олимпийские игры на своей территории, в период после 1993 г. всегда безукоризненно соблюдали «олимпийское перемирие». Так, например, итальянские вооруженные силы принимали участие в конфликте в Ираке во время Игр 2006 г. в Турине, а Грузия начала боевые действия против Южной Осетии в день открытия Олимпиады 2008 г. в Пекине. Вместе с тем США прекратили бомбардировки Ирака во время Игр 1998 г. в Нагано, несмотря на заявления пресс-секретаря американского Президента о том, что внешняя политика США не принимает во внимание спортивные события¹⁰.

Благодаря резолюциям ГА ООН в календаре ООН появляются новые праздники и знаменательные даты. В дополнение к Международному олимпийскому дню, отмечаемому 23 июня в память о возрождении современного олимпийского движения в 1894 г., ГА ООН провозгласила 6 апреля Международным днем спорта на благо развития и мира в своей резолюции 67/296 от 23 августа 2013 г.¹¹ Таким образом международное сообщество и олимпийское движение напоминают о ценности спорта и физической активности как инструментов социальных изменений. В этот день проводятся разнообразные массовые образовательные и спортивные мероприятия: марафоны, спортивные игры, велосипедные гонки.

25 сентября 2015 г. ГА ООН приняла важную резолюцию 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (далее — Повестка — 2030), в которой назвала спорт одним из важных факторов обеспечения устойчивого развития, мира, уважения прав человека в целом и уязвимых категорий населения в частности (п. 37)¹². Эта резолюция является программой глобальных действий для реализации семнадцати Целей устойчивого развития (далее — ЦУР) на период с 2015 по 2030 г.

Как указано в Повестке — 2030, устойчивое развитие складывается из трех компонентов: *экономического* (экономический рост, достойная работа для всех с учетом разных уровней национального развития и возможностей), *социального* (миролюбивое, справедливое и свободное от социальных барьеров общество, защита прав человека, обеспечение гендерного равенства) и *экологического* (обеспечение надежного сохранения планеты и ее природных ресурсов). О своей

⁸ URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/16> (дата обращения: 28.10.2020).

⁹ URL: <https://undocs.org/A/74/L.73> (дата обращения: 28.10.2020).

¹⁰ Шаппле Ж.-Л., Кюблер-Мабоитт Б. Международный олимпийский комитет и Олимпийская система. Управление мировым спортом / пер. с англ. М. : Рид Медиа, 2012. (Библиотека Российского международного олимпийского университета). С. 139.

¹¹ URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/67/296> (дата обращения: 28.10.2020).

¹² URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 28.10.2020).

приверженности идее устойчивого развития заявил и МОК в своей Олимпийской повестке дня на период до 2020 года (в частности, в рекомендации 4 «Включить принципы устойчивого развития во все аспекты Олимпийских игр» и рекомендации 5 «Интегрировать принципы устойчивого развития в повседневную деятельность в рамках олимпийского движения»)¹³.

3 декабря 2018 г. ГА ООН в резолюции 73/24 «Спорт как фактор обеспечения устойчивого развития» приветствовала укрепление многочисленных партнерств между организациями системы ООН и МОК и рост внимания международного сообщества к изучению и использованию роли спорта и физической активности в достижении ЦУР и пользовании правами человека, призвав государства, структуры системы ООН, международные спортивные организации, спортсменов, СМИ, гражданское общество, научные круги и частный сектор руководствоваться в своих стратегиях и программах развития и мира такими рамочными документами, как Казанский план действий Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее — ЮНЕСКО) и Глобальный план действий по повышению уровня физической активности на 2018—2030 годы Всемирной организации здравоохранения (далее — ВОЗ) (п. 3—4)¹⁴.

Совет по правам человека Организации Объединенных Наций (далее — СПЧ ООН) — вспомогательный орган Генеральной Ассамблеи ООН, ответственный за поощрение и защиту прав человека на универсальном уровне, неоднократно затрагивал вопрос о том, как соотносятся спорт и права человека. В своей резолюции 24/1 «Поощрение прав человека через спорт и идеалы олимпийского движения» от 26 сентября 2013 г. СПЧ ООН указал на имеющиеся возможности для использования спорта, Олимпийских и Паралимпийских игр для поощрения и укрепления всеобщего уважения прав человека и призвал государства к сотрудничеству с МОК и МПК «в их усилиях, направленных на использование спорта в качестве инструмента поощрения прав человека, развития, мира, диалога и примирения в ходе проведения Олимпийских и Паралимпийских игр и в последующий период» (п. 3)¹⁵.

Для подготовки исследования о возможных путях использования спорта и олимпийских идеалов для поощрения прав человека СПЧ ООН направил запрос государствам — членам ООН, международным и региональным организациям, национальным правозащитным учреждениям, организациям гражданского общества и другим заинтересованным сторонам запрос о представлении своих мнений и материалов по данному вопросу (п. 5 резолюции 24/1).

МОК представил свой ответный доклад в марте 2014 г. В нем отмечалось, что своей деятельностью по развитию спорта МОК и участники Олимпийского движения содействуют развитию молодежи, образованию, культуре, здоровому

¹³ International Olympic Committee. URL: https://stillmed.olympic.org/media/Document%20Library/OlympicOrg/Documents/Olympic-Agenda-2020/Olympic-Agenda-2020-20-20-Recommendations.pdf#_ga=2.257528652.693959230.1604275627-183402044.1555449069 (дата обращения: 28.10.2020).

¹⁴ URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/24> (дата обращения: 28.10.2020).

¹⁵ United Nations Human Rights Council. URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/AdvisoryCom/A_HRC_RES_24_1_RUS.pdf (дата обращения: 28.10.2020).

образу жизни, устойчивому развитию, гендерному равенству, взаимопониманию между народами и миру и поддерживают права уязвимых категорий населения и права человека в целом. МОК привел ряд примеров социально значимых проектов, успешно им реализованных в течение последних двух десятилетий, которые были направлены на защиту прав уязвимых групп, таких как женщины, дети, лица с инвалидностью.

Так, например, МОК совместно с Всемирной продовольственной программой ООН и с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев осуществлял помощь беженцам и внутренне перемещенным лицам в Афганистане, Камбодже, Кении, Намибии и на Гаити. В Замбии и на Гаити МОК в рамках своей программы «Спорт надежды» создал олимпийские центры развития молодежи, предоставляя молодым людям новые возможности для занятий спортом и изменения образа жизни, предлагая современные спортивные залы спортсменам всего региона, распространяя олимпийские ценности дружбы и уважения¹⁶.

Усиление сотрудничества МОК со структурами ООН внушает оптимизм, однако нельзя не отметить, что в ходе взаимодействия с СПЧ ООН МОК пока не выработал какой-либо заметный программный документ в сфере прав человека подобно тому, как, например, это сделала в мае 2017 г. Международная федерация футбола (далее — ФИФА), опубликовав документ «Политика ФИФА в области прав человека»¹⁷, где обозначены ключевые ориентиры и основные проблемы для деятельности ФИФА в этой сфере¹⁸.

Деятельность Совета Безопасности ООН: спорт как средство обеспечения международного мира и безопасности

Прямое взаимодействие между МОК и Советом Безопасности ООН (далее — СБ ООН) возникает редко, однако такие примеры все-таки имеются. 30 мая 1992 г. в ходе гражданской войны на территории бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии (далее — СФРЮ) СБ ООН принял резолюцию 757 (1992), в которой в п. 8 (b) постановил, что все государства «примут необходимые меры по предотвращению участия в спортивных состязаниях на своей территории лиц или групп, представляющих Союзную Республику Югославию (Сербию и Черногорию)»¹⁹.

МОК по просьбе правительства Союзной Республики Югославия обратился в Комитет СБ ООН для наблюдения за осуществлением эмбарго на поставки оружия на территорию Югославии, учрежденный резолюцией СБ ООН 724 (1991) от

¹⁶ См. подробнее: Ежегодный доклад о деятельности Бюро ООН по спорту за 2014 г. С. 13—15 // URL: [https://www.un.org.sport/files/ckfiles/files/UNOSDP%20Annual%20Report%202014%20web\(1\).pdf](https://www.un.org.sport/files/ckfiles/files/UNOSDP%20Annual%20Report%202014%20web(1).pdf) (дата обращения: 29.10.2020).

¹⁷ Fédération Internationale de Football Association // URL: <https://img.fifa.com/image/upload/kr05dqyhwr1uhqy2lh6r.pdf> (дата обращения: 29.10.2020).

¹⁸ См. подробнее: Захарова Л. И. Международные стандарты прав человека как ограничение принципа автономии спорта // Закон. 2020. № 8. С. 67—72.

¹⁹ URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/757\(1992\)](https://undocs.org/ru/S/RES/757(1992)) (дата обращения: 29.10.2020).

15 декабря 1991 г.²⁰ и действовавший до 1 октября 1996 г.²¹, с предложением создания независимой команды для спортсменов из Сербии, Черногории и Македонии для их участия в Олимпиаде в XXV летних Олимпийских играх в Барселоне. Свое предложение МОК обосновал ссылкой на действовавшее на тот момент правило 9 Олимпийской хартии (в редакции, вступившей в силу 16 июня 1991 г.)²², по которому Олимпийские игры являются соревнованиями между спортсменами, а не между государствами.

Совет Безопасности ООН согласился с доводами МОК о необходимости устранения ситуации, при которой могло сложиться впечатление, что спортсмены и команды представляют СФРЮ, и принял его предложение о создании независимой команды. Это решение СБ ООН повлекло в научной литературе предположения о том, что способность МОК направлять обращения в международные организации представляет собой дополнительный аргумент в пользу признания за ним определенного объема международной правосубъектности²³.

Деятельность Секретариата ООН: спорт как средство достижения Целей устойчивого развития

В период с 2004 г., когда в преддверии XXVIII летних Олимпийских игр в Афинах была создана Международная рабочая группа «Спорт на благо развития и мира», по 2017 г. одним из важнейших органов ООН, разрабатывавших рекомендации и программы действий в спортивной сфере, являлось Бюро ООН по спорту на благо развития и мира. Его работой руководил специальный советник Генерального секретаря ООН, возглавляющего Секретариат Организации. Деятельность Бюро ООН по спорту на благо развития и мира велась по пяти направлениям: спорт и детско-юношеское развитие, спорт и гендерное равенство, спорт и мир, спорт и лица с ограниченными возможностями, а также спорт и здоровье²⁴. Специальный советник по спорту на благо развития и мира представлял Генерального секретаря ООН и систему ООН в целом на важных спортивных мероприятиях²⁵.

²⁰ URL: <https://undocs.org/ru/S/RES/724> (1991) (дата обращения: 29.10.2020).

²¹ Совет Безопасности ООН. Комитеты по санкциям и другие комитеты по контролю за осуществлением обязательных мер // URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/repertoire/sanctions-and-other-committees#cat4> (дата обращения: 29.10.2020).

²² International Olympic Committee. Olympic Charter in force as from 16 June 1991. P. 12 // URL: https://stillmed.olympic.org/media/Document%20Library/OlympicOrg/Olympic-Studies-Centre/List-of-Resources/Official-Publications/Olympic-Charters/EN-1991-Olympic-Charter-June.pdf#_ga=2.236002497.1195267752.1604098482-183402044.1555449069 (дата обращения: 29.10.2020).

²³ *Mestre A. M.* Op. cit. P. 39.

²⁴ Ежегодный доклад о деятельности Бюро ООН по спорту за 2014 г. С. 10 // Бюро ООН по спорту на благо развития и мира. URL: [https://www.un.org/sport/sites/www.un.org.sport/files/ckfiles/files/UNOSDP%20Annual%20Report%202014%20web\(1\).pdf](https://www.un.org/sport/sites/www.un.org.sport/files/ckfiles/files/UNOSDP%20Annual%20Report%202014%20web(1).pdf) (дата обращения: 30.10.2020).

²⁵ Подробнее см.: *Захарова Л. И.* Международное спортивное право : учебник для бакалавров / отв.ред. К. А. Бекашев. М. : Проспект, 2017. С. 62—66.

4 мая 2017 г. Бюро ООН по спорту на благо развития и мира прекратило свою работу, и полномочия по координации взаимодействия между системой ООН и международными спортивными организациями были переданы Департаменту экономических и социальных вопросов Секретариата ООН (далее — ДЭСВ)²⁶. Его деятельность направлена на достижение семнадцати ЦУР, перечисленных в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года».

Физическая культура и спорт способны выступать эффективными инструментами для достижения ЦУР, что убедительно демонстрирует программа «Футбол для школ», реализуемая с 2018 г. совместными усилиями ФИФА, (ЮНЕСКО) и Всемирной продовольственной программы ООН. Особенно заметен вклад программы «Футбол для школ» в обеспечении здорового образа жизни и содействии благополучию для всех в любом возрасте (ЦУР 3), в сфере всеохватного и справедливого качественного образования и возможности обучения на протяжении всей жизни для всех (ЦУР 4), гендерного равенства и расширения прав и возможностей всех женщин и девочек (ЦУР 5)²⁷.

Проигрыш в спортивных соревнованиях как катализатор конфликта и последующего судебного разбирательства в Международном Суде ООН

Примером ожесточенного межгосударственного конфликта, переросшего в вооруженное противостояние, может служить 100-часовая «Футбольная война» между двумя государствами Центральной Америки — Сальвадором и Гондурасом с 14 по 18 июля 1969 г. (исп. — Guerra del Fútbol), вызванная проигрышем команды Гондураса команде Сальвадора в матчах плей-офф отборочного этапа чемпионата мира по футболу 1970 г. в Мексике. В результате военных действий 6 тыс. человек погибло, 20 тыс. человек получили ранения²⁸. Кроме того, следствием «Футбольной войны» стал распад Центральноамериканского общего рынка (исп. Mercado Común Centroamericano (МССА)), с 1960 г. объединявшего пять государств региона на основе Соглашения о создании общего рынка, — его функционирование возобновилось только в начале 1990-х гг.²⁹

На XIII консультациях между министрами иностранных дел Организации американских государств (далее — ОАГ) была учреждена Специальная комиссия,

²⁶ United Nations Department of Economic and Social Affairs. Social Inclusion. URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/sport-development-peace.html> (дата обращения: 29.10.2020).

²⁷ Подробнее см. Захарова Л. И. Участие российских образовательных учреждений в программе ФИФА «Футбол для школ»: предложение для включения в Стратегию развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года // Спорт: экономика, право, управление. 2019. № 3. С. 20—24.

²⁸ Kapuscinski R. La Guerra del fútbol y otros reportajes. Buenos Aires : Editorial La Página S. A., 2011. P. 68—70, 103.

²⁹ Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Central-American-Common-Market> (дата обращения: 30.10.2020).

которая к 27 октября 1969 г. выработала проект ряда резолюций, в том числе и по вопросам территориального разграничения, однако ее деятельность не принесла желаемых результатов. 6 октября 1976 г. спорящие стороны прибегли к процедуре посредничества под эгидой ОАГ. В качестве посредника выступал бывший председатель Международного Суда, известный перуанский юрист и политический деятель Хосе Бустаманте-и-Риверо. Процесс медиации привел к заключению 30 октября 1980 г. Договора о мире, впоследствии ратифицированного Сальвадором и Гондурасом. Однако он не урегулировал вопрос о принадлежности шести спорных участков, и 24 мая 1986 г. в соответствии со ст. 31 Договора 1980 г. стороны заключили Специальное соглашение о передаче спора в Международный Суд ООН для определения государственной границы между ними на суше и на море, а также для решения вопроса о принадлежности островов, расположенных в заливе Фонсека в восточной части Тихого океана (п. 35—37 решения Международного Суда 1992 г.)³⁰. Впоследствии главный судебный орган ООН разрешил территориальные претензии сторон посредством двух решений — от 11 сентября 1992 г. и от 18 декабря 2003 г.³¹, причем в 2002 г. производство по спору открылось на основании ст. 61 Статута Международного Суда (пересмотр решения по вновь открывшимся обстоятельствам) в первый раз в практике Суда³².

Деятельность ЮНЕСКО: регулирование вопросов физического воспитания и противодействия допингу

ЮНЕСКО — это специализированное учреждение ООН, уставными целями которого являются содействие укреплению мира и безопасности «путем расширения сотрудничества народов в области образования, науки и культуры в интересах обеспечения всеобщего уважения справедливости, законности и прав человека»³³. С середины 1970-х гг. ЮНЕСКО занималась выработкой международных стандартов физического воспитания и спорта. 21 ноября 1978 г. ЮНЕСКО принят такой важный международный документ в спортивной сфере, как Международная хартия физического воспитания и спорта, нацеленный на активизацию спортивного образования детей и молодежи и развитие массового спорта. 18 ноября 2015 г.

³⁰ International Court of Justice. Land, island and maritime frontier dispute (El Salvador/Honduras: Nicaragua intervening). Judgment of 11 September 1992 // URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/75/075-19920911-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 30.10.2020).

³¹ International Court of Justice. Application for revision of the Judgment of 11 September 1992 in the Case concerning the land, island and maritime frontier dispute (El Salvador / Honduras: Nicaragua intervening) (El Salvador v. Honduras). Judgment of 18 December 2003 // URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/127/127-20031218-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 30.10.2020).

³² International Court of Justice // URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/127> (дата обращения: 30.10.2020).

³³ URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=15244&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (дата обращения: 30.10.2020).

Международная хартия физического воспитания и спорта была пересмотрена, и ныне она называется Международной хартией физического воспитания, физической активности и спорта³⁴. Хартия в своей новой редакции делает акцент на пользу физической активности для здоровья и пропагандирует инклюзивный подход в целях вовлечения в занятия спортом всех лиц, включая такие уязвимые категории населения, как дети дошкольного возраста, женщины и девочки, пожилые люди, лица с инвалидностью и представители коренного населения (п. 3 ст. 1). Провозглашаются равные возможности девочек и женщин для участия и вовлечения в руководство и принятие решений на всех уровнях в сфере физического воспитания, физической активности и спорта (п. 4 ст. 1).

В статье 2 Хартии перечислены положительные последствия для индивидов, сообщества и общества в целом, которые обеспечиваются физическим воспитанием, физической активностью и спортом: социальное и семейное благополучие, развитие позитивных социальных и поведенческих установок, объединение людей, представляющих разные культурные, социальные и экономические слои населения (п. 4 ст. 2); профилактика и реабилитация людей, подвергшихся риску наркотической зависимости, злоупотребления алкоголем и табаком, преступности, эксплуатации и крайней нищеты (п. 5 ст. 2).

Статья 4 Хартии справедливо указывает на тот факт, что программы в области физического воспитания, физической активности и спорта вызывают желание участвовать в них на протяжении всей жизни. По этой причине «качественные и общедоступные уроки физического воспитания, проводимые квалифицированными преподавателями физкультуры, должны быть обязательными на всех ступенях и уровнях образования» (п. 3 ст. 4). На протяжении всего документа красной нитью проходит мысль о необходимости сотрудничества для достижения поставленных целей органов государственной власти государств — участников ЮНЕСКО и спортивных организаций (например, п. 13 преамбулы, ст. 3, ст. 5, п. 9 ст. 10).

С 1976 г. ЮНЕСКО регулярно проводит конференции министров и старших должностных лиц, ответственных за физическое воспитание и спорт (далее — МИНЕПС). С 1978 г. в рамках ЮНЕСКО действует Межправительственный комитет по физическому воспитанию и спорту (далее — СИГЕПС), который вырабатывает эффективную политику в области спорта и обозначает пути реализации образовательных проектов и программ ЮНЕСКО в государствах-участниках.

VI конференция МИНЕПС, состоявшаяся 13—15 июля 2017 г. в Казани, выработала стратегию для реализации положений ранее принятых международных документов в области физического воспитания, физической активности, спорта и устойчивого развития: Казанский план действий отразил приверженность участников тем целям, которые были ранее провозглашены в Международной хартии физического воспитания, физической активности и спорта ЮНЕСКО в ред. 2015 г. (п. 6—8 Казанского плана действий) и в Повестке — 2030, принятой резолюцией ГА ООН 70/1 от 25 сентября 2015 г. (п. 3, 4, 6, 8, 13 Казанского плана действий)³⁵.

³⁴ Резолюция 38C/43 Генеральной конференции ЮНЕСКО. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235409_rus (дата обращения: 30.10.2020).

³⁵ URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000252725_rus (дата обращения: 30.10.2020).

Казанский план действий ЮНЕСКО 2017 г. обратил особое внимание на «принципиальное значение защиты, уважения и соблюдения прав человека всех лиц, работающих в сфере физического воспитания, физической активности и спорта» (п. 22)³⁶. Такая формулировка свидетельствует о необходимости выработки единых подходов к пониманию прав человека в *lex sportiva* и международном спортивном праве. Автономия спорта не должна восприниматься как свобода от обязательств в этой сфере. У нее есть свои пределы, обозначенные международными документами ООН, ЮНЕСКО, Совета Европы, Международной организации труда (МОТ)), а также международными договорами в сфере прав человека³⁷.

Вторым направлением деятельности ЮНЕСКО в области регулирования спортивной деятельности стало противодействие допингу. Международная конвенция ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте от 19 октября 2005 г.³⁸ — это универсальный договор, который ввел международно-правовой запрет в отношении допинга. В Конвенции 2005 г. участвует 190 государств мира³⁹, в том числе и Россия, ратифицировавшая ее в декабре 2006 г.⁴⁰ Конвенция 2005 г. провозглашает цель — содействовать предотвращению применения допинга в спорте и бороться с ним в интересах его искоренения (ст. 1).

Средствами достижения конвенционных целей являются принятие надлежащих мер на национальном уровне (разд. II «Деятельность по борьбе с допингом на национальном уровне») и поощрение всех форм международного сотрудничества между государствами — участниками и ведущими организациями в области борьбы с допингом в спорте, в частности с Всемирным антидопинговым агентством (далее — ВАДА) (разд. III «Международное сотрудничество»).

Государства-участники обязуются придерживаться принципов Всемирного антидопингового кодекса, выработанного ВАДА и включенного в число приложений к Конвенции (ст. 3). В Приложении I к Конвенции 2005 г. воспроизведен Первый международный стандарт ВАДА (Запрещенный список субстанций и методов), в Приложении II — Второй международный стандарт ВАДА (Стандарты выдачи разрешений на терапевтическое использование).

В рамках ЮНЕСКО учрежден Фонд для искоренения допинга в спорте (далее — Добровольный фонд). Он формируется из взносов государств — участников Конвенции, взносов и пожертвований иных государственных и частных организаций, физических лиц (ст. 17). Средства Добровольного фонда выделя-

³⁶ URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000252725_rus (дата обращения: 30.10.2020).

³⁷ Cornu P., Cuendet S., Vidal L. Disciplinary and Arbitration Procedures of the Sport Movement. Good practice handbook for judicial authorities. Council of Europe, 2017. P. 22. См. подробнее: Захарова Л. И. Международные стандарты прав человека как ограничение принципа автономии спорта // Закон. 2020. № 8. С. 62—67.

³⁸ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/doping_in_sport.shtml (дата обращения: 30.10.2020).

³⁹ URL: <http://www.unesco.org/eri/la/convention.asp?KO=31037&language=E> (дата обращения: 30.10.2020).

⁴⁰ Федеральный закон от 27.12.2006 № 240-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте» // Российская газета. № 4263. 31.12.2006.

ются Конференцией сторон для финансирования утвержденных ею мероприятий, в частности для оказания государствам-участникам помощи в разработке и осуществлении антидопинговых программ (ст. 18).

Раздел VI «Мониторинг Конвенции» устанавливает порядок деятельности Конференции сторон и полномочия этого контрольного органа. Ее очередные сессии проводятся раз в два года. VII Конференция сторон созывалась 29—31 октября 2019 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже⁴¹. ВАДА приглашается на Конференцию сторон в качестве консультативной организации, МОК, МПК, Совет Европы и СИГЕПС приглашаются в качестве наблюдателей (ст. 29). Конференция сторон содействует достижению целей Конвенции, обсуждает вопросы взаимоотношений с ВАДА, утверждает план использования средств Добровольного фонда (ст. 30), раз в два года рассматривает доклады государств-участников о принятых ими мерах (ст. 31), рассматривает поправки к Конвенции и поправки к Запрещенному списку и Стандартам выдачи разрешений на терапевтическое использование, предлагаемые ВАДА, в целях их последующего утверждения (ст. 34)⁴².

Деятельность ВОЗ: пропаганда здорового образа жизни и повышения уровня физической активности

В 2004 г. ВОЗ на своей 57-й сессии приняла Глобальную стратегию по питанию, физической активности и здоровью. Ее основные задачи обозначены в п. 18 Глобальной стратегии: сокращение двух основных факторов риска неинфекционных болезней — нездорового рациона питания и недостаточной физической активности; расширение общего осознания и понимания роли рационального питания и физической активности как детерминантов здоровья населения и положительного потенциала профилактических мероприятий; поощрение разработки, укрепления и осуществления глобальных, региональных, национальных и общинных политических курсов и планов действий; сбор научных данных и мониторинг основных воздействий на рациональное питание и физическую активность, оказание поддержки научным исследованиям и развитию кадровых ресурсов для успешной медико-санитарной деятельности в этой области.

В пункте 24 Глобальной стратегии каждому человеку рекомендуется обеспечивать адекватный уровень физической активности на протяжении всей жизни: «По крайней мере 30 минут регулярной физической активности средней интенсивности в большинство дней в неделю уменьшают риск сердечно-сосудистых болезней, диабета, рака прямой кишки и рака груди». В пункте 25 данного документа в целях обеспечения успешной профилактики хронических болезней наряду с вышеперечисленными рекомендациями указывается также на необходимость эффективной борьбы против табакокурения.

Пункты 35—48 Глобальной стратегии содержат рекомендации государствам по выработке национальных стратегий в рассматриваемой области; в п. 49, 52—53, 56—57 перечислены основные направления взаимодействия ВОЗ с другими

⁴¹ URL: <https://ru.unesco.org/themes/sport-and-anti-doping/cop7> (дата обращения: 30.10.2020).

⁴² Подробнее см.: Захарова Л. И. Международное спортивное право. С. 174—177.

учреждениями и органами ООН; п. 55 относит к числу международных партнеров, с которыми важно сотрудничать в достижении поставленных целей и задач, не только учреждения ООН и другие межправительственные организации, но и неправительственные организации, профессиональные ассоциации, научно-исследовательские институты и частный сектор⁴³.

21 июля 2010 г. ВОЗ и МОК подписали Меморандум о взаимопонимании в сфере укрепления здорового образа жизни, в котором заявили о своей решимости объединять усилия с целью продвижения здорового образа жизни, который предполагает физическую активность, спорт для всех, Олимпийские игры без табака, отказ от нездоровых привычек в питании и принятие мер по предотвращению детского ожирения. В этих целях была учреждена рабочая группа для дальнейшего определения, развития и поддержки программы международного сотрудничества и реализации совместных мероприятий⁴⁴.

Принятый в 2018 г. Глобальный план действий ВОЗ по повышению уровня физической активности на 2018—2030 гг. формулирует четыре цели (построение активного общества; создание активной среды; воспитание активных людей; создание активных систем) и двадцать конкретных мер, которые будут способствовать достижению ЦУР и изменению культурных, экологических и индивидуальных детерминант недостаточной физической активности (в частности, внедрение социальных норм и установок для формирования положительного восприятия преимуществ регулярной физической активности, обеспечение справедливого доступа к безопасным местам и пространствам для осуществления регулярной физической активности, создание механизмов и программ разного профиля, побуждающих к регулярной физической активности в индивидуальных, семейных и коллективных формах, создание систем управления и многосекторальных партнерств, информационно-разъяснительная работа и внедрение информационных систем для координации мер международного, национального и субнационального уровня по повышению уровня физической активности и сокращению масштабов малоподвижного образа жизни)⁴⁵.

Взгляд в будущее

За 75 лет непрерывной деятельности по достижению своих уставных целей ООН обеспечила необходимую платформу для диалога между государствами, межгосударственными структурами и главными регуляторами спортивного движения — МОК и МПК, являющимися международными неправительственными организациями. В настоящее время Генеральная Ассамблея и Совет по правам

⁴³ Резолюция Всемирной организации здравоохранения WHA 57.17 от 22 мая 2004 г. // World Health Organization. URL: http://www.who.int/dietphysicalactivity/strategy/eb11344/strategy_russian_web.pdf (дата обращения: 31.10.2020).

⁴⁴ World Health Organization. URL: http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2010/ioc_20100721/en/index.html (дата обращения: 31.10.2020).

⁴⁵ URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/272722/9789241514187-eng.pdf?ua=1> (дата обращения: 31.10.2020).

человека ООН обеспечивают площадку для обсуждения широкого спектра вопросов международной жизни, в том числе связанных со спортом и правами человека. В качестве иных составных элементов, по мнению А. В. Иглина, выступают Департамент по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН, а также созываемые под эгидой ЮНЕСКО конференции министров и старших должностных лиц, ответственных за физическое воспитание и спорт, и Межправительственный комитет по физическому воспитанию и спорту с его Постоянным консультативным советом, в котором представлены организации системы ООН, региональные межправительственные организации, МОК, МПК, ФИФА, иные международные спортивные федерации и общественные организации⁴⁶.

Весьма часто Генеральная Ассамблея ООН, принимая рекомендательные международные документы, задает ориентиры общего характера, с тем чтобы специализированные учреждения ООН и организации спортивного мира вырабатывали свои программные документы в обсуждаемых областях с учетом своей компетенции и полномочий. Так, в 2015 г. ГА ООН приняла Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, в которой сформулировала семнадцать Целей устойчивого развития. Планомерную деятельность по их достижению ведет с 2017 г. Департамент по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН, который будет искать новые возможности для использования массового спорта на благо развития и мира.

Такие документы, как Казанский план действий ЮНЕСКО 2017 г. и Глобальный план действий ВОЗ по повышению уровня физической активности на 2018—2030 годы, конкретизируют способы достижения ЦУР посредством спорта в пределах компетенции ЮНЕСКО и ВОЗ, соответственно, в области образования, социальной интеграции, соблюдения прав человека в спорте и в сфере здравоохранения, обеспечения регулярной физической активности и пропаганды здорового образа жизни.

Резолюции СПЧ ООН и положения Казанского плана действий ЮНЕСКО 2017 г. побуждают спортивный мир к внедрению международных стандартов в сфере прав человека в спорте, к особым мерам защиты в отношении уязвимых категорий (в частности, детей, женщин, лиц с инвалидностью, коренных народов). Диалог в этом направлении между СПЧ и международными спортивными организациями будет продолжаться. Призыв к диалогу по вопросам прав человека в спорте обращен не только к МОК и МПК, он адресован и международным спортивным федерациям и способен принести свои благотворные плоды, что подтверждает опыт Международной федерации футбола, добровольно выработавшей в 2017 г. документ «Политика ФИФА в области прав человека».

⁴⁶ Иглин А. В. Управление спортом (международный аспект) // Вестник МГЮА. 2019. № 4. С. 171.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Захарова Л. И.* Международное спортивное право : учебник для бакалавров / отв.ред. К. А. Бекашев. — М. : Проспект, 2017. — 272 с.
2. *Захарова Л. И.* Международные стандарты прав человека как ограничение принципа автономии спорта // Закон. — 2020. — № 8. — С. 61—72.
3. *Захарова Л. И.* Правовой статус и элементы международной правосубъектности МОК // Евразийский экономический журнал. — 2014. — № 7 (74). — С. 75—78.
4. *Захарова Л. И.* Участие российских образовательных учреждений в программе ФИФА «Футбол для школ»: предложение для включения в Стратегию развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года // Спорт: экономика, право, управление. — 2019. — № 3. — С. 20—24.
5. *Иглин А. В.* Управление спортом (международный аспект) // Вестник МФЮА. — 2019. — № 4. — С. 160—175.
6. *Шаппле Ж.-Л., Кюблер-Мабботт Б.* Международный олимпийский комитет и Олимпийская система. Управление мировым спортом / пер. с англ. — М. : Рид Медиа, 2012. — 240 с. — (Библиотека Российского международного олимпийского университета).
7. *Cornu P., Cuendet S., Vidal L.* Disciplinary and Arbitration Procedures of the Sport Movement. Good practice handbook for judicial authorities. — Council of Europe, 2017. — 124 p.
8. *Kapuscinski R.* La Guerra del fútbol y otros reportajes. — Buenos Aires : Editorial La Página S. A., 2011. — 124 p.
9. *Latty F.* Le Comité international olympique et le droit international. — Paris : Montchrestien, 2001. — 235 p.
10. *Mestre A. M.* The Law of the Olympic Games. — The Hague : T. M. C. Asser Press, 2009. — 242 p.
11. *Sirracos C.* History of the Olympic Games. From Antiquity to the Present Time. — New York, 2002. — 248 p.

ИЗМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. Любой международный договор содержит сбалансированные обязательства, взятые участниками при сопутствующих его заключению обстоятельствах. Изменение тех или иных условий, существовавших в момент заключения договора, обуславливает необходимость адаптировать его к новым реалиям. В свете этого обращение к проблеме изменения международных договоров представляется актуальной задачей.

В предлагаемой статье автор анализирует различные международные договоры с целью выявления общих и специальных подходов государств к вопросам изменения заключаемых ими международных договоров. Особое внимание уделяется анализу норм Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., закрепленных в ее части IV «Поправки к договорам и изменение договоров».

При подготовке статьи автором использовались в комплексе различные методы научного исследования: системного, структурного, историко-правового, формально-юридического анализа.

Проведенный анализ позволил сделать ряд выводов относительно утвердившихся и наиболее типичных для договорной практики государств подходов к вопросу о возможности вносить в действующие договоры изменения. Наряду с применением специальных процедур внесения изменений в действующие международные договоры, предусматриваемых в их текстах, изменение международных договоров может происходить и в ходе последующей практики их применения, а также за счет использования таких механизмов, как периодические конференции государств-участников.

Ключевые слова: международный договор, изменение договоров, поправки, право международных договоров, международное право, Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г.

**Ольга Игоревна
ИЛЬИНСКАЯ,**
доцент кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
lab.kmpr@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.76.12.083-094

O. I. ILINSKAYA,

Associate Professor of the Department of International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

lab.kmpr@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

A CHANGE OF TREATIES IN INTERNATIONAL PRACTICE

Abstract. Any international treaty provides balanced obligations for its parties. Modification of some fundamental circumstances, existing by the moment of conclusion of a treaty, leads to necessity of its adaptation to new

© О. И. Ильинская, 2020

conditions. In this regard, the author was concentrated on the investigation of the current problem of modification of international treaties.

The author focuses on different international treaties for the purpose of identification general and specific ways of modification of treaties, which have been formed by international practice. The article deals with the treaty practice of states on modification of treaties. Particular attention is paid to the norms of the Vienna Convention on the Law of Treaties, 1969.

The author uses different methods of scientific research: systematic, structural, historical, comparative analysis.

As a result of the study, the author came to the conclusion concerning the most typical ways of modification of treaties. Despite widespread treaty practice of inclusion of special measures of modification of treaties, there are some other ways of modification of treaties. For example, a treaty can be revised by subsequent practice of states or periodic conferences of its participants.

Keywords: *treaty, modification of treaties, amendments, law of treaties, international law, The Vienna Convention on the Law of Treaties 1969.*

Регулированию процедуры изменения международных договоров посвящена часть IV Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.¹ (далее — Венская конвенция, Конвенция 1969 г.), озаглавленная «Поправки к договорам и изменение договоров». При этом, как следует из ее ст. 41, термин «изменение» используется только для обозначения особого порядка применения подобной процедуры в отношении многосторонних договоров — их изменения только во взаимоотношениях между некоторыми из участников. Тем самым вносится некоторая путаница в само понятие «изменение», поскольку оно может охватывать как отдельные поправки к международному договору, так и общий пересмотр такового. Иначе говоря, термин «изменение» является родовым понятием. Однако Комиссия международного права ООН (далее — КМП ООН) в процессе работы над проектом Конвенции предпочла использовать иной термин — «поправки» — как охватывающий оба вышеназванных вида изменений.

Что касается упомянутого термина «пересмотр» международного договора, то он в Конвенции 1969 г. вообще не используется. Как отмечал А. Н. Талалаев, «пересмотром международного договора обычно считается такая процедура, которая связана с существенным изменением его содержания»². При этом данная процедура «касается изменения договора в целом, а не его отдельных положений. Поэтому пересмотр часто ведет к новации международного договора и прекращению действия пересмотренного договора»³.

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

² Талалаев А. Н. Право международных договоров. М., 2011. Т. 2 : Действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций / отв. ред. Л. Н. Шестаков. С. 151.

³ Талалаев А. Н. Указ. соч.

То есть пересмотр, в отличие от внесения поправок с целью частичного изменения договора, чаще всего означает изменение общего характера договора⁴. Но, несмотря на существенную разницу в целевой направленности этих двух процедур, КМП ООН пришла к выводу, что различие, проводимое в некоторых договорах между поправками и пересмотром (ревизией), не находит четкого выражения на практике. И при всех условиях не проводится различия в правовой процедуре⁵. Именно поэтому и было принято решение об использовании одного термина («поправки») для обозначения двух различных по своей направленности видов изменений, хотя с точки зрения традиционной терминологии по своей семантике он не совсем удачен. Как уже отмечалось, родовым и более точным понятием все же является термин «изменение».

Вместе с тем важно подчеркнуть, что, проводя различие между понятиями «изменение», «поправки» и «пересмотр» применительно к международным договорам, не следует забывать о том, что с юридической точки зрения все они являются эквивалентными. К примеру, в ст. 236 Договора об учреждении Европейского экономического сообщества 1957 г. термины «поправки» и «изменение» используются как синонимы⁶.

Выше говорилось, что в Конвенции 1969 г. термин «пересмотр» международного договора не используется. Вероятно, это может быть объяснено тем фактом, что в период между двумя мировыми войнами данный термин приобрел некоторый политический оттенок в связи со ст. 19 Статута Лиги Наций, в которой говорилось, что «Ассамблея может время от времени приглашать членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир»⁷.

Таким образом, прежде чем сформулировать указанное в этой статье предложение, Ассамблее сначала надлежало установить, что те или иные договоры стали «неприменимыми», что, по сути, означало констатацию факта изменения обстоятельств. Однако этот подход так и не получил практического применения по причине существовавшего условия о единогласном голосовании в данном органе Лиги. Так, в 1929 г. не увенчались успехом основывавшиеся на упомянутой статье требования Китая о повторном рассмотрении «неравноправных договоров», заключенных с западными государствами. А несколько раньше, в 1921 г., были отклонены аналогичные требования Боливии, касавшиеся пересмотра двух договоров, заключенных ею с Перу.

Указанная формула, содержащаяся в Статуте Лиги Наций, как известно, не была воспроизведена в Уставе ООН, хотя при обсуждении этого вопроса на конференции в Сан-Франциско рядом государств высказывались предложения о наделении Генеральной Ассамблеи ООН правом приглашать участников между-

⁴ К примеру, в ст. 108 и 109 Устава ООН закрепляется различный порядок внесения поправок и пересмотра Устава, соответственно.

⁵ Yearbook of the International Law Commission. 1966. Vol. 2. P. 232—233.

⁶ См.: Договоры, учреждающие европейские сообщества. М., 1994.

⁷ Версальский мирный договор. М., 1925.

народного договора к осуществлению его пересмотра (ревизии)⁸. Вместо этого в Уставе ООН говорится о праве Генеральной Ассамблеи поощрять «прогрессивное развитие международного права» (ст.13) и «рекомендовать меры мирного улаживания любой ситуации» (ст. 14).

На наш взгляд, закреплявшееся в ст. 19 Статута Лиги Наций положение следует рассматривать как один из способов адаптации международных договоров к изменившимся обстоятельствам. Существуют и другие способы изменения договорных обязательств даже без обращения к специальным процедурам, предусмотренным в главе IV Венской конвенции 1969 г., в частности институты оговорок и толкования международных договоров, которым посвящены, соответственно, раздел 2 части II и раздел 3 части III Конвенции.

Очевидно, что следствием возникновения новой императивной нормы международного права также может быть изменение договора, несмотря на то, что в Венской конвенции об этом напрямую не говорится, а ее ст. 64 предусматривает лишь прекращение действия договора, оказавшегося в противоречии с этой нормой. Между тем не исключена ситуация, когда противоречие будет касаться только какого-либо одного положения договора. Представляется, что в подобном случае должно терять силу только это положение, противоречащее новой императивной норме, естественно, при условии соблюдения п. 3 ст. 44 Конвенции⁹. Такой подход косвенно вытекает из п. 5 этой же статьи, где говорится о том, что делимость положений договора не допускается лишь в случаях, подпадающих под действие ст. 51, 52 и 53 Конвенции¹⁰.

Изменение международных договоров с целью их совершенствования может происходить и за счет использования таких механизмов, предусматриваемых в самих договорах, как периодические конференции государств-участников, созываемые с целью рассмотрения выполнения конкретного международного договора. Подобные конференции, являющиеся одним из способов обеспечения выполнения договорных обязательств, позволяют участникам договора принимать решения о его адаптации к изменяющимся условиям¹¹.

⁸ Подробнее см.: *Крылов С. Б.* Материалы к истории Организации Объединенных Наций. Вып. 1. М.-Л., 1949. С. 134—135, 257.

⁹ Пункт 3 ст. 44 Конвенции гласит о том, что если основание недействительности договора, прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия касается лишь отдельных положений, то на него можно ссылаться в отношении только этих положений, когда: а) названные положения отделимы от остальной части договора в отношении их применения; б) из договора вытекает или иным образом установлено, что принятие этих положений не составляло существенного основания согласия другого участника или других участников на обязательность всего договора в целом; с) продолжение выполнения остальной части договора не было бы несправедливым.

¹⁰ В указанных статьях закреплены такие основания недействительности договора, как принуждение представителя государства, принуждение государства посредством угрозы силой или ее применения и противоречие договора в момент его заключения императивной норме общего международного права.

¹¹ Проведение периодических конференций чаще всего предусматривается в договорах, направленных на регулирование вооружений либо посвященных охране окружающей

Еще одним способом адаптации международных договоров к изменившимся обстоятельствам является изменение договоров последующей практикой их исполнения. Данная проблема обстоятельно исследовалась КМП ООН, а в проект статей по праву международных договоров, разработанный ею в 1966 г., даже была включена ст. 38, предусматривавшая, что «договор может быть изменен в силу последующей практики его применения, устанавливающей соглашение участников об изменении его постановлений»¹². Однако данная статья в конечном итоге была отклонена, что можно объяснить стремлением составителей Венской конвенции не допустить узаконения случаев нарушения договоров, вытекающих из их применения¹³.

Подобное решение, по мнению А. Н. Талалаева, укрепляет принцип строгого соблюдения международных договоров¹⁴. Однако это не означает отрицания принципиальной возможности изменения договора с учетом последующей практики, на что неоднократно обращалось внимание, в частности Международным Судом ООН.

Так, правило, согласно которому воздержание одного из постоянных членов Совета Безопасности ООН при голосовании не препятствует принятию этим органом резолюций, формально противоречит четким требованиям п. 3 ст. 27 Устава ООН, где, как известно, ничего не говорится о воздержании постоянных членов при голосовании по непроцедурным вопросам. Однако данное изменение было расценено Международным Судом в его консультативном заключении от 21 июня 1971 г. по делу о Намибии как принятое: «Процедура, которую обычно применяет Совет Безопасности, была в целом *принята* (курсив мой. — О. И.) членами Объединенных Наций и является доказательством общей практики Организации»¹⁵.

Еще раньше, в 1962 г., Суд вынес решение по спору между Камбоджей и Таиландом о прохождении границы в районе храма Прех Вихеар (Preah Vihear), в котором он пришел к заключению, что поскольку обе стороны фактически признавали в течение длительного времени иное, чем указано в договоре, прохождение границы, результатом такой практики было изменение договора¹⁶. В решении арбитражного суда, вынесенном в 1963 г. по спору между США и Францией о толковании двустороннего соглашения в области услуг, связанных с воздушными перевозками, был затронут вопрос о влиянии на договор последующей практики сторон: «Такое поведение может действительно учитываться не просто как способ толкования соглашения, но и как нечто большее, а именно как возможный

среды. В качестве примеров можно указать п. 3 ст. VIII Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г., ст. VII Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения 1971 г., п. 4 ст. 6 Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г.

¹² Yearbook of the International Law Commission. 1966. Vol. 2. P. 236.

¹³ Однако, как справедливо заметил Г. И. Тункин, «Комиссия была далека от мысли, что любая практика может изменить постановление договора» (Тункин Г. И. Теория международного права / под общ. ред. Л. Н. Шестакова. М., 2000. С. 129).

¹⁴ Талалаев А. Н. Указ. соч. С. 140.

¹⁵ ICJ Reports. 1971. P. 22.

¹⁶ ICJ Reports. 1962. P. 33.

источник последующего изменения, вытекающего из определенных действий или из определенного отношения и касающегося правового положения сторон и прав, на которые каждая из них может ссылаться на законном основании»¹⁷.

В отечественной науке международного права проблема изменения международных договоров обычным путем наиболее обстоятельно была рассмотрена Г. И. Тункиным, который четко обозначил условия такого изменения. Они сводятся к следующему: 1) только такая практика может внести в договор изменения, которая свидетельствует о согласовании воли сторон договора относительно этих изменений; отдельные отклонения от постановлений договора, хотя бы и имевшие место с общего согласия сторон, но не свидетельствующие об их намерении изменить постановления договора, не вносят изменений в договор; 2) соглашение, о котором свидетельствует такая практика, должно охватывать всех (или почти всех) участников договора¹⁸.

Что касается изменения международного договора посредством специального соглашения, то в Венской конвенции 1969 г. содержится процедурное правило, предусматривающее, что «договор может быть изменен по соглашению между участниками» (ст. 39)¹⁹. Таким образом, данное общее правило презюмирует возможность заключения подобного соглашения некоторыми (а не всеми) участниками, что вытекает из отсутствия формулировки «между *всеми* участниками», как это имеет место в ст. 54 той же Конвенции, где говорится о необходимости достижения согласия «всех участников» на прекращение договора.

Рассматриваемое правило, являясь общим для двусторонних и многосторонних договоров, носит диспозитивный характер, поскольку участники договора вправе ограничить возможности его использования, уточнить порядок его применения посредством включения в договор специальных условий о пересмотре или же вовсе отклонить его. Очевидно, что, включая в договор усложненные условия пересмотра, стороны стремятся к обеспечению его стабильности. К примеру, в договор может быть включено положение, разрешающее подачу предложений о пересмотре лишь спустя определенное время после вступления такого договора в силу.

Так, в Конвенции о режиме проливов 1936 г. говорится о праве сторон выступать с инициативой о внесении в нее изменений по истечении каждого пятилетнего периода, считая со дня вступления Конвенции в силу (ст. 29)²⁰; в Соглашении о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. также указан пятилетний срок его действия, по истечении которого может быть поставлен вопрос о внесении изменений в данный договор (ст. 18)²¹; Конвенция ООН

¹⁷ Sentence arbitrale du 22 decembre 1963 // Extrait de la Revue Générale de droit international public. 1965. № 1. P. 65.

¹⁸ Подробнее см.: Тункин Г. И. Указ. соч. С. 129.

¹⁹ Здесь также устанавливается, что нормы, содержащиеся в ч. II Конвенции («Заключение и вступление договоров в силу»), применяются и к соглашению о поправках, если только сам договор не предусматривает иное.

²⁰ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. IX. М., 1938.

²¹ Действующее международное право. М. : Московский независимый институт международного права, 1997. Т. 3.

по морскому праву 1982 г. предусматривает более продолжительный период — десять лет — по истечении которого государство-участник вправе предложить поправки к ней (ст. 312)²².

Распространенным вариантом является также включение в международный договор формулировки об исключении каких бы то ни было поправок по некоторым положениям. К примеру, в ст. 312 и 313 Конвенции 1982 г. говорится о том, что не могут предлагаться поправки, касающиеся деятельности в Районе²³.

Кроме этого, сама процедура изменения, предусмотренная в упомянутых международных договорах, довольно сложна. Например, по Конвенции о режиме проливов необходимым условием принятия просьбы о пересмотре к производству является ее поддержка определенным количеством других участников²⁴. Только после этого такая просьба сообщается всем другим участникам (ст. 29). В Соглашении о деятельности государств на Луне и других небесных телах говорится, что конференция государств-участников для рассмотрения действия этого Соглашения может быть созвана Генеральным секретарем ООН только при условии требования об этом со стороны одной трети и согласия большинства участников (ст. 18). Согласно ст. 312 Конвенции ООН по морскому праву, предлагаемые государством-участником поправки рассматриваются исключительно на конференции, созываемой лишь в том случае, если не менее половины государств-участников дадут положительный ответ на просьбу о созыве такой конференции.

В других же случаях участники международного договора, заинтересованные в адаптации его к изменяющимся обстоятельствам, предусматривают более простой механизм изменения такого договора. Например, согласно ст. II Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г. конференция для рассмотрения предложенных поправок созывается только в том случае, если одна треть или большее количество участников Договора, получив текст предложенной поправки, потребует этого²⁵. Иначе говоря, по общему правилу, предлагаемые поправки рассматриваются каждым государством-участником самостоятельно, без созыва конференции. Как видим, нет здесь и условия об обязательной предварительной поддержке со стороны других участников. Кроме того, право участников Договора предлагать поправки не ограничивается условием об истечении определенного времени после вступления договора в силу. Аналогичные условия относительно процедуры инициирования и рассмотрения поправок содержатся и в п. 1 ст. VIII Договора о нераспространении ядерного оружия²⁶.

Иногда наряду с общей процедурой внесения и принятия поправок предусматривается и упрощенная процедура. Так, ст. 313 Конвенции ООН по морскому праву, озаглавленная «Принятие поправок по упрощенной процедуре»,

²² СЗ РФ. 1997. № 48. Ст. 5493.

²³ Имеется в виду Международный район морского дна.

²⁴ В данном случае выражение «просьба о пересмотре» использовано в смысле предложения об изменении одного или нескольких из постановлений Конвенции.

²⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 42. Ст. 431.

²⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 14. Ст. 118.

устанавливает, что отсутствие возражений против предложенной поправки или предложения о ее принятии по упрощенной процедуре, означает принятие такой поправки.

Кроме того, различные процедуры принятия поправок к одному и тому же договору могут устанавливаться в зависимости от объекта изменения, его важности. Например, в той же Конвенции ООН по морскому праву предусмотрен особый порядок инициирования и принятия поправок к тем ее положениям, которые касаются исключительно деятельности в Районе (ст. 314).

Возвращаясь к приведенному выше правилу ст. 39 Венской конвенции 1969 г., являющемуся общим как для двусторонних, так и для многосторонних договоров, уточним, что изменение двусторонних договоров, осуществляемое посредством достижения соглашения сторон, на практике сложностей не вызывает. Совсем иначе обстоит дело с изменением многосторонних договоров, многие из которых являются универсальными. С одной стороны, в вопросе изменения таких договоров нельзя было бы считать демократичным требование единогласия, поскольку оно позволяло бы одному или нескольким государствам блокировать согласие подавляющего большинства участников на изменение договора.

С другой стороны, возникает вопрос о том, как быть с теми государствами, которые не согласились с предложенными изменениями (по терминологии Конвенции 1969 г. — «поправками»)? Должно ли действие измененных положений договора распространяться и на них? Очевидно, что исходя из принципа суверенного равенства государств, на этот вопрос можно было бы дать отрицательный ответ²⁷. Но здесь возникает вопрос: не может ли в этом случае произойти разрыв договорных обязательств? Как отмечал И. И. Лукашук, «в некоторых договорах предусмотрены условия, при которых могут делаться соответствующие предложения, но не определен порядок их принятия, не указываются последствия для сторон, не согласившихся с поправками, и т.д. В общем, договорная практика не позволяет вывести определенные правила»²⁸.

Но отмеченные проблемы все же нашли свое решение в Венской конвенции 1969 г., где говорится о применении к соглашениям о поправках норм, содержащихся в ч. II Конвенции «Заключение и вступление договоров в силу», при отсутствии иного порядка, который может быть предусмотрен в самом договоре (ст. 39), а также проводится различие между двумя ситуациями: участие во внесении поправок всех договаривающихся государств (ст. 40)²⁹ и изменение договора только во взаимоотношениях между некоторыми из участников (ст. 41). При этом процедурные особенности устанавливаются только в отношении первой из указанных ситуаций, вторая отсылает к вопросам, которые связаны с последовательными договорами, заключаемыми не одними и теми же государствами.

²⁷ Более подробно данный вопрос будет рассмотрен ниже.

²⁸ Лукашук И. И. Современное право международных договоров. Т. II. Действие международных договоров. — М., 2006. С. 74.

²⁹ В этой статье речь идет о тех случаях, когда участники договора намереваются внести поправки, с тем чтобы они стали обязательными для всех сторон.

Закрепленная в ст. 40³⁰ процедура подразделяется на несколько стадий: предложение о внесении поправок, принятие решения о том, как следует поступить в отношении такого предложения, переговоры и заключение соглашения о внесении поправок. Причем содержащиеся в этой статье правила применяются лишь в том случае, если в самом договоре не предусмотрено иное.

Как следует из п. 2 указанной статьи, с предложением о внесении поправок вправе выступить любой участник договора, о чем должен быть извещен депозитарий. Но в договоре может быть установлен и иной порядок, например предусмотрена возможность выдвижения подобного предложения определенным количеством участников. При этом сама процедура рассмотрения поправки тоже может отличаться, например может закрепляться положение о необходимости провести совместные консультации с целью пересмотра договора по требованию кого-либо из его участников.

Такой порядок установлен, в частности, ст. 12 Североатлантического пакта 1949 г.³¹ В других случаях процедура более простая, не предусматривающая необходимости одновременно с предлагаемыми изменениями инициировать еще и проведение совместных консультаций. Примером может служить ст. XV Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г., согласно которой государствам-участникам просто предлагается принять поправку³². Иногда для внесения поправки достаточно отсутствия возражения со стороны участников договора, как это предусмотрено, например, в упоминавшейся ст. 313 Конвенции ООН по морскому праву.

В пункте 2 «а» говорится о том, что каждое из договаривающихся государств имеет право участвовать в принятии решения о том, что следует сделать в отношении предложенной поправки. Выше отмечалось, что в ряде договоров предусматривается созыв специальной конференции по требованию определенного количества участников после получения ими уведомления о предлагаемых поправках. Но что касается договоров, заключаемых под эгидой международных организаций, то иногда определяющую роль в принятии решения о мерах, которые необходимо осуществить в отношении поступившего требования об изменении, играют органы этих организаций. К примеру, в ст. XVI Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. говорится о том, что такое решение принимается Генеральной Ассамблеей ООН³³.

Также в договор может включаться положение об обязательности рассмотрения в установленные сроки вопроса о том, требует ли данный договор изменения. Так, в ст. 18 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных тела зафиксировано, что обсуждение этого вопроса должно состояться по прошествии десяти лет после вступления Соглашения в силу³⁴.

³⁰ Эта статья рассматривается как установившаяся обычная норма. См.: Лукашук И. И. Указ. соч. С. 83.

³¹ Действующее международное право. Т. 2. М.: Московский независимый институт международного права, 1997.

³² Ведомости Верховного Совета СССР. 1967. № 44. Ст. 588.

³³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 12. Ст. 244.

³⁴ Соглашение вступило в силу 11 июля 1984 г.

Анализ договорной практики государств показывает, что требование единогласного принятия поправки ныне сохраняется лишь в договорах, заключаемых небольшим числом государств. В качестве примера укажем Договор о Европейском Союзе 1992 г., согласно которому для внесения поправок в договоры, на которых основан Союз, требуется единогласное решение представителей правительств всех государств-членов³⁵. В договорах, открытых для присоединения неопределенного множества государств, используется правило большинства в различных его вариациях (простого большинства³⁶, квалифицированного большинства в две трети голосов³⁷, простого большинства, включающего голоса определенных государств, пользующихся привилегированным статусом³⁸, большинства государств, участвующих в конференции по пересмотру, с последующим утверждением Генеральной Ассамблеей ООН³⁹) или консенсуса, а в случае невозможности его достижения — правило квалифицированного большинства⁴⁰.

Подобным образом решается и вопрос о вступлении принятых поправок в силу: правило единогласного одобрения содержится только в договорах, заключаемых небольшим числом государств, в иных случаях — устанавливается правило большинства, дополняемое, при необходимости, специальными требованиями (например, может предусматриваться условие о необходимости единогласного одобрения вносимых изменений определенными участниками⁴¹).

Немаловажно обратить внимание на то, что зачастую в международных договорах содержатся формулировки типа «когда поправки вступают в силу, они становятся обязательными для тех государств-участников, которые их приняли, а для других государств-участников остаются обязательными те положения, которые были ими приняты»⁴², а п. 4 ст. 40 Конвенции 1969 г. фиксирует общее правило о том, что соглашение о внесении поправок не связывает государство, уже являющееся участником договора, но не ставшее участником соглашения о внесении поправок в договор.

Таким образом, в подобных ситуациях участники измененного договора и участники договора в его первоначальной редакции находятся по отношению друг к другу в положении государств, связанных последовательными договорами,

³⁵ Единый европейский акт. Договор о Европейском Союзе. М., 1994.

³⁶ К примеру, п. 1 ст. 29 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.

³⁷ К примеру, п. 1 ст. 29 Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке 1967 г.

³⁸ К примеру, п. 2 «b» ст. XII Договора об Антарктике 1959 г.

³⁹ К примеру, п. 1 ст. 29 Пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

⁴⁰ К примеру, п. 2 ст. 312 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

⁴¹ К примеру, в п. 1 «a» ст. XII Договора об Антарктике говорится о том, что для вступления вносимых изменений в силу они должны быть ратифицированы теми сторонами, представители которых имеют право участвовать в совещаниях, предусмотренных в ст. IX Договора.

⁴² См., например, п. 3 ст. 29 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.; п. 3 ст. 29 Пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

заключаемыми не одними и теми же государствами⁴³. Вместе с тем такой подход может быть чреват разрывом установленного договором режима и определенными трудностями в выяснении объема прав и обязанностей сторон, особенно если договор будет подвергаться неоднократным изменениям. Как отмечает Вольфганг Граф Витцтум, «если соглашение о внесении поправок ратифицировано только некоторыми сторонами договора, договор иного содержания под тем же названием действует в различном объеме по отношению к соответствующим группам государств (относительность международных договорных отношений)»⁴⁴.

Чтобы избежать возникновения подобных нежелательных ситуаций во многие международные договоры включаются положения, устанавливающие, что при вступлении изменения в силу оно становится обязательным для всех участников. Указанный подход нашел закрепление, в частности, в п. 2 ст. 2 Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, в п. 4 ст. 155 Конвенции ООН по морскому праву, а также в учредительных актах международных организаций. Объяснение этому предельно простое: ситуация, при которой органы международной организации функционировали бы в отношении некоторых ее членов по одним правилам, а в отношении других — по иным, была бы просто абсурдной. Соответственно, у государства, не поддержавшего поправку, остается выбор: согласиться с ней или же выйти из договора, что может прямо предусматриваться в его тексте. К примеру, в ст. 26 Статута Лиги Наций указывалось, что «всякий член Лиги волен не принять поправки, внесенные в Статут, в каком-либо случае он перестает входить в состав Лиги».

Также в международный договор может быть включено положение об автоматическом прекращении участия в нем тех государств, которые не ратифицировали принятую поправку в установленные сроки. К примеру, в п. 1 «b» ст. XII Договора об Антарктике говорится, что «любая такая Договаривающаяся Сторона, от которой не получено уведомление о ратификации в течение двух лет со дня вступления в силу изменения или поправки... рассматривается как вышедшая из Договора в день истечения этого срока».

Подводя итоги, следует особо подчеркнуть тот факт, что при заключении договора стороны, как правило, учитывают конкретные условия, существующие в момент его подписания. Иначе говоря, договор содержит сбалансированные обязательства, взятые участниками при сопутствующих его заключению обстоятельствах. Соответственно, с учетом изменения таких обстоятельств и возникает необходимость адаптировать договоры к изменяющимся условиям. А для этого, как было показано, используются различные механизмы, выработанные межгосударственной практикой.

⁴³ В этих случаях применяются положения п. 4 «b» ст.30, о чем прямо указывается в упомянутом п. 4 ст. 40 Конвенции.

⁴⁴ Международное право = Völkerrecht / Вольфганг Граф Витцтум [и др.] ; пер. с нем. М., 2011. С. 84-85.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Версальский мирный договор / полный пер. с фр. ; под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина ; вступ. ст. Ю. В. Ключникова, предм. указатель. — М. : Литиздат НКВД, 1925. — XXXI. — 198 с. — (Итоги Империалистической войны: серия мирных договоров; I).
2. Крылов С. Б. Материалы к истории Организации Объединенных Наций: Создание текста устава Организации Объединенных Наций. Вып. 1 / отв. ред. Е. А. Коровин. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. — 343 с.
3. Лукашук И. И. Современное право международных договоров : в 2 т. — М. : Волтерс Клувер, 2004. — Т. 1 : Заключение международных договоров. — 672 с.
4. Лукашук И. И. Современное право международных договоров : в 2 т. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — Т. 2 : Действие международных договоров. — 496 с.
5. Международное право = Völkerrecht / В. Г. Витцтум [и др.] ; пер с нем. ; сост. В. Бергманн. 2-е изд. — М. : Инфотропик Медиа, 2015. — Кн. 2. — 1072 с. — (Германская юридическая литература: современный подход).
6. Талалаев А. Н. Право международных договоров. — М. : Зерцало, 2011. — Т. 2 : Действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций / отв. ред. Л. Н. Шестаков. — 504 с.
7. Тункин Г. И. Теория международного права / под общ. ред. Л. Н. Шестакова. — М. : Зерцало, 2000. — 416 с.
8. Yearbook of the International Law Commission. — 1966. — Vol. 2. — United Nations. — 371 p.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В СФЕРЕ УПРОЩЕНИЯ ПРОЦЕДУР ТОРГОВЛИ

Аннотация. Торговля определена в качестве одного из ключевых средств осуществления Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года. Упрощение процедур торговли признано важным для направления торговли в устойчивое развитие, что, как ожидается, будет способствовать ускорению экономического роста и международной торговли, а также усилит экономические, экологические и социальные аспекты устойчивого развития. В статье предлагается рассмотреть основные направления деятельности ООН в сфере упрощения процедур торговли, в частности предлагается проанализировать деятельность Комиссии ООН по праву международной торговли, Конференции ООН по торговле и развитию, Европейской экономической комиссии ООН, Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), Центра по упрощению процедур торговли и электронным деловым операциям, Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана и работу Сети экспертов ООН по безбумажной торговле в Азиатско-Тихоокеанском регионе.
Ключевые слова: ООН, устойчивое развитие, упрощение торговли, международное право, ЮНСИТРАЛ, ЮНКТАД, ЕЭК ООН, ЮНИДО, СЕФАКТ ООН, ЭСКАТО, ЮННЕкст.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.76.12.095-110

V. N. SIDOROV,

Associate Professor of the Department of International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law),
Associate Professor, member of the international law Association

vnsidorov@msal.ru,

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

E. V. SIDOROVA,

Post-graduate student at the University of Madrid Charles III,
Adviser of justice of the 3rd class

vnsidorov@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

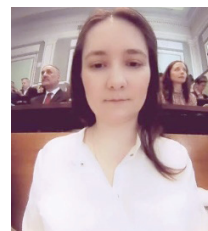
UNITED NATIONS ACTION IN THE FIELD OF TRADE FACILITATION

Abstract. Trade is defined as one of the key enabler of implementation of the Sustainable Development Goals Agenda 2030. Trade facilitation is important trend of trade in sustainable development, as expected will promote

**Виктор Никифорович
СИДОРОВ,**

доцент кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент,
член Ассоциации
международного права
vnsidorov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

**Елена Викторовна
СИДОРОВА,**

докторант Мадридского
университета
имени Карла III,
советник юстиции 3 класса
vnsidorov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

© В. Н. Сидоров,
Е. В. Сидорова, 2020

of growth acceleration and international trade and also will enhance economic, ecological and social aspects of sustainable development. In article is offered to consider the main activities of the United Nations in the trade facilitation. In the article it is offered to consider the main activities of the UN in the sphere simplification of procedures of trade

The article considers the work of the United Nations in the of trade facilitation field, in particular the work of the United Nations, sustainable development, trade facilitation, International law, United Nations Commission on International Trade law, United Nations Conference on Trade and Development, United Nations Industrial Development Organization, United Nations Economic Commission for Europe, United Nations Centre for Trade Facilitation and Electronic Business, United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, United Nations Network of Experts for Paperless Trade in Asia and the Pacific.

Keywords: *United Nations, sustainable development, trade facilitation, International law, United Nations Commission on International Trade law (UNCITRAL), United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD), United Nations Industrial Development Organization (UNIDO), United Nations Economic Commission for Europe (UNECE), United Nations Centre for Trade Facilitation and Electronic Business (CEFACT), United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (ESCAP), United Nations Network of Experts for Paperless Trade in Asia and the Pacific (UNNExT).*

В сентябре 2015 г. государства — члены ООН приняли Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года¹ для всех стран мира, которая включает семнадцать экономических, экологических и социальных целей устойчивого развития. Карлос Фернандес Лиеса отмечает, что «этот тройной вызов — экономический, экологический и социальный — является центральной темой Повестки международного сотрудничества... перемещает акцент на людей, планету и благосостояние, имеет целью формирование мирного, справедливого общества, которое защищало бы права человека и создавало условия для экономического устойчивого роста»². Государство может содействовать тому, чтобы торговые процессы в полной мере реализовали свой потенциал, внося вклад в достижение целей устойчивого развития ООН. На фоне замедления мировой торговли, упрощение процедур торговли может послужить важным инструментом роста международной торговли и мировой экономики, а также усилить экономические, экологические и социальные аспекты устойчивого развития.

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // Генеральная Ассамблея ООН. 2015. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R.

² Fernández Liesa C. R. Transformaciones del Derecho internacional por los objetivos de desarrollo sostenible // Anuario español de Derecho Internacional. 2016. Vol. 32. 49—81. URL: <https://search-proquest-com.biblioteca5.uc3m.es/docview/1973309061/fulltextPDF/C2F764A9F8B440CCPQ/1?accountid=14501>.

Начиная с XX в. для упрощения и ускорения международной торговли предпринимались многочисленные попытки. Уже в 1923 г. Лигой Наций была принята Международная конвенция об упрощении таможенных формальностей³, которая была призвана упростить (облегчить) перемещение товарных потоков через таможенные границы государств-участников, сократить бюрократические и иные формальности, с которыми сталкиваются экспортеры и импортеры при выполнении таможенных процедур и которым придается ключевое значение на современном этапе.

Также положения об упрощении процедур торговли закреплялись в Генеральном соглашении о тарифах и торговле⁴, в частности предусматривались принцип регулирования транзитных перевозок (ст. V); порядок осуществления импортно-экспортных сделок и уплаты связанных с ними пошлин (ст. VIII); обязательства по обеспечению прозрачности торговых операций (ст. X).

Количество международных организаций, действующих в сфере упрощения процедур торговли увеличивается. Так, важную роль в разработке и установлении общих правил международной торговли играют ВТО (Всемирная торговая организация), ВТАМО (Всемирная таможенная организация), Всемирный банк, УНИДРУА (Международный институт унификации частного права), МТП (Международная торговая палата), ИАТА (Международная ассоциация воздушного транспорта), ИКАО (Международная организация гражданской авиации), ИМО (Международная морская организация), ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) и др.

Вопрос упрощения торговли как специальная тема был поднят на Министерской конференции ВТО в Сингапуре в 1996 г. Многие страны отмечали, что статьи, сформулированные еще в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле, не оказывают существенного влияния на устранение процедурных препятствий в международной торговле.

С тех пор теме упрощения процедур торговли уделяется особое внимание в рамках деятельности ВТО, которая направлена на формирование инновационного правового инструментария для реализации мер по упрощению процедур торговли, осуществляется поэтапно и комплексно⁵.

Конкретные результаты были получены лишь в рамках торговых переговоров в декабре 2013 г. в ходе Министерской конференции на Бали, на которой в развитие статей V, VIII и X Генерального соглашения по тарифам и торговле был утвержден проект Соглашения по упрощению процедур торговли ВТО⁶. Соглашение об упрощении процедур торговли составляет многостороннюю структуру, содержит набор мер по содействию торговле на глобальном уровне. Соглашение дополняет

³ Международная конвенция об упрощении таможенных формальностей (подписана в г. Женеве 03.11.1923).

⁴ Генеральное соглашение по тарифам и торговле (подписано 30.10.1947).

⁵ Sidorov V. N., Sidorova E. V. La sistematización de los instrumentos internacionales de facilitación del comercio exterior en la era moderna // Ciencia Jurídica. 2020. No. 18. P. 77—89. URL: <http://www.cienciajuridica.ugto.mx/index.php/CJ/article/download/348/373>.

⁶ Соглашение об упрощении процедур торговли (заключено в Женеве 27.11.2014, вступило в силу 22.02.2017).

более старые международные правовые документы в сфере упрощения процедур торговли, такие как Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур 1973 г.⁷; Конвенция о гармонизированной системе описания и кодирования товаров 1983 г.⁸, Конвенция о временном ввозе 1990 г.⁹ и др.

В феврале 2017 г. Соглашение вступило в силу, после того как 2/3 членов ВТО ратифицировали его (более 110 стран). Вместе с тем правовой статус Соглашения ВТО об упрощении процедур торговли имеет свои особенности и отличия от имеющихся конвенций по упрощению торговли, и выступает основным документом, регламентирующим упрощение процедур торговли в современных условиях торговли. А. Ю. Кожанков полагает, что «Соглашение стало результатом поиска путей устранения главного противоречия международной торговли XX—XXI вв.: противопоставление неэффективных формальностей при импорте, экспорте и транзите растущим объемам и усложняющейся структуре производственных и торговых процессов»¹⁰.

В этой связи считается, что это Соглашение может придать дополнительный импульс росту мировой экономики за счет обеспечения прозрачности и упрощения таможенных процедур, что, в свою очередь, будет способствовать снижению временных и финансовых издержек при осуществлении внешнеэкономических транзакций, особенно для компаний, относящихся к субъектам малого и среднего бизнеса.

Следует отметить, что до сих пор требования к таможенным формальностям и процедурам составляли незначительную часть правил ВТО. С. В. Мозер отмечает: «Анализ институциональной стороны Соглашения показывает, что инструменты таможенного регулирования, ранее разработанные в связи с реализацией положений Киотской конвенции, преподносятся как инструменты упрощения торговли... Подчеркивается, что таможня является центральным правительственным агентством для реализации Соглашения с другими службами, осуществляющими контроль на границе... соглашение актуализирует такие вопросы таможенного регулирования, как выпуск и очистка товаров, система управления рисками, посттаможенный аудит, исследование времени выпуска, уполномоченный экономический оператор, взаимодействие контролирующих органов на границе, единое окно, таможенные формальности, таможенный транзит и др.»¹¹.

⁷ Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Киото. 18.05.1973. Российская Федерация присоединилась Федеральным законом от 03.11.2010 № 279-ФЗ).

⁸ Международная конвенция о гармонизированной системе описания и кодирования товаров (заключена в Брюсселе 14.06.1983. Россия присоединилась к документу постановлением Правительства РФ от 03.04.1996 № 372).

⁹ Конвенция о временном ввозе (заключена в Стамбуле 26.06.1990. Вступила в силу с 27.11.1993. Решение о присоединении Российской Федерации к данной Конвенции принято постановлением Правительства от 02.11.1995 № 1084).

¹⁰ Кожанков А. Ю. Соглашение Всемирной торговой организации об упрощении торговли: предпосылки принятия и общая характеристика // Вестник Российской таможенной академии. 2016. № 4. С. 42.

¹¹ Мозер С. В. К вопросу о Соглашении по упрощению процедур торговли как инструменту совершенствования таможенного регулирования // Перспективы совершенствования

Акцентирование внимания на таможенные и другие административные формальности обусловлено тем, что они настолько увеличивают издержки, связанные с трансграничным перемещением товаров, что их упрощение, ускорение, стандартизация и унификация оцениваются как не менее важные, чем снижение таможенных тарифов или устранение нетарифных барьеров.

Характерная особенность современного этапа развития мировой торговли — все более широкое использование единых стандартов и правил. В выработке таких стандартов и правил значительную роль играют международные организации. Несмотря на то, что международные стандарты играют важную роль в сфере упрощения процедур торговли, ВТО не взяла на себя функции по их разработке.

Пункт 3 статьи 10 Соглашения об упрощении процедур торговли содержит рекомендацию использовать международные стандарты или их отдельные положения как основу для импортных, экспортных или транзитных формальностей и процедур, а также принимать участие в подготовке и периодическом пересмотре соответствующих международных стандартов международных организаций.

В настоящее время разработку международных стандартов в сфере упрощения процедур торговли осуществляют различные международные организации, в том числе Организации Объединенных Наций, а именно ЮНСИТРАЛ (Комиссия ООН по праву международной торговли), ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию), ЕЭК ООН (Европейская экономическая комиссия ООН), ЮНИДО (Организация Объединенных Наций по промышленному развитию), СЕФАКТ ООН, Центр ООН по упрощению процедур торговли и электронным деловым операциям, ЭСКАТО (Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана).

Базовые положения Соглашения об упрощении процедур торговли перекликаются с рекомендациями международных организаций ООН, в том числе в части внедрения информационных технологий, «единого окна» для торговли и т.д., которые преобразуют юридическую науку и формируют новое нетерриториальное пространство¹². Следует отметить, что у данных организаций ООН присутствует более широкий подход к этому вопросу, поскольку под упрощением процедур торговли они понимают не только упрощение таможенных процедур, но также и другие факторы, в том числе связанные с созданием адекватной политической и экономической среды для эффективного осуществления коммерческих сделок.

В ООН содействие торговле обычно определяется более широко и опирается не просто на три статьи ГАТТ, а включает все формальности и процедуры, имеющие отношение к международной торговле и транспортировке товаров, а также услуги на границе, включая договорные, платежные и транзакционные вопросы¹³.

таможенного законодательства Таможенного союза (международный и региональный опыт) и технологические аспекты реализации механизма «единого окна»: материалы Международной научно-практической конференции. М., 2014. С. 179.

¹² Rendón Huerta Barrera T. (2013). Fuentes internacionales para determinar los derechos de las audiencias // Ciencia Jurídica. No. 5. 71—84. URL: <http://www.cienciajuridica.ugto.mx/index.php/CJ/article/view/40/40>.

¹³ Cosgrove-Sacks C. Trade Facilitation: Facilitating Trade for Development. Commonwealth Trade Hot Topics Commonwealth. London: Commonwealth Secretariat. 2007. No. 41.

Основной целью деятельности ЮНСИТРАЛ является содействие развитию права международной торговли. В этой связи ЮНСИТРАЛ осуществляет подготовку различных законодательных инструментов по следующим направлениям правового регулирования: порядок заключения внешнеторговых контрактов, международные перевозки, электронная торговля, международные расчеты, урегулирование международных коммерческих споров и т.д.

Значение ЮНСИТРАЛ в сфере упрощения процедур торговли заключается прежде всего в создании правовой базы, позволяющей использовать электронные средства для обеспечения беспрепятственного и эффективного взаимодействия между участниками ВЭД и государственными органами, такими как таможенная, пограничная служба.

В результате проделанной работы ЮНСИТРАЛ разработано и принято значительное число международных соглашений, типовых законов, типовых положений и рекомендаций, Конвенция, как то: Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях¹⁴; Технические комментарии ЮНСИТРАЛ по урегулированию споров в режиме онлайн¹⁵; Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах¹⁶; Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле и Руководство по принятию¹⁷; Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях с Руководством по его применению¹⁸, а также Содействие укреплению доверия к электронной торговле: правовые вопросы международного использования электронных методов удостоверения подлинности и подписания 2009¹⁹.

По данным за 2019 г., Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле и Руководство по принятию 1996 г. был внедрен в 73 странах мира; Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях с Руководством по его применению 2001 г. был применен в 34 странах мира.

Данные документы содержат полезные методические указания для стран, проявивших интерес к системе электронной торговли. В частности, эти типовые

¹⁴ Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях (принят 13.07.2017) // URL: https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/MLETR_ebook_R.pdf.

¹⁵ Технические комментарии ЮНСИТРАЛ по урегулированию споров в режиме онлайн (приняты в 2017 г.) // URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/17-00384_r_ebook_technical_notes_on_odr.pdf.

¹⁶ Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (заключена в г. Нью-Йорке 23.11.2005. Документ вступил в силу 01.03.2013, для России — 01.08.2014).

¹⁷ Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле. Вместе с Руководством по применению Типового закона (1996) (принят в г. Нью-Йорке 28.05.1996 — 14.06.1996 на 29-й сессии ЮНСИТРАЛ).

¹⁸ Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях (принят в Вене 05.07.2001 на 34-й сессии ЮНСИТРАЛ).

¹⁹ Содействие укреплению доверия к электронной торговле: правовые вопросы международного использования электронных методов удостоверения подлинности и подписания 2009 г. / Комиссия ООН по праву международной торговли // URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/08-55700_ebook.pdf.

законы содержат ряд ключевых руководящих принципов: принцип равноценности, принцип функциональной эквивалентности и принцип технологической нейтральности. Важно, что к настоящему времени часть правовых актов оказалась уже принятой в значительном количестве национальных юрисдикций. По мнению Мириам Голдбай, ввиду желательности гармонизации в области электронной торговли инициатива ЮНСИТРАЛ является очень своевременной. Однако должно быть принято во внимание, что пока положения не внедрены в национальном законодательстве, международные стандарты ЮНСИТРАЛ, в частности Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях 2017 г. является необязательным и не может содействовать желаемой гармонизации²⁰.

Особо стоит отметить усилия ЮНСИТРАЛ, направленные на сокращение процедурных моментов, касающихся деятельности таможенных органов и иных контролирующих государственных структур, в реализации проекта «единое окно», предполагающего однократное предоставление торговых документов и информации с использованием одного пропускного канала. Такой подход позволит ускорить и упростить взаимодействие между таможенными органами и участниками ВЭД, а также обмен информацией с другими государственными органами. По мнению Тересы Родригез, «правила, принятые инструментами ЮНСИТРАЛ, и их адаптация в национальное законодательство успешно позволяют решить цифровые вопросы, связанные с использованием электронных средств и цифровой средой (электронные средства связи) в формировании и исполнении контрактов... Такие правила и решения представляют первое поколение правил электронной коммерции»²¹.

Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию — ЮНКТАД — была учреждена в качестве межправительственного органа в 1964 г. Основная задача ЮНКТАД заключается в содействии интеграции и развитию развивающихся стран и стран с переходной экономикой в глобальную экономическую систему. Деятельность ЮНКТАД охватывает такие области, как международная торговля товарами и услугами, трансграничные перевозки, финансы, технологии, прямые иностранные инвестиции и устойчивое развитие.

Широкая известность рассматриваемой организации обусловлена также и тем, что она ежегодно осуществляет публикацию Доклада о торговле и развитии, Доклада о мировых инвестициях и другие публикации, в которых приводятся анализ экономической ситуации в разных странах и конкретные рекомендации по разрешению соответствующих вопросов. Так, Справочник ЮНКТАД по статистике 2019 г.²² содержит широкий спектр статистических данных и показателей, относящихся к анализу международной торговли, инвестиций, морского транспорта и развития.

²⁰ Goldby M. Electronic documents in maritime trade // Law and Practice. Oxford University Press. 2019. P. 43.

²¹ Rodriguez De Las Heras Ballell T. Platform based models for facilitating international trade: a legal analysis. Trade Facilitation and the WTO. 2019. P. 58.

²² The UNCTAD Handbook of Statistics 2019 // URL: <https://unctad.org/webflyer/handbook-statistics-2019>.

Полномочия ЮНКТАД в области упрощения процедур торговли берут начало в заключительном акте Конференции 1964 г., который содержал рекомендацию ЮНКТАД «содействовать в системе Организации Объединенных Наций механизмам... межправительственных действий для... упрощения формальностей, связанных с таможенными процедурами, деловыми поездками и т.п.»²³. В дальнейшем ЮНКТАД продолжила работу в области упрощения процедур торговли, что привело к проведению в 1994 г. в Колумбусе Международного симпозиума ООН по эффективности торговли и Колумбусской министерской декларации об эффективности торговли. Последняя сыграла важную роль во включении тематики упрощения процедур торговли в повестку дня первой Конференции ВТО на уровне министров в Сингапуре в 1996 г.

В сфере упрощения процедур торговли ЮНКТАД, являясь одной из международных организаций, входящих в Приложение D, которые выступают наблюдателями в переговорах ВТО по упрощению процедур торговли, призвана выполнять целый ряд стоящих перед ней целей и задач, в частности по организации:

- соблюдения международных стандартов и норм, касающихся упрощения процедур международной торговли;
- проведения межправительственных обсуждений, дополняемых дискуссиями с экспертами и обмен опытом;
- исследований, анализа политики и сбора данных, необходимых для дискуссий между представителями правительства и экспертами;
- предоставления технической помощи развивающимся странам, направленной на осуществление различных преобразований в области таможенного дела;
- автоматизации работы таможенных органов (АСИКУДА);
- интерактивных порталов внешнеторговых процедур (электронной регламентации и электронной регистрации);
- создания национальных комитетов по упрощению процедур торговли и транспорта;
- учебных программ по управлению портами, а также своих систем электронных регламентаций и электронной регистрации (например, Программы обучения портовых кадров «Трейнфортрейд»);
- транзита и поддержки не имеющих выхода к морю развивающихся стран.

В отличие от остальных организаций, специфика деятельности ЮНКТАД заключается в том, что основным механизмом ее деятельности является оказание технической помощи, в том числе через Международный торговый центр по экспертно-аналитическим исследованиям проблематики. В противовес традиционной работе по оказанию технической помощи на основе экспертных знаний зарубежных стран укрепление потенциала предлагается осуществить через местные и региональные предложения, так как применение международных стандартов упрощения процедур торговли требует их индивидуализации с учетом местных условий. Предусматривается также управление знаниями на базе информационных технологий, в которых знания могут приобретаться не через обучение, а непосредственно на рабочем месте.

²³ Материалы Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию: Заключительный акт и Доклад. ЮНКТАД, 1964.

ЮНКТАД достаточно успешно продвигает внедрение Автоматизированной системы обработки таможенных данных АСИКУДА, способствующей реформированию процессов таможенной очистки товаров посредством внедрения интеграционной платформы, поддерживающей обмен электронными сообщениями и электронными документами, механизм публикации сведений и реагирования на них других информационных систем. Программное обеспечение АСИКУДА стало применяться с 1981 г. В настоящее время его активно используют таможенные службы более чем в 90 странах по всем континентам.

Достижения программы АСИКУДА признаны Всемирным банком, МВФ, Европейской комиссией и другими ведущими донорскими агентствами. Новая версия ASYCUDAWorld является достаточно мощной для того, чтобы обеспечивать удовлетворение операционных и управленческих потребностей при проведении таможенных операций в любой стране мира. АСИКУДА играет весьма важную практическую роль в содействии странам в смягчении последствий экономических кризисов, увеличении доходов и привлечении инвестиций.

Джэйн К. Винн предполагает, что АСИКУДА «обеспечивает стандарты, которые определяют открытую, национальную сеть информационных технологий, потому что правительство и уполномоченные операторы, включая таможенных брокеров, должны приспособить их процедуры, чтобы соответствовать требованиям программного обеспечения. Вследствие того, что ЮНКТАД оказывает поддержку для открытой сети, это означает, что не оператор платформы может установить перекрестное субсидирование между различными сторонами; поэтому стимулы для стран, чтобы внедрить АСИКУДА, могут быть ниже, чем стимулы, которые мог предложить оператор глобальной цифровой платформы по содействию торговле»²⁴.

Важно отметить, что ЮНКТАД по итогам реализации проекта, направленного на создание национальных органов по упрощению процедур торговли в развивающихся странах, создал репозиторий, содержащий конкретные примеры стран, которые создали такие органы. Проект по созданию национальных органов по упрощению процедур торговли в развивающихся странах осуществлялся под эгидой ЮНКТАД и при содействии со стороны Международного торгового центра и ЕЭК ООН.

В соответствии с положениями Балийского соглашения ВТО по упрощению процедур торговли, в частности его статьи 1, ЮНКТАД создал Торговый портал (Trade Portal), призванный помочь государствам-членам сделать правила и процедуры международного торгового оборота полностью транспарентными, при этом упростить администрирование и деловые операции посредством информационного обеспечения участников внешнеторговой деятельности, оказания помощи экспортерам и импортерам при выходе на зарубежные рынки, использования электронного обмена данными для сокращения документооборота, упрощения торговых процедур с использованием современных стандартов передачи данных, в том числе стандартов ЭДИФАКТ ООН.

²⁴ Winn J. K. The Promise of Global Digital Trade Facilitation Platforms. Trade Facilitation and the WTO. 2019. P. 80.

Организация Объединенных Наций по промышленному развитию — ЮНИДО была учреждена в 1966 г. и является одним из пятнадцати специализированных учреждений ООН. По состоянию на апрель 2019 г. ЮНИДО насчитывала 170 государств-членов. Основная задача данной международной организации заключается в содействии и ускорении промышленного развития в государствах-членах в целях сокращения бедности, достижения экологической устойчивости, а также укрепления международного промышленного сотрудничества.

Деятельность ЮНИДО в сфере упрощения процедур торговли осуществляется в рамках системного подхода и опирается на совместные инициативы многосторонних и двусторонних международных учреждений, неправительственных организаций и частного сектора, которые консолидируют свои усилия для оказания помощи развивающимся странам и регионам как в достижении согласованных на международном уровне целей, так и в удовлетворении потребностей отдельных государств с учетом их соответствующих возможностей.

Работа в плане упрощения процедур торговли в рамках ЮНИДО осуществляется по нескольким направлениям.

Как правило, у развивающихся стран в большинстве случаев отсутствуют организационные структуры, позволяющие осуществлять надлежащий контроль качества посредством испытаний, инспектирования и сертифицирования продукции. В результате поставка продукции из таких стран задерживается на границах из-за процедур, связанных с оценкой соответствия товаров. Это приводит к более высоким транзакционным издержкам и более длительному времени доступа к экспортным рынкам.

Усилия, предпринимаемые ЮНИДО по проведению испытаний, инспектированию и сертифицированию продукции являются важной составляющей эффективных мер по упрощению процедур торговли для развивающихся стран и находятся в полном соответствии с требованиями, предусмотренными Соглашением ВТО об упрощении процедур торговли (ст. 5.3, 7.9, 8 и 12.1 Соглашения).

ЮНИДО прибегает к использованию следующих мер:

- осуществляет анализ случаев, связанных с отказами в пропуске товаров через таможенную границу. Полученные результаты анализа публикуются в отчетах о соблюдении торговых стандартов, определяются возникшие проблемы и предлагаются пути их решения для последующего упрощения торговых процедур;
- оказывает помощь в разработке качественной системы управления рисками в государствах-членах;
- осуществляет деятельность, направленную на соблюдение технических регламентов и повышение прозрачности процедур торговли;
- оказывает содействие компетентным органам по проведению испытаний, инспекций и сертификации в получении международно признанной аккредитации;
- предоставляет в национальные справочные службы государств-членов обновленную информацию о требованиях Соглашения об упрощении процедур торговли;
- предлагает консультации по конкретным вопросам и комплексное техническое сотрудничество в обеспечении и соблюдении стандартов международной торговли.

В деле упрощения процедур торговли у ЮНИДО существуют тесные партнерские отношения с такими организациями системы Организации Объединенных Наций, как Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), Международный торговый центр (МТЦ) и др. Центральную роль здесь играют также сотрудничество и взаимодействие с дополняющими ее деятельность государственными учреждениями, международными финансовыми институтами и глобальными и региональными банками развития. Кроме того, ЮНИДО активно сотрудничает с учреждениями, оказывающими помощь на двусторонней основе, частными предприятиями, гражданским обществом и научными кругами.

Европейская экономическая комиссия ООН — ЕЭК ООН — была создана региональной организацией Экономического и социального совета ООН в 1947 г. для содействия развитию экономического сотрудничества между странами — членами этой комиссии. Целью деятельности ЕЭК ООН в сфере упрощения процедур торговли и электронных деловых операций является развитие национальной конкурентоспособности и обеспечение доступа стран-членов на мировые рынки благодаря развитию определенной системы знаний и институтов, которые способствуют упрощению процесса осуществления национальных и международных торговых операций. Такая цель реализуется путем упрощения и гармонизации процессов, процедур и информационных потоков.

ЕЭК ООН осуществляет следующую деятельность:

- 1) оказывает помощь и увеличивает эффективность национальных органов, которые занимаются вопросами упрощения процедур торговли, посредством предоставления консультационных услуг и проведения тематических семинаров;
- 2) содействует формированию и функционированию национальных систем «единого окна» с целью предоставления информации и реализации импортно-экспортных операций;
- 3) анализирует и упрощает бизнес-процессы для устранения острых проблем и увеличения производительности торговли;
- 4) способствует внедрению электронных альтернатив ключевым бумажным документам, которые используются в рамках международной цепочки поставок;
- 5) стимулирует осуществление безбумажных внешнеторговых операций.

С 2010 г. ЕЭК ООН проводит исследования нормативных и процедурных барьеров в торговле в определенных странах — членах ЕЭК ООН с переходной экономикой.

Региональный советник Европейской экономической комиссии ЕЭК ООН по торговле М. Апостолов отмечает, что, помимо осуществления нормативной работы по развитию стандартов, рекомендаций и других руководств, ЕЭК ООН «предоставляет услуги регионального советника, который оказывает методологическую поддержку по вопросам политики и технической помощи для внедрения стандартов и рекомендаций ЕЭК ООН по упрощению процедур торговли, в целях повышения потенциала стран для внедрения мер по упрощению процедур торговли»²⁵.

²⁵ Апостолов М. Взгляд со стороны ЕЭК ООН на роль и место ИКТ в реализации механизма «единого окна» // Перспективы совершенствования таможенного законодательства Таможенного союза (международный и региональный опыт) и технологические аспекты

ЕЭК ООН осуществляет работу в сфере упрощения процедур торговли через Центр ООН по упрощению процедур торговли и электронным деловым операциям — СЕФАКТ ООН.

СЕФАКТ ООН — это профильное международное учреждение, которое занимается исключительно упрощением процедур торговли. В работе СЕФАКТ ООН могут принять участие все страны — члены ООН, межправительственные организации, а также неправительственные организации, признанные Экономическим и социальным советом ООН — ЭКОСОС. При помощи участия представителей, правительств и деловых кругов всех стран мира СЕФАКТ ООН выработан ряд стандартов, рекомендаций и инструментов в сфере упрощения торговых процедур и электронного бизнеса, которые были одобрены в ходе широкого межправительственного процесса и использованы в глобальном масштабе.

Основная цель деятельности СЕФАКТ ООН сосредоточена на содействии общемировой координации и сотрудничеству для роста международной торговли и смежных услуг посредством упрощения процедур торговли и стандартов электронных деловых операций, охватывающих процессы как предпринимательских, так и государственных деловых операций.

Особое внимание Центр проявляет к усовершенствованию возможностей деловых и административных организаций как в развитых, развивающихся странах, так и в странах с переходной экономикой эффективно производить операции по обмену товарами и связанными с ними услугами, а также к решению вопросов, связанных с упрощением национальных и международных торговых операций путем упрощения и согласования процессов, процедур и потоков информации, что способствует росту международной торговли.

Осуществляя деятельность по упрощению процедур торговли и стандартов электронных деловых операций, СЕФАКТ ООН:

- оказывает поддержку и повышает эффективность национальных структур, занимающихся вопросами упрощения процедур торговли, посредством предоставления консалтинговых услуг и проведения обучающих программ;
- содействует созданию и функционированию национальных систем «единого окна»;
- анализирует и упрощает бизнес-процессы, благодаря которым происходит повышение эффективности трансграничных торговых операций;
- способствует введению электронного документооборота взамен бумажных носителей.

ЕЭК ООН и СЕФАКТ ООН разработано более 100 актуальных и используемых во всех странах рекомендаций, технических и деловых стандартов и иных инструментов содействия торговле. Некоторые из них уже приобрели статус международных стандартов Международной организации по стандартизации (ИСО). Большинство рекомендаций ЕЭК ООН и СЕФАКТ ООН охватывают коды и классификаторы²⁶, способствующие упрощению и стандартизации документов и данных.

реализации механизма «единого окна» : материалы Международной научно-практической конференции. С. 61.

²⁶ Рекомендация № 3. Коды для представления названий стран. СЕФАКТ ООН. 1996 // URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/cefact/recommendations/rec03/rec03_ecetrd201r.pdf.

Широко используемым результатом деятельности ООН стал формуляр-образец ООН (ФОООН)²⁷ для внешнеторговых документов, заложивший основу для разработки электронных внешнеторговых документов с использованием Справочника элементов внешнеторговых данных ООН — СЭВД ООН. Некоторые стандартизированные международные документы, основанные на формуляре-образце, включают нормативные документы (Единый административный документ (Европейский Союз), фитосанитарный сертификат (Конвенция по защите растений), сертификат происхождения (пересмотренная Киотская конвенция), сертификат GSP (ЮНКТАД), декларация опасных грузов (ЕЭК ООН), отправка сообщения для почтовых отправок (Всемирная почтовая конвенция), экспортная декларация товаров (пересмотренная Киотская конвенция, Всемирная таможенная организация)); транспортные документы (стандартный коносамент (Международная палата судоходства), Инструкции по экспедированию (ФИАТА), Международная дорожная накладная (CMR), Международная железнодорожная накладная (CIM), Универсальная авиационная накладная (ИАТА), стандартизированные формы ИМО (FAL 1-7), Книжка МДП).

Важной является Рекомендация № 25²⁸, предусматривающая обмен данными в торговле. ЭДИФАКТ ООН, разработанный в середине 90-х гг. прошлого века, является главным стандартом электронного обмена данными (ЭОД), который активно используется во всех странах мира как национальными таможенными службами, так и трансграничными судоходными компаниями.

ЕЭК ООН и СЕФАКТ ООН предусматривают целостный подход к упрощению процедур торговли на протяжении всей цепочки поставок. Такой подход требует проведения анализа бизнес-процессов в цепочке поставок. Для этого были разработаны такие инструменты, как Рекомендации № 4²⁹ и 18³⁰.

С начала 2000-х гг. Секция ЕЭК ООН по упрощению процедур торговли и СЕФАКТ ООН постоянно занимались разработкой темы «единого окна» для торговли. В частности, данные организации разработали базовую Рекомендацию № 33 о концепции «единого окна»³¹ и группу других важных рекомендаций,

²⁷ Рекомендация № 1. Формуляр-образец ООН для внешнеторговых документов. СЕФАКТ ООН. 1973 // URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/cefact/recommendations/rec01/rec01_ecetrd137r.pdf.

²⁸ Рекомендация № 25. Использование Стандарта Организации Объединенных Наций для электронного обмена данными в управлении, торговле и на транспорте (ЭДИФАКТ ООН). СЕФАКТ ООН. 1995 // URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/cefact/recommendations/rec25/rec25_95_r1079rev1r.pdf.

²⁹ Рекомендация № 4. Национальные органы по упрощению процедур торговли. СЕФАКТ. 1974 // URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/cefact/recommendations/rec04/ECE_TRADE_425_CFRRec4.pdf.

³⁰ Рекомендация № 18. Меры по упрощению процедур международной торговли. СЕФАКТ ООН. 1982 // URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/cefact/recommendations/rec18/rec18_ecetrd271r.pdf.

³¹ Рекомендация № 33. Рекомендация и руководящие принципы по созданию механизма «единого окна». СЕФАКТ. 2004 // URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/cefact/recommendations/rec33/rec33_trd352r.pdf.

относящихся к «единому окну» (Рекомендация № 34 о гармонизации данных³², Рекомендация № 35 о правовых вопросах³³, возникающих при создании единого окна, Рекомендация № 36 об обмене данными между едиными окнами³⁴).

Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) — это международная региональная организация. Она была создана в 1947 г. в Шанхае (Китай), и является самой крупной из пяти региональных комиссий ООН. В настоящее время в ЭСКАТО принимают участие 53 государства-члена и 9 ассоциативных членов. Помимо государств Азии и Тихого океана в ней принимают участие также Франция, Нидерланды, Великобритания и США.

Основная деятельность ЭСКАТО связана с рассмотрением и обсуждением экономических и социальных вопросов и укрепления регионального сотрудничества в области устойчивого развития транспорта, торговли, информационно-коммуникационных технологий, прав человека и др.

В сфере упрощения процедур торговли ЭСКАТО предпринимает усилия по следующим направлениям:

- способствует упрощению, гармонизации и стандартизации процедур торговли в целях оптимизации финансовых и временных издержек;
- облегчает осуществление экспортно/импортных операций, благодаря применению технологий безбумажной торговли и онлайн-продаж;
- популяризирует использование в Азиатско-тихоокеанском регионе рамочной системы упрощения процедур торговли;
- разрабатывает и публикует инструменты и руководства для практической реализации мер по упрощению процедур торговли;
- устраивает межправительственные встречи и предоставляет консультативные услуги для государств-членов, а также осуществляет научные исследования по проблематике упрощения процедур торговли.

Также стратегическим направлением деятельности Комиссии является осуществление повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., что она делает путем укрепления и углубления регионального сотрудничества и интеграции в целях развития взаимосвязанности, финансового сотрудничества и рыночной интеграции.

Среди межправительственных организаций участие в разработке инструментов упрощения процедур торговли принимают неправительственные организации. Значимость негосударственных участников в разработке и применении международного права и в функционировании международного общества привела

³² Рекомендация № 34. Упрощение и стандартизация данных для международной торговли. СЕФАКТ. 2011 // URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/cefact/recommendations/rec34/ECE_TRADE_400_DataSimplificationand_Rec34R.pdf.

³³ Рекомендация № 35. Выработка правовой основы системы «единого окна» в международной торговле. СЕФАКТ. 2011 // URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/cefact/recommendations/rec35/Rec35_ECE_TRADE_401_EstablishingLegalFrameworkforSingleWindow_R.pdf.

³⁴ Рекомендация № 36. Рекомендация о функциональной совместимости систем «единого окна». СЕФАКТ. 2017 // URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/trade/Publications/ECE-TRADE-431E_Rec36.pdf.

к тому, что были поставлены под сомнение классические парадигмы. Международное право стало переполненным участием негосударственных субъектов в управлении³⁵.

ЕЭК ООН совместно с ЭСКАТО способствовала созданию Сети экспертов Организации Объединенных Наций по безбумажной торговле в Азиатско-Тихоокеанском регионе (ЮННЕкст) с целью собрать общность знаний и практики для экспертов из развивающихся стран и из стран Азии и Тихого океана, вовлеченных во внедрение электронных торговых систем, и содействовать торговле. ЮННЕкст является неправительственной организацией и предоставляет платформу для взаимодействия и обмена знаниями для политиков, практиков и технических экспертов в целях устранения разрывов между странами с различным уровнем реализации упрощения процедур торговли.

Его деятельность заключается прежде всего в продвижении единого окна и безбумажной торговли посредством обучения, обмена знаниями и применения международных стандартов, принятых международными организациями в Азиатско-Тихоокеанском регионе. ЮННЕкст совместно с ЭСКАТО издано много документов по теме «единого окна» для торговли, которые имеют довольно практичный характер и обеспечивают понимание «единого окна», в частности Руководство ЮННЕкст по планированию и реализации проекта «единого окна» 2012 г.³⁶, Руководство ЮННЕкст по гармонизации и моделированию данных 2012 г.³⁷, Правовое руководство по электронной системе «единого окна» и безбумажной торговле³⁸.

Также ЮННЕкст была разработана методология анализа бизнес-процессов, описанная в Руководстве ЮННЕкст по анализу бизнес-процессов для упрощения торговых процедур 2012 г.³⁹. В Руководстве по унификации документов 2011 г.⁴⁰ приводится краткое введение в историю ФОООН, представлены форматирование и аспекты физического дизайна ФОООН, описывается функциональный дизайн форм и использование семантических репозиториях, классификаторов, а также приводятся Инструкции по заполнению граф с целью разработки унифицированной и эффективной системы торговых документов. При этом цель руководств и учебных материалов ЮННЕкст не заменить все существующие руководящие документы и рекомендации в отношении «единого окна» для торговли, а дополнить их более подробными рекомендациями и примерами.

Учитывая вышеизложенное, следует отметить, что количество таких международных организаций, связанных с разработкой инструментов упрощения про-

³⁵ *Fernández Liesa C. R.* Los actores no estatales y el Derecho Internacional de los derechos humanos // *Derechos y libertades*. 2019. No. 41. Época II. P. 117—147.

³⁶ Руководство ЮННЕкст по планированию и реализации проекта «единого окна». ЭСКАТО и ЕЭК ООН, 2012.

³⁷ Руководство ЮННЕкст по гармонизации и моделированию данных. ЮННЕкст, ЭСКАТО, ЕЭК ООН, 2012.

³⁸ Правовые аспекты создания электронного «единого окна» : руководство ЮННЕкст по повышению потенциала. ЕЭК ООН и ЭСКАТО, 2012.

³⁹ Руководство по анализу бизнес-процессов для упрощения торговых процедур. ЭСКАТО ООН, 2009.

⁴⁰ Руководство ЮННЕкст по унификации документов. ЕЭК ООН и ЭСКАТО, 2011.

цедур торговли, неизменно увеличивается и, несомненно, находится в фокусе внимания всех стран мира. Существенную роль играют международные организации ООН, которые являются разработчиками и исполнителями многочисленных международных стандартов, руководств и иных инструментов технической поддержки в области упрощения трансграничной торговли и таможенного дела посредством регулирования международной коммерческой практики, унификации и гармонизации международного торгового права, сокращения юридических препятствий в международной торговле.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Апостолов М.* Взгляд со стороны ЕЭК ООН на роль и место ИКТ в реализации механизма «единого окна» // Перспективы совершенствования таможенного законодательства Таможенного Союза (международный и региональный опыт) и технологические аспекты реализации механизма «единого окна» : материалы Международной научно-практической конференции. — М., 2014.
2. *Кожанков А. Ю.* Соглашение Всемирной торговой организации об упрощении торговли: предпосылки принятия и общая характеристика // Вестник Российской таможенной академии. — 2016. — № 4.
3. *Мозер С. В.* К вопросу о Соглашении по упрощению процедур торговли как инструменту совершенствования таможенного регулирования // Перспективы совершенствования таможенного законодательства Таможенного Союза (международный и региональный опыт) и технологические аспекты реализации механизма «единого окна» : материалы Международной научно-практической конференции. — М., 2014.
4. *Cosgrove-Sacks C.* Trade Facilitation: Facilitating Trade for Development. Commonwealth Trade Hot Topics Commonwealth. — London : Commonwealth Secretariat. — 2007. — No. 41.
5. *Fernández Liesa C. R.* Los actores no estatales y el Derecho Internacional de los derechos humanos // Derechos y libertades. — 2019. — No. 41. — Época II. — P. 117—147.
6. *Fernández Liesa C. R.* Transformaciones del Derecho internacional por los objetivos de desarrollo sostenible // Anuario español de Derecho Internacional. — 2016. — Vol. 32. — P. 49—81.
7. *Goldby M.* Electronic documents in maritime trade // Law and Practice. — Oxford University Press. — 2019.
8. *Rendón Huerta Barrera T.* Fuentes internacionales para determinar los derechos de las audiencias // Ciencia Jurídica. — 2013. — No. 5. — P. 71—84. — URL: <http://www.cienciajuridica.ugto.mx/index.php/CJ/article/view/40/40>.
9. *Rodríguez De Las Heras Ballell T.* Platform based models for facilitating international trade : a legal analysis // Trade Facilitation and the WTO. — 2019.
10. *Sidorov V. N., Sidorova E. V.* La sistematización de los instrumentos internacionales de facilitación del comercio exterior en la era moderna // Ciencia Jurídica. — 2020. — No. 18. — P. 77—89.
11. *Winn J. K.* The Promise of Global Digital Trade Facilitation Platforms. — Trade Facilitation and the WTO. — 2019.

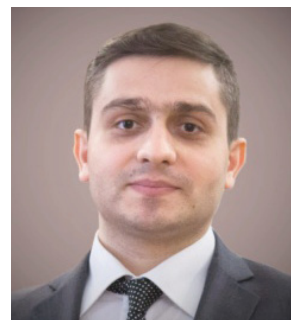
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ОБЗОР РАБОТЫ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ООН (2019—2020 гг.)

A S. GULASARYAN,

*Associate Professor of the Department of International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)*

REVIEW OF THE WORK OF THE UN INTERNATIONAL LAW COMMISSION (2019—2020)

**Артур Сергеевич
ГУЛАСАРЯН,**
доцент кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

В период с 29 апреля по 5 июня и с 6 июля по 7 августа 2020 г. в Женеве должна была состояться запланированная 72-я сессия Комиссии международного права ООН (далее — КМП, Комиссия)¹. Однако пандемия COVID-19 внесла коррективы в планы Комиссии, исключив возможность приезда членов Комиссии в Женеву. Встал вопрос о дальнейшей работе КМП ООН в сложившихся условиях.

В августе 2020 г. Генеральная Ассамблея ООН (далее — ГА) решила, что 72-я сессия КМП ООН пройдет в Женеве в 2021 г., а 73-я сессия — в 2022 г. Кроме того, ГА ООН решила продлить срок полномочий нынешних членов Комиссии на один год до 31 декабря 2022 г., с тем чтобы нынешний состав имел возможность завершить рассмотрение тем, которые включены в программу работы 72-й и 73-й сессий и работа над которыми находится на продвинутой стадии.

ГА ООН особо отметила, что решение о продлении срока полномочий нынешних членов Комиссии принимается в порядке исключения ввиду беспрецедентных обстоятельств, сложившихся в результате пандемии COVID-19 и что это решение не наносит ущерба статье 10 Положения о Комиссии и не создает прецедента ни для Комиссии, ни для других органов ООН, имеющих в своем составе избранных членов. ГА ООН также обратилась с просьбой к Секретариату изучить и подготовить варианты, которые позволили бы КМП ООН эффективно проводить сессии в удаленном режиме или иным образом выполнять свою работу в удаленном режиме, включая, в частности, использование технических средств, таких как виртуальные многоязычные видеоконференционные платформы, и внесение корректировок в обычное расписание заседаний, в том числе на случай, если Комиссия не сможет проводить очные сессии в период после 2020 г.²

Таким образом, работа КМП ООН, запланированная на 2020 г., перенесена на 2021 г., в то время как работа, запланированная на 2021 г., — на 2022 г. В 2021 г. ожидается завершение (во втором чтении) работы КМП ООН над двумя темами:

¹ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи A/RES/74/186 от 18 декабря 2019 г. П. 16 // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/186> (дата обращения: 24.10.2020).

² См.: GA Dec. 74/566, para. (a) (Aug. 12, 2020).

Проект решения, представленный Председателем Генеральной Ассамблеи ООН см.: UN Doc. A/74/L.78 (Aug. 6, 2020) // URL: <https://undocs.org/ru/A/74/L.78> (дата обращения: 24.10.2020).

1) охрана атмосферы; 2) временное применение международных договоров. В 2022 г. КМП ООН должна завершить (во втором чтении) свою работу над двумя другими темами: 1) императивные нормы общего международного права (*jus cogens*); 2) защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами. Есть надежда, что в первом чтении в 2022 г. также будет завершена работа Комиссии над проектами статей об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции. В то же время будет продолжена работа Комиссии над иными темами, находящимися в настоящее время в программе ее работы: правопреемство государств в отношении ответственности государств; общие принципы права; повышение уровня моря в контексте международного права³.

С учетом вышеизложенного и для получения целостной картины текущей работы КМП ООН представляется важным проведение обзора работы 71-й сессии КМП ООН, проходившей с 21 апреля по 7 июня и с 8 июля по 9 августа 2019 г. в Женеве под председательством П. Штурмы (Чешская Республика)⁴. В указанный период Комиссия завершила в первом чтении работу над темой об императивных нормах общего международного права (*jus cogens*) и темой о защите окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, а во втором чтении — над темой о преступлениях против человечности. Была продолжена работа Комиссии по дальнейшей разработке проектов статей по правопреемству государств в отношении

³ См.: Current status of the work of the Commission and forthcoming deadlines // URL: <https://legal.un.org/ilc/status.shtml> (дата обращения: 24.10.2020).

⁴ См.: Доклад Комиссии международного права: семьдесят первая сессия (29 апреля — 7 июня и 8 июля — 9 августа 2019 г.). Генеральная Ассамблея, 74-я сессия. Дополнение № 10 (A/74/10) // URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2019/> (дата обращения: 24.10.2020).

ответственности государств и иммунитету должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, проектов выводов по общим принципам права.

Кроме того, Комиссия провела неформальные консультации по типовым положениям в рамках темы временного применения международных договоров, первое чтение по которой было завершено на 71-й сессии, а второе чтение ожидалось в ходе 72-й сессии Комиссии. Было решено включить в программу работы Комиссии тему о повышении уровня моря в контексте международного права и создать исследовательскую группу по отмеченной теме вместо назначения специального докладчика по теме. В долгосрочную программу работы Комиссии были добавлены две новые темы: 1) возмещение ущерба лицам за грубые нарушения норм международного права прав человека и серьезные нарушения норм международного гуманитарного права; 2) предупреждение и пресечение пиратства и вооруженного разбоя на море.

1. *Императивные нормы общего международного права (jus cogens)*. В ходе 71-й сессии Комиссии была завершена работа в первом чтении над названной темой и в предварительном порядке были приняты редакционным комитетом тексты 23 проектов выводов и проект приложения по теме⁵, подготовленные под руководством специального докладчика по теме Д. Тлади (ЮАР).

Принятый в первом чтении документ состоит из четырех частей и приложения. Часть первая содержит три проекта выводов, которые касаются сферы охвата (проект вывода 1), определения императивной нормы общего международного права (*jus cogens*) (проект вывода 2), общего характера императивных норм общего международного права (*jus cogens*) (проект вывода 3). В то время как проект вывода 2, по сути, воспроизводит определение нормы *jus cogens* из Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее — ВКПМД), проект вывода 3 представляет собой новеллу. В нем сказано, что нормы *jus cogens* отражают и защищают основополагающие ценности международного сообщества, стоят в иерархическом отношении выше других норм международного права и являются универсально применимыми.

Часть вторая касается идентификации императивной нормы общего международного права (*jus cogens*). Проект вывода 4 предусматривает 2 критерия для идентификации нормы *jus cogens*: 1) норма общего международного права; 2) ее принятие и признание международным сообществом государств в целом как нормы, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена

⁵ См.: Текст проектов выводов и проекта приложения, принятый Редакционным комитетом в предварительном порядке в первом чтении: императивные нормы общего международного права (*jus cogens*). A/CN.4/L.936 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G19/147/24/PDF/G1914724.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.10.2020).

К моменту открытия 71-й сессии Комиссия имела в своем распоряжении уже четвертый доклад спецдокладчика, в котором рассматривались правовые последствия императивных норм общего международного права (*jus cogens*). См.: Четвертый доклад об императивных нормах общего международного права (*jus cogens*), подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади : док. ООН A/CN.4/727. Нью-Йорк : ООН, 2019. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/024/35/PDF/N1902435.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.10.2020).

только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер. Последующие проекты выводов конкретизируют эти критерии.

В проекте вывода 5 указывается, что в качестве основ *jus cogens* могут служить международное обычное право, договорные положения и общие принципы права, в проектах выводов 6 и 7 уточняется, что следует понимать под «принятием и признанием» со стороны международного сообщества государств в целом. В проекте вывода 8 раскрываются формы свидетельства принятия и признания, как, например, публичные заявления, сделанные от имени государств; официальные публикации; правительственные юридические заключения; дипломатическая переписка; законодательные и административные акты; решения национальных судов; договорные положения; резолюции, принятые международной организацией или на межправительственной конференции.

Наконец, в проекте вывода 9 речь идет о вспомогательных средствах для определения императивного характера норм общего международного права (*jus cogens*): решения международных судов и трибуналов, материалы экспертных органов, учрежденных государствами или международными организациями, и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных государств. Часть третья затрагивает правовые последствия *jus cogens*. Три проекта выводов подтверждают положения ВКПМД в отношении последствий, которые наступают в случаях противоречий с нормами *jus cogens*. В частности, речь идет о последствиях в случаях, если договор является ничтожным *ab initio* или становится ничтожным вследствие возникновения новой императивной нормы *jus cogens* (проекты выводов 10—12).

Проект вывода 13 предусматривает, что оговорка к положению договора, которое отражает императивную норму *jus cogens*, не затрагивает обязательного характера этой нормы и что оговорка не может исключать или изменять юридическое действие договора вопреки норме *jus cogens*. Далее в проектах выводов затрагиваются правовые последствия в контексте международного обычного права (проект вывода 14), обязательств, создаваемых односторонними актами государств (проект вывода 15) и обязательств, создаваемых резолюциями, решениями и другими актами международных организаций (проект вывода 16).

В последующих проектах выводов утверждается, что нормы *jus cogens* порождают обязательства перед международным сообществом в целом (обязательства *erga omnes*), в которых все государства имеют правовой интерес (проект вывода 17), что никакие обстоятельства, исключаящие противоправность деяния, не могут применяться в отношении любого акта государства, который не соответствует обязательству, вытекающему из нормы *jus cogens* (проект вывода 18), что государства должны сотрудничать с целью прекращения правомерными средствами любого серьезного нарушения государством обязательства, вытекающего из нормы *jus cogens*, что ни одно государство не должно признавать правомерным положение, которое сложилось в результате серьезного нарушения государством обязательства, вытекающего из нормы *jus cogens* (проект вывода 19).

В данной части документа содержатся также два проекта выводов, представляющие интерес с точки зрения процедуры применения норм *jus cogens* (проекты выводов 20 и 21). В тех случаях, когда, как представляется, может возникнуть противоречие между нормой *jus cogens* и другой нормой международного

права, последняя, насколько это возможно, подлежит толкованию и применению в соответствии с первой (проект вывода 20). Государство, которое ссылается на норму *jus cogens* в качестве основания для недействительности или прекращения действия нормы международного права, уведомляет другие заинтересованные государства о своем требовании, и, если со стороны любого заинтересованного государства последует возражение, то заинтересованные государства добиваются урегулирования с помощью мирных средств (проект вывода 21).

Важно заметить положение в этом проекте вывода о том, что если в течение 12 месяцев не достигается никакого решения и возражающее государство или заинтересованные государства предлагают передать этот вопрос на рассмотрение Международного Суда ООН, то ссылающееся государство не имеет права осуществить предусмотренную им меру до тех пор, пока спор не будет урегулирован. Ни проект вывода, ни комментарий к нему, однако, не указывают о последствиях ситуации, если ссылающееся государство предлагает передать вопрос на рассмотрение Суда, а другое государство отказывается это делать.

Часть четвертая по общим положениям содержит два проекта выводов. Проект вывода 22 касается незатрагивания последствий, которые конкретные нормы *jus cogens* могут в противном случае повлечь за собой по международному праву. Проект вывода 23 содержит исчерпывающий перечень норм *jus cogens* без ущерба для существования или последующего появления других норм *jus cogens*. Этот перечень приводится в приложении к проекту выводов. К нормам *jus cogens* отнесены: а) запрещение агрессии; б) запрещение геноцида; в) запрещение преступлений против человечности; г) основные нормы международного гуманитарного права; д) запрещение расовой дискриминации и апартеида; е) запрещение рабства; ж) запрещение пыток; з) право на самоопределение.

После завершения первого чтения проекты выводов были переданы КМП ООН через Генерального секретаря ООН правительствам для представления комментариев и соображений до 1 декабря 2020 г. Комиссия ожидает возврата к обсуждению этой темы во втором чтении в 2022 г.

2. Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами. В ходе 71-й сессии была также завершена работа в первом чтении над темой о защите окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами и были приняты в предварительном порядке редакционным комитетом проекты 28 принципов⁶, подготовленных под руководством специального докладчика М. Лехто (Финляндия).

Документ в целом состоит из пяти частей. Часть первая состоит из двух проектов принципов, один касается сферы применения (проект принципа 1), а вто-

⁶ См.: Текст и заголовки проектов принципов, принятые в предварительном порядке Редакционным комитетом в первом чтении: защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами. A/CN.4/L.937 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G19/153/13/PDF/G1915313.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.10.2020).

К моменту открытия 71-й сессии Комиссия уже имела в своем распоряжении второй доклад спецдокладчика. См.: Второй доклад по вопросу о защите окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, представленный Специальным докладчиком Марьей Лехто : док. ООН A/CN.4/728. Нью-Йорк : ООН, 2019. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/053/21/PDF/N1905321.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.10.2020).

рой — цели (проект принципа 2). Цель определена как усиление защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, в том числе посредством превентивных мер для сведения к минимуму ущерба окружающей среде во время вооруженных конфликтов и посредством восстановительных мер.

Часть вторая касается принципов общего применения, которые являются релевантными и во время, и после вооруженных конфликтов. В этой части речь идет о принятии государствами во исполнение своих обязательств по международному праву эффективных законодательных, административных, судебных и других мер для усиления защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами (проект принципа 3); о специальном обозначении в качестве охраняемых зон районов, имеющих большое экологическое и культурное значение (проект принципа 4); о принятии случае вооруженного конфликта государствами надлежащих мер для защиты окружающей среды на территориях проживания коренных народов (проект принципа 5); о включении положений о защите окружающей среды в соглашения относительно присутствия военных сил в связи с вооруженными конфликтами (проект принципа 6); об учете воздействия миротворческих операций на окружающую среду (проект принципа 8); а также о последствиях перемещения лиц в результате вооруженного конфликта для окружающей среды (проект принципа 8).

Кроме того, предусматривается международная ответственность государств за международно-противоправное деяние в связи с вооруженным конфликтом, наносящим ущерб окружающей среде (проект принципа 9); принятие национальных мер государствами для обеспечения того, чтобы корпорации и другие хозяйствующие субъекты проявляли должную осмотрительность в отношении защиты окружающей среды, когда они действуют в районе вооруженного конфликта или в ситуации после вооруженного конфликта (проект принципа 10); а также корпоративная ответственность за ущерб, причиненный ими окружающей среде в таких ситуациях (проект принципа 11).

Часть третья определяет различные принципы, применимые во время вооруженных конфликтов. Открывается эта часть «оговоркой Мартенса» в отношении защиты окружающей среды в связи с вооруженным конфликтом (проект принципа 12). Другие проекты принципов данной части касаются общей необходимости уважения и защиты окружающей природной среды в соответствии с правом вооруженных конфликтов (проект принципа 13); применения принципов и норм в отношении проведения различия, соразмерности, военной необходимости и мер предосторожности при нападении, к природной среде с целью ее защиты (проекты принципов 14—15); запрета на репрессалии против окружающей среды (проект принципа 16); защиты от нападения на районы, имеющие большое экологическое и культурное значение (проект принципа 17); запрещения разграбления природных ресурсов (проект принципа 18); а также обязательств государства не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству (проект принципа 19).

Часть четвертая сосредоточивается на принципах, применимых в ситуациях оккупаций территорий, а именно содержит указания: на некоторые обязательства оккупирующей державы в отношении окружающей среды оккупированной

территории (проект принципа 20); на необходимость управления оккупирующей державой природными ресурсами на оккупированной территории таким образом, чтобы обеспечить их устойчивое использование и сведение к минимуму экологического вреда (проект принципа 21); на требовании, чтобы оккупирующая держава проявляла должную осмотрительность для обеспечения того, чтобы деятельность, осуществляемая на оккупированной территории, не причиняла значительного ущерба окружающей среде районов, находящихся за пределами этой оккупированной территории (проект принципа 22).

Часть пятая охватывает принципы, применимые после вооруженного конфликта. Эти принципы касаются: включения в надлежащих случаях в мирные соглашения вопросов, относящихся к восстановлению и защите окружающей среды, которой был нанесен ущерб в результате конфликтов (проект принципа 23); обмена соответствующей информацией и предоставления к ней доступа государствам и международным организациям для содействия восстановительным мерам после вооруженного конфликта (проект принципа 24); оценок состояния окружающей среды и восстановительных мер после вооруженных конфликтов (проект принципа 25); предоставления чрезвычайной или иной помощи, когда в связи с вооруженным конфликтом источник экологического ущерба не идентифицирован (проект принципа 26); устранения или обезвреживания токсичных и опасных пережитков войны на суше или на море, которые наносят ущерб или порождают риск нанесения ущерба окружающей среде (проекты принципов 27 и 28).

После завершения первого чтения проекты принципов были переданы КМП ООН через Генерального секретаря ООН правительствам, международным организациям (включая ЮНЕП) и другим (включая Международный комитет Красного Креста) для представления комментариев и соображений к 1 декабря 2020 г. Ожидается возврат к обсуждению этой темы КМП ООН во втором чтении в 2022 г.

3. Преступления против человечности. КМП ООН в ходе 71-й сессии завершила работу во втором чтении над проектом статей о предотвращении и наказании преступлений против человечности (состоящим из проектов преамбулы, 15 статей, а также приложения)⁷, подготовленным под руководством спецдокладчика Ш. Мерфи (США). К моменту открытия 71-й сессии был представлен четвертый доклад спецдокладчика, в котором было сосредоточено внимание на анализе комментариев, полученных КМП ООН после принятия текста в первом чтении в 2017 г.⁸ На основе полученных комментариев были внесены следующие изменения в принятый в первом чтении текст проектов статей⁹.

⁷ См.: Тексты и заголовки проекта преамбулы, проектов статей и проекта приложения, принятые Редакционным комитетом в предварительном порядке во втором чтении: преступления против человечности. A/CN.4/L.935 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G19/138/93/PDF/G1913893.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.10.2020).

⁸ См.: Четвертый доклад о преступлениях против человечности, подготовленный Специальным докладчиком Шоном Д. Мерфи : док. ООН A/CN.4/725. Нью-Йорк : ООН, 2019. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/046/21/PDF/N1904621.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.10.2020).

⁹ См.: Тексты и заголовки проекта преамбулы, проектов статей и проекта приложения, принятые Редакционным комитетом в предварительном порядке в первом чтении: пре-

Во-первых, был добавлен третий пункт к проекту преамбулы, содержащий напоминание о принципах международного права, воплощенных в Уставе ООН.

Во-вторых, в проект ст. 2 об определении преступлений против человечности был включен подпункт «h» пункта 1, в соответствии с которым под преступлениями против человечности следует понимать также преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным или другим мотивам. Из подпункта «h» пункта 1 была исключена формулировка «в связи с преступлением геноцида или военными преступлениями», равно как и из ст. 2 было исключено определение термина «гендерный».

В-третьих, Комиссия включила в проект ст. 3 прямое положение об обязательстве каждого государства не прибегать к совершению деяний, которые представляют собой преступления против человечности (п. 1 проекта ст. 3).

В-четвертых, Комиссия усовершенствовала и упорядочила в п. 3 проекта ст. 6 положения об ответственности командования следующим образом: «Каждое государство принимает необходимые меры для обеспечения также того, чтобы командиры и другие начальники несли уголовную ответственность за преступления против человечности, совершенные их подчиненными, если они знали или имели основание знать, что подчиненные намеревались совершить или совершали такие преступления и не приняли всех необходимых и разумных мер в пределах своих полномочий для предупреждения их совершения или, если такие преступления были совершены, — для наказания ответственных за это лиц».

В-пятых, Комиссия уточнила, что положения о возмещении вреда в отношении жертв преступлений против человечности применяются только к государствам, совершившим деяния, образующие преступления против человечности, или к государствам, на территории которых такие преступления имели место.

В-шестых, Комиссия добавила к проекту ст. 14 о взаимной правовой помощи положение о сотрудничестве государств с международными механизмами, учрежденными международными организациями и имеющими мандат на сбор доказательств в отношении преступлений против человечности (п. 9).

После завершения второго чтения весь свод проектов статей о предотвращении и наказании преступлений против человечности с комментариями был передан КМП ООН в Генеральную Ассамблею ООН. КМП ООН рекомендовала разработку конвенции Генеральной Ассамблеей ООН или международной конференцией полномочных представителей на основе этих проектов статей¹⁰.

4. Правопреемство государств в отношении ответственности государств. В 2016 г. КМП ООН начала работу над темой о правопреемстве государств в отношении ответственности государств и назначила П. Штурму (Чешская Республика) в качестве спецдокладчика по теме. По сути, в рамках настоящей темы анализируются правила относительно ответственности государств, применимые к правам и обязанностям государства-предшественника, государства-преемника и третьих государств в ситуациях правопреемства государств. Только

ступления против человечности. A/CN.4/L.892 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G17/144/91/PDF/G1714491.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.10.2020).

¹⁰ См.: Доклад Комиссии международного права: семьдесят первая сессия. С. 11..

в ходе 71-й сессии Комиссии были приняты редакционным комитетом первые проекты статей в предварительном порядке, относящихся к сфере применения (проект ст. 1), употреблению терминов (проект ст. 2), применению проектов статей только к последствиям правопреемства государств, которое осуществляется в соответствии с международным правом (проект ст. 5)¹¹.

Хотя к моменту открытия 71-й сессии КМП был представлен третий доклад спецдокладчика¹², который затрагивал вопросы предъявления требований о возмещении в контексте различных категорий правопреемства государств, а также традиционные и современные подходы к возмещению вреда, причиненного международно-противоправным деянием, совершенным в отношении граждан государства-предшественника, редакционный комитет продолжил работу все еще над предложениями спецдокладчика, содержащимися во втором докладе, представленном в 2017 г. На основе этой работы редакционный комитет принял три новых проекта ст. 7, 8 и 9¹³.

Проект ст. 7 касался деяний, носящих длящийся характер. В соответствии с ним международная ответственность государства-преемника распространяется только на последствия его международно-противоправного деяния после момента правопреемства, когда такое деяние государства-преемника имеет длящийся характер в связи с международно-противоправным деянием государства-предшественника. Международная ответственность государства-преемника распространяется на последствия такого деяния государства-предшественника, если и в той мере, в какой государство-преемник признает и принимает такое деяние государства-предшественника как свое собственное.

Согласно проекту ст. 8 поведение движения, повстанческого или иного, которому удастся создать новое государство на части территории государства-предшественника или на какой-либо территории под его управлением, рассматривается как деяние этого нового государства по международному праву.

Наконец, проект ст. 9 касается случаев правопреемства государств, когда государство-предшественник продолжает существовать. Как правило, потерпевшее государство сохраняет за собой право призвать к ответственности государство-предшественника даже после даты правопреемства, когда международно-противоправное деяние было совершено государством-предшественником до момента правопреемства государств и государство-предшественник продолжает

¹¹ См.: Текст проектов статей, в предварительном порядке принятых Редакционным комитетом к настоящему времени: правопреемство государств в отношении ответственности государств, A/CN.4/L.939 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G19/210/35/PDF/G1921035.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.10.2020).

¹² Третий доклад о правопреемстве государств в отношении ответственности государств, подготовленный Специальным докладчиком Павелом Штурмой : док. ООН A/CN.4/731*. Нью-Йорк : ООН, 2019. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/095/99/PDF/N1909599.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.10.2020).

¹³ См.: Текст проектов статей 7, 8 и 9, принятый в предварительном порядке Редакционным комитетом на семьдесят первой сессии: правопреемство государств в отношении ответственности государств, A/CN.4/L.939/Add.1 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G19/225/52/PDF/G1922552.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.10.2020).

существовать. Однако государство-предшественник и государство-преемник могут заключить соглашение об устранении ущерба.

5. Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции. К концу 70-й сессии в 2018 г. КМП ООН получила шестой доклад по теме иммунитета должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, подготовленный вторым спецдокладчиком К. Эскобар Эрнандес (Испания)¹⁴. В докладе затрагивались в общих чертах некоторые процессуальные аспекты: в какой момент должен рассматриваться вопрос об иммунитете со стороны государства суда, на каких категориях действий сказывается иммунитет, установление иммунитета. В шестом докладе не содержалось каких-либо дополнительных проектов статей. КМП ООН начала обсуждение шестого доклада, однако не в состоянии была завершить его до конца 70-й сессии.

В последующем обсуждение по докладу продолжилось в ходе 71-й сессии КМП, но было объединено с обсуждением седьмого доклада спецдокладчика, который также затрагивал процессуальные аспекты и гарантии. Седьмой доклад предложил ряд новых проектов статей, в частности относительно: рассмотрения вопроса об иммунитете государством суда на ранней стадии разбирательства (проект ст. 8), установления наличия иммунитета судами государства суда (проект ст. 9); ссылки на иммунитет (проект ст. 10) и отказа от иммунитета со стороны государства должностного лица (проект ст. 11); уведомления государства должностного лица о намерении осуществить уголовную юрисдикцию (проект ст. 12); обмена информацией между государством суда и государством должностного лица для принятия решения относительно применимости иммунитета (проект ст. 13)¹⁵.

В то время как на пленарной сессии КМП ООН удалось обсудить и представить эти предложения в редакционный комитет, последний не принял ни один из проектов во время 71-й сессии из-за отсутствия необходимого времени. Ожидается завершение работы КМП ООН над темой в первом чтении в 2022 г.

6. Общие принципы права. В 2018 г. КМП ООН приступила к рассмотрению темы общих принципов права и назначила М. Васкес-Бермудеса (Эквадор) в качестве специального докладчика по теме. К открытию 71-й сессии КМП ООН был представлен первый доклад спецдокладчика, в котором содержались три проекта выводов¹⁶. Хотя проекты выводов и были переданы в редакционный комитет, время позволило принять в редакционном комитете только проект вывода 1

¹⁴ См.: Шестой доклад об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, подготовленный специальным докладчиком Консепсьон Эскобар Эрнандес : док. ООН A/CN.4/722. Нью-Йорк : ООН, 2018. URL: <https://daccess-ods.un.org/TMP/411682.352423668.html> (дата обращения: 24.10.2020).

¹⁵ См.: Седьмой доклад об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, подготовленный Специальным докладчиком Консепсьон Эскобар Эрнандес : док. ООН A/CN.4/729*. Нью-Йорк : ООН, 2019. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/093/85/PDF/N1909385.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.10.2020).

¹⁶ См.: Первый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом : док. ООН A/CN.4/732. Нью-Йорк : ООН, 2019. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/100/95/PDF/N1910095.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.10.2020).

относительно сферы охвата¹⁷. Обсуждения в рамках КМП ООН вскрыли различия в точках зрения на происхождение общих принципов права. Предложение специального докладчика исходило из допущения о том, что общие принципы права состоят из таких принципов права, которые вытекают из национальных правовых систем, и принципов права, сформированных в рамках международно-правовой системы.

Анализ спецдокладчика показал, что имеется всеобщее принятие государствами того, что общие принципы права по смыслу подпункта 1 пункта 1 ст. 38 Статута МС ООН вытекают из национальных правовых систем. Доклад далее указывает, что для выявления общих принципов права, вытекающих из национальных правовых систем, может потребоваться проведение двухэтапного анализа: во-первых, выявление принципа, общего для большинства национальных правовых систем; во-вторых, определение применимости этого принципа в международно-правовой системе (транспонирование). Ожидается продолжение работы КМП ООН над разработкой новых проектов выводов.

7. *Повышение уровня моря в контексте международного права.* В ходе 70-й сессии в 2018 г. КМП ООН включила в свою долгосрочную программу работы тему повышения уровня моря в контексте международного права. На 71-й сессии КМП решила приступить к рассмотрению этой темы в рамках Исследовательской группы открытого состава (открытого для всех членов), председателями которой на основе ротации будут Б. Ауреску, Я. Сиссе, П. Галван Телиш, Н. Орал и Х. Руда Сантолария.

Исследовательской группой на ее заседании был согласован неофициальный документ об организации ее работы, в котором содержалась «дорожная карта» на 2019—2021 годы. Он был доведен до сведения КМП ООН. Исследовательская группа постановила, что планирует рассмотреть первую подтему — вопросы, касающиеся морского права, — в 2020 г. под сопредседательством Б. Ауреску и Н. Орал, а вторую и третью подтемы — вопросы, касающиеся государственности, и вопросы, касающиеся защиты лиц, затронутых повышением уровня моря, — в 2021 г. под сопредседательством Г. Телиш и Х. Руды Сантоларии. Перед каждой сессией сопредседатели группы будут готовить тематический документ, который будет редактироваться, переводиться и распространяться в качестве официального документа и служить основой для обсуждения и ежегодным итогом работы членов группы.

В конце каждой сессии КМП ООН работа Исследовательской группы будет отражаться в докладе по существу с должным учетом тематического документа, подготовленного сопредседателями, и соответствующих материалов, представленных членами, с подведением итогов обсуждений в Исследовательской группе. Этот доклад будет согласовываться в Исследовательской группе, а затем представляться сопредседателями Комиссии, чтобы включить его резюме в годовой доклад Комиссии¹⁸.

¹⁷ См.: Доклад Комиссии международного права: семьдесят первая сессия. С. 393.

¹⁸ См.: Доклад Комиссии международного права: семьдесят первая сессия. С. 406—407.

8. *Временное применение международных договоров.* КМП ООН на 70-й сессии завершила первое чтение по теме временного применения договоров¹⁹, опираясь на ряд докладов, представленных спецдокладчиком Х. М. Гомесом Робледо (Мексика). В настоящее время Комиссия ожидает комментариев и соображений от государств и других субъектов в ожидании завершения второго чтения на 72-й сессии в 2021 г. Хотя эта тема и не была в повестке дня Комиссии в ходе ее 71-й сессии, специальным докладчиком были запрошены неформальные консультации с членами по вопросу типовых положений, которые могли бы быть приняты Комиссией во втором чтении в качестве приложения к проектам выводов. С учетом этих консультаций спецдокладчик предложил проекты типовых положений для рассмотрения Комиссией на ее 72-й сессии, которые приложены к ежегодному докладу Комиссии за 2019 год²⁰.

Предлагаемые типовые положения касаются начала и прекращения временного действия договора, формы соглашения о временном применении договора, возможности опционального присоединения к соглашению или выходу из него, ограничений, вытекающих из внутреннего права государств или правил международных организаций.

Если обобщить все вышеизложенное, то можно сказать, что работа в рамках 71-й сессии КМП ООН оказалась достаточно насыщенной. По ее итогам были завершены два первых чтения и одно второе чтение, продолжена работа над различными темами, а также начата работа над новой темой. С завершением работы над темой преступлений против человечности и ожидаемым завершением работ над темами о временном применении международных договоров и об охране атмосферы на следующей сессии появится возможность у КМП ООН включить в свою активную повестку дня одну или две темы в течение двух последних лет текущей пятилетки, при этом не исключается возможность включения вновь избранными членами КМП ООН в ее программу работы в 2022 г. новых тем.

¹⁹ См.: Тексты и заголовки проектов руководящих положений, принятые Редакционным комитетом в первом чтении: временное применение договоров. A/CN.4/L.910 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G18/140/62/PDF/G1814062.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.10.2020).

²⁰ См.: Доклад Комиссии международного права: семьдесят первая сессия. С. 420—425.

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН

ПЕРЕНОС ПОСОЛЬСТВА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ В ИЕРУСАЛИМ (ПАЛЕСТИНА ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ)

О. И. ILINSKAYA,

*Associate Professor of the Department of International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)*

**Ольга Игоревна
ИЛЬИНСКАЯ,**

*доцент кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук*

RELOCATION OF THE UNITED STATES EMBASSY TO JERUSALEM (PALESTINE V. UNITED STATES OF AMERICA)

Власти Палестины 28 сентября 2018 г. направили в Международный Суд ООН иск против США в связи с их решением перенести посольство страны в Иерусалим¹. Палестинская сторона считает, что подобные действия Соединенных Штатов нарушили Венскую конвенцию о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. в связи с особым статусом Иерусалима. Как утверждает Палестина, из Венской конвенции следует, что дипломатическая миссия государства должна находиться на территории государства, принимающего дипломатов. Палестина считает, что в связи с особым статусом Иерусалима перенос посольства США нарушает эту Конвенцию.

В обоснование юрисдикции Суда заявитель ссылается на ст. 1 Факультативного протокола об обязательном разрешении споров к Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., где закреплено следующее: «Споры по толкованию или применению Конвенции подлежат обязательной юрисдикции Международного Суда и, соответственно, могут передаваться в этот Суд по заявлению любой стороны в споре, являющейся участником настоящего Протокола». Палестина отмечает, что она присоединилась к Венской конвенции 2 апреля 2014 г., а к Факультативному протоколу — 22 марта 2018 г., в то время как США являются участником этих международных актов с 13 ноября 1972 г.

В своем иске Палестина попросила Суд потребовать у американских властей закрыть дипломатическое представительство в Иерусалиме и воздержаться от подобных действий в будущем.

Решение о признании Иерусалима столицей Израиля было принято Президентом США Д. Трампом 6 декабря 2017 г. Он также поручил перенести в Иерусалим американское посольство из Тель-Авива. 14 мая 2018 г. посольство США в Иерусалиме было открыто. Вслед за США аналогичные шаги предприняли Гватемала и Парагвай, однако позже Парагвай отозвал это решение.

В жалобе Палестины утверждается, что США как участник Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. нарушили свои обязательства, пере-

¹ URL: <https://icj-cij.org/en/case/176>.

ведя посольство за пределы территории принимающего государства — Израиля. Между тем Конвенция 1961 г. заключалась с целью укрепления дружественных отношений между государствами, о чем ясно свидетельствуют положения ее преамбулы. Что касается необходимости учреждения дипломатической миссии на территории принимающего государства, а не за ее пределами, то это вытекает, в частности, из положений, закрепленных в ст. 3 Конвенции, где говорится о функциях дипломатического представительства.

Так, указанные здесь функции состоят, частности, «в представительстве аккредитуемого государства *в государстве пребывания*», «в защите *в государстве пребывания* интересов аккредитуемого государства и его граждан в пределах, допускаемых международным правом», «в выяснении всеми законными средствами условий и событий *в государстве пребывания* и сообщении о них правительству аккредитуемого государства».

Кроме ссылки на данную статью, Палестина в своей жалобе отмечает, что о необходимости учреждения дипломатической миссии именно *на территории принимающего государства* говорится еще в 12 других положениях Конвенции. Отдельно указывается на ст. 21, в п. 1 которой сказано, что «государство пребывания должно либо оказать содействие аккредитуемому государству в приобретении *на своей территории*, согласно своим законам, помещений, необходимых для его представительства, либо оказать помощь аккредитуемому государству в получении помещений каким-либо иным путем».

В жалобе отмечается, что в соответствии с Планом ООН для Палестины 1947 г. и рядом последующих резолюций ООН по этому вопросу Иерусалим должен находиться под международным контролем. Вместо этого Израиль незаконно взял под свой контроль Иерусалим «с помощью силы» и ряда законодательных и административных средств. Поэтому США не вправе были открывать там свое посольство. В иске упоминается о недавнем решении Парагвая вернуть

свое посольство в Тель-Авив, отменяющем ранее принятое решение о переносе посольства в Иерусалим.

Напомним, что 29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 181 (II) о прекращении мандата Великобритании на Палестину и о создании на ее территории двух независимых государств — Израиля и Палестины с сохранением особого международного статуса Иерусалима, определив его как отдельное демилитаризованное образование. Предполагалось, что в будущем этот статус будет пересмотрен Советом по опеке ООН с участием жителей города на основе референдума.

Однако в результате арабо-израильской войны 1948—1949 гг., начатой арабскими странами после провозглашения 14 мая 1948 г. государства Израиль, Иерусалим был разделен между Трансиорданией (ныне Иордания), установившей контроль за восточной частью города, и Израилем, которому отошла его западная часть. В ходе Шестидневной войны 1967 г. Израиль аннексировал Восточный Иерусалим, таким образом получив контроль над всем городом. Израильский суверенитет над восточной частью города официально не был признан ООН и значительной частью международного сообщества. В резолюции 242 от 22 ноября 1967 г. Совет Безопасности ООН призвал Израиль вывести войска с оккупированных территорий, однако она не была выполнена.

В 2004 г. десятая специальная чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН признала «меры, принятые Израилем, которые изменили или имели своей целью изменить характер, правовой статус и демографический состав Иерусалима», не имеющими юридической силы и вновь назвала существующее положение дел «оккупацией». Израиль оспаривает это определение и в качестве аргументов приводит оборонительный характер арабо-израильской войны 1948—1949 гг. и Шестидневной войны и историческое право еврейского народа на землю Израиля.

6 мая 2004 г. Генеральная Ассамблея ООН подтвердила, что палестинцы имеют право на суверенитет над Восточным Иерусалимом (Резолюция 58/292).

Израиль в январе 1950 г. объявил Иерусалим своей столицей и перевел в его западную часть государственные учреждения, а 30 июля 1980 г. назвал Иерусалим своей «единой и неделимой столицей». Совет Безопасности ООН отверг право Израиля на Восточный Иерусалим и призвал государства — члены ООН вывести свои дипломатические представительства из города (Резолюция 478 от 20 августа 1980 г.).

Палестина же претендует на восточную часть города. Она была провозглашена столицей Государства Палестина в Декларации о независимости Палестины от 15 ноября 1988 г. Это положение закрепил закон, принятый Палестинским законодательным советом 2 октября 1997 г., и Основной закон Государства Палестины от 29 мая 2002 г. Палестинские органы власти никогда в Иерусалиме не размещались.

Соединенные Штаты признали независимость Израиля в мае 1948 г. и открыли свое посольство в Тель-Авиве в марте 1949 г. Конгресс США принял решение о переносе американской дипломатической миссии из Тель-Авива в Иерусалим еще в 1995 г. В этом Законе (Jerusalem Embassy Act) Иерусалим называется неделимым городом и признается столицей Израиля. Однако, чтобы избежать обострения ситуации на Ближнем Востоке, президенты Б. Клинтон, Дж. Буш (мл.) и Б. Обама

откладывали исполнение этого закона, о чем каждые полгода уведомляли Конгресс. В июне 2017 г. Д. Трамп также отложил его выполнение, хотя еще во время избирательной кампании заявлял, что намерен рассмотреть вопрос о переносе дипмиссии. Что касается нынешнего решения, то оно обусловлено стремлением привести в соответствие историческую и существующую реальность.

Относительно позиции России заметим, что наша страна по вопросу статуса Иерусалима остается приверженной решениям ООН. Так, в заявлении МИД России от 6 апреля 2017 г., в котором говорится о необходимости скорейшего урегулирования арабо-израильского конфликта, содержится следующая формулировка: «Подтверждаем приверженность решениям ООН о принципах урегулирования, включая статус Восточного Иерусалима как столицы будущего палестинского государства. Одновременно считаем необходимым заявить, что в этом контексте рассматриваем Западный Иерусалим в качестве столицы Государства Израиль»².

В июне 2017 г. официальные власти Израиля предложили России перенести посольство в Иерусалим, однако в МИД России заявили, что Российская Федерация не намерена этого делать до тех пор, пока Израиль и Палестина не уладят свои двусторонние отношения.

² URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNlr/content/id/2717182 (дата обращения: 20 октября 2020 г.).

ОБЗОР РЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН ОТ 13 ФЕВРАЛЯ 2019 г. «НЕКОТОРЫЕ ИРАНСКИЕ АКТИВЫ (ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ)»

**Эльвин Сахават оглы
ТЕЙМУРОВ,**
доцент кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

E. S. TEYMUROV,
*Associate Professor of the Department of International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)*

A REVIEW OF THE DECISION OF THE ICJ ON FEBRUARY 13, 2019 «CERTAIN IRANIAN ASSETS (ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN V. UNITED STATES OF AMERICA)»

13 февраля 2020 г. Международный Суд ООН (далее — Суд, МС ООН) вынес решение по предварительным возражениям по делу, касающемуся некоторых иранских активов (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки).

История разбирательства и представления сторон (пункты 1—17)

14 июня 2016 г. правительство Исламской Республики Иран (далее — Иран) подало в Секретариат Суда заявление о возбуждении разбирательства против Соединенных Штатов Америки в отношении спора, касающегося предполагаемых нарушений США Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах, который был подписан двумя государствами в Тегеране 15 августа 1955 г. и вступил в силу 16 июня 1957 г. (далее — Договор о дружбе, Договор).

В своем заявлении Иран, ссылаясь на п. 1 ст. 36 Статута Суда, приводит в обоснование юрисдикции Суда п. 2 ст. XXI Договора о дружбе 1955 г.

Каждая сторона воспользовалась своим правом, согласно ст. 31 Статута Суда, на выбор судьи ad hoc для участия в рассмотрении настоящего дела. США выбрали г-на Чарльза Броуэра (в связи с выраженным намерением судьи Джоан Донохью не участвовать в рассмотрении данного дела), а Иран — г-на Джамшида Мумтаза.

В постановлении от 1 июля 2016 г. Суд установил 1 февраля 2017 г. и 1 сентября 2017 г. в качестве предельных сроков для подачи, соответственно, меморандума Ирана и контрмеморандума США. Меморандум Ирана был в надлежащем порядке подан.

30 марта 2017 г. США направили запрос на основании ст. 49 Статута Суда и ст. 50 и 62 Регламента Суда о продлении сроков представления контрмемо-

рандума не менее чем на 45 дней и обязанности Ирана обеспечить доступ к ряду документов, которые не приложены к меморандуму, в частности настоятельные бумаги и связанные с ними документы, которые были конфиденциально поданы в Окружной суд США Южного округа Нью-Йорка в деле «Дебора Петерсон и др. против Исламской Республики Иран» (далее — дело «Петерсон против Ирана»). Суд отклонил эти запросы США.

1 мая 2017 г. США представили предварительные возражения относительно приемлемости заявления Ирана и юрисдикции Суда. Суд установил срок до 1 сентября 2017 г. для представления своих письменных замечаний по предварительным возражениям США.

19 сентября 2017 г., в связи с отказом в удовлетворении доступа к ряду документов, на которые Иран ссылался в меморандуме, США представили Суду ряд документов из дела «Петерсон против Ирана». С учетом природы этих документов и отсутствия возражений Ирана Суд приобщил их к материалам дела.

Открытые слушания по предварительным возражениям США проводились с 8 по 12 октября 2018 г.

В ходе устного производства по предварительным возражениям стороны изложили следующие окончательные представления:

— *от имени правительства США* на слушании 11 октября 2018 г.:

«По причинам, изложенным в ходе слушаний, и по любым другим причинам, которые Суд может счесть целесообразными, Соединенные Штаты Америки требуют, чтобы Суд поддержал возражения США, изложенные в его письменных представлениях и на этом слушании относительно приемлемости требований Ирана и юрисдикции Суда, и отказал в рассмотрении дела. В частности, Соединенные Штаты Америки просят Суд:

- (а) полностью отклонить претензии Ирана как неприемлемые;
- (б) отклонить как не относящиеся к юрисдикции Суда все утверждения о том, что меры США, которые блокируют собственность и интересы в собственности

правительства Ирана или иранских финансовых учреждений (как это определено в Исполнительном указе 13599 и нормативных положениях, обеспечивающих выполнение Исполнительного указа 13599), нарушают какое-либо положение Договора о дружбе 1955 г.;

(с) отклонить как не относящиеся к юрисдикции Суда все претензии, предъявленные в соответствии с любым положением Договора о дружбе 1955 г., которые основаны на предполагаемом отказе Соединенных Штатов предоставить иммунитет от юрисдикции и/или исполнения судебных решений правительству Ирана, Центральному банку Ирана (Банку Маркази) или иранским государственными предприятиям; а также

(d) отклонить как не относящиеся к юрисдикции Суда все требования о предполагаемых нарушениях статей III, IV или V Договора о дружбе 1955 г., которые основаны на предпринятых действиях в отношении Ирана или Банка Маркази»; — *от имени правительства Ирана* на слушании 12 октября 2018 г.:

«Исламская Республика Иран просит Суд вынести решение и объявить:

(а) что предварительные возражения, представленные Соединенными Штатами, полностью отклонены и

(b) что он обладает юрисдикцией для рассмотрения требований, изложенных в заявлении Исламской Республики Иран от 14 июня 2016 г., и приступить к рассмотрению этих требований».

Фактические обстоятельства дела (пункты 18—27)

15 августа 1955 г. стороны подписали «Договор о дружбе, экономических отношениях и консульских правах», который вступил в силу 16 июня 1957 г.

В 1984 г. в связи с кризисом в дипломатических отношениях и нападения на казармы морской пехоты США в Ливане США объявили Иран «государством — спонсором терроризма» и до сих пор придерживаются данной позиции.

В 1996 г. США внесли поправки в Закон об иммунитетах иностранных государств (далее — FSIA) с целью лишить государства, объявленные «спонсорами терроризма», иммунитета от исков в судах в некоторых случаях, связанных с утверждениями о пытках и внесудебных убийствах, захватом самолета, захватом заложников или предоставлением материальной поддержки для таких действий (раздел 1605 (а) (7) FSIA). Это привело к подаче значительного количества исков в суды США в отношении Ирана, в которых Иран отказывается участвовать, рассматривая FSIA как нарушение норм международного права об иммунитетах государств.

В 2002 г. США приняли Закон о страховании от терроризма (далее — TRIA), который установил меры принудительного исполнения судебных решений, в частности возможность обращать взыскание на имущество «государств — спонсоров терроризма» по делам на основании Раздела 1605 (а) (7) FSIA, включая «заблокированные активы любого агентства или средства этой террористической организации».

В 2008 и 2012 гг. действия этих законов были еще более расширены посредством включения в сферу действия «собственность и иные вещные права» пра-

вительства Ирана, в том числе Центрального банка Ирана (Банка Маркази) и финансовых учреждений, принадлежащих или контролируемых Ираном, если такие активы находятся на территории США или «во владении или под контролем любого лица США, включая любое иностранное отделение».

В 2012 г. США приняли Закон об уменьшении угрозы Ирана и правах человека в Сирии, раздел 502 которого в частности включает возможность обращения взыскания на активы Банка Маркази по судебным решениям, вынесенным против Ирана по делу «Петерсон против Ирана». Банк Маркази оспорил законность этого положения в судах США. 20 апреля 2016 г. Верховный суд США в конечном итоге подтвердил его конституционность (дело «Банк Маркази против Петерсон и др.»).

В связи с принятыми США мерами активы Ирана и иранских государственных предприятий, в том числе Банка Маркази, в настоящее время являются предметом исполнительного производства по различным делам в США или за рубежом или уже были переданы кредиторам на основании судебных решений.

Юрисдикция Суда (пункты 28—99)

Иран ссылаясь в качестве основания для юрисдикции в настоящем деле на п. 2 ст. XXI Договора о дружбе 1955 г., который гласит: «Любой спор между Высокими Договаривающимися Сторонами относительно толкования или применения настоящего Договора, не урегулированный удовлетворительным образом дипломатическим путем, должен быть передан в международный суд, если только Высокие Договаривающиеся Стороны не согласятся урегулировать его каким-либо иным мирным путем».

Суд отметил, что на момент подачи заявления Ираном Договор 1955 г. действовал и его дальнейшая денонсация со стороны США 3 октября 2018 г. не влияет на вопрос признания юрисдикции МС ООН.

В то же время спор сторон дела связан с возможностью рассматривать оспариваемые Ираном меры США в качестве спора «по вопросам толкования и применения» Договора о дружбе 1955 г.

В своем заявлении Иран утверждал, что принятые США меры оказали серьезное неблагоприятное воздействие на способность Ирана и некоторых иранских компаний осуществлять свои правомочия по распоряжению и пользованию своей собственностью, включая собственность, расположенную за пределами территории Ирана.

Иран утверждал, что, не признав самостоятельный юридический статус Банка Маркази и других иранских компаний, США нарушили п. 1 ст. III Договора 1955 г.; что, отказав этим различным компаниям в иммунитетах, которыми они могли бы пользоваться, США нарушили п. 2 ст. III и п. 4 ст. XI Договора 1955 г.; что несправедливое отношение США к этим компаниям нарушило обязательства, вытекающие из п. 1 ст. IV Договора 1955 г.; что, не обеспечив таким компаниям и их собственности постоянную защиту и безопасность, США также нарушили свои обязательства по п. 2 ст. IV Договора 1955 г.; что, не соблюдая право таких компаний приобретать собственность и распоряжаться ею, США нарушили п. 1 ст. V

Договора 1955 г.; что ограничения, применяемые США в отношении финансовых переводов, посягают на свободу торговли между сторонами в нарушение п. 1 ст. VII и п. 1 ст. X Договора 1955 г.

США отмечали, что Иран действительно не заинтересован в разрешении спора относительно положений Договора 1955 г., а желает впутать Международный Суд ООН в «более масштабный стратегический спор». Кроме того, представители США настаивали на невозможности рассмотрения спора вне контекста длительного нарушения Ираном своих обязательств по международному праву и дальнейшего ухудшения американо-иранских отношений.

Суд отметил, что значительное количество рассматриваемых им заявлений являются частными случаями в контексте более масштабных разногласий между сторонами (например, в делах «Грузия против России», «Боливия против Чили», «Никарагуа против Гондураса» и др.). В связи с этим Суду следует ответить на вопрос о том, подпадают ли действия США под положения Договора 1955 г. и, следовательно, входит ли возникший спор в предметную юрисдикцию Международного Суда ООН.

А. Первое возражение относительно юрисдикции

В первом возражении США просят Суд отклонить как не относящиеся к юрисдикции Суда все утверждения о том, что меры США, которые блокируют собственность и интересы в собственности правительства Ирана или иранских финансовых учреждений (как это определено в Исполнительном указе 13599 и нормативных положениях, обеспечивающих выполнение Исполнительного указа 13599), нарушают какое-либо положение Договора о дружбе 1955 г.

Подпункты «с» и «d» п. 1 ст. XX Договора о дружбе 1955 г. устанавливают:

«1. Настоящий Договор не препятствует применению мер:

(с) регулирующих производство или торговлю оружием, боеприпасами и военными орудиями или торговлю другими материалами, осуществляемые прямо или косвенно с целью снабжения военного учреждения; а также

(d) необходимых для выполнения обязательств Высокой Договаривающейся Стороны по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности или защиты своих существенных интересов в области безопасности».

Суд со ссылкой на свою практику (дело о нефтяных платформах (США против Ирана) 1996 г.; дело, касающееся военных и военного характера действий в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против США, 1986 г.) отметил, что не находит положения Договора 1955 г. ограничивающими его юрисдикцию.

В. Второе возражение относительно юрисдикции

Во втором возражении США просили Суд отклонить как не относящиеся к юрисдикции Суда все претензии, предъявленные в соответствии с любым положением Договора о дружбе 1955 г., которые основаны на предполагаемом отказе Соединенных Штатов предоставить иммунитет от юрисдикции и/или исполнения судебных решений правительству Ирана, Центральному банку Ирана (Банку Маркази) или иранским государственным предприятиям.

Стороны не оспаривали то, что Договор 1955 г. прямо не содержит положений, предоставляющих иммунитет от юрисдикции государства. Однако Иран настаивал, что Договор 1955 г. должен применяться с учетом положений общего международного права, в том числе относительно юрисдикционных иммунитетов. Кроме

того, Иран ссылался на п. 2 ст. IV и п. 4 ст. XI Договора 1955 г., которые отсылают к общему международному праву.

Так, п. 2 ст. IV Договора 1955 г. устанавливает, что «имущество граждан и компаний любой Высокой Договаривающейся Стороны, включая имущественные интересы, будет пользоваться постоянной защитой и безопасностью на территории другой Высокой Договаривающейся Стороны ни в коем случае не меньше, чем это *требуется международным правом*».

На основании анализа названия, преамбулы и указанных положений Договора 1955 г., согласно которым стороны намеревались «поощрять взаимовыгодную торговлю и инвестиции и более тесные экономические отношения между своими народами в целом, а также регулировать консульские отношения», Суд отметил, что такие юрисдикционные иммунитеты не могут рассматриваться как включенные в п. 2 ст. IV Договора 1955 г. (см. также п. 95 решения по предварительным возражения в деле об иммунитетах и уголовном судопроизводстве («Экваториальная Гвинея против Франции» 2018 г.). «Международное право», о котором идет речь в указанном положении, определяет минимальный стандарт защиты собственности «граждан» и «компаний» одной стороны, ведущих экономическую деятельность на территории другой, а не регулирующей защиту, которой пользуются государственные образования в силу принципа суверенного равенства государств.

Пункт 4 ст. XI Договора 1955 г. определяет, что «ни одно предприятие любой Высокой Договаривающейся Стороны, включая корпорации, ассоциации, правительственные учреждения и учреждения, которое находится в государственной собственности или под контролем, не должно, если оно занимается коммерческой, промышленной, судоходной или иной коммерческой деятельностью на территории другой Высокой Договаривающейся Стороны, требовать или пользоваться, как для себя, так и для своей собственности, иммунитетом от налогообложения, иска, исполнения судебного решения или другой ответственности, которой подлежат частные предприятия».

По мнению Ирана, это положение лишает иммунитета государственные учреждения только в случае, если они занимаются коммерческой или иной обозначенной в статье деятельностью.

Суд отметил, что такое толкование оправдано только тогда, когда оно уместно в свете текста всех соответствующих положений, их контекста, а также объекта и цели договора. В данном случае указанный пункт Договора 1955 г. не касается вопросов наделения иммунитетами от юрисдикции государственных учреждений, а лишь уравнивает их положение в случае осуществления ими коммерческой или иной связанной деятельности с частными предприятиями.

Судом также были проанализированы п. 2 ст. III, п. 1 ст. IV и п. 1 ст. X Договора 1955 г., содержащие положения о доступе к средствам правовой защиты, запрете дискриминационных мер и свободе торговли.

На основании проведенного анализа Суд признал обоснованными возражения США относительно неприемлемости претензий, предъявленных в соответствии с любым положением Договора о дружбе 1955 г., которые основаны на предполагаемом отказе Соединенных Штатов предоставить иммунитет от юрисдикции и/или исполнения судебных решений правительству Ирана, Центральному банку Ирана (Банку Маркази) или иранским государственным предприятиям.

С. Третье возражение относительно юрисдикции

В третьем возражении США просили Суд отклонить как не относящиеся к юрисдикции Суда все требования о предполагаемых нарушениях статей III, IV или V Договора о дружбе 1955 г., которые основаны на предпринятых действиях в отношении Ирана или Банка Маркази.

США утверждали, что Банк Маркази не является «компанией» по смыслу ст. III, IV или V Договора о дружбе 1955 г., так как является Центральным банком Ирана и осуществляет суверенные публичные, а не частные функции.

Суд указал, что согласно п. 1 ст. III Договора о дружбе 1955 г. стороны согласовали и не оспаривают 2 условия отнесения тех или иных образований к «компаниям»:

- 1) образование представляет собой самостоятельное юридическое лицо;
- 2) компания может полностью или частично находиться в собственности государства.

Несмотря на отсутствие в Договоре 1955 г. ограничения на признание «компаниями» лиц, осуществляющих наряду с коммерческими и публичные функции, и ведение Банком Маркази коммерческой деятельности на территории США, Суд признал данное возражение США не носящим, в силу обстоятельств дела, сугубо предварительного характера и подлежащим рассмотрению в ходе дальнейшего производства по делу.

Приемлемость (пункты 100—124)

Суд отметил, что США первоначально выдвинули два возражения относительно приемлемости заявления: во-первых, Иран злоупотребляет правом, ссылаясь для установления юрисдикции Суда на Договор 1955 г.; во-вторых, «нечистые руки» Ирана не позволяют Суду продолжить рассмотрение этого дела. В ходе устного разбирательства США пояснили, что их первое возражение относительно приемлемости было возражением, основанным на «злоупотреблении процессуальным правом», а не на «злоупотреблении правом», добавив, что доктрина «чистых рук» — это часть злоупотребления процессуальным правом. Это уточнение было основано на данных Судом разъяснениях по вопросу «злоупотребления правом» и «злоупотребления процессуальным правом» в деле об иммунитетах и уголовном судопроизводстве («Экваториальная Гвинея против Франции») 2018 г.

Суд напомнил, что «хотя основная концепция злоупотребления может быть одинаковой, последствия злоупотребления правом или процессуального злоупотребления могут быть разными». Он также заявил, что «злоупотребление процессуальным правом относится к процедуре в суде или трибунале и может быть рассмотрено на предварительной стадии этого разбирательства» и что «злоупотребление правами не может рассматриваться как основание для неприемлемости, если вопрос установления спорного права является предметом для рассмотрения по существу». При этом Суд не согласился с тем, что доктрина «чистых рук» является частью злоупотребления процессуальным правом.

А. Злоупотребление процессуальным правом

По мнению США, утверждения Ирана представляют собой злоупотребление, поскольку они «подрывают» цели Договора, а претензии Ирана относительно юрисдикционных иммунитетов являются попыткой переписать Договор, тем самым нарушая основные принципы добросовестности, манипулируя Договором вопреки его объекту и цели.

Суд еще раз отметил, что требования Ирана на момент их предъявления основывались на действующем Договоре и в данном случае нет исключительных обстоятельств для признания злоупотребления процессуальным правом со стороны Ирана.

В. Доктрина «чистых рук»

США отметили, что «Иран спонсировал и поддерживал международный терроризм, а также предпринимал дестабилизирующие действия в нарушение обязательств по ядерному нераспространению, баллистическим ракетам, торговле оружием и борьбе с терроризмом». По мнению США, хотя Суд до настоящего времени не удовлетворял возражения на основе доктрины «чистых рук», он не отклонял всецело данную концепцию. В связи с этим Суду в настоящем деле следует применить ее и не рассматривать существо этого дела для оценки юридических последствий поведения Ирана.

Иран утверждал, что, согласно доктрине «чистых рук», она применяется только тогда, когда истец совершает «точно такие же действия, аналогичные по факту и по закону», как те, на которые он жалуется, что не соответствует обстоятельствам рассматриваемого Судом дела.

Суд определил, что хотя поведение Ирана не является безупречным, оно не является по своей сути основанием для признания требований неприемлемыми.

Постановляющая часть (пункты 125-126)

Суд,

- 1) единогласно отклонил первое возражение США относительно юрисдикции;
- 2) одиннадцатью голосами против четырех поддержал второе возражение США относительно юрисдикции;
- 3) одиннадцатью голосами против четырех признал третье возражение США относительно юрисдикции не носящим, в силу обстоятельств дела, сугубо предварительного характера;
- 4) единогласно отклонил предварительные возражения США относительно приемлемости;

единогласно установил, что он обладает юрисдикцией рассматривать вопросы, переданные ему в заявлении Исламской Республикой Иран от 14 июня 2016 г., и что указанное заявление является приемлемым.

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОТДЕЛЕНИЯ АРХИПЕЛАГА ЧАГОС ОТ МАВРИКИЯ В 1965 г.

(обзор консультативного заключения
Международного Суда ООН от 25 февраля 2019 г.
и Резолюции Генеральной
Ассамблеи ООН от 17 мая 2019 г.)

**Вячеслав Анатольевич
БАТЫРЬ,**

профессор кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, профессор

V. A. BATYR,

*Professor of the Department of International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA),
Cand. Sci. (Law), Professor*

LEGAL CONSEQUENCES OF THE SEPARATION OF THE CHAGOS ARCHIPELAGO FROM MAURITIUS IN 1965 (review of the Advisory Opinion of the International Court of Justice of 25 February 2019 and the resolution of the UN General Assembly of 17 May 2019)

Декабрь 2020 г. был ознаменован двумя значимыми годовщинами: исполнилось 60 лет со дня принятия эпохальной Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам¹ и 55 лет со дня принятия Резолюции ГА ООН², в которой правительству Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее — Соединенное Королевство) было предложено принять эффективные меры для немедленного и полного осуществления указанной Декларации, а также не принимать никаких мер, расчленяющих территорию Маврикия и нарушающих его территориальную целостность.

Остается с сожалением констатировать, что за прошедшие десятилетия Соединенное Королевство (постоянный член СБ ООН) никаких мер по деколонизации³, предписанных мировым сообществом в отношении суверенного государства — Республики Маврикий, так не приняло.

¹ Резолюция 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1960 г. // URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1514\(XV\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1514(XV)).

² Резолюция ГА ООН 2066 (XX) от 16 декабря 1965 г. «Вопрос об острове Маврикий» // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2066%28XX%29>.

³ Деколонизация — процесс предоставления независимости и полного суверенитета доминионам, подмандатным территориям, колониям, протекторатам. Сегодня в условиях колониального правления проживают менее 2 миллионов человек на 17 самоуправляющихся территориях (Американское Самоа, Ангилья, Бермудские острова, Британские Виргинские острова, Виргинские острова США, Гуам, Гибралтар, Западная Сахара, Монтсеррат, остров Святой Елены, Каймановы острова, острова Теркс и Кайкос, Новая Каледония, Питкэрн, Токелау, Французская Полинезия и Фолклендские острова). Этими территориями управляют в основном Великобритания, США, Новая Зеландия и Франция (URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/decolonization/index.html>).

В соответствии с Резолюцией, принятой Генеральной Ассамблеей 22 июня 2017 г.⁴, 25 февраля 2019 г. Международный Суд ООН (далее — МС ООН) вынес консультативное заключение⁵, определившее правовые последствия отделения архипелага Чагос от Маврикия. Перед МС ООН в рамках вынесения консультативного заключения были поставлены конкретные вопросы, имевшие вполне определенную цель: получить от Суда заключение, которое, по мнению Генеральной Ассамблеи, поможет ей должным образом осуществить ее функции в отношении деколонизации территории (п. 86 заключения)⁶.

Первый вопрос заключался в том, был ли процесс деколонизации Маврикия законно завершен с учетом международного права при предоставлении Маврикию независимости после отделения архипелага Чагос⁷. Второй вопрос касался последствий, возникающих в рамках международного права в связи с тем, что Соединенное Королевство продолжает управлять архипелагом Чагос⁸.

⁴ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 22 июня 2017 г. [без передачи в главные комитеты (A/71/L.73 и Add.1)] 71/292 «Просьба о вынесении Международным Судом консультативного заключения относительно правовых последствий отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 году» (URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/71/292>).

⁵ URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/169/169-20190225-01-00-EN.pdf>.

⁶ В 1960 г. была принята Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Для контроля за ходом ее выполнения в 1961 г. был создан Комитет по деколонизации (URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/05/1355691>).

⁷ В частности, был ли процесс деколонизации Маврикия законно завершен при предоставлении Маврикию независимости в 1968 г., после того как от Маврикия был отделен архипелаг Чагос, с учетом международного права, в том числе обязательств, отраженных в резолюциях Генеральной Ассамблеи 1514 (XV) от 14 декабря 1960 г., 2066 (XX) от 16 декабря 1965 г., 2232 (XXI) от 20 декабря 1966 г. и 2357 (XXII) от 19 декабря 1967 г.

⁸ В частности, какие последствия, согласно международному праву, в том числе обязательствам, отраженным в вышеупомянутых резолюциях, влечет продолжаемое Соединенным

Скептики отмечали, что вопросы, поставленные перед МС ООН, не отражают реальных проблем, которые в действительности касаются суверенитета, а не деколонизации (п. 60 заключения)⁹; что вопросы, заданные в ходе разбирательства, касаются неурегулированного двустороннего спора между двумя государствами, которые не дали согласия на урегулирование этого спора Судом (п. 67 заключения). Однако МС ООН уже давно осознал все риски вовлечения в различного рода политические интриги на национальном или международном уровне и связанный с этим возможный ущерб для легитимности Суда и его авторитета¹⁰.

МС ООН, толкуя формулировку ст. 65 Статута Суда о том, что «Суд может давать консультативные заключения», выработал позицию, согласно которой он обладает необходимой дискрецией при решении вопроса о принятии к рассмотрению запроса либо отказа с целью защиты целостности судебной функции Суда как главного судебного органа ООН (п. 63—66, 74, 91 заключения). На практике МС ООН ни разу не отказался дать консультативное заключение на этом основании. Более того, МС ООН подчеркнул, что ему, возможно, придется заявить свою позицию по юридическим вопросам, по которым Маврикий и Соединенное Королевство выразили разные мнения, однако это не означает, что, отвечая на поступившую просьбу, Суд рассматривает двусторонний спор (п. 89 заключения); что его заключение «предназначено не для государств, а для органа, уполномоченного запросить его» (п. 81 заключения)¹¹.

МС ООН были исследованы фактические обстоятельства отделения архипелага Чагос от Маврикия. В частности, в Ланкастерхаусском соглашении от 23 сентября 1965 г. представители Маврикия дали принципиальное согласие на отделение архипелага Чагос от территории Маврикия¹². Однако, по мнению МС ООН, это отделение не было основано на свободном и подлинном волеизъявлении соответствующего народа (п. 172 заключения). Следует полагать, что у Маврикия имеются основания, ссылаясь на порок в своем согласии на обязательность для него Договора 1965 г., в порядке ст. 65 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., инициировать процедуру прекращения Договора¹³, который оказался в противоречии с новой императивной нормой об-

Королевством управление архипелагом Чагос, включая такой момент, как неспособность Маврикия осуществить программу расселения на архипелаге Чагос своих граждан, в частности лиц чагосского происхождения.

⁹ В 1511 г. на Маврикий высадились португальцы; в 1598 г. его захватили голландцы. С 1715 по 1810 г. это французская, а затем британская колония.

¹⁰ *Исполинов А.* Консультативные заключения как средство разрешения спора: заключение Суда ЕАЭС по делу о лизинге // URL: https://zakon.ru/blog/2020/07/24/konsultativnye_zaklyucheniya_kak_sredstvo_razresheniya_spora_zaklyuchenie_suda_eaes_po_delu_o_lizing.

¹¹ Interpretation of Peace Treaties with Bulgaria, Hungary and Romania, First Phase, Advisory Opinion // I.C.J. Reports. 1950. P. 71.

¹² Это принципиальное согласие было дано при условии, что архипелаг не будет уступлен какой-либо третьей стороне и позднее будет возвращен Маврикий, что на тот момент было принято Соединенным Королевством.

¹³ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.

щего международного права (*jus cogens*) (ст. 64 Конвенции) о территориальной целостности государства.

МС ООН сделал вывод о том, что процесс деколонизации Маврикия не был законно завершен на момент обретения Маврикием независимости (п. 174 Заключения). Эта позиция по Маврикию последовательно поддерживается и Африканским союзом¹⁴. Действительно, 8 ноября 1965 г. на островах Диего-Гарсия, Альдабра, Дескрочес и Фаркуар, ранее входивших в состав колоний Сейшельские Острова и Маврикий¹⁵, была образована новая колония — Британская территория в Индийском океане (British Indian Ocean Territory — BIOT)¹⁶ вопреки резолюциям ГА ООН¹⁷, в которых содержался прямой запрет колониальным державам расчленять колониальные территории до предоставления независимости.

Таким образом, Соединенное Королевство отделило архипелаг Чагос¹⁸ от остальной части Маврикия до обретения им независимости. 12 марта 1968 г.

¹⁴ Так, 27 июля 2010 г. Африканский союз принял решение 331 (2010), в котором заявил, что архипелаг Чагос, включая Диего-Гарсию, был отделен «бывшей колониальной державой от территории Маврикия в нарушение резолюций 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 г. и 2066 (XX) от 16 декабря 1965 г., запрещающих колониальным державам расчленять колониальные территории до предоставления независимости». 30 января 2017 г. Ассамблея Африканского союза приняла резолюцию AU / Res.1 (XXVIII) по архипелагу Чагос, в которой она постановила, в частности, поддержать Маврикий в целях обеспечения «завершения деколонизации Республики Маврикий».

¹⁵ 17 мая 1810 г. острова, расположенные в Индийском океане южнее Мальдив, вошли в состав британской колонии Сейшельские Острова. В Парижском мирном договоре от 30 мая 1814 г. была закреплена принадлежность островов Великобритании (URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Парижские_мирные_договоры). 31 августа 1903 г. острова Чагос, выйдя из состава колонии Сейшельские Острова, вошли в состав колонии Маврикий. В феврале 1942 г. Великобритания ввела на остров Диего-Гарсия войска, которые дислоцировались там вплоть до сентября 1945 г.

¹⁶ 29 июня 1976 г. острова Альдабра, Дескрочес (Дерош) и Фаркуар вошли в состав получившего независимость государства Сейшельские Острова (см.: *Toussaint A. Histoire de L'île Maurice*. Paris, 1971. P. 122).

¹⁷ В частности, вопреки Резолюции 1514, принятой на 15-й сессии ГА ООН в 1960 г. (Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам); Резолюции 2066, принятой на 20-й сессии ГА ООН в 1965 г. (Вопрос об острове Маврикий).

¹⁸ Чагос — архипелаг в Индийском океане, примерно в 500 км от Мальдив, состоящий из семи атоллов и содержащий около 60 островов. Всего территория архипелага составляет 63,2 км², из которых остров Диего-Гарсия занимает 27,2 км². Площадь морской территории с лагунами архипелага превышает 15 тыс. км², из них 13 тыс. км² — в пределах банки Большой Чагос. Архипелаг состоит из семи частей: Диего-Гарсия (кроме главного острова еще 3 островка); Эгмонт (7 островков); Перос-Баньос (27 островков); Соломон (острова) (11 островков); банка Большой Чагос (7 островков); Риф Бленхайм (3 островка); банка Спикерс (1 островок). Самый большой остров архипелага Диего-Гарсия имеет площадь 27,2 км², второй по величине остров архипелага (Игл в Большом Чагосе) меньше в 11 раз (2,45 км²). Остальные островки по площади не превышают 1,5 км². Этой территорией из Лондона управляет комиссар Министерства иностранных дел.

Маврикий был объявлен независимой конституционной монархией¹⁹ в составе Британского Содружества²⁰, а 26 апреля того же года был принят в ООН. При этом Чагос остался британской территорией, хотя согласно административному делению Республики Маврикий относится к ее Внешним островам²¹. Отметим, что в соответствии со ст. 111 Конституции Республики Маврикий, Маврикий включает в себя острова и архипелаг Чагос, включая остров Диего-Гарсия и любые другие острова, входящие в состав государства Маврикий²².

30 декабря 1966 г. Соединенное Королевство и США подписали Соглашение о доступности Британской территории в Индийском океане для нужд обороны, которым предусматривалась аренда острова Диего-Гарсия в военных целях (для создания военной базы США)²³ на 50 лет с возможностью пролонгации аренды²⁴

На месте его представляет офицер, являющийся командующим Британскими военно-морскими силами на острове Диего-Гарсия. См.: *Морозов Е. В.* Проблема архипелага Чагос в британско-маврикийских отношениях второй половины XX — начала XXI в. // *Гуманитарные научные исследования*. 2013. № 5. URL: <http://human.snauka.ru/2013/05/3151> (дата обращения: 8 марта 2019 г.).

¹⁹ С 12 марта 1992 г. Республика Маврикий — парламентская республика. Маврикий и Россия установили дипломатические отношения 17 марта 1968 г. Посольство Маврикия в Москве было открыто в августе 2003 г. (URL: <http://www1.govmu.org/portal/sites/mfamission/moscow/relations.html>).

²⁰ В состав Республики Маврикий входят острова Маврикий (самый крупный, 1 865 км²) и Родригес (104 км²), являющиеся частью архипелага Маскаренских островов, а также архипелаг Каргадос-Карахос, острова Агалега и множество мелких островков.

²¹ Республика Маврикий подразделяется на 9 административных округов и Внешние острова, включающие зависимые территории (3) и находящиеся под иностранным суверенитетом (2), который Маврикием оспаривается: Маврикий официально претендует на архипелаг Чагос (Британская территория в Индийском океане) и на принадлежащий Франции островок Тромлен.

²² Конституция Республики Маврикий (Constitution of the Republic of Mauritius) была разработана в ходе конституционной конференции в Лондоне с участием представителей всех политических сил Маврикия и британских властей, принята приказом в совете королевы Великобритании, вступила в силу 12 марта 1968 г.; серьезные поправки, делавшие страну республикой, были внесены 12 марта 1992 г., всего в текст Конституции было внесено 11 поправок. См.: Конституции государств Африки и Океании : сборник. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2018. Т. 2 : Восточная Африка. 956 с.

²³ Военная база на острове открылась в 1973 г. Географическое положение сделало Диего-Гарсию одной из важнейших стратегических баз в мире за пределами самих США. Там расположены 16 отдельных подразделений, в том числе база военно-морской поддержки и аэродром базирования стратегических бомбардировщиков. Десятилетиями база играла важную роль в планировании и обеспечении многих военных операций США, в том числе в Ираке в 1991 г. и в Афганистане. На базе служит 1 700 американских военных и 1 500 гражданских служащих, причем лишь около 50 из них — британских (URL: <https://www.gazeta.ru/army/2016/08/05/8214701.shtml>).

²⁴ Вместо арендной платы Великобритания от США получила скидку в 14 млн долл. на

еще на 20 лет²⁵. Для строительства военной базы США потребовали освободить острова от всех жителей²⁶. Все 1,5 тыс. жителей архипелага (по некоторым оценкам — около 4 тыс.) были насильственно выселены²⁷. Отметим, что это Соглашение 1966 г. игнорировало интересы третьей стороны (Маврикия), оно не создало и обычную норму международного права, признаваемую как таковую (международный обычай) в силу оценок, выраженных в резолюциях ГА ООН.

На протяжении многих лет бывшие жители Чагоса добивались права на возвращение. Так, в 2000 г. Высокий суд Лондона принял решение, постановившее, что жители архипелага были выселены незаконно и имеют право вернуться домой, только не на остров Диего-Гарсия²⁸. Однако спустя четыре года правительство Соединенного Королевства использовало королевскую prerogative, чтобы заблокировать решение. В декабре 2012 г. ЕСПЧ прекратил дело «Chagos Islanders v. the United Kingdom»²⁹, объявив, что запрет на возвращение чагосцев, которые покинули территорию или были вывезены с нее, является незаконным (что согласуется с п. 40 заключения)³⁰, а также рекомендовал государству-участ-

приобретение баллистических ракет подводного базирования Polaris (URL: <https://www.gazeta.ru/army/2016/08/05/8214701.shtml>).

²⁵ 30 декабря 2016 г. истек 50-летний период, охватываемый Соглашением 1966 г., однако в соответствии с условиями Соглашения этот период был продлен еще на 20 лет (до 2036 г.).

²⁶ Эти действия мотивировались тем, что на этой территории никогда не было коренного населения, были только наемные рабочие. Однако это было ложью, так как на архипелаге в то время проживали илуа (потомки африканцев и индийцев), из них 800 семей — непосредственно на острове Диего-Гарсия. Многие островитяне покончили жизнь самоубийством, большинство отправили на Маврикий, где поселили в трущобах. См.: *Большов И. Г.* Маврикий. М., 1986. С. 63—64.

²⁷ С 1966 г. по 1973 г. было осуществлено переселение местного населения на Сейшельские Острова и Маврикий, незначительная часть эмигрировала в Великобританию.

²⁸ Британское правительство приняло решение, что чагосцы могут навестить свои родные острова в составе группы из 100 человек. Американское правительство выступило против этого решения на том основании, что посещение островов невозможно, потому, что они слишком близки к военно-морской базе США и могут быть использованы «террористами и шпионами, могущими применить электронные помехообразующие устройства». Первая группа островитян посетила Чагос только в 2006 г. См.: *Флинн Д. О.* Островитяне с Диего-Гарсия борются за возвращение на родину // URL: <http://left.ru/2003/18/flinn94.html>.

²⁹ Chagos Islanders v. the United Kingdom (dec.) — 35622/04 Decision 11.12.2012 [Section IV] // URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"fulltext":\["2012"\],"sort":\["kdate%20Ascending"\],"respondent":\["GBR"\],"kdate":\["2009-04-02T00:00:00.0Z","2019-04-02T00:00:00.0Z"\],"itemid":\["002-7334"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{).

³⁰ ЕСПЧ отметил: Соединенное Королевство никогда не делало заявления о распространении права на индивидуальную жалобу от БИОТ. Тот факт, что многие из заявителей в настоящее время проживают в Соединенном Королевстве, также не относится к компетенции суда; будучи заморской территорией короны, БИОТ не может рассматриваться как часть метрополии Соединенного Королевства. Не является достаточным основанием и тот факт, что высшие полномочия по принятию решений возлагаются на политиков или должностных лиц в Соединенном Королевстве, с тем чтобы основывать компетенцию в соответствии с Конвенцией в отношении района, находящегося за пределами конвенционного пространства. В той мере, в какой заявители жалуются на решения националь-

нику «в той мере, в какой это еще возможно, стремиться к практическому осуществлению права чагосцев на возвращение на свою территорию».

С целью воспрепятствования возврату местных жителей в апреле 2010 г. правительство Соединенного Королевства обнародовало решение о создании морского резервата площадью 544 тыс. км² близ островов и морского охраняемого района (МОР), в пределах которого ловля рыбы была запрещена для всех стран, включая Маврикий³¹. 18 марта 2015 г. трибунал, учрежденный в соответствии с приложением VII к Конвенции по морскому праву 1982 г., вынес арбитражное решение в отношении охраняемого района моря по спору между Маврикием и Соединенным Королевством³².

16 ноября 2016 г. МИД Соединенного Королевства, ссылаясь на интерес к «оборонным отношениям» с США и продление договора аренды до 30 декабря 2036 г., подтвердил действие запрета на возвращение коренных жителей на архипелаг³³ (их, по разным оценкам, от 3 до 7 тысяч человек).

МС ООН, установив, что деколонизация Маврикия не проводилась в соответствии с правом народов на самоопределение, пришел к выводу о том, что продолжающееся управление Соединенным Королевством архипелагом Чагос представляет собой противоправное деяние, влекущее за собой международную ответственность этого государства³⁴. Это незаконный акт длящегося характера, который возник в результате отделения архипелага Чагос от Маврикия (п. 177 заключения).

Соответственно, Соединенное Королевство обязано положить конец управлению архипелагом Чагос как можно скорее, что позволит Маврикию осуществить полную деколонизацию своей территории в соответствии с правом народов на самоопределение (п. 178 заключения). Поскольку уважение права народов на самоопределение является обязательством erga omnes, все государства юриди-

ных судов Соединенного Королевства в соответствии со ст. 6, рассмотрение судом будет ограничено процессуальными правами, гарантированными этим положением.

³¹ «Diego Garcia» Encyclopædia Britannica. Encyclopædia Britannica Ultimate Reference Suite // Chicago : Encyclopædia Britannica, 2012. URL: <https://ru.tsn.ua/svit/britaniya-sozdast-krupneishii-v-mire-morskoi-zapovednik.html>.

³² В своем решении трибунал постановил, что он не обладает юрисдикцией в отношении Маврикия. Трибунал отметил, что спор сторон относительно суверенитета над архипелагом Чагос не касается толкования или применения Конвенции 1982 г. По существу дела Арбитраж постановил, в частности, что при установлении морского охраняемого района вокруг архипелага Чагос Соединенное Королевство нарушило обязательства по п. 3 ст. 2, п. 2 ст. 56 и п. 4 ст. 194 Конвенции, а обязательство Соединенного Королевства вернуть архипелаг Чагос Маврикию, когда он больше не будет нужен для целей обороны, имеет обязательную юридическую силу.

³³ URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/nov/16/chagos-islanders-cannot-return-home-uk-foreign-office-confirms>.

³⁴ См.: Corfu Channel (Соединенное Королевство против Албании) по существу, решение // I. C. J. Reports. 1949. P. 23 ; Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia) // Judgment. I. C. J. Reports. 1997. P. 38. Para. 47. См. также ст. 1 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния.

чески заинтересованы в защите этого права. Что касается переселения на архипелаг Чагос граждан Маврикия, в том числе чагосского происхождения, то этот вопрос, касающийся защиты прав человека, должен быть рассмотрен Генеральной Ассамблеей в ходе завершения деколонизации Маврикия.

В ответе на вопрос, касающийся последствий в соответствии с международным правом, которые вытекают из продолжающегося управления Соединенным Королевством архипелагом Чагос, МС ООН пришел к выводу о том, что Соединенное Королевство обязано как можно скорее положить конец управлению архипелагом Чагос и что все государства-члены должны сотрудничать с ООН в целях завершения деколонизации Маврикия.

Таким образом, Суд установил, что: 1) «процесс деколонизации Маврикия не был законно завершен, когда после отделения архипелага Чагос эта страна обрела независимость в 1968 г.»; 2) «Соединенное Королевство обязано прекратить управлять архипелагом Чагос как можно скорее»; 3) «все государства-члены обязаны сотрудничать с Организацией Объединенных Наций в целях завершения деколонизации Маврикия»; 4) «что касается переселения маврикийских граждан, в том числе чагосского происхождения, на архипелаг Чагос, то это вопрос, который касается защиты прав соответствующих лиц и должен быть рассмотрен Генеральной Ассамблеей в ходе завершения процесса деколонизации Маврикия».

Генеральная Ассамблея ООН, ссылаясь на заключение МС ООН, в резолюции от 17 мая 2019 г.³⁵ подтвердила ответственность ООН по оказанию содействия в процессе деколонизации Маврикия и подтвердила в соответствии с консультативным заключением МС ООН, что: а) поскольку отделение архипелага Чагос не было основано на свободном и подлинном волеизъявлении народа Маврикия, процесс деколонизации Маврикия законно завершен не был; б) архипелаг Чагос является неотъемлемой частью территории Маврикия; в) деколонизация Маврикия не была проведена в соответствии с правом народов на самоопределение, из чего следует, что дальнейшее управление архипелагом Чагос со стороны Соединенного Королевства представляет собой противоправное деяние, влекущее за собой международную ответственность этого государства; д) Соединенное Королевство обязано прекратить управлять архипелагом Чагос как можно скорее; е) поскольку уважение права на самоопределение является обязательством *erga omnes*, в защите этого права юридически заинтересованы все государства и все государства-члены обязаны сотрудничать с Организацией Объединенных Наций в целях завершения деколонизации Маврикия; ф) вопрос о переселении маврикийских граждан, в том числе лиц чагосского происхождения, должен быть рассмотрен в срочном порядке на завершающем этапе процесса деколонизации.

Генеральная Ассамблея ООН потребовала от Соединенного Королевства безоговорочно вывести свою колониальную администрацию с архипелага Чагос в течение не более 6 месяцев с момента принятия резолюции, что позволило

³⁵ URL: <https://undocs.org/ru/A/73/L.84/Rev.1>. За резолюцию проголосовали 116 государств, 6 — против (Австралия, Великобритания, Венгрия, Мальдивы, Израиль и США), 56 — воздержались.

бы Маврикию завершить деколонизацию его территории как можно скорее (п. 3 Резолюции); сотрудничать с Маврикием в деле содействия переселению маврикийских граждан, включая граждан чагосского происхождения, на архипелаг Чагос и не чинить никаких препон или препятствий такому переселению (п. 4 Резолюции).

Следуя выводу МС ООН о том, что третьи государства имеют обязательство не признавать незаконной ситуацию, сложившуюся в результате того, что Соединенное Королевство продолжает управлять архипелагом Чагос и не оказывать помощь в сохранении этой ситуации (п. 176 заключения), Генеральная Ассамблея ООН призвала все государства-члены (имея в виду прежде всего США) сотрудничать с ООН с целью обеспечить завершение деколонизации Маврикия как можно скорее и воздерживаться от каких бы то ни было действий, которые будут затруднять или затягивать завершение процесса деколонизации Маврикия, в соответствии с консультативным заключением Международного Суда и Резолюцией (п. 5 Резолюции).

Генеральная Ассамблея призвала ООН и все ее специализированные учреждения, другие международные, региональные и межправительственные организации, в том числе договорные, признать, что архипелаг Чагос является неотъемлемой частью территории Маврикия, поддержать скорейшую возможную деколонизацию Маврикия и не чинить препятствий этому процессу путем признания или осуществления каких-либо мер, принимаемых Британской территорией в Индийском океане или от ее имени (п. 6, 7 Резолюции).

Отметим, что, несмотря на рекомендательный характер Резолюции, она оказывает моральное давление на Соединенное Королевство и США и ставит под сомнение будущее базы на острове Диего-Гарсия.

Консультативное заключение МС ООН и последующая Резолюция ГА ООН затрагивают и стратегические интересы России. В Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания³⁶ указано, что Россия может применить ядерное оружие в ответ на нападение на нашу страну или на союзников России с использованием ядерного оружия или другого оружия массового поражения, либо в случае агрессии с обычным оружием, если «под угрозу поставлено само существование государства». В отношении архипелага Чагос (в частности, базы США на острове Диего-Гарсия) существует презумпция, что это — территория под юрисдикцией США, не свободная от ядерного оружия, и в случае возможного начала международного вооруженного конфликта между Россией и США (НАТО) эта база будет рассматриваться как военный объект противника, в том числе для целей применения ядерного оружия.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что Маврикий является участником Договора о зоне, свободной от ядерного оружия в Африке (Договор Пелиндаба, Каир, 11 апреля 1996 г.)³⁷. Все страны «ядерной пятерки» подписали

³⁶ Указ Президента РФ от 2 июня 2020 г. № 355 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040>.

³⁷ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901734503> В Договоре участвуют 45 из 53 африканских государств.

Протоколы I и II к Договору³⁸, предоставляющие африканским государствам, участвующим в Договоре, юридически обязывающие гарантии безопасности, исключающие применение или угрозу применения в отношении них ядерного оружия³⁹. Однако с точки зрения международного права институт зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО) в Африке в настоящее время работает не в полном объеме⁴⁰. Так, Соединенное Королевство не признало распространение режима ЗСЯО на архипелаг Чагос. США вообще не ратифицировали Протоколы, поскольку не хотят ограничивать свою «ядерную способность»⁴¹.

При ратификации Протоколов к Договору⁴² Россия подтвердила, что не считает себя связанной обязательствами по Протоколу I в отношении территорий, входящих в географический охват зоны, на которых находятся военные базы ядерных держав и в отношении которых другие государства, обладающие ядерным оружием, считают себя свободными от обязательств по этому Протоколу⁴³. Однако даже в том случае, если Соединенное Королевство в обозримом будущем все

³⁸ Великобритания и США при подписании Протоколов I и II заявили, что не признают распространение режима ЗСЯО на архипелаг Чагос в Индийском океане, который является предметом англо-маврикийского территориального спора. США при этом особенно выделили входящий в вышеупомянутый архипелаг остров Диего-Гарсия, где расположены американские базы ВВС и ВМС. Россия при подписании Протоколов I и II (5 ноября 1996 г.) также сделала заявление, что не может считать себя связанной обязательствами по Протоколу I в отношении тех территорий, которые не могут рассматриваться как удовлетворяющие требованиям, предъявленным Договором Пелиндаба к территориям, свободным от ядерного оружия, в частности в отношении архипелага Чагос.

³⁹ Такие гарантии были даны Россией и другими государствами, обладающими ядерным оружием, государствам, не обладающим ядерным оружием, что закреплено в резолюции СБ ООН 984 (1995) «Предложение Китая, Российской Федерации, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и Франции о гарантиях безопасности» от 11 апреля 1995 г. // URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/984\(1995\)](https://undocs.org/ru/S/RES/984(1995)).

⁴⁰ Лебедева Ю. В. Военно-правовые последствия вступления в силу Договора Пелиндаба в XXI веке // URL: <http://www.atominfo.ru/newso/v0253.html>.

⁴¹ Более того, США осуществляют по всему африканскому континенту строительство сети опорных баз с целью развития своей системы военной логистики под названием «Новая дорога специй».

⁴² Федеральный закон от 20 марта 2011 г. № 37-ФЗ «О ратификации Протоколов I и II к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке» // URL: https://base.garant.ru/12183887/#block_1.

⁴³ Кроме того, Россия не будет считать себя связанной обязательствами по статье 1 Протокола I в случае нападения на нее, ее Вооруженные силы или другие войска, на ее союзников или на государство, с которым она связана обязательствами в отношении безопасности, осуществляемого или поддерживаемого государством, не обладающим ядерным оружием, совместно с государством, обладающим ядерным оружием, или при наличии союзнических обязательств перед этим государством (URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/regprla/-/asset_publisher/YCXLfJnKuD1W/content/id/213774).

же выполнит требования Резолюции ГА ООН и Чагос перейдет под суверенитет Маврикия, нельзя исключить, что Республика Маврикий, руководствуясь соображениями экономического характера, заключит соглашение с США о передаче в аренду Чагоса (Диего-Гарсии).

Таким образом, территория архипелага Чагос имеет статус, отдельный и отличный от статуса территории Соединенного Королевства как государства, фактически управляющего им. Такой отдельный и отличный статус будет существовать до тех пор, пока не будет практически осуществлена деколонизация и народ Маврикия не реализует свое право на самоопределение на территории архипелага. Следует также подчеркнуть, что уважение МС ООН и его функций, в том числе при осуществлении его консультативной юрисдикции, имеет существенно важное значение для международного права и правосудия, а также для международного порядка, основанного на верховенстве права.

**Лариса Ивановна
ЗАХАРОВА,**
доцент кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент

РЕШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН ПО ДЕЛУ К. ЯДАВА (ИНДИЯ ПРОТИВ ПАКИСТАНА) ОТ 17 ИЮЛЯ 2019 г.

L. I. ZAKHAROVA,
*Associate Professor of the Department of International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor*

DECISION OF THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE IN THE CASE OF K. YADAV (INDIA V. PAKISTAN) OF 17 JULY 2019

8 мая 2017 г. Индия направила письменное заявление в Секретариат Международного Суда ООН (далее — МС ООН, Суд) и в соответствии со ст. 40 Статута Суда возбудила дело против Исламской Республики Пакистан в связи со спором, касающимся предполагаемых «вопиющих нарушений» Венской конвенции о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г. (далее — Венская конвенция 1963 г.) в ходе ареста и последующего суда над гражданином Индии Кулбушаном Судхиром Ядавом.

10 апреля 2017 г. К. Ядав был приговорен к смертной казни военным судом Пакистана. По сведениям, представленным индийской стороной, К. Ядав был похищен в Иране, где он проживал и занимался предпринимательской деятельностью после того, как вышел в отставку, завершив службу в Военно-морских силах Индии. Впоследствии он был перевезен в Пакистан и задержан для допроса. По утверждениям Пакистана, К. Ядав, которого пакистанские власти обвинили в совершении актов шпионажа и терроризма в пользу Индии, был задержан в Белуджистане недалеко от границы с Ираном после незаконного въезда на пакистанскую территорию. Пакистан пояснил, что в момент своего задержания К. Ядав имел индийский паспорт на имя Хусейна Мубарака Пателя. Индия отрицала эти обвинения (п. 21 решения Суда)¹.

Индия заявила, что Пакистан не проинформировал ее безотлагательно о заключении под стражу и суде над ее гражданином, как предписывает п. 1 (b) ст. 36 Венской конвенции 1963 г. Индия также утверждала, что К. Ядав не был проинформирован о своих правах в соответствии с п. 1 (a) ст. 36 Венской конвенции 1963 г. — о свободе сношений с консульскими должностными лицами государства гражданства и доступа к ним, а консульским должностным лицам

Кулбушан Судхир Ядав

¹ International Court of Justice. Jadhav case (India v. Pakistan). Judgment of 17 July 2019 // URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/168/168-20190717-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 05.11.2020).

Индии было отказано в доступе к К. Ядаву, когда тот находился под стражей и в тюрьме: они не могли посещать его, беседовать и переписываться с ним или принимать меры к обеспечению ему юридического представительства в соответствии с п. 1 (с) ст. 36 Венской конвенции 1963 г.

В качестве обоснования наличия юрисдикции Суда Индия сослалась в своем заявлении на п. 1 ст. 36 Статута Суда («к ведению Суда относятся... все вопросы, специально предусмотренные... действующими договорами и конвенциями») и ст. 1 Факультативного протокола к Венской конвенции о консульских сношениях, касающегося обязательного урегулирования споров, от 24 апреля 1963 г., с чем Суд выразил согласие.

8 мая 2017 г. Индия направила в МС ООН ходатайство о принятии обеспечительных мер с тем, чтобы Суд предписал Пакистану «принять все необходимые меры для обеспечения того, чтобы г-н Кулбушан Судхир Ядав не был казнен» и «обеспечить, чтобы не было предпринято никаких действий, которые могли бы нанести ущерб правам Республики Индия или г-на Кулбушана Судхира Ядава» до того, как Международный Суд вынесет решение по существу дела².

В постановлении от 18 мая 2017 г. Суд предписал Пакистану «принять все имеющиеся в его распоряжении меры» для обеспечения того, чтобы К. Ядав не был казнен до вынесения окончательного решения по этому делу, и проинформировать Суд обо всех мерах, принятых во исполнение этого постановления. Суд также постановил, что до вынесения своего окончательного решения он будет продолжать заниматься вопросами, составляющими предмет постановления³.

Публичные слушания по делу проходили с 18 по 21 февраля 2019 г. В решении от 17 июля 2019 г. Суд пришел к выводу о том, что он обладает юрисдикцией рассматривать требования Индии, основанные на предполагаемых нарушениях Венской конвенции. Суд рассмотрел три возражения о приемлемости, выдвинутые Пакистаном, которые были основаны на предполагаемом нарушении Индией процессуальных норм, злоупотреблении правами и противоправном поведении (п. 39—59 решения Суда), и пришел к выводу о том, что заявление Индии является приемлемым (п. 66 решения Суда).

При рассмотрении дела по существу Суд поочередно исследовал каждый из трех аргументов Пакистана относительно применимости Венской конвенции. Не согласившись ни с одним из аргументов, выдвинутых Пакистаном, Суд пришел к выводу о том, что Венская конвенция применима даже в отношении лиц, заподозренных в шпионаже (п. 75—86, 98 решения Суда).

Затем Суд рассмотрел заявление Индии о том, что Пакистан действовал в нарушение своих обязательств по ст. 36 Венской конвенции 1963 г., не проинформировав Индию безотлагательно о задержании К. Ядава. Суд отметил, что Пакистан не оспаривает утверждение Индии о том, что К. Ядав не был про-

² International Court of Justice. Request for the indication of provisional measures of protection. 8 May 2017. Para. 22 // URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/168/19424.pdf> (дата обращения: 05.11.2020).

³ International Court of Justice. Jadhav case (India v. Pakistan). Request for the indication of provisional measures. Order of 18 May 2017. Para. 61 // URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/168/168-20170518-ORD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 05.11.2020).

информирован о своих правах в соответствии с п. 1 (b) ст. 36 Венской конвенции 1963 г., и, таким образом, пришел к выводу о том, что Пакистан нарушил свое конвенционное обязательство в этой части.

По вопросу о предполагаемом нарушении Пакистаном своего обязательства безотлагательно информировать Индию о задержании и заключении под стражу К. Ядава, как это предусмотрено в п. 1 (b) ст. 36 Венской конвенции 1963 г., Суд постановил, что, поскольку Пакистан не проинформировал К. Ядава о его правах, он был обязан информировать консульское учреждение Индии о его задержании и заключении под стражу, причем это обязательство также вытекает из прав консульских должностных лиц в соответствии с п. 1 (c) ст. 36 Венской конвенции 1936 г. посещать гражданина представляемого государства, беседовать и переписываться с ним, а также принимать меры к обеспечению ему юридического представительства.

Суд указал, что Пакистан уведомил Индию о заключении К. Ядава под стражу 25 марта 2016 г., примерно через три недели после избрания меры пресечения. Принимая во внимание особые обстоятельства дела, Суд счел, что таким образом Пакистан нарушил свое обязательство информировать консульское учреждение «безотлагательно», как того требует п. 1 (b) ст. 36 Венской конвенции 1963 г.

Затем Суд обратился к третьему аргументу Индии, касающемуся предполагаемого отказа Пакистана разрешить консульским должностным лицам Индии общаться с К. Ядавом. Как и в решении по делу братьев Ла Гранд 2001 г.⁴, МС ООН напомнил, что «п. 1 ст. 36 создает индивидуальные права, на которые в силу ст. 1 Факультативного протокола может ссылаться в этом Суде государство гражданства задержанного лица». Поскольку не оспаривался тот факт, что Пакистан не предоставил ни одному индийскому консульскому должностному лицу доступа к К. Ядаву, Суд счел, что предполагаемый отказ Индии сотрудничать в процессе расследования в Пакистане не освобождает Пакистан от его обязательства обеспечить доступ консульских должностных лиц Индии к К. Ядаву.

Кроме того, решение К. Ядава о выборе защитника, квалифицированного для ведения представительской деятельности, не лишает консульских должностных лиц права обеспечивать ему юридическое представительство. По этой причине Суд пришел к выводу о том, что Пакистан нарушил обязательства, возложенные на него в соответствии с п. 1 (a) и (c) ст. 36 Венской конвенции 1963 г., отказав консульским должностным лицам Индии в доступе к К. Ядаву в нарушение их прав посещать его, беседовать с ним и переписываться с ним, а также обеспечивать ему юридическое представительство.

Индия утверждала, что она имеет право на полное восстановление нарушенных прав (лат. — *restitutio in integrum*) и обращалась к Суду с просьбами

⁴ International Court of Justice. La Grand case (Germany v. United States of America). Judgment of 27 June 2001. Para. 77 // URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/104/104-20010627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 06.11.2020). В общетеоретическом смысле факт признания Судом индивидуальных прав в силу п. 1 ст. 36 Венской конвенции 1963 г. является убедительным аргументом в пользу международной правосубъектности индивида. Подробнее см. Кожеуров Я. С. О международной правосубъектности индивида // Lex Russica. 2004. № 2. С. 489—513.

воспрепятствовать приведению в исполнение исключительной меры наказания, предписать Пакистану принять меры для отмены решения военного суда, освобождения К. Ядава и обеспечения его безопасного проезда в Индию. В этой части Суд не согласился с требованиями, выдвинутыми Индией. По мнению Суда, Пакистан совершил международно-противоправное деяние длящегося характера, не информировав К. Ядава о его правах в соответствии с п. 1 (b) ст. 36 Венской конвенции 1963 г. и не обеспечив доступ к нему консульских должностных лиц Индии. Пакистан должен прекратить международно-противоправное деяние и полностью выполнить свои международно-правовые обязательства по Венской конвенции 1963 г. (п. 134).

Однако в соответствии с подходом, ранее сформулированным Судом в решении по делу Авена и др. 2004 г.⁵, МС ООН вновь указал на то, что осуждение и вынесение приговора К. Ядаву сами по себе не могут рассматриваться как нарушение ст. 36 Венской конвенции 1963 г. (п. 137 решения). Суд призвал Пакистан обеспечить по своему собственному выбору эффективное разбирательство, осуществить пересмотр решения о вынесении смертного приговора и избрать иную меру наказания в отношении К. Ядава с тем, чтобы «в полной мере были учтены последствия нарушения прав, изложенных в ст. 36 Венской конвенции 1963 г. с учетом п. 139, 145 и 146 настоящего решения (п. 147 решения)».

Примечательно, что в ходе голосования при вынесении решения все 15 судей Международного Суда ООН выступили в поддержку Индии. Позицию государства-ответчика поддержал лишь судья *ad hoc* Т. Джилани, назначенный Пакистаном (п. 149 (2—9) решения).

Премьер-министр Индии Н. Моди горячо приветствовал решение Международного Суда, заявив о том, что правда и справедливость восторжествовали и что правительство Индии будет продолжать работу для обеспечения безопасности каждого индийского гражданина⁶.

⁵ International Court of Justice. Case concerning Avena and other Mexican nationals (Mexico v. United States of America). Judgment of 31 March 2004. Para. 122—123 // URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/128/128-20040331-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 07.11.2020).

⁶ India Today News Agency. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/kulbhushan-jadhav-news-update-icj-verdict-narendra-modi-1570574-2019-07-17> (дата обращения: 07.11.2020).

**Екатерина Юрьевна
МАРКОВА,**

аспирант кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
юрисконсульт юридической
фирмы
Ashen LawGroup (г. Чикаго,
США)
markova.ek@gmail.com
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ, ПРОГРАММ И АГЕНТСТВ СИСТЕМЫ ООН

Аннотация. В статье проводится анализ работы органов, программ и агентств системы ООН в решении проблемы защиты прав экологических мигрантов, демонстрируется, как на международном уровне происходит постепенное признание того, что в условиях изменения климата необходимо осуществлять защиту прав лиц, вынужденных мигрировать в более безопасные и пригодные для проживания районы и местности (экологических мигрантов). Несмотря на то, что изменение климата не было признано в качестве фактора, непосредственно влияющего на миграцию, и пока оно рассматривается только во взаимосвязи с другими причинами (экономическими, политическими, социальными и др.), в настоящее время органами, программами и агентствами системы ООН параллельно ведется работа по изучению и признанию негативного влияния изменения климата на полноценное пользование человеком своими правами. Автор высказывает предположение, что подобная работа системы ООН поможет сформировать и закрепить международно-правовой статус экологических мигрантов и впоследствии решить проблему экологической миграции населения.

Ключевые слова: экологические мигранты; изменение климата; права экологических мигрантов; права человека; Генеральная Ассамблея ООН; Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Совет по правам человека ООН, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, Международная организация по миграции, международное право.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.76.12.150-158

E. Yu. MARKOVA,

Post-graduate Student of the Department of International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Legal Adviser of the Ashen Law Group Law Firm (Chicago, USA)

markova.ek@gmail.com

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THE INTERNATIONAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF ENVIRONMENTAL MIGRANTS: ACTIVITIES OF UNITED NATIONS' ORGANS, PROGRAMMES, AND AGENCIES

Abstract. The article examines and analyzes the work of the UN Organs, Programmes and Agencies in solving the problem of protecting the rights of environmental migrants. It demonstrates the gradual recognition at the in-

ternational level of the fact that it is necessary to protect the rights of people forced to migrate to safe and habitable areas in conditions of climate change (the rights of environmental migrants). Despite the fact that climate change has not been recognized as a factor directly influencing migration and that the climate change is considered only in conjunction with other causes (economic, political, social, etc.), the UN Organs, Programmes and Agencies are working on research and recognition of the negative impact of the climate change on the full enjoyment of human rights. The author suggests that such work of the UN system will help to form and consolidate the international legal status of environmental migrants and subsequently to solve the problem of the environmental migration.

Keywords: *environmental migrants; climate change; the rights of environmental migrants; human rights; UN General Assembly; UN High Commissioner for Refugees; UN Human Rights Council; The Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights; International Organization for Migration; international law.*

Международное сообщество выражает обеспокоенность относительно возрастающего количества и увеличивающейся интенсивности экологических проблем и признает, что изменение климата представляет прямую угрозу полному и эффективному пользованию правами человека¹. Негативные последствия изменения климата могут быть настолько разрушительными, что целые государства или их отдельные территории могут стать непригодными для проживания. Такие последствия изменения климата в большей степени затрагивают малые островные государства и страны, расположенные низко по отношению к уровню моря, которым грозит полное исчезновение при повышении уровня воды в Мировом океане, а их население столкнется с необходимостью мигрировать в безопасные и пригодные для проживания районы и местности.

Однако в настоящее время отсутствует соответствующая международно-правовая база по вопросу защиты прав экологических мигрантов, как и какая-либо международная организация, мандат которой прямо предусматривал бы оказание защиты прав данной категории лиц. Тем не менее отдельные органы, программы и агентства системы ООН вносят существенный вклад в развитие международно-правовой базы по данному вопросу, а в некоторых случаях оказывают помощь экологическим мигрантам на индивидуальной основе (*ad hoc*).

Генеральная Ассамблея ООН (ГА ООН) признает, что проблема изменения климата является общей проблемой всего человечества², и отмечает, что последствия изменения климата представляют серьезную угрозу «для устойчивого развития малых островных развивающихся государств, что последствия

¹ Воздействие изменения климата на осуществление права на здоровье / Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) // URL: <https://www.ohchr.org/RU/Issues/HRAAndClimateChange/Pages/RightHealth.aspx> (дата обращения: 07.10.2020).

² Резолюция ГА ООН от 06.12.1988 A/RES/43/53 «Охрана глобального климата в интересах нынешнего и будущего поколений человечества». § 1 Оперативной части.

изменения климата могут поставить под угрозу само существование некоторых из них»³.

В 2009 г. ГА ООН приняла Резолюцию 63/281 «Изменение климата и его возможные последствия для безопасности»⁴, в ходе рассмотрения которой малые островные развивающиеся государства Тихоокеанского региона заявили, что повышение уровня воды в Мировом океане представляет опасность для их суверенитета, безопасности и территориальной целостности⁵. В проекте резолюции говорилось, что негативное влияние изменения климата может стать катализатором, вынуждающим население к переселению, что изменение климата несет угрозу территориальной целостности и суверенитету отдельных государств⁶. Однако в финальном варианте резолюции лишь прозвучал призыв в адрес органов системы ООН активизировать усилия по рассмотрению и решению проблемы изменения климата, принимая во внимание возможные последствия для безопасности⁷.

Позже ГА ООН отметила, что «изменение климата и повышение уровня моря по-прежнему представляют большую опасность для малых островных развивающихся государств и их усилий по обеспечению устойчивого развития, а для некоторых представляют самую серьезную угрозу их выживанию и жизнеспособности»⁸.

В Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. признается, что «одной из наиболее серьезных проблем нашего времени является изменение климата»⁹, и в качестве одной из целей было провозглашено «принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями»¹⁰.

В 2016 г. ГА ООН приняла Нью-Йоркскую декларацию о беженцах и мигрантах¹¹ (далее — Нью-Йоркская декларация), направленную на решение проблемы перемещения больших групп беженцев, мигрантов и на защиту их прав чело-

³ Резолюция ГА ООН от 19.12.2008 A/RES/63/213 «Реализация Маврикийской стратегии по дальнейшему осуществлению Программы действий по обеспечению устойчивого развития малых островных развивающихся государств и последующая деятельность в этой области».

⁴ Резолюция ГА ООН от 11.06.2009 A/RES/63/281 «Изменение климата и его возможные последствия для безопасности».

⁵ Views on the Possible Security Implications of Climate Change to be included in the report of the Secretary-General to the 64th Session of the United Nations General Assembly. P. 3 // URL: https://www.un.org/esa/dsd/resources/res_pdfs/ga-64/cc-inputs/PSIDS_CCIS.pdf (дата обращения: 07.10.2020).

⁶ McAdam J. Climate Change, Forced Migration, and International Law. Oxford, 2012. 322 p. P. 222.

⁷ См.: Резолюция ГА ООН от 11.06.2009 A/RES/63/281. § 1 Оперативной части.

⁸ Резолюция ГА ООН от 25.09.2010 A/RES/65/2 «Итоговый документ Совещания высокого уровня для обзора хода реализации Маврикийской стратегии по дальнейшему осуществлению Программы действий по обеспечению устойчивого развития малых островных развивающихся государств». § 1 Оперативной части.

⁹ Резолюция ГА ООН от 25.09.2015 A/RES/70/1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». § 14 Оперативной части.

¹⁰ Резолюция ГА ООН от 25.09.2015 A/RES/70/1. Цель 13.

¹¹ Резолюция ГА ООН от 19.09.2016 A/RES/70/302 «Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах».

века. В Декларации отмечается, что миграция происходит по разным причинам (в поисках экономических возможностей, в стремлении избежать вооруженные конфликты, по причине преследования или в силу экологических факторов), однако «перемещение многих людей в действительности вызвано сочетанием этих причин»¹². Нью-Йоркская декларация положила начало работе над Глобальным договором о безопасной, упорядоченной и легальной миграции¹³ (Глобальный договор о миграции) и Глобальным договором о беженцах¹⁴, принятыми резолюциями ГА ООН в 2018 г., которые представляют собой механизмы сотрудничества государств в решении проблемы массового перемещения, поиска способа взаимодействия с другими государствами в распределении бремени ответственности за беженцев и мигрантов.

Таким образом, ГА ООН признает, что неблагоприятные последствия изменения климата являются причиной перемещения населения, но в сочетании с другими факторами. Генеральная Ассамблея ООН внесла значительный вклад в решение проблемы экологических мигрантов благодаря принятию Нью-Йоркской декларации и Глобальных договоров, которые создают необходимую предпосылку для дальнейшей работы всего международного сообщества в решении вопроса защиты прав экологических мигрантов и для формирования международно-правового статуса данной категории лиц.

В 90-х гг. прошлого столетия *Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев* (УВКБ ООН) впервые начало работать над проблемой экологической миграции. Оказывая помощь экологическим мигрантам, УВКБ ООН «действует не в рамках своего мандата, а по просьбе Генерального секретаря ООН»¹⁵. УВКБ ООН также осуществляет оперативное реагирование при чрезвычайных ситуациях¹⁶. С 1993 по 2017 г. УВКБ ООН предоставило помощь в 43 случаях стихийных бедствий и катастроф¹⁷. По данным Центра мониторинга за внутрен-

¹² Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах. § 1 Введения.

¹³ Резолюция ГА ООН от 19.12.2018 A/RES/73/195 «Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции». § 21 (h).

¹⁴ Резолюция ГА ООН от 17.12.2018 A/RES/73/151 «Глобальный договор о беженцах».

¹⁵ *Васильева А. А.* Международно-правовые последствия исчезновения территорий государств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 275 с. С. 128.

¹⁶ Резолюция ГА ООН от 27.01.2009 A/RES/63/148. УВКБ ООН. Заключение № 106 (LVII) 2006 «Выявление, предотвращение и сокращение безгражданства и защита апатридов» // URL: <https://goo.su/2jAI> (дата обращения: 07.10.2020).

¹⁷ УВКБ ООН оказало помощь пострадавшим в результате землетрясения в Индийском океане, произошедшего в 2004 г., наводнения в Кении в 2006 г., тропического циклона Нургис, обрушившегося на государство Мьянма в 2008 г., землетрясения в Гаити в 2010 г., в 2014 г. организовало переселение пострадавших от наводнений в Какуме (Гана) на более возвышенную территорию. См.: UNHCR, Executive Committee of the High Commissioner's Programme. UNHCR's Role in Support of an Enhanced Humanitarian Response for the Protection of Persons affected by Natural Disasters, June 6, 2011 // EC/62/SC/CRP.19. Para. 4 ; UNHCR. Climate Change and Disaster Displacement: An Overview of UNHCR's Role, 2017 // International Labor Organization. URL: <https://clck.ru/EKGYN> (дата обращения: 07.10.2020).

ним перемещением, в 2018 г. было зарегистрировано 17,2 млн новых случаев внутреннего перемещения, связанных со стихийными бедствиями¹⁸.

УВКБ ООН является постоянным приглашенным в Руководящую группу Платформы по вопросу о перемещении в результате стихийных бедствий в рамках Инициативы Нансена по трансграничному перемещению в случае стихийных бедствий. А совместно с Джорджтаунским университетом и другими партнерами УВКБ ООН разработало Руководство по планируемому переселению¹⁹, чтобы защитить лиц от стихийных бедствий и изменения климата при соблюдении их прав человека.

УВКБ ООН обладает опытом оказания помощи экологическим мигрантам, а также необходимыми для этого кадровыми, техническими и иными ресурсами, однако Управление уже сейчас несет ответственность приблизительно за 20 млн беженцев. Возложение ответственности по защите экологических мигрантов приведет к его перегруженности и неспособности надлежащим образом оказывать помощь и защиту даже тем, защита кого непосредственно входит в его компетенцию.

В 2006 г. после реформирования механизма ООН по защите прав человека был учрежден международный правозащитный орган — *Совет по правам человека ООН* (СПЧ ООН). В 2007 г. малые островные развивающиеся государства в ходе принятия Малайской декларации о человеческом измерении в глобальном изменении климата, ставшей первым международным документом²⁰, прямо подчеркивающим, что «изменение климата имеет явное и непосредственное влияние на полную реализацию человеком своих прав»²¹, обратились к СПЧ ООН с просьбой провести обсуждение на тему изменения климата и прав человека.

В 2008 г. СПЧ ООН провел обсуждение на данную тему и принял Резолюцию 7/23 СПЧ от 28 марта 2008 г. «Права человека и изменение климата», в которой было признано, что «изменение климата создает непосредственную и далеко идущую угрозу для людей и общин во всем мире и имеет последствия для полного осуществления прав человека»²². В 2009 г. СПЧ ООН принял вторую Резолюцию 10/4 «Права человека и изменение климата»²³, в которой государства признали

¹⁸ Заявление о состоянии климата в 2018 г. свидетельствует об ускорении воздействия изменения климата // Всемирная метеорологическая организация. URL: <https://clck.ru/JgLPn> (дата обращения: 07.10.2020).

¹⁹ Guidance on Protecting People from Disasters and Environmental Change through Planned Relocation. // UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/protection/environment/562f798d9/planned-relocation-guidance-october-2015.html> (дата обращения: 11.10.2020).

²⁰ Limon M. Human Rights and Climate Change: Constructing a Case for Political Action // Harvard Environmental Law Review. 2009. Vol. 33. 439—476 pp. The ETO Consortium. URL: <https://clck.ru/JmjDu> (дата обращения: 07.10.2020).

²¹ Small Island Developing States. Male' Declaration on the Human Dimension of Climate Change, November 14, 2007. Para. 13 Preamble // Center for International Environmental Law. URL: http://www.ciel.org/Publications/Male_Declaration_Nov07.pdf (дата обращения: 07.10.2020).

²² Совет по правам человека ООН (СПЧ ООН). Резолюция от 28.03.2008 A/HRC/RES/7/23 «Права человека и изменение климата». Параграф 2 Преамбулы.

²³ СПЧ ООН. Резолюция от 25.03.2009 A/HRC/10/4 «Права человека и изменение климата».

наличие четкой связи между изменением климата и отдельными правами человека, «включая, среди прочего, право на жизнь, право на достаточное питание, право на наивысший достижимый уровень здоровья, право на достаточное жилье, право на самоопределение и обязательства по правам человека, связанные с доступом к питьевой воде и санитарии» (§ 8).

В вопросе изучения влияния изменения климата на процесс миграции важную роль играет специальный докладчик по вопросу о правах человека мигрантов, целью работы которого является изучение путей и средств преодоления существующих препятствий для полной и действенной защиты прав мигрантов. Бывший специальный докладчик по вопросу о правах человека мигрантов, Хорхе А. Бустаманте, в своем заключительном докладе Совету A/HRC/17/33 от 21 марта 2011 г. отметил возрастающую роль изменения климата и его влияние на перемещение людей, рекомендовал провести исследование, посвященное воздействию экологических и климатических изменений на мобильность человека.

Позже бывший специальный докладчик по вопросу о правах человека мигрантов, Франсуа Крепо, в своем докладе ГА ООН «Поощрение и защита прав человека: вопросы прав человека, включая альтернативные подходы в деле содействия эффективному осуществлению прав человека и основных свобод» A/67/299 от 13 сентября 2012 г. посвятил отдельный раздел влиянию изменения климата на миграцию и призвал государства признать, что «стратегии планируемой и поощряемой миграции являются законными механизмами решения проблем, способными помочь отдельным лицам, группам лиц и общинам справиться с уязвимостью»²⁴. Им также были предложены рекомендации государствам для разработки мер реагирования на потребности экологических мигрантов, в частности было предложено разработать и осуществить региональную миграционную стратегию и политику, с тем чтобы облегчить экологическую миграцию, «в том числе путем согласования, заключения и осуществления региональных соглашений о миграции» (§ 93 (f)).

Ф. Крепо также внес вклад в разработку Глобального договора о миграции. Им были внесены рекомендации в отношении данного договора в целях обеспечения эффективного внедрения и учета прав человека в рамках этого договора.

Таким образом, можно сделать вывод, что вклад СПЧ ООН в решение проблемы защиты прав экологических мигрантов неоценим, поскольку Совет прямо указывает, что изменение климата оказывает непосредственное влияние на полную реализацию человеком своих прав и отмечает наличие четкой связи между изменением климата и реализацией человеком своих прав. Специальный докладчик по вопросу о правах человека мигрантов прямо указывает на необходимость разработки миграционной политики, чтобы облегчить экологическую миграцию. Все это может способствовать определению прав экологических мигрантов и формированию их международно-правового статуса.

Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) подготовило Ключевые идеи о правах человека и изменении климата²⁵, где подчер-

²⁴ ГА ООН. 67-я сессия. 13.09.2012. A/67/299 «Права человека мигрантов». § 92.

²⁵ УВКБ ООН. Ключевые идеи о правах человека и изменении климата // URL: <https://click.ru/JmxSg> (дата обращения 07.10.2020).

кивается, что государства, выступая гарантами прав человека, «имеют прямое обязательство по принятию эффективных мер для предупреждения и устранения последствий изменения климата... а также по обеспечению того, чтобы все люди (правообладатели) имели необходимые возможности для адаптации к климатическому кризису», среди таких правозащитных обязательств государств выделяются обязанность по смягчению последствий изменения климата и предупреждению его негативного воздействия на права человека; обязанность по обеспечению эффективных средств правовой защиты в случае причинения вреда правам человека; обязанность по обеспечению полноценного информированного участия населения в борьбе с изменением климата и др.

В 2017 г. СПЧ ООН обратился к УВКПЧ с просьбой провести тематическую дискуссию и представить доклад на тему «Права человека, изменение климата, мигранты и лица, перемещенные через международные границы» для его последующего рассмотрения на совещании по подведению итогов подготовительного процесса, ведущего к принятию Глобального договора о миграции²⁶. В докладе УВКПЧ подчеркивается, что «все мигранты имеют право на эффективное осуществление своих прав человека независимо от их миграционного статуса»²⁷ (§ 61), одновременно отмечается, что более тщательного исследования требуют права человека, на осуществлении которых негативно сказывается изменение климата. «Статус мигранта не должен препятствовать доступу к услугам, мерам защиты или гуманитарной помощи в случае стихийных бедствий» (§ 60).

СПЧ ООН также обратился с просьбой к УВКПЧ «провести исследование по вопросу о восполнении пробелов в области защиты прав человека в контексте миграции и перемещения лиц через международные границы в результате быстро наступающих и медленно протекающих неблагоприятных последствий изменения климата»²⁸. В 2017 г. УВКПЧ совместно с Платформой по вопросу о перемещении в результате стихийных бедствий провели исследование и подготовили доклад «Медленно протекающие неблагоприятные последствия изменения климата и защита прав мигрантов, пересекающих международные границы»²⁹.

В 2018 г. Верховный комиссар ООН по правам человека представил доклад³⁰ Совету, в котором был дан ряд конкретных рекомендаций правительствам и

²⁶ СПЧ ООН. Резолюция от 22.06.2017 A/HRC/RES/35/20 «Права человека и изменение климата». § 11.

²⁷ СПЧ ООН. 37-я сессия. 14.11.2017. A/HRC/37/35 «Резюме тематической дискуссии по теме «Права человека, изменение климата, мигранты и лица, перемещенные через международные границы» : доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека».

²⁸ СПЧ ООН. Резолюция от 22.06.2017 A/HRC/RES/35/20 «Права человека и изменение климата». § 12.

²⁹ Platform on Disaster Displacement. The slow onset effects of climate change and human rights protection for cross-border migrants // UNHCR. URL: <https://clck.ru/Jmzh7> (дата обращения: 07.10.2020).

³⁰ СПЧ ООН. 38-я сессия. 23.04.2018. A/HRC/38/21 «Изучение пробелов в защите прав человека в контексте миграции и перемещения людей через международные границы в результате неблагоприятных последствий изменения климата, а также поддержка

другим заинтересованным сторонам, в частности «подтвердить взаимосвязь между изменением климата, правами человека и мобильностью людей» (§ 66 (е)); «обеспечить уважение, осуществление, поощрение и защиту всех прав человека для лиц, пересекающих границы в контексте изменения климата» (§ 66 (b)); «поощрять и расширять безопасные, законные, достойные и доступные пути для мобильности людей, уважать и защищать права лиц, затрагиваемых изменением климата» (§ 66 (с)).

УВКПЧ во взаимодействии со структурой ООН и международными организациями вносит серьезный вклад в разработку правовой базы, направленной на защиту прав человека экологических мигрантов, выделяя конкретные рекомендации в вопросе защиты прав человека экологических мигрантов.

В 2016 г. *Международная организация по миграции* (МОМ) заключила с ООН Соглашение о взаимоотношениях³¹, которое установило тесное сотрудничество между организациями. МОМ начала заниматься проблемой экологической миграции населения с 90-х гг. прошлого столетия. В сфере экологической миграции МОМ ставит перед собой следующие основные задачи³²: 1) предотвращение риска вынужденной миграции, вызванной воздействием природных факторов; 2) оказание помощи экологическим мигрантам и поиск долгосрочных решений по урегулированию их положения; 3) оказание помощи в миграции как мера адаптации к изменениям климата, а также содействие в повышении устойчивости населения к последствиям изменения климата.

В 2015 г. в структуре МОМ был создан Отдел по миграции, окружающей среде и изменению климата, который отвечает за надзор, поддержку и координацию разработки директивных указаний для мероприятий, связанных с миграцией, окружающей средой и изменением климата. МОМ стала первой международной организацией, учредившей подразделение, полностью посвященное вопросу экологической миграции. Путем проведения регулярных совещаний руководящих органов МОМ разработала платформу для решения государствами проблемы экологической миграции, в которую были включены отдельные аспекты подхода, основанного на правах человека³³.

Организация разработала информационный портал по проблеме экологической миграции³⁴, который способствует повышению осведомленности о взаимосвязи между миграцией и изменением климата. МОМ также проводит регио-

планов развивающихся стран по адаптации к нему и его смягчению в целях устранения пробелов в защите : доклад Верховного комиссара ООН по правам человека.

³¹ ГА ООН. 70-я сессия. 08.07.2016 A/70/976 «Соглашение о взаимоотношениях между Организацией Объединенных Наций и Международной организацией по миграции».

³² Migration Environment and Climate Change (MECC) Division // International Organization for Migration. URL: <https://www.iom.int/migration-and-climate-change> (дата обращения: 07.10.2020).

³³ A/HRC/38/21 «Изучение пробелов в защите прав человека в контексте миграции и перемещения людей через международные границы в результате неблагоприятных последствий изменения климата». § 34.

³⁴ Environmental Migration Portal. URL: <https://environmentalmigration.iom.int/> (дата обращения: 07.10.2020).

нальные проекты, которые позволяют оказывать прямую поддержку отдельным регионам, в частности организация способствует улучшению потенциала тихоокеанских островных государств в управлении воздействиями изменения климата на миграцию³⁵, содействует устойчивому управлению земельными ресурсами в районах Западной Африки, подверженных миграции, благодаря инновационным механизмам финансирования³⁶.

В Глобальном договоре о миграции отмечается, что для обеспечения эффективной и согласованной поддержки в осуществлении положений данного договора по решению Генерального секретаря ООН была создана сеть ООН по вопросам миграции, в которой МОМ выполняет функции координатора и секретариата сети³⁷, что подчеркивает особую роль МОМ в вопросе миграции, в том числе экологической.

Представляется, что МОМ имеет большой потенциал для осуществления защиты экологических мигрантов на постоянной основе, поскольку она внесла большой вклад в изучение и решение проблемы экологической миграции, а с учетом Соглашения о взаимоотношениях с ООН она может использовать доступные ООН инструменты в решении проблемы экологических мигрантов.

Опыт работы по данному вопросу органов, программ и агентств системы ООН демонстрирует, что в настоящее время международное сообщество выражает обеспокоенность и признает, что изменение климата в сочетании с иными факторами оказывает воздействие на миграцию. С целью оказания помощи экологическим мигрантам системой ООН принимаются меры, направленные на защиту прав экологических мигрантов, а также меры по обеспечению устойчивого развития, повышению адаптации населения к последствиям изменения климата и снижению риска бедствий. Проведя анализ работы системы ООН, можно сделать вывод, что в настоящее время МОМ в большей степени обладает необходимой компетенцией по данному вопросу и обладает большим потенциалом для осуществления защиты экологических мигрантов на постоянной основе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Васильева А. А.* Международно-правовые последствия исчезновения территорий государств : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 275 с.
2. *McAdam J.* Climate Change, Forced Migration, and International Law. — Oxford, 2012. — 322 p.

³⁵ Enhancing the Capacity of Pacific Island Countries to Manage the Impacts of Climate Change on Migration (PCCM) // Environmental Migration Portal. URL: <https://clck.ru/Jn3Rn> (дата обращения: 07.10.2020).

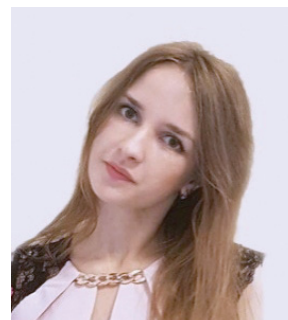
³⁶ West Africa: Promoting sustainable land management in migration-prone areas through innovative financing mechanisms // Environmental Migration Portal. URL: <https://clck.ru/Jn3TE> (дата обращения: 07.10.2020).

³⁷ См.: Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. § 25 (а).

ПРИНЦИП СОТРУДНИЧЕСТВА В МЕЖДУНАРОДНОМ КОСМИЧЕСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматривается принцип международного сотрудничества в рамках современного международного космического права. Автор приходит к выводу, что данный принцип является принципом общего международного права, но в международном космическом праве имеет особенности, обусловленные спецификой отрасли. К таким особенностям можно отнести: осуществление международного сотрудничества в соответствии с положениями международного права, в том числе Устава ООН и Договора по космосу, на благо и в интересах всех государств с особым учетом потребностей развивающихся стран (в частности, обязанность государств на равных основаниях рассматривать просьбы других государств — участников Договора по космосу о предоставлении им возможности для наблюдения за полетом запускаемых этими государствами космических объектов и информировать международное сообщество о своей космической деятельности), на справедливой и взаимоприемлемой основе с использованием наиболее эффективных и надлежащих форм сотрудничества, в области исследования и использования космического пространства в мирных целях. Одной из важных особенностей является также широкое участие частного сектора в международном космическом сотрудничестве.

Ключевые слова: космическое пространство, международное сотрудничество, принцип международного сотрудничества, субъекты международного космического сотрудничества, частный сектор.

**Олеся Андреевна
ПОПОВА,**

аспирант кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
v.r.980@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.76.12.159-171

О. А. ПОПОВА,

postgraduate student of Department of International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

v.r.980@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

PRINCIPLE OF INTERNATIONAL COOPERATION IN MODERN INTERNATIONAL SPACE LAW

Abstract. The article considers the principle of international cooperation within the framework of modern international space law. The author comes to the conclusion that the principle is a principle of general international law, but it has some features in international space law due to the specific of this

© О. А. Попова, 2020

branch. Such features include the implementation of international cooperation in accordance with international law, including the Charter of the United Nations and the Outer Space Treaty; for the benefit and in the interests of all countries taking into special consideration the needs of the developing countries (In particular, obligation of the States to consider on a basis of equality any requests by other States Parties to the Outer Space Treaty to be afforded an opportunity to observe the flight of space objects launched by those States and to inform the international community of their activities in outer space); on an equitable and mutually acceptable basis, using the most effective and appropriate modes of cooperation; in the field of the exploration and use of outer space for peaceful purposes. The broad participation of the private sector in international space cooperation is also an important feature.

Keywords: *outer space, international cooperation, principle of international cooperation, subjects of international space cooperation, private sector.*

Введение

Международное право начало формироваться в древности, его появление было обусловлено необходимостью межгосударственного взаимодействия для решения общих проблем экономического, политического, военного и иного характера. Международное сотрудничество стало способом достижения компромисса между субъектами международного взаимодействия. Ученые отмечали, что международное право является совокупностью юридических норм, определяющих условия достижения народами своих жизненных целей в сфере *взаимных отношений*¹; совокупностью правовых начал, определяющих *взаимные отношения государств и международных сообществ* и гражданские права иностранцев²; совокупностью норм, регулирующих *отношения между государствами в процессе их борьбы и сотрудничества*³.

Г. И. Тункин называл процесс создания норм международного права процессом согласования воли государств, а согласование воли, в свою очередь, — борьбой и *сотрудничеством*, где выражаются международно-правовые позиции каждого государства в отдельности⁴.

В международном космическом праве сотрудничество играет особую роль. Космические исследования, использование ресурсов космического пространства могли бы помочь в решении глобальных проблем человечества⁵. Представитель

¹ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1882. Т. 1. С. 16.

² Казанский П. Е. Учебник международного права, публичного и гражданского. Одесса, 1902. С. 6.

³ Вышинский А. Я. Вопросы международного права и международной политики. М., 1949. С. 480.

⁴ Тункин Г. И. Теория международного права. М., 2000. С. 236—243.

⁵ См.: Космос: оружие, дипломатия, безопасность / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина ; Моск. центр Карнеги. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

ООН подчеркнула, что большинство достижений в освоении космоса за прошедшие пять десятилетий были бы невозможны без международного сотрудничества, касающегося различных направлений космической деятельности⁶.

С течением времени круг субъектов международного взаимодействия расширился — в настоящее время он охватывает не только государства и даже не только субъекты международного права, но и частных лиц. Международное космическое право — яркий пример такого взаимодействия. В первые десятилетия второй половины XX в. космическая деятельность осуществлялась исключительно государствами. Однако в настоящее время ситуация изменилась, и частные компании наряду с государствами стали принимать активное участие в космической деятельности. Выход частного сектора на новый уровень участия в космической деятельности предопределяет актуальность рассмотрения принципа международного сотрудничества в рамках современного международного космического права.

Принцип сотрудничества: значение для международного космического права

Принцип международного сотрудничества является неотъемлемой частью международного права. Это положение подтверждается нормами международного права. В статье 1 Устава Организации Объединенных Наций подчеркивается, что ООН преследует цель осуществления международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и должна стать центром для согласования действий наций в достижении общих целей. В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г. закрепляется обязанность государств сотрудничать друг с другом.

В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. отмечается влияние негосударственных акторов на сотрудничество между государствами и провозглашается, что «правительства, учреждения, организации и люди могут играть соответствующую и положительную роль в содействии достижению этих целей их сотрудничества».

Подобные положения можно найти во множестве иных источников международного права. В 1960-е гг. в отечественной и зарубежной науке международного права велась дискуссия по вопросу соблюдения его основных принципов при осуществлении государствами космической деятельности. Позиции отечественных и западных юристов разнились. Зарубежные авторы писали о неприменимости принципов международного права к космической деятельности, обосновывая

С. 168 ; Доклад Комитета по использованию космического пространства в мирных целях об осуществлении рекомендаций третьей Конференции Организации Объединенных Наций по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях (ЮНИСПЕЙС — III). 2004.

⁶ ООН: сотрудничество в космосе поможет улучшить жизнь на земле // URL: <https://news.un.org/ru/story/2018/06/1332532> (дата обращения: 20.10.2020).

этот подход особенностями космического пространства⁷. Отечественные авторы выступали за распространение положений международного права, в частности его основных принципов, на космическое пространство, ссылаясь на то, что международное право создавалось для регулирования межгосударственных отношений, а так как космическая деятельность ведется государствами, на нее также должно распространяться действие норм международного права⁸.

Дискуссия завершилась принятием международных договоров, в которых прямо закреплялась необходимость руководствоваться международным правом, и в том числе принципом сотрудничества государств, в деятельности по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях. Решение распространить действие общего международного права на космическое право неслучайно. Как отмечает профессор С. Хоуб, нормы международного космического права являются *lex specialis* по отношению к нормам общего международного права, соответственно, существующие пробелы правового регулирования в международном космическом праве могут быть урегулированы нормами общего международного права⁹.

На сегодняшний день в доктрине отсутствует единая позиция относительно статуса принципа международного сотрудничества в рамках международного космического права. Одни ученые выделяют его в качестве специального принципа международного космического права¹⁰. Другие отмечают, что юридическое значение принципа сотрудничества в международном космическом праве не следует отрывать от значения принципа сотрудничества в рамках международного права в целом¹¹.

На наш взгляд, принцип сотрудничества не является специальным принципом международного космического права, а относится к категории основных принципов международного права по следующим причинам. Текст Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1966 г. (далее — Договор по космосу), содержит принципы космической деятельности, которые учеными рассматриваются в качестве принципов международного космического права¹².

⁷ См.: Zhukov G., Kolosov Yu. *International Space Law* / transl. by B. Belitzky. 2nd ed. M. : Statut, 2014.

⁸ См.: Колосов Ю. М. Глава I. Распространение на космос норм и принципов современного международного права. Борьба за мирный космос. 2-е изд. М. : Statut, 2014. С. 13—32 ; Осницкая Г. А. Применимы ли общие принципы и нормы международного права к деятельности государств по освоению космоса. Освоение космоса и международное право. М. : Госюриздат, 1962. С. 31—39.

⁹ Hobe S. Chapter 5 Space Law as selfcontained regime or part of public international law (Article III OST)? *Space Law. Nomos Verlagsgesellschaft, Germany*, 2019. P. 51—57.

¹⁰ Zhukov G., Kolosov Yu. *Op. cit.* P. 75.

¹¹ Вещетин В. С. Международное сотрудничество в космосе : правовые вопросы / Ин-т государства и права АН СССР. М. : Наука, 1977. С. 30.

¹² См.: Международное космическое право / под ред. Г. П. Жукова, А. Х. Абашидзе. М. : РУДН, 2014. С. 20 ; Международное космическое право : учебник / В. С. Вещунов [и др.] ; под ред. Г. П. Жукова, Ю. М. Колосова. М. : Международные отношения, 1999. С. 55—56.

Специальные принципы отрасли, определяющие режим космоса, связаны прежде всего с юридическими характеристиками космоса как территории, с его уникальными геофизическими свойствами.

При исследовании положений Договора по космосу становится понятно, что принцип международного сотрудничества вряд ли может рассматриваться в качестве специального принципа космического права, так как сам по себе не отражает уникальность таких характеристик, хотя и имеет свои особенности в данной отрасли. В пользу этой позиции свидетельствует и отдельная ссылка на принцип сотрудничества в резолюциях Генеральной Ассамблеи и международных договорах в области космического права как на уже существующий принцип, которым необходимо руководствоваться.

Например, в Резолюции Генеральной Ассамблеи 1962 (XVIII) от 13 декабря 1963 г., содержащей Декларацию правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства, впервые было отмечено, что при исследовании и использовании космоса государства руководствуются принципом сотрудничества и взаимной помощи и осуществляют всю свою деятельность в космическом пространстве с должным учетом соответствующих интересов других государств.

В Договоре по космосу закреплено аналогичное положение. Соответственно, принцип международного сотрудничества применяется в международном космическом праве так, как он отражен в Уставе ООН, Декларации о принципах 1970 г. и Заключительном акте СБСЕ 1975 г. с учетом особенностей, обусловленных спецификой данной отрасли. Такие особенности можно выделить при анализе резолюций Генеральной Ассамблеи и международных договоров в области космического права, а также практики взаимодействия субъектов международного сотрудничества.

В преамбуле Договора по космосу провозглашается желание содействовать развитию широкого международного сотрудничества как в научных, так и в юридических аспектах исследования и использованию космического пространства в мирных целях, предполагая, что такое сотрудничество будет способствовать развитию взаимопонимания и укреплению дружественных отношений между государствами и народами.

Статья III Договора по космосу закрепляет следующее положение: «Государства — участники Договора осуществляют деятельность по исследованию и использованию космического пространства, в том числе Луны и других небесных тел, в соответствии с международным правом, включая Устав ООН, в интересах поддержания международного мира и безопасности и развития международного сотрудничества и взаимопонимания».

Это положение рассматривается некоторыми зарубежными авторами как принцип космического права, который не вызывает возражений у договаривающихся сторон и заинтересованных лиц¹³. Не констатируя необходимости выделения данного положения в качестве специального принципа космического права, согласимся с мнением авторов, что данное требование принимается большин-

¹³ Masson-Zwaan T. New States in Space // American Journal of International Law Unbound. 2019. Vol. 113. P. 99.

ством государств, ведь оно по своей сути отражает уже существующие нормы международного права.

В Договоре по космосу отмечается, что для содействия сотрудничеству государства-участники будут на равных основаниях рассматривать просьбы других государств — участников Договора о предоставлении им возможности для наблюдения за полетом запускаемых этими государствами космических объектов и информировать Генерального секретаря ООН, общественность и международное научное сообщество о характере, ходе, местах и результатах своей космической деятельности. Указанное положение представляет собой конкретизацию уже упомянутой особенности принципа международного сотрудничества, а именно его осуществления на благо и в интересах всех государств с особым учетом потребностей развивающихся стран.

В соответствии с положениями Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. государства-участники в своей деятельности по исследованию и использованию Луны руководствуются принципом сотрудничества и взаимопомощи, а сотрудничество должно быть как можно более широким и может осуществляться на многосторонней и двусторонней основе или через международные межправительственные организации.

Позднее в Декларации о международном сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства на благо и в интересах всех государств с особым учетом потребностей развивающихся стран, принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи 51/122 от 13 декабря 1996 г., были перечислены рекомендации в отношении осуществления международного космического сотрудничества: международное сотрудничество осуществляется в соответствии с положениями международного права, в том числе Устава ООН и Договора по космосу; на благо и в интересах всех государств с особым учетом потребностей развивающихся стран и является достоянием всего человечества; государства вольны определять все аспекты своего участия в международном сотрудничестве на справедливой и взаимоприемлемой основе и использовать формы сотрудничества, которые они считают наиболее эффективными и надлежащими.

Международное сотрудничество в контексте Резолюции 51/122 рассматривается как деятельность государств. Рекомендации, выраженные в данной резолюции, с одной стороны, формируют понимание того, каким международное сообщество хотело бы видеть международное космическое сотрудничество в будущем, с другой стороны, характеризуют и обобщают уже существующие особенности международного сотрудничества в данной области.

Теоретики права отмечают: «Принципы права — это руководящие идеи, характеризующие содержание права, его сущность и назначение в обществе»¹⁴; «Принципы права формируются под воздействием тех конкретно-исторических условий, в которых действует право... Их вполне обоснованно называют обобщенным отражением объективных условий существования (бытия) права. Принципы как исходные положения права не могут иметь какие-либо сверхъестественные начала, внеобщественные истоки. Они не могут появляться

¹⁴ Теория государства и права : учебник / С. С. Алексеев, С. И. Архипов [и др.] ; под ред. В. Д. Перевалова. 4-е изд. М. : Норма, 2011. 496 с.

ниоткуда. В конечном счете каждый из принципов имеет общественное происхождение, их источником является общество на определенном этапе своей цивилизации»¹⁵.

Поэтому, хотя в Резолюции 51/122 рекомендации сделаны в отношении международного сотрудничества как деятельности государств, они отражают особенности принципа международного сотрудничества в космическом праве, так как в основе формирования принципа лежит практическая деятельность субъектов по осуществлению международного сотрудничества в исследовании и использовании космического пространства.

Таким образом, основные принципы международного права распространяются на космическую деятельность. В Договоре по космосу прямо закреплено положение, в соответствии с которым государства-участники должны в своей деятельности руководствоваться принципом сотрудничества. Принцип международного сотрудничества не является специальным принципом международного космического права, но имеет особенности в рамках данной отрасли, которые включают в себя осуществление международного сотрудничества в соответствии с положениями международного права, в том числе Устава ООН и Договора по космосу; на благо и в интересах всех государств с особым учетом потребностей развивающихся стран (в частности, государства должны на равных основаниях рассматривать просьбы других государств — участников Договора по космосу о предоставлении им возможности для наблюдения за полетом запускаемых этими государствами космических объектов и информировать международное сообщество о своей космической деятельности); на справедливой и взаимоприемлемой основе с использованием наиболее эффективных и надлежащих форм сотрудничества; в области исследования и использования космического пространства в мирных целях. Однако особенности данного принципа можно обнаружить не только при анализе норм международного права, но и при исследовании взаимодействия субъектов международного сотрудничества.

Частные лица как новый субъект международного космического сотрудничества

С момента освоения космического пространства проблемами международного космического права занимались отечественные и зарубежные ученые. Обращаясь к советскому периоду, приведем определение международного сотрудничества Е. П. Каменецкой, уделявшей особое внимание проблеме международного сотрудничества в космическом праве. По ее мнению, «международное сотрудничество в освоении космоса можно охарактеризовать как совместную деятельность государств в политической, экономической, научно-технической и правовой областях, направленную на исследование и использование космического пространства и достижений космической науки и техники в мирных целях в интересах и на благо

¹⁵ Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник для бакалавров. М. : Проспект, 2014. Гл. 4 : Принципы и функции права.

всех стран и народов»¹⁶. Данное определение отражает основные особенности международного сотрудничества в международном космическом праве. Однако в качестве субъектов международного сотрудничества в нем выделены исключительно государства.

Действительно, в первые десятилетия существования международного космического права основными субъектами международного сотрудничества в данной сфере являлись государства, участие частных организаций в космической деятельности в основном ограничивалось производством космического оборудования для использования правительственными и некоторыми межправительственными организациями. Однако пространственные границы космоса настолько велики, что его исследование не было возможным без совместных усилий государств, международных межправительственных и неправительственных организаций, а также частных лиц.

Начиная с 1970-х гг. частный сектор постепенно укреплял свои позиции в космической индустрии, участвуя в создании и продвижении международной спутниковой связи, дистанционном зондировании Земли из космоса и запусках космических аппаратов¹⁷.

На современном этапе космическая индустрия перестала быть исключительно государственной, появились частные компании с финансовым и техническим потенциалом, способные самостоятельно вести космическую деятельность, в том числе осуществлять запуски космических аппаратов¹⁸.

Таким образом, в качестве субъектов международного сотрудничества в современном международном космическом праве выступают государства, международные межправительственные и неправительственные организации, которые принято считать основными субъектами сотрудничества в космической области, и частные лица¹⁹. Широкое участие частных лиц в международном сотрудничестве является еще одной особенностью принципа сотрудничества в космическом праве, которая сформировалась благодаря практике международного взаимодействия.

В 1997 г. Международная организация космической связи «Интерспутник» (далее — Интерспутник) совместно с компанией «Локхид Мартин Глобал Телекоммуникешнс» (Lockheed Martin Global Telecommunications — LMGT) — дочерней компанией американской корпорации «Локхид Мартин» (Lockheed Martin Corporation) создали совместное предприятие «Локхид Мартин Интерспутник»

¹⁶ Каменецкая Е. П. Сотрудничество государств в освоении космоса в рамках международных организаций (международно-правовые проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976. С. 18.

¹⁷ Walter E. The privatisation and commercialisation of outer space // C. Brünner, A. Soucek (eds). Outer space in society, politics and law. Studies in space policy. Vol. 8. European Space Policy Institute, Springer, Wien, New York, 2011. P. 491—494.

¹⁸ Pekkanen S. Governing the New Space Race // American Journal of International Law Unbound. 2019. Vol. 13. P. 92—97.

¹⁹ Доклад Рабочей группы по обзору международных механизмов сотрудничества в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях о работе, проведенной в соответствии с ее многолетним планом работы. A/AC.105/C.2/112. 2017.

(Lockheed Martin Intersputnik — LMI)²⁰. Данная кооперация стала первым опытом объединения международной межправительственной организации и транснациональной корпорации.

Европейское космическое агентство (ЕКА) также осуществляет сотрудничество с частными предприятиями, предоставляет им заказы и тендеры. Сегодня и в рамках ООН звучат призывы к участию в международной космической деятельности частного сектора путем внесения добровольных взносов в Целевой фонд для Программы ООН по использованию космического пространства в мирных целях²¹. Подчеркивается, что частный сектор может внести финансовый и технологический вклад в осуществление подобных программ.

США стали первой страной, где частный сектор обеспечивал мировое технологическое лидерство в космической отрасли. Это было следствием успешной реализации космической стратегии²². Начиная со второй половины XX в. США разрабатывало правовую базу для поддержки участия малого бизнеса в государственных проектах: банковские коммерческие кредиты подрядчику под гарантию государства (под будущее государственное финансирование); прямые займы «под заказ» со стороны ведомств — до 90 % стоимости работ; поэтапная оплата выполняемых по договору работ; авансовые выплаты по государственным контрактам; право на ускоренную амортизацию основных средств при выполнении правительственных заказов; налоговые льготы; право залога федерального контракта при получении долгосрочного беспроцентного кредита в банках Федеральной резервной системы²³.

Еще одним шагом в поддержку частного сектора стало создание США условий для конкуренции за предоставление услуг между государственным и частным секторами, уравнивание в правах государственных и частных предприятий. С принятием закона о преимущественной поддержке отечественных поставщиков продукции и услуг покупка иностранных товаров для государственных нужд могла осуществляться, только если необходимые товары в стране не производятся или цена национальных товаров необоснованно высока.

Важнейшим инструментом государственного стимулирования частного космического сектора США стало внедрение системы премий за научные достижения. В 1995 г. американская международная некоммерческая научно-образовательная организация «Нешнл Спейс Сосайети» (National Space Society — NSS) выступила с предложением стимулировать частные космические полеты на основе специальных премий. В космических исследованиях это привело к ряду технических достижений и стало переломной точкой в развитии частного космического бизнеса. Правительство США отказалось от монополии на запуски и поддержало

²⁰ Интерспутник сегодня // Корпоративный бюллетень международной организации космической связи «Интерспутник». 2019. № 19. С. 20.

²¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2019 г. A/RES/74/82 «Международное сотрудничество в использовании космического пространства в мирных целях».

²² Палеев Д. Н., Симонов М. П. Экономические механизмы вовлечения частного бизнеса в космическую деятельность // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 3. С. 166.

²³ Палеев Д. Н., Симонов М. П. Указ. соч. С. 167.

частную инициативу, государственная поддержка направлена на реализацию наиболее амбициозных планов частных компаний, на осуществление самостоятельных запусков.

Сопоставляя опыт США с ситуацией в России, можно выявить ряд существенных различий. Государственно-частное партнерство в космической сфере России рассматривается как вынужденная мера по снижению затрат при реализации государственного заказа предприятиями Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» (далее — Роскосмос). Приватизация предприятий лишила российские космические компании поставщиков элементной базы и сделала их зависимыми от зарубежных партнеров. Это ограничило доступ к передовым технологиям, и стоимость конечного изделия оказалась в зависимости от цен на импорт. Восстановление собственного производства нерентабельно по причине высоких накладных расходов в условиях мелкосерийного или единичного производства. В такой ситуации производство выгоднее отдать на условиях субподряда коммерческой фирме с хорошей репутацией.

Таким образом, современное государственно-частное партнерство в России ограничивается передачей в частные руки части производственной цепочки, т.е. решением узких производственных задач при максимальном сохранении монополии Роскосмоса. Отмечаются и другие проблемы, препятствующие вовлечению частных предприятий в российскую космическую отрасль, — несовершенство нормативно-правовой базы в части лицензирования, отсутствие космических объектов в сфере регулирования Закона о государственно-частном партнерстве в России²⁴. Все это тормозит развитие российского частного сектора в космической отрасли.

В мае 2020 г. человечество стало свидетелем первого в истории пилотируемого полета космического корабля «Кру Дрэгон» (Crew Dragon) частной американской компании «СпейсИкс» (SpaceX), который заставил мировое сообщество по-новому взглянуть на участие частного сектора в деятельности по освоению космического пространства²⁵. Впервые за 9 лет Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (National Aeronautics and Space Administration — NASA) отправляло своих космонавтов не на российском корабле «Союз», а на корабле американского производства. Этот запуск может изменить всю космическую индустрию — начиная с перспектив космического туризма и заканчивая перспективой SpaceX сменить Роскосмос на посту главного космического подрядчика.

Положительный опыт государственно-частного партнерства США заставил задуматься Россию о подобном сотрудничестве. Роскосмос уже сделал заявление о готовности сотрудничества с частными компаниями и поддержки частных инициатив, однако в государственной корпорации отметили, что подобное сотрудничество только планируется, поскольку компании находятся «в стадии становления».

²⁴ Эксперт объяснил, что нужно для привлечения «частников» в космос // Официальный сайт информационного агентства «РИА Новости». 2018. URL: <https://ria.ru/20180815/1526556780.html> (дата обращения: 06.09.2020).

²⁵ Запуск Crew Dragon: частная SpaceX вернула США в пилотируемый космос // Официальный сайт Международного информационного агентства «Россия сегодня». URL: <https://ria.ru/20200531/1572236441.html> (дата обращения: 20.10.2020).

В сентябре 2020 г. были сделаны первые шаги к вовлечению российского частного сектора в космическую деятельность, Роскосмос заключил соглашение с частной компанией «Многоразовые транспортные космические системы» (МТКС) для постройки многоразового транспортного космического корабля, который, как предполагается, сможет доставлять и возвращать грузы на Международную космическую станцию (МКС) вдвое дешевле, чем Crew Dragon. В стратегии развития Роскосмоса на период до 2030 года указывается, что для повышения эффективности использования МКС, с целью снижения затрат планируется внедрение принципов государственно-частного партнерства в вопросах коммерческого использования МКС и транспортной системы (создание оператора)²⁶.

В качестве наиболее крупных частных компаний в космической отрасли на сегодняшний день можно выделить следующие: российские компании ООО ИТЦ «СКАНЭКС», S7 Space, ООО «КосмоКурс», ООО «Лин Индастриал», ООО «НСТР Ракетные технологии», ООО «Спутникс», американские компании «Спейс Эксплорейшн Технолоджис Корпорейшн» (Space Exploration Technologies Corporation — SpaceX), «Орбитал Сайенсез Корпорейшн» (Orbital Sciences Corporation — OSC), «Верджин Галактик» (Virgin Galactic), «Блю Ориджин» (Blue Origin), Lockheed Martin Corporation, «Сьерра Невада Корпорейшн» (Sierra Nevada Corporation — SNC), французскую компанию «Арианспейс» (Arianespace), японскую компанию «Митсубиш Хеви Индастрис» (Mitsubishi Heavy Industries). В ближайшем будущем таких компаний должно стать больше.

Таким образом, в XIX в. можно с уверенностью говорить о частном секторе как о сравнительно новом, обладающем технологическим и финансовым потенциалом участнике международного космического сотрудничества, без которого развитие космической деятельности практически невозможно. Опыт США показывает положительную динамику в развитии космической индустрии при вовлечении частных компаний. Государственно-частное партнерство может стать решением проблем космической деятельности, в частности высокой стоимости запусков космических аппаратов и нехватки технологических ресурсов. На сегодняшний день частные компании имеют технологические и финансовые возможности для осуществления космической деятельности, значимым событием с этой позиции является первый в истории запуск пилотируемого космического корабля частной американской компанией SpaceX.

Сегодня международное сообщество осознает важность вклада частного сектора в освоение космоса, призывая частных лиц оказывать финансовую, техническую и иную поддержку для осуществления деятельности международных учреждений и программ в области исследования и использования космического пространства в мирных целях. Широкое вовлечение частного сектора в международное взаимодействие государств в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях является еще одной особенностью принципа сотрудничества в космическом праве.

²⁶ Стратегическое развитие Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» на период до 2025 года и перспективу до 2030 года // URL: https://www.roscosmos.ru/media/files/docs/2017/doklad_strategia.pdf (дата обращения: 20.10.2020).

Заключение

Проанализировав положения резолюций, международных договоров в области космического права, а также теоретические исследования, мы пришли к следующим выводам. Нормы международного права, в частности его основные принципы, распространяют свое действие на космическую деятельность. Принцип международного сотрудничества не является специальным принципом международного космического права, но имеет особенности в рамках данной отрасли, которые включают в себя осуществление международного сотрудничества в соответствии с положениями международного права, в том числе Устава ООН и Договора по космосу; на благо и в интересах всех государств с особым учетом потребностей развивающихся стран (в частности, на равных основаниях рассматривать просьбы других государств — участников Договора по космосу о предоставлении им возможности для наблюдения за полетом запускаемых этими государствами космических объектов и информировать международное сообщество о своей космической деятельности); на справедливой и взаимоприемлемой основе с использованием наиболее эффективных и надлежащих форм сотрудничества; в области исследования и использования космического пространства в мирных целях.

При исследовании практики взаимодействия субъектов международного сотрудничества обнаруживается еще одна особенность принципа международного сотрудничества — широкое участие частного сектора в международном взаимодействии. Сегодня частный сектор имеет возможность осуществлять космическую деятельность наравне с государствами, и международное сообщество осознает важность вклада частного сектора в освоение космоса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Верещетин В. С.* Международное сотрудничество в космосе : правовые вопросы / Ин-т государства и права АН СССР. — М. : Наука, 1977. — 264 с.
2. *Вышинский А. Я.* Вопросы международного права и международной политики. — М., 1949. — 504 с.
3. *Жуков Г. П., Абашидзе А. Х.* Международное космическое право : учебник для бакалавриата и магистратуры. — 2-е изд. — М. : Юрайт, 2019. — 527 с.
4. Интерспутник сегодня // Корпоративный бюллетень международной организации космической связи «Интерспутник». — 2019. — № 19. — 43 с.
5. *Казанский П. Е.* Учебник международного права, публичного и гражданского. — Одесса, 1902. — 532 с.
6. *Каменецкая Е. П.* Сотрудничество государств в освоении космоса в рамках международных организаций (международно-правовые проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1976. — 201 с.
7. *Колосов Ю. М.* Борьба за мирный космос. — 2-е изд., стер. — М. : Статут, 2014.
8. Космос: оружие, дипломатия, безопасность / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина ; Моск. центр Карнеги. — М. : РОССПЭН, 2009. — 174 с.

9. *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. — СПб., 1882. — Т. 1. — 443 с.
10. *Осницкая Г. А.* Применимы ли общие принципы и нормы международного права к деятельности государств по освоению космоса. Освоение космоса и международное право. — М. : Госюриздат, 1962.
11. *Палеев Д. Н., Симонов М. П.* Экономические механизмы вовлечения частного бизнеса в космическую деятельность // Проблемы экономики и юридической практики. — 2014. — № 3.
12. *Радько Т. Н.* Теория государства и права : учебник для бакалавров. — М. : Проспект, 2014. — 495 с.
13. Теория государства и права : учебник / С. С. Алексеев, С. И. Архипов [и др.] ; отв. ред. В. Д. Перевалов. — 4-е изд. — М. : Норма, 2011. — 496 с.
14. *Тункин Г. И.* Теория международного права. — М., 2000. — 416 с.
15. *Hobe S.* Chapter 5 Space Law as selfcontained regime or part of public international law (Article III OST)? Space Law. — Nomos Verlagsgesellschaft, Germany. 2019. — P. 51—57.
16. *Zhukov G., Kolosov Yu.* International Space Law / transl. by B. Belitzky. — 2nd ed. — М. : Statut, 2014. — 176 p.
17. *Masson-Zwaan T.* New States in Space. // American Journal of International Law Unbound. — 2019. — Vol. 113. — P. 98—102.
18. *Masson-Zwaan T., Hobe S.* The Law of Outer Space: An Experience in Contemporary Law-Making, by Manfred Lachs, Reissued on the occasion of the 50th anniversary of the International Institute of Space Law. — 2010. — 182 p.
19. *Pekkanen S.* Governing the New Space Race // American Journal of International Law Unbound. — 2019. — Vol. 13. — P. 92—97.
20. *Walter E.* The privatisation and commercialisation of outer space // C. Brünner, A. Soucek (eds.). Outer space in society, politics and law. — Studies in space policy. — Vol. 8. — European Space Policy Institute, Springer, Wien, New York, 2011. — P. 491—494.

ЮРИСТ-МЕЖДУНАРОДНИК: НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Извечная дилемма: форма и содержание (современная практика защиты диссертаций)

**Людмила Петровна
АНУФРИЕВА,**
профессор кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук

ЗАДУМЫВАЯСЬ НАД ДИССЕРТАЦИОННЫМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ И ИХ ЗАЩИТАМИ: ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ ОЦЕНКА «ПО ГАМБУРГСКОМУ СЧЕТУ»

L. P. ANUFRIEVA,
Professor of the Department of International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law)

THINKING ABOUT DISSERTATION RESEARCH AND THEIR DEFENSES: WHAT DETERMINES THE ASSESSMENT OF THE “HAMBURG SCORE”

В настоящее время при Московском государственном институте международных отношений (Университете) Министерства иностранных дел России действует диссертационный совет, который работает по «нетрадиционному формату» отбора, принятия к защите и публичной защиты диссертационных работ, который допускается в соответствии с Федеральным законом от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», Федеральным законом от 23.05.2016 № 148-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ “О науке и государственной научно-технической политике”», постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с Положением о присуждении ученых степеней), распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.08.2017 № 1792-р, Уставом МГИМО МИД России и иными локальными нормативными актами (см. приказ от 25.04.2019 № 444 в редакции приказа от 10.10.2019 № 999).

Иными словами, как и некоторые другие диссертационные советы, созданные при вузах (в частности, при Санкт-Петербургском государственном университете), данный совет апробирует иные, нежели предусмотренные ВАК, практику отбора, аттестации и критерии защиты диссертационных исследований, представляемых на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук.

Одно из таких рассмотрений научных работ на соискание ученой степени доктора юридических наук прошло 17.12.2020 по диссертации И. М. Лифшица.

Предлагаемый в настоящей статье обзор диссертации Ильи Михайловича Лифшица «Теоретические основы взаимодействия международного финансового права и права Европейского Союза», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук, имеет целью сообщить интересующейся аудитории наглядную информацию, касающуюся актуальности, новизны, уровня

качества, оценки достигнутых научных результатов и т.д. для формирования компаративного взгляда на реалии защиты и требования к диссертациям, отражаемые в отзывах, конструируемых по новым подходам и алгоритмам, в сравнении с «ортодоксальными».

Актуальность темы диссертационного исследования

Диссертация И. М. Лифшица посвящена одной из проблем современного международного права, которая в течение многих десятилетий находится в кругу внимания юридической науки, но и поныне не утрачивает современного звучания. Главный вопрос, сформулированный в наименовании работы, включает в себя множество различных аспектов, требующих не только всестороннего осмысления с содержательной точки зрения, но прежде всего определения существа соотношения сопоставляемых явлений: международного финансового права и права Европейского Союза — с позиций методологии исследования.

Традиционным аспектом взаимодействия в праве, подвергающимся рассмотрению в теории международного права, выступает вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права как двух самостоятельных систем права. В данном случае ракурс совершенно иной и гораздо более сложный. Речь идет, во-первых, о взаимодействии двух явлений внутри самого международного права, во-вторых, о взаимодействии неравноценных нормативных (и не только) образований: с одной стороны, подотрасли одной из отраслей международного права (международном финансовом праве — части международного экономического права), а с другой — особого («автономного», «специального» или «договорного», как именуют подобное явление в литературе) режима в рамках международного права, т.е. о праве интеграционного объединения (праве Европейского Союза).

Не приходится удивляться тому, что «корневая» проблема по отношению к проблеме, поставленной в диссертационном исследовании, — соотношения международного права вообще и права Европейского Союза как отдельного интеграционного объединения — в течение многих лет продолжает оставаться востребованной. Это происходит в силу того, что по мере развития интеграционных процессов имеет место нарастание обстоятельств, обуславливающих возникновение в действительности все новых проявлений той проблемы.

Однако в представленной диссертационной работе автор обратился к специфическому «срезу» общеправовой проблемы, а именно к взаимодействию двух неравнозначных частей международного права.

Достоверность и новизна результатов диссертации

Вышеназванный аспект обладает безусловной новизной. Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается общепринятой методологией научного поиска, широчайшим списком использованных (причем с отражением впрямую в тексте диссертации!) источников нормативного и доктринального характера, относящихся зачастую к зарубежным публикациям на иностранных языках.

В свете важности демонстрации новизны результатов исследования заслуживают особого внимания как подходы автора к композиции (структуре), а значит, и содержанию диссертации, так и положения, обеспечивающие нетрадиционный взгляд на международное взаимодействие систем международного и внутригосударственного права, а также слагающих его в той или иной мере отдельных подсистем. В рассматриваемой научной работе речь идет о дифференциации видов, уровней, предметов, целей, задач взаимодействия международного права в целом и его различных структурных формирований (отраслей и подотраслей), а также не подчиняющихся системным международно-правовым требованиям структур иного типа, каковым является право ЕС. В рамках данного подхода включаются в круг внимания, подвергаясь анализу, разнообразные по своей юридической и научной значимости проблемы соотношения международного финансового права и права ЕС.

В этом плане не со всеми выкладками и суждениями диссертанта в части, например, общей парадигмы соотношения права ЕС и международного права, можно согласиться, но авторское мнение сохраняет элементы новизны. Так, автор пишет: «Соотношение разных правовых режимов в международном праве, как известно, не является иерархическим, за исключением отношений, связанных с применением норм *jus cogens* и обязательств из Устава ООН» (с. 238).

Действительно, Устав ООН обязывает соблюдать определенные положения даже государства, не являющиеся членами ООН. ЕС и государства, входящие в его состав, не составляют исключения. Этот вывод, безусловно, заслуживает всецелого одобрения. Однако далее в работе указывается, что «в правопорядке ЕС устанавливаются собственные когентные нормы (прежде всего нормы о защите прав человека), которым такой статус придается исключительно институтами по отношению к нормам международного права».

Стоит подчеркнуть: в данном случае диссертант приближается к ряду насущных для теории международного права вопросов (критерии «когентности» норм *jus cogens*, «региональное *jus cogens*», соотношение «общих» (универсальных) норм международного права и, соответственно, «императивных норм общего международного права» и региональных императивных норм — *jus cogens* и т.д.), но не углубляется в них, что составляет немалое упущение с научной точки зрения. Думается также, что некоторые из процитированных диссертационных положений, в частности констатация того, что не право ЕС «проверяется» нормами международного права, в том числе *jus cogens*, а наоборот — международное право в общем порядке проходит «верификацию» на соответствие праву ЕС, не внушают доверия.

Между тем именно нормы Устава ООН расставляют здесь все точки над «i». Да и сама практика Суда ЕС едва ли не говорит об обратном. Так, в деле «Kadi v. Council and Commission»¹, которое, кстати, в деталях раскрывается в диссертационной работе, Суд первой инстанции Суда ЕС охарактеризовал *jus cogens* как «свод наивысших норм международного публичного права». И даже если практика названного судебного учреждения в упомянутой части не является устойчивой (в диссертации оправданно указывается и на это), то при всех про-

¹ Yassin Abdullah Kadi v. Council of the European Union and Commission of the European Communities [2005] ECR II-3649 (21 September 2005), para. 226.

чих условиях бóльшим весом обладает та соответствующая его правовая позиция, которая получила положительный отклик в международном масштабе. Как известно, вышеназванная квалификация поддержана КМП ООН, а также европейской доктриной².

Новаторским в целом нужно признать замысел построить в диссертационном исследовании типологию взаимодействия в рамках системы международного права, его подсистем, структурных частей и в определенной мере «выпадающих» из системы образований — права ЕС (а вместе с ним и иных сходных примеров «коммунитарного права»). Однако нельзя не оговориться, что данная попытка не лишена изъяна. Глава 2, посвященная типологии, перечисляет направления поиска и предмет исследования: модели взаимодействия — «международное и национальное», «международное и отрасли/подотрасли», «теоретическая модель взаимодействия международного права и права ЕС в контексте фрагментации международного права» (с. 136 и сл.).

В приведенном перечислении, как видно, нет типологии как таковой, т.е. ее понимания, обоснования и раскрытия содержания архетипа, четкого структурирования, особенностей отдельных видов (типов) взаимодействия друг к другу и т.д., в том числе развернутого теоретического представления связей / обратных связей между ними (иными словами, взаимодействия в полном смысле этого слова).

Бóльшую часть материала составляет практика Суда ЕС, аргументирующая примат права ЕС над национальным правом, «прямое применение» права ЕС в национальной системе государств-членов. В представленной «дидактической» форме перечисленные «модели взаимодействия» приносят «ослабляющий эффект» к указанной оригинальной постановке вопроса, так как их никак нельзя ставить в один ряд (это не однопорядковые вещи) ввиду того, что одни из них относятся к межсистемному взаимодействию, а другие — к структурному.

Соотношение международного права с его отраслями не может быть примером и тем более образцом для взаимодействия международного права и «договорного» или «специального/автономного» режима: в одном случае вертикаль, в другом — горизонталь. В свете этого представляется, что подход к связке «международное право — автономный договорный режим» должен быть иным.

Аспект же взаимосвязи международного права с правом ЕС через призму рассмотрения последнего в сопоставлении с так называемым «общеевропейским правом» и вовсе кажется антинаучным, так как географический критерий («европейское», «африканское», «азиатское» и т.д. право) мало пригоден как для оценки правообразования, так и для вычленения сущностных качеств соответствующих правовых систем и установления их характеристик. Однако диссертация исходит из подобных «вводных»: в европейском международном праве отражена концепция, согласно которой «право ЕС входит в совокупность

² См.: International Law Commission. Sixty-ninth session. Geneva, 1 May — 2 June and 3 July — 4 August 2017. Second report on *jus cogens* by Dire Tladi, Special Rapporteur. Doc. A/CN.4/706 ; *Conklin W.* The peremptory norms of the international community // *European Journal of International Law*. 2012. Vol. 23, No. 3.

европейских международно-правовых конструкций в качестве субрегионального института, но оно не может претендовать на роль общеевропейского» (с. 20).

Для современного мира характерными тенденциями в развитии международных отношений выступают регионализация правового регулирования различных областей общественной жизни и институционализация в ходе осуществления интеграционных процессов. Европейский Союз представляет собой пример международной организации интеграционного типа, члены которой наделили ее значительным объемом полномочий, в том числе в финансовой сфере. Так, в ЕС на сегодняшний день разработана собственная обширная система правовых актов, нормы которых призваны упорядочивать валютные, кредитные, бюджетные отношения, возникающие в связи с необходимостью поддержания равновесия платежных балансов, а также отношения по организации рынка оказания финансовых услуг в масштабе объединения и вне его контура.

Вступая в различные международные организации, призванные координировать действия государств и иных субъектов международного права в сфере финансов, и являясь в то же время стороной многих международных договоров, ЕС, будучи самостоятельным субъектом международного права, берет на себя обязательства следовать существующим в данной сфере международно-правовым нормам. Вместе с тем, поскольку ЕС принимает значительное количество собственных правовых актов (регламентов и директив), «право интеграционного образования» не может не учитывать и другие правила международного общения — «общее международное право».

Таким образом, неотъемлемым ракурсом взаимодействия как предмета исследования служат влияние международного финансового права на финансовое право ЕС, а также противоположный вектор влияния.

Российская Федерация, в свою очередь, является участником международной организации региональной экономической интеграции — Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в рамках которого предусматривается создание общего финансового рынка. Как и ЕС, ЕАЭС предстоит следовать международным правилам и стандартам в финансовой сфере. В свете этого представляется небесполезным при углублении интеграционных процессов в рамках ЕАЭС учитывать (несомненно, с критическим подходом) в том числе и опыт ЕС, возможно, наряду с опытом других интеграционных образований.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод о том, что тема исследования имеет большое практическое значение для всего массива международного публичного и частного права.

Достоинством диссертации, раскрывающим достоверность содержащихся в ней выкладок, вне всяких сомнений, является, как указывалось, солидная научная и нормативная база, особенно привлечение значительного объема материалов, демонстрирующих практику международных судебных учреждений в исследуемой сфере (более 120 актов, включающих более 100 решений Суда ЕС).

Отдельные замечания по концептуальной основе и содержанию исследования

1. Раздел 2.1 диссертации (с. 128 и сл.) — о принципах, их дифференциации, понятиях, видах и т.п. Категорически стоит возразить против присутствующего в диссертации отождествления (хотя и со ссылкой на КМП) «общих принципов права» и «общих принципов международного права» (которые, пожалуй, отсутствуют), а также против трактовки (и тоже со ссылкой на КМП) ст. 38 Статута Международного Суда ООН как «перечня источников международного права» (с. 63—67), что не раз составляло предмет российских публикаций ввиду расхождения с теорией и несоответствия действительности³.

2. Разработка понятий «система права» (с. 248 и сл.), «прямое действие международных договоров» и ряда других осуществлены без должного творческого осмысления и — главное — без критического взгляда в отношении используемых тезисов других юристов-международников. Так, приводя позиции разных авторов (Е. Т. Усенко, Д. И. Фельдмана, В. В. Гаврилова, С. Ю. Марочкина и др.) по вопросам компонентов и концептуальных представлений о «системе права» и «правовой системе», диссертант без колебаний в связи с вопросом о правовой системе Российской Федерации воспринимает такое мнение: «...в своей совокупности самоисполнимые нормы международного права, нормы права иностранных государств, способные выступать в качестве регуляторов общественных отношений в нашем государстве, и нормы национального права формируют не правовую систему Российской Федерации, но некую иную общность совершенно иного порядка, еще не известную теории нашего права» (Б. Н. Нефедов).

Здесь, конечно, имеет место смешение совершенно разных явлений.

Во-первых, речь идет об исполнении государствами своих международно-правовых обязательств, которые не могут поступить иначе, кроме как привести в соответствие с положениями договоров свое внутреннее законодательство (и даже в отдельных случаях правопорядок в целом); вследствие этого вести речь необходимо о положениях не только «самоисполнимых» международных соглашений, а обо всех международных договорах, участником которых является данное государство. В вышеупомянутую «некую иную общность совершенно иного порядка» нужно добавить и принципы (основные принципы), принятые международным сообществом и ставшие для него «общепризнанными», а также и иные «императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)».

Во-вторых, «компонент» «самоисполнимых соглашений» требует разъяснений: идея акцента лишь на них в целом понятна — здесь имплицитно содержится намек на такую трактовку «самоисполнимости», которая состоит в том, что они будто бы «автоматически» включаются в правовую систему государства (раз не нужно издавать специального национально-правового акта) и «напрямую» начи-

³ Один из эпизодов обсуждения данного вопроса с видением надлежащего решения см.: Ануфриева Л. П. Понятие «источник права» в международно-правовой науке: догма «классики» и современная доктрина // Современное международное право: теория и практика. = Contemporary international law: theory and practice. Liber Amicorum в честь профессора С. В. Черниченко / под ред. Б. М. Ашавского. М. : Оригинал-макет, 2015.

нают действовать, как бы минуя его. Однако это вовсе не так — никакого «автоматизма» во введении подобного рода соглашений во внутригосударственную сферу конкретного государства по-прежнему не существует без соответствующей воли последнего. Как и чем она может быть опосредствована — вопрос другой, но ни одно государство в мире никакое «самоисполнимое» соглашение не оставляет без своей реакции (которая может быть выражена вовне хоть простым его опубликованием, но это будет реализацией воли государства и формой введения акта во внутригосударственную сферу), а следовательно, «самоисполнимость» в известной мере — лишь наименование, причем условное.

Наконец, третье слагаемое, внушающее мысль о «неопознанности объекта», — это нормы иностранного права. Применение норм права иностранного государства в современных условиях — дело обычное. Такое применение обеспечивается в области международно-частноправового регулирования посредством действия коллизионных норм или особых институтов (автономии воли сторон) и общих начал (принципов) МЧП, установленных в национальном правопорядке отдельного государства либо в международном договоре. А в итоге — в любом случае с согласия государства. Иным путем регуляторы общественных отношений в состав права, применимого в пределах власти того или иного суверена, «залететь» не могут. Следовательно, присутствие в рамках правопорядка Российской Федерации либо любого другого государства всех компонентов объективно и субъективно определено и никакой «неизвестности» не составляет.

3. В свете этого принятие «на веру» диссертантом вышеизложенных положений (с. 248—249) вызывает возражение: «Следуя этим верным подходам, обозначим, что... широкое понимание “правовой системы” требует включения в состав правовой системы ЕС, помимо права ЕС, таких элементов, как источники права ЕС, институтов и органов ЕС, а также правоотношений и правовой идеологии...». В последнем пассаже слышится не только рефрен высказываний С. Ю. Марочкина и концепций В. В. Гаврилова, категорически отвергнутых в отечественной юридической литературе по причине несоответствия пониманию теоретиками сущности права, но и их почти буквальное воспроизведение диссертантом уже на материале «конструирования» понятия правовой системы ЕС (с. 243—244).

4. В работе автором предлагается дефиниция (с. 72) международного финансового права (МФП), которая устанавливает объект (именуемый «предметом») правового регулирования и выявляет специфику его источников. В частности, автор использует гомогенный подход к определению природы международного финансового права как неотъемлемой части системы международного права как такового, отводя ему место подотрасли международного экономического права.

Несмотря на существование различных концепций и подходов в теоретическом обосновании характера международного финансового права в силу того, что термин «международный» обладает многозначностью, автор исходит из необходимости прежде всего дифференцировать встречающиеся в действительности различные по своей природе виды международных общественных финансовых отношений. Именно это и составило основу его представлений о существе МФП.

Основные авторские тезисы не вызывают возражений. В частности, спора нет: видовой ряд общественных отношений в международной финансовой сфере, конечно, шире, нежели взаимоотношения лишь государств и иных субъектов международного публичного права между собой. Она должна учитывать и особую разновидность международных отношений — «диагональные» (т.е. отношения между государствами или международными межправительственными организациями, с одной стороны, и физическими и юридическими лицами — с другой), а также и «обычные» частные отношения — те, которые складываются между частноправовыми субъектами.

Диссертант для отграничения «публично-правовых» («междувластных отношений») от частноправовых отношений предлагает вслед за другими представителями науки именовать последние «трансграничными», чему вряд ли можно следовать ввиду слишком большой неточности и условности предлагаемого обозначения («трансграничность» в строгом значении слова далеко не всегда присутствует в таких отношениях).

Но речь о другом: применительно к «диагональным отношениям» налицо явная коллизия: объектом воздействия норм МФП выступают межгосударственные («междувластные») отношения, а указанная вторая группа общественных отношений, входя в международную (в широком смысле) финансовую сферу, не обладает указанным признаком — «междувластностью». Диссертант говорит: частноправовые отношения не могут быть оторваны от той среды, которая создается действиями государств, как односторонне (во внутригосударственной сфере), так и вовне — в международно-правовом масштабе, не обладая коренными качествами, пригодными для объекта регулирования международного финансового права.

Примечательно, что автор останавливается именно на данном объяснении: «не могут быть оторваны»... Вместе с тем «корень» в другом: все дело в том, что диагональные отношения — это то, по поводу чего нередко возникают «междувластные» отношения, подпадающие под действие норм публичного права, и регулируются международным правом в целом и международным финансовым правом в частности. Диагональные финансовые отношения лежат в каждом отдельном случае во власти соответствующего государства и должны регламентироваться им.

Но если имеется международный договор, касающийся каких-либо правил поведения в связи с диагональными отношениями, государство-участник такого договора не может не имплементировать в своей внутригосударственной сфере его положения в целях их применения к подлежащим случаям, выполнив тем самым свое международно-правовое обязательство. В результате объект регулирования МФП не «переродился», оставаясь таким же, но «неотрывность» оказалась ни при чем, природа же международного права и логика аргументации сохранены.

5. Есть некоторые теоретические заблуждения разного уровня значимости. Так, касаясь путей и механизмов взаимодействия, автор пишет: «Можно рассматривать взаимодействие *по источникам международного права* и права ЕС: договор — договор, обычай — обычай, принцип — принцип» (с. 128). В этом плане прежде всего «принципы» приравнены к «источникам права», и это неверно — принципы тоже нормы и источником самих себя в формально-юридическом от-

ношении быть не могут. Помимо же этого, порою вовсе нет адекватности и симметрии в способах, инструментах и средствах взаимодействия — обычай может оказать влияние на закон, а акт международной организации — и на договор, и на внутренний акт государств и т.д.

6. В диссертации подчеркивается, что в настоящее время в ЕС сформирован большой массив правовых актов в сфере финансов, учреждены специальные органы, которые наделены полномочиями по осуществлению регулирования финансовых отношений в рамках ЕС, в силу чего, с авторской точки зрения, возможно говорить о существовании особой отрасли права ЕС — «финансового права ЕС» (с. 92—108 и сл.). В данном отношении некоторые теоретические тонкости анализа проблем, обусловленные различными векторами юридического взаимодействия между системами и менее крупными образованиями (структурными подразделениями), которые объективно имеются в этом плане в связи со структуризацией права, системо- и отраслеобразованием, наличием отдельных групп и «разрядов» норм, «выпали» из круга внимания автора.

Помимо этого, в параграфе 2.6 второй главы (с. 236 и сл.) автор квалифицирует право ЕС в качестве «правовой системы». Аксиоматично, что в мире существуют международное право как система, а также национальные правовые системы государств, образуя систему внутригосударственного права. Право ЕС основано на международном договоре, а потому является лишь примером специального режима, покоящегося на договорном фундаменте, в рамках системы международного права. Если автор исходит из якобы существования права ЕС в качестве так называемой «третьей системы», то подобное утверждение требует тщательного разбора и убедительных аргументов.

7. Замечания частного характера: во введении диссертации поставлены задачи «установить способы формирования норм международного финансового права (МФП) под влиянием органов и институтов ЕС» — хотелось бы знать конкретно, каковы они. Отдельной задачей выступает и определение предметов МФП и финансового права ЕС (с. 11), реализации чего отведено место на С. 92—117. Однако констатация, присутствующая на с. 94, буквально свидетельствует о том, что предметы вышеуказанных сфер права совпадают: «Предметом международного финансового права являются, как было обозначено в первом параграфе настоящей главы, отношения между государствами, международными межправительственными организациями (ММПО), межгосударственными объединениями, а также иными субъектами международного права в следующих сферах: 1) бюджет, валютные отношения, денежно-кредитное регулирование, платежи; 2) кредитные, долговые отношения; 3) налоги; 4) финансовые услуги (банки, страхование, ценные бумаги); 5) инфраструктура финансового рынка (финансовая отчетность и аудит, противодействие отмыванию преступных доходов). Полагаем, что общественные отношения в тех же сферах регулирования (бюджет, налоги, финансовые услуги и т.д.) составляют и предмет финансового права ЕС». Отсюда вытекает и главный вопрос: если общественные отношения, составляющие предмет регулирования, совпадают, то за счет чего же расходятся способы формирования норм? По логике понимания права, они тоже не должны разниться, но уяснение последнего автор ставит как отдельную задачу?

Заключение

Анализ диссертационного исследования позволяет сделать вывод о том, что разработанные теоретические положения являются личным вкладом автора в развитие международно-правовой науки. Диссертация характеризуется внутренним единством, содержит новые научные положения, свидетельствующие о результативности исследования диссертантом проблем международного права и права Европейского Союза.

С учетом изложенного можно заключить, что представленная диссертация «Теоретические основы взаимодействия международного финансового права и права Европейского Союза» соответствует общепринятым требованиям к диссертациям на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.10 — «Международное право; Европейское право».

Таким образом, в данном случае можно сделать вывод о том, что на качество диссертационного исследования не влияет формат диссертационного совета на этапе допуска к защите.

Профессия:
юрист-международник

**Ярослав Сергеевич
КОЖЕУРОВ,**

доцент кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
jskozheurov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

**ЮРИСТЫ-МЕЖДУНАРОДНИКИ
КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО**

Аннотация. Несмотря на то, что юристы-международники представляют самые разные страны с разными культурами и правовыми традициями, с разным уровнем экономического развития и политическими целями, можно говорить о существовании единого уникального профессионального сообщества («невидимой коллегии, посвященной общему интеллектуальному предприятию», по словам О. Шахтера), которое говорит на одном языке — языке международного права.

В международных отношениях в отсутствие высшей (надгосударственной) власти юристы подчас становятся единственными, кто «цивилизирует» защиту национальных интересов, что обуславливает специфические этические проблемы в работе юриста-международника, которые рассматриваются на примере работы юриста во внешнеполитических ведомствах, в международных организациях и в международных судах. В статье обосновывается мысль о том, что юристы-международники в силу огромного творческого потенциала их работы являются, по сути, «архитекторами» международного права и той системы, в которой оно существует.

Ключевые слова: юридическая профессия, Организация Объединенных Наций, международная гражданская служба.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.76.12.182-196

Ya. S. KOZHEUROV,

Associate Professor of the Department of International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
jskozheurov@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

**INTERNATIONAL LAWYERS
AS A PROFESSIONAL COMMUNITY**

Abstract. Even though international lawyers represent a variety of countries with different cultures and legal traditions, with different levels of economic development and political goals, they constitute a unique professional community ("a kind of invisible college dedicated to a common intellectual enter-

prise", according to O. Schachter) speaking one language — the language of international law.

In international relations, in the absence of a higher (supranational) authority, lawyers sometimes become the only ones who "civilize" the protection of national interests, according to M. Koskenniemi; it causes specific ethical professional problems, which are considered on the example of the work of a lawyer in foreign policy departments, in international organizations and in international courts.

The article substantiates the idea that international lawyers, due to the huge creative potential of their profession, are, in fact, the "architects" of international law and the system in which it exists.

Keywords: legal profession, United Nations, international civil service.

Введение

По словам всемирно известного юриста Оскара Шахтера, члена Института международного права, редактора «Американского журнала международного права», бывшего президента Американского общества международного права, среди юристов-международников существует чувство общности в стремлении продвигать международное право, несмотря на различия между правительством и учеными-юристами, а также на трудности, присущие любым предложениям об объективности права: «Это профессиональное сообщество, хотя и рассеянное по всему миру и занимающееся различными видами деятельности, представляет собой своего рода *невидимую коллегию*, посвященную общему интеллектуальному предприятию. Как и в случае с другими дисциплинами, ее члены вовлечены в непрерывный процесс общения и сотрудничества. Свидетельства этого процесса можно найти в журналах и ежегодниках международного права, в транснациональном движении профессоров и студентов, а также в многочисленных конференциях, семинарах и коллоквиумах, проводимых во всех частях земного шара. Но это общение ни в коем случае не ограничивается областью науки. Ибо международные органы и конференции официального характера в основном состоят из юристов, которые являются частью активного профессионального сообщества и поддерживают интеллектуальный контакт с научной стороной своей профессии. Невидимая коллегия, таким образом, распространяется в сферу государственного управления, что приводит к мирному проникновению идей из неправительственных в официальные каналы»¹.

Особенности работы юриста международника

Как бы пафосно это ни прозвучало, но «клиентом» юриста-международника являются не только отдельные государства или их объединения. В конечном счете

¹ Schachter O. Invisible College of International Lawyers // Northwestern University Law Review. 1977. Vol. 72. No. 2. P. 217.

«клиентом» является международное сообщество в целом. Главная функция международного права — гармонизация, уравнивание, учет и обеспечение правильного баланса интересов различных субъектов международных отношений. Например, частный адвокат обязан наилучшим образом защищать интересы своего клиента и в общем-то не обязан заботиться об интересах других лиц. Однако если он зайдет слишком далеко, его «поправит» государство как верховный судья, который обеспечивает состязательность, здоровую конкуренцию, равенство прав и возможностей, баланс разнонаправленных интересов.

В международных отношениях в отсутствие высшей (надгосударственной) власти юристы подчас становятся единственными, кто «цивилизирует» защиту национальных интересов, действуя по принципу: «Что хорошо для международного сообщества, не может быть плохо и для моей страны». Это обуславливает особые этические сложности в работе юриста-международника.

Будучи зачастую плодом мучительного компромисса, международное право содержит огромное количество весьма абстрактных норм, умышленных или объективных пробелов. Чтобы достичь главной цели — договориться, государства подчас используют максимально расплывчатые формулировки, оставляя их конкретизацию на потом. В этой ситуации юристу-международнику нельзя оставаться просто ведомым, терпеливо ожидая от правотворца дополнений и разъяснений, ему, чтобы решать практические проблемы, приходится брать инициативу на себя, быть творческим, проявлять активизм.

Отсюда — огромное значение судебной практики и научной доктрины, и юрист обязан не только хорошо ориентироваться в ней, но и вносить вклад в ее развитие. Юрист-международник — творческая профессия. Доцент Университета Окленда (Новая Зеландия) Треаза Дунворт верно подметила, что «как юристы-международники мы не являемся нейтральными наблюдателями международных отношений, скорее, мы — архитекторы права и системы, в которой мы живем, и поэтому несем за это ответственность»².

В мире существует несколько правовых семей, главными из которых являются система общего права (англосаксонская) и континентальная (романо-германская). Международное право, будучи общей для всех государств системой права, представляет собой своеобразный «плавильный котел» англосаксонских и континентальных правовых традиций, впитывая наиболее характерные черты каждой из них. Это обуславливает особенности образования юристов-международников.

Характерной чертой современного международного права является его быстро развивающийся характер. Сегодня принято говорить о так называемой «фрагментации»³ международного права, усложнении его структуры, появлении все новых отраслей и институтов. Если еще три-четыре десятилетия назад международное право касалось в основном вопросов войны и мира, обеспечения безопасности, официальных внешних сношений, установления границ и т.д., то

² Dunworth T. The Legal Adviser in International Organizations: Technician or Guardian // Alberta Law Review. 2009. 46:4. P. 874.

³ Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права : Доклад Исследовательской группы Комиссии международного права ООН. Док. ООН A/CN.4/L.682. 13.04.2006.

сегодня это целая «вселенная», где каждый может найти свое призвание: это и торговое право, и международное уголовное право, и международная защита прав человека, и морское, воздушное и космическое право, и научно-техническое сотрудничество, и многое, многое другое. Сегодня юрист-международник — это не «специалист широкого профиля», а юрист, специализирующийся в какой-либо области международного права.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить следующие основные направления «приложения сил и талантов» юриста в сфере международного (публичного) права:

- 1) государственная служба;
- 2) работа юриста в международных организациях, которую можно подразделить на работу в правовых департаментах международной организации и работу юриста в международных судах и арбитражах.

Юрист-международник на государственной службе

Структура, полномочия и даже наименования ведомств, где может служить государству юрист-международник, имеют заметные отличия в разных странах. Например, в США внешнеполитическое ведомство называется Государственный департамент, в Великобритании — Офис по международным делам и делам Содружества (Форин-офис), однако в большинстве стран, в том числе и в России, это — Министерство иностранных дел (МИД).

В структурах этих ведомств одну из ключевых *ролей* играют юридические советники (юрисконсульты, legal advisers), которые, с одной стороны, призваны обеспечить соблюдение норм международного права при выработке политики государства и перед принятием решений, с другой — выступать адвокатами позиции государства тогда, когда решение уже принято⁴: «Нет никаких сомнений в том, что они должны обладать лидерскими качествами, хорошими управленческими навыками, быстрым умом, способностью чувствовать реальность, юридическим воображением, практическим опытом и связью с академической наукой»⁵.

Основными и взаимосвязанными функциями юристов-международников во внешнеполитическом ведомстве являются:

- консультирование правительства по вопросам международного права;
- представление правительства на переговорах, конференциях, в деятельности международных организаций, участие от имени государства в выработке текстов международных договоров, систематизации обычных норм международного права (кодификации), подготовке решений международных организаций;
- представление интересов государства и ведение дел по рассмотрению международных споров, в том числе в международных судах и арбитражах.

⁴ Wood M. Legal Advisers // Max Planck Encyclopedia of Public International Law [MPEPIL]. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1064?rskey=qeUc0e&result=1&prd=MPIL>.

⁵ The Role of Legal Advisers in International Law / ed. by A. Zidar and J.-P. Gauci. Leiden-London : Brill-BIICL, 2016. P. 3.

Отношение власти к юристам-международникам хорошо характеризует знаменитое высказывание Энтони Идена, главы Форин-офиса (трижды), премьер-министра Великобритании (1955—1957), во время Суэцкого кризиса: «Фитц⁶ — последний человек, с которым я хотел бы советоваться. Юристы всегда против, чтобы мы ни делали. Ради Бога, держите их подальше от этого. Это политическое дело»⁷.

Тем не менее, по словам Ричарда Бильдера, «право должно, по крайней мере, говорить с властью, даже если власть не всегда стремится придать ему определяющий вес»⁸.

Франклин Берман, ведущий британский адвокат, бывший юридический советник Форин-офиса, утверждал, что «главная роль правительственного юрисконсульта состоит в том, чтобы “заставить” свое правительство соблюдать нормы международного права. Надо, конечно, поставить слово “заставить” в кавычки. Действительно, тяжело представить, чтобы правительственный юрисконсульт был в состоянии заставить правительство, которому он служит, действовать тем или иным образом. Но точно так же не может быть пределом роли “советника” просто определить, что говорит закон, объяснить его в меру своих возможностей своему клиенту и оставить все как есть. <...> Следует полагать, что необходимой частью этой роли является то, что советник по международному праву должен использовать свой дар объяснения и убеждения, чтобы привести тех, на ком лежит право принятия решений, к правильному результату»⁹.

Знаменитый финский юрист-международник, бывший член Комиссии международного права ООН и бывший глава правового департамента МИД Финляндии Мартти Коскенниemi писал: «Для юрисконсульта работа на правительство — это форма приверженности международному праву, которое является для него скорее (дипломатическим) процессом, чем каким-либо набором материальных норм или аксиом о мировом порядке, справедливости или правах человека. Консультируя правительство, юрисконсульт часто видит себя “хранителем и выразителем международного права для министерства иностранных дел” или “мягким цивилизатором” национальных интересов»¹⁰.

Юристы-международники на государственной службе «балансируют между двумя основными функциями: консультировать своих клиентов и быть “совестью” в своей рабочей среде. Обе функции связаны с добросовестностью юрисконсульта. Они должны предоставлять консультации самого высокого качества,

⁶ Сэр Джеральд Фитцморис, в то время юрисконсульт Форин-офиса, в дальнейшем — судья Международного Суда ООН и Европейского Суда по правам человека.

⁷ Цит по: *Dunworth T.* Op. cit. P. 883. Footnote 101.

⁸ *Bilder R.* On Being an International Lawyer // *Loyola University Chicago International Law Review*. Vol. 3. No. 2. Spring/Summer 2006. P. 142.

⁹ *Berman F. D.* The Role of the International Lawyer in the Making of Foreign Policy // *The International Lawyer as Practitioner* / ed. by C. Wickremasinghe. London, 2000. P. 4.

¹⁰ *Koskeniemi M.* Between Commitment and Cynicism : Outline for a Theory of International Law as Practice // *Collection of Essays by Legal Advisers of States, Legal Advisers of International Organizations and Practitioners in the Field of International Law*. New York : United Nations, 1999. P. 517.

включая четкое указание того, что не допускается международным правом. Только человек, который следует этическим предписаниям профессии, может быть по-настоящему авторитетным юрисконсультантом»¹¹.

Основная трудность работы советника, по мнению Мартти Коскенниemi, заключается в том, чтобы «не поддаваться искушению угодить министру. Такое упрямство иногда рассматривается с точки зрения коллег-политиков как типичный формализм и узость взглядов советника (“поиск трудностей для каждого решения”) — отношение, которое советник готов принять (“героически”) как необходимое зло работы и которому советник может противопоставить отношение к коллеге-политику как к совершенно поверхностному искателю быстрого удовольствия»¹².

Такое «раздвоение» отчетливо проявляется в оценках роли и предназначения юриста-международника на государственной службе. С одной стороны, Филип Эллотт, профессор Кембриджа, бывший юридический советник Форин-офиса, отмечает: «Международные юристы — это служащие не правительств, а международного общества. Как адвокаты они являются слугами не власти, а справедливости. Таким образом, международные юристы, даже юристы, нанятые правительствами, обязаны рассматривать не только то, что отвечает интересам того или иного государства, но и то, что отвечает долгосрочным интересам международного общества»¹³.

Ему вторит американский юрист-международник Ричард Бильдер: «Государственные адвокаты, занимающиеся вопросами международного права, несут особую ответственность, выходящую за рамки обязанностей частных адвокатов... На практике вероятность беспристрастного рассмотрения рекомендаций государственных юристов по вопросам международного права невелика. Следовательно, на них лежит особая обязанность формулировать такие мнения тщательно, честно и добросовестно. Это означает, в частности, что существуют пределы для юридических аргументов, которые государственные юристы могут этически предложить. Там, где правительственные юристы выходят за рамки честной и ответственной аргументации, действуя исключительно как апологеты или “наемные убийцы”... они предают не только свои обязанности, но и свое призвание»¹⁴.

С другой стороны, верно подмечаются и неизбежные профессиональные деформации юриста-международника. Томас Франк, один из самых известных американских юристов, ученый, по его собственному признанию ни дня не работавший на правительство, так со слов своих друзей-«инсайдеров» описывает культурные нормы юриста внешнеполитического ведомства:

1. От юриста ожидают, что он не будет давать советы, если его специально не попросят.

2. Когда юриста спрашивают о совете, он должен сначала выяснить, какой совет на самом деле хочет получить министр.

¹¹ The Role of Legal Advisers in International Law... P. 4.

¹² Koskenniemi M. Op. cit. P. 517.

¹³ Allott P. State Responsibility and the Unmaking of International Law // Harvard International Law Journal. 1988. 29. P. 24.

¹⁴ Bilder R. Op. cit. P. 145.

3. Давая советы, юрист должен стремиться, насколько это возможно, продемонстрировать неоспоримую законность того, что министр желает сделать. С юристом консультируются не о том, *что* делать, а о том, *как* это сделать с правдоподобным юридическим прикрытием.

4. Если юрист считает, что то, что хочет сделать министр, является незаконным, то в его рекомендациях должно быть указано, как законно можно достичь той же цели, изменив риторику, а не политику. Ни один юрист министерства иностранных дел не должен говорить министру, что он не может законно сделать то, что вот-вот будет сделано.

5. Если юрист все же решит дать совет, который не полностью соответствует политическим предпочтениям министра, то ни в коем случае этот совет не должен быть дан в письменной форме.

6. Для юриста министерства иностранных дел уверенность является важным инструментом ремесла. Чем более сомнительно выдвигаемое правовое суждение, тем более решительно оно должно быть сформулировано.

7. Задача юриста министерства состоит в том, чтобы сформулировать юридическое обоснование, которое является правдоподобным, а не обязательно убедительным.

По мнению Томаса Франка, «для стороннего наблюдателя это создает впечатление (вероятно, ошибочное, но редко опровергаемое), что юристы министерства иностранных дел готовы сказать почти все, чтобы оправдать юридически неоправдываемое»¹⁵.

Пытаясь определить «золотую середину» между двумя крайними взглядами на профессию правительственного юриста-международника, между, как он называет, «приверженностью международному праву» и «профессиональным цинизмом», М. Коскенниemi пишет: «Позиция советника колеблется между самоотверженностью и цинизмом в зависимости от того, рассматривается ли оправдание правительственных позиций изнутри через риторику процесса, “мягкого цивилизаторства” и предельной гармонии интересов между правительственными (реальными) интересами и интересами международного сообщества, или извне как рабское подчинение прихотям национальных лидеров, недалёковидное стремление к любым выгодам, которые могут появиться, дипломатический карьеризм, стремящийся к тем привилегиям, с которыми дипломатия обычно ассоциируется, или узкое и “легалистическое” препятствие гладкому политическому процессу»¹⁶.

Работа юриста в международных организациях

На сегодняшний день в мире существует более 600 международных межправительственных организаций. Служащие международных организаций, весь их управленческий и административный персонал являются не национальными, а *международными гражданскими служащими*, в своей работе они подчиняются только самой организации, и не связаны инструкциями государства своего гра-

¹⁵ Franck T. An Outsider Looks at the Foreign Office Culture // Wisconsin International Law Journal. 2005. Vol. 23. No. 1. P. 4—5, 9.

¹⁶ Franck T. Op. cit. P. 518.

жданства. Они также пользуются иммунитетами и привилегиями от юрисдикции государства, где расположена штаб-квартира организации.

Положения юридических служб внутри организации, их функционал и направления деятельности очень сильно различаются в зависимости от типа, охвата, области деятельности и бюджета конкретной организации. В самом общем виде их можно свести к двум основным направлениям.

Во-первых, это юридическое сопровождение деятельности организации как таковой (*in-house lawyer*). Сюда входит самый широкий круг вопросов — от международного права до частного права принимающего государства, связанных с функционированием организации, например:

- юридическое консультирование должностных лиц организации (в некоторых случаях — национальных делегаций);
- участие в подготовке решений управляющих органов организации;
- дача заключений по вопросам толкования учредительных актов организации и решений ее органов;
- формулирование официальной позиции организации по всем юридическим вопросам, входящим в ее компетенцию;
- представление организации в ходе рассмотрения споров с ее участием, например трудовых споров с сотрудниками;
- решение правовых вопросов, возникающих в отношениях с принимающим государством (закупки, освобождение от налогов, аренда зданий, иммунитеты и привилегии и пр.).

Во-вторых, будучи форумом для сотрудничества государств, многие международные организации создавались как площадка для выработки проектов международных договоров и соглашений, различных деклараций, рекомендаций и иных актов, развивающих и (или) систематизирующих международное право в соответствующей области. Большая часть этой работы, которая носит аналитический, исследовательский, нормотворческий характер, ложится на юристов организации, которые, в частности:

- изучают и систематизируют практику государств, судебные прецеденты и доктрину международного права;
- участвуют в подготовке проектов различных международно-правовых актов (договоров, соглашений, рекомендаций, деклараций и пр.), а также комментариев к ним;
- участвуют в подготовке иных документов юридического и справочного характера (ежегодников, подборок, обзоров и пр.).

Очень ярко роль юристов международной организации описал бывший юрисконсульт, а затем и генеральный директор МОТ Уилфред Дженкс: «Юристы международных организаций, если они научатся сочетать дальновидность и изобретательность с тактичностью и рассудительностью и приобретут практическую мудрость, на уровне инстинкта различая время смелости и время терпения, имеют возможность внести значительный вклад в конструктивное развитие права в жизненно важных областях»¹⁷.

¹⁷ Jenks C. W. Craftsmanship in International Law // American Journal of International Law. 1956. Vol. 50. P. 50—51.

Как отмечал бывший помощник Генерального секретаря ООН по правовым вопросам Ральф Заклин, «работа юрисконсульта в повседневной деятельности организации играет важную роль в развитии международного права. Каждая консультация, заключение, меморандум или краткое сообщение способствуют формированию культуры уважения к праву в секретариате организации и среди государств-членов, и накопление такой правовой активности на протяжении многих лет, несомненно, во многом способствовало повышению места и роли международного права в международных отношениях»¹⁸.

Однако такая роль во многом обуславливает наличие сходных этических проблем, что и у юристов-международников на государственной службе. Как совместить служение организации с тем, что она создана для удовлетворения потребностей государств? Это своеобразное «раздвоение» красочно описал Джеральд Фитцморис, характеризуя особенности работы юриста международной организации: «Это подобная двуликому Янусу или даже подобная Гидре природа “клиента” юрисконсульта организации. В некотором смысле советник служит двум или более начальникам, чьи интересы теоретически идентичны, но чьи позиции могут значительно расходиться. С одной стороны, он непосредственно служит и несет ответственность перед своей организацией как таковой в лице ее генерального секретаря как своего непосредственного руководителя. С другой стороны, он также, если так можно выразиться, на втором уровне, служит государствам — членам организации и их делегатам, которым он может быть обязан давать рекомендации непосредственно, и не все из них могут выступать с одинаковых позиций»¹⁹.

Вот какое решение этой дилеммы предлагает бывший почти 20 лет главой юридической службы Международного союза электросвязи Альфонс Нолл: «Хотя я работал в непосредственном подчинении Генерального секретаря и под его контролем, я никогда не был и не буду «рупором начальства», так как я консультировал Генерального секретаря и его коллег, директоров бюро и других по мере всех своих способностей и в соответствии с моими собственными профессиональными убеждениями и этическими стандартами, а не в соответствии с указаниями относительно содержания запрошенных рекомендаций, поэтому мои советы всегда сохраняли свое качество независимого юридического экспертного мнения. Эта независимость, по моему мнению, одно из самых важных условий работы и тот капитал, который каждый юридический советник межправительственной организации должен не только лелеять, но и тщательно следить за тем, чтобы его не потерять»²⁰.

¹⁸ *Zacklin R.* The Role of the International Lawyer in the Making of Foreign Policy // *The International Lawyer as Practitioner* / ed. by C. Wickremasinghe. London, 2000. P. 64.

¹⁹ *Fitzmaurice G.* Legal Advisers and International Organizations // *American Journal of International Law*. 1968. Vol. 62. P. 116.

²⁰ *Noll A.* The Role of the Legal Adviser of an Intergovernmental Organization // *Collection of Essays by Legal Advisers of States, Legal Advisers of International Organizations and Practitioners in the Field of International Law*. New York : United Nations, 1999. P. 291.

Работа юриста в международных судах

Международный суд — это созданный на основе договора между государствами судебный орган, рассматривающий международные споры на основе норм международного права. Сегодня в мире таких судов около трех десятков. Количественно больше всего судов создано в рамках региональных организаций экономической интеграции (например, Суд Европейского Союза или Суд Евразийского экономического союза). В Европе, Латинской Америке и Африке созданы суды по правам человека. Существуют суды, рассматривающие споры между государствами в специальных областях права — Орган по разрешению споров ВТО или Международный трибунал по морскому праву. Наконец, самым авторитетным (но не «главным», поскольку у международных судов нет какой-либо иерархии и даже системы) считается Международный Суд ООН (далее — МС ООН), который может рассматривать любые споры между государствами (при наличии их согласия на это, что является отличительной чертой всех международных судов).

Работа юриста в международном суде будет сильно различаться в зависимости от того, находится ли он «*внутри*» суда (судьи, юристы секретариата — юридические референты, помощники судей, аналитики и др.), либо он работает с судом «*снаружи*» — в качестве представителя сторон по спору или как юрист, использующий судебную практику международных судов на национальном уровне.

Работа судьей международного суда — это, как правило, вершина карьеры юриста-международника. Чаще всего судьями становятся либо выходцы из академических кругов (профессора по международному праву из крупных юридических учебных заведений), либо карьерные дипломаты, например главы правовых управлений внешнеполитических ведомств. В Международном Суде ООН эти две категории представлены примерно поровну. В последнее время судьей международного суда (например, ЕСПЧ) избираются лица, до этого занимавшие высшие судебные должности у себя на родине (для судов интеграционных объединений это, скорее, вообще правило).

Требования к кандидатам в судьи весьма строгие, хотя и сформулированы обычно достаточно абстрактно. Например, судьи Международного Суда ООН могут быть избраны «из числа лиц высоких моральных качеств, удовлетворяющих требованиям, предъявляемым в их странах для назначения на высшие судебные должности, или являющихся юристами с признанным авторитетом в области международного права» (ст. 2 Статута Международного Суда ООН)²¹. Практически идентичные формулировки содержат регламенты и статуты иных международных судов.

Необходимо отметить, что, будучи гражданами какого-либо государства, судьи международных судов действуют исключительно в личном качестве и не связаны инструкциями своего правительства. Одно из основных требований к судьям — их

²¹ Так как в ООН входят 193 государства, а судей в МС ООН всего 15, Статут требует: «Весь состав судей в целом должен обеспечить представительство главнейших форм цивилизации и основных правовых систем мира» (ст. 9). По сложившейся традиции в состав МС ООН за все годы его существования (с 1946 г.) входил (и входит сейчас) судья от СССР/России.

независимость от кого бы то ни было. Например, все судьи ЕСПЧ «на протяжении всего срока пребывания в должности судьи не должны осуществлять никакой деятельности, несовместимой с их независимостью, беспристрастностью или с требованиями, вытекающими из характера их работы в течение полного рабочего дня» (п. 3 ст. 21 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.). В практике ЕСПЧ, например, далеко не редкость ситуации, когда судья, избранный от какого-либо государства, голосует против этого государства при решении вопроса о наличии нарушения прав человека²².

Однако судья международного суда — это только «верхушка айсберга». Основная часть юридической работы в международном суде ложится на плечи юристов суда, обеспечивающих его текущее функционирование, делопроизводство, а также преемственность и постоянство судебной практики. Юристы секретариата — это одновременно «мозг» и «сердце» международного суда. Конечно, общее стратегическое направление рассмотрения дела, обсуждение и принятие решений остается всегда за судьями, однако пишут эти решения (составляют проекты), готовят аналитические материалы и резюме для судей именно юристы суда, поэтому их роль не сводится только к техническому сопровождению дела. Можно выделить два основных направления работы юриста международного суда:

- *обеспечение делопроизводства по конкретным делам* — прием поступающих в суд заявлений и иных документов, поддержание контактов со сторонами, подготовка по указанию судей проектов различного рода процессуальных документов (писем, приказов, определений, отдельных частей решений), юридическая редакция всех судебных текстов, подготовка к опубликованию и др.;
- *аналитическая работа* — составление кратких изложений судебных актов (саммари), изучение, систематизация и обобщение судебной практики, анализ и подготовка предложений по развитию судебной практики по разрешению новых проблем в международных отношениях и др.

Огромный вклад в развитие международного права и практики международных судов вносят юристы-международники, выступающие представителями сторон по спору в международных судах.

Согласно п. 1 ст. 42 Статута Международного Суда ООН (МС ООН) «стороны выступают через своих представителей». В английском варианте это положение звучит так: «The parties shall be represented by agents». Термин «агент» прочно укоренился в практике МС ООН. Напомним, что сторонами по спору, рассматриваемому МС ООН, могут быть только государства, поэтому *агенты* — это дипломатические представители государства, они несут полную ответственность за представление государства в Суде.

²² См., например, дело «Алексеев и другие против Российской Федерации» (жалоба № 14988/09, постановление ЕСПЧ от 27.11.2018), где были установлены нарушения нескольких статей Европейской конвенции в связи с запретами собраний и шествий сексуальных меньшинств. Избранный от России судья Дмитрий Дедов не только голосовал вместе с остальными судьями за это решение, но и написал дополнительное особое мнение, где предложил несколько путей решения данных проблем.

Согласно п. 2 ст. 2 Статута агенты «могут пользоваться в Суде помощью поверенных или адвокатов» (counsel or advocates). Статут не делает различия между *поверенными* и *адвокатами*, в практике Суда эти термины используются фактически как синонимы.

В практике Суда используется еще одна категория представителей, не именованная в Статуте — *консультанты* (advisers). К ним, помимо юристов, относятся различные специалисты в различных областях — правительственные чиновники, военные, географы, экологи и прочие специалисты по тематике дела.

Представители государства по спору в МС ООН — это многочисленная (как правило, несколько десятков человек), многонациональная и достаточно разнородная команда. Очень известный юрист-международник, более 35 раз представлявший различные государства в МС ООН в качестве поверенного (в том числе два раза — Россию), французский профессор Аллан Пелле представляет работу этой команды в виде треугольника: агент — поверенные и адвокаты — юридические фирмы²³.

Агент (их может быть несколько) назначается на высшем правительственном уровне и является, как правило, чиновником министерства иностранных дел, заместителем министра по правовым вопросам, начальником правового департамента или, например, послом в Нидерландах (место Суда). Его роль — политическая, он согласовывает правовые стратегии с политической позицией государства, принимает решения в ситуациях, когда мнения в команде по ключевым вопросам расходятся, выступает со вступительным словом в ходе устных слушаний. На имя агента отправляется и им подписывается любая корреспонденция, связанная с делом, включая заявление о возбуждении дела и любые состязательные бумаги, а также письма, ходатайства и другие документы. Агент отвечает за формирование команды.

Поверенные и адвокаты являются «мозговым центром» команды. Они отвечают за выработку правовой позиции, стратегии по делу. Они редактируют (в некоторых случаях составляют) состязательные бумаги (меморандумы и контр-меморандумы). Немаловажно, что именно поверенные и адвокаты выступают перед Судом в устных слушаниях, презентуя позицию государства и отвечая на вопросы судей.

Роль *юридических фирм* сильно варьируется в зависимости от конкретной ситуации — от чисто технической (но от этого не менее сложной) работы по подбору документов, поиску доказательств, работы с государственными органами, архивами, экспертами, ведению переписки с Судом до более активной в виде составления проектов процессуальных документов, включая состязательные бумаги.

Никаких формальных требований к поверенным и адвокатам не существует, равно как и специальных этических стандартов. Но на практике сложилось так, что это достаточно узкая группа людей, в которой «все друг друга хорошо знают». По подсчетам Аллана Пелле, с 1986 по 2000 г. в качестве поверенных перед МС ООН предстали 54 поверенных, из них только 14 (включая самого А. Пелле) —

²³ *Pellet A. The Role of the International Lawyer in International Litigation // Wickremasinghe C. (ed.). The International Lawyer as Practitioner. London : British Institute of International and Comparative Law, 2000. P. 154—156.*

три раза и более, т.е. на регулярной основе. Аллан Пелле называет себя и своих коллег «невидимой адвокатурой» и даже (в шутку, конечно) — «мафией»²⁴.

В более свежем исследовании ситуация примерно такая же. К числу «адвокатуры МС» за период 1998—2012 гг. отнесены 63 поверенных (правда, авторы «зачисляют» в эту «адвокатуру» тех, кто хотя бы два (а не три, как А. Пелле) раза предстал перед Судом). Причем более половины из этого состава являются гражданами США (20,6 %), Великобритании (17,5 %) и Франции (16,4 %). По роду занятий это в подавляющем большинстве — университетская профессура по международному праву (44,9 %), правительственные юристы (34,2 %), адвокаты (10,2 %) и сотрудники юридических фирм (8,3 %)²⁵.

Например, Россию по возбужденному в 2017 г. Украиной делу на слушаниях в 2019 г. представляли три агента (высокопоставленные чиновники МИД), четыре поверенных и адвокатов (два французских профессора и один немецкий, а также английский адвокат, они выступали перед Судом), шесть поверенных (включая двух российских адвокатов), а также 28 консультантов из числа чиновников различных ведомств и сотрудников юридических фирм, в том числе из российской фирмы «Иванян и партнеры».

Международный уголовный суд, начавший свою работу в 2002 г., рассматривает дела по обвинению физических лиц в совершении международных преступлений — агрессии, геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений. Это наиболее страшные, жестокие, масштабные уголовные деяния, запрещенные не только национальным правом любого государства, но и международным правом. Число жертв таких преступлений может исчисляться сотнями тысяч, а подсудимые могут быть приговорены к суровым наказаниям вплоть до пожизненного лишения свободы. В этих условиях как никогда требуется, чтобы и подсудимым, и их жертвам была предоставлена самая качественная юридическая помощь. Поэтому в рамках МУС существуют самые строгие из всех международных судов требования к представителям (адвокатам).

Как защитником обвиняемого, так и представителем жертв могут быть только лица, включенные Судом в специальные списки. Существуют два списка. Первый — это список поверенных (*counsel*). В него могут быть включены лица, отвечающие следующим критериям: 1) опыт работы в сфере уголовного судопроизводства (судьей, обвинителем, адвокатом) не менее 10 лет; 2) отличное знание английского или французского языка; 3) отсутствие судимостей или дисциплинарных взысканий, несовместимых с их статусом. Поверенные могут самостоятельно вести дела в МУС. В списке поверенных по состоянию на июнь 2020 г. 847 человек, включая трех юристов из России.

Второй список включает помощников поверенных (*assistants to counsel*). Их стаж работы в сфере уголовного правосудия должен быть больше 5 лет, либо они могут не иметь такого опыта, но обладать специальными теоретическими знаниями в области международного уголовного права (ученые, преподаватели вузов). В списке помощников 378 человек, в том числе пять — из

²⁴ *Pellet A. Op. cit. P. 148.*

²⁵ *Kumar S. P., Rose C. A Study of Lawyers Appearing before the International Court of Justice, 1999—2012 // The European Journal of International Law. Vol. 25. 2014. P. 902, 907—908.*

России. Вести дела самостоятельно они не могут, но могут входить в команду представителей.

Юридические представители, имеющие право практиковать в МУС, объединены в независимую Ассоциацию адвокатов МУС (International Criminal Court Bar Association). В 2005 г. решением высшего органа МУС — Ассамблеей государств-участников — был утвержден Кодекс профессионального поведения поверенных, состоящий из 46 статей, детально регламентирующий этические и профессиональные стандарты: взаимоотношения с клиентами, судом и иными лицами, дисциплинарный режим²⁶.

Заключение

Несмотря на то, что юристы-международники являются очень «разношерстной» компанией, представляют самые разные страны, с разными культурами и правовыми традициями, с разным уровнем экономического развития и политическими целями, можно говорить о существовании единого уникального профессионального сообщества («невидимой коллегии, посвященной общему интеллектуальному предприятию»), которое говорит на одном языке — языке международного права.

А международное право, по словам Мартти Коскенниemi, — «это то, что юристы-международники делают и как они думают»²⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Allott P.* State Responsibility and the Unmaking of International Law // Harvard International Law Journal. — 1988. — 29.
2. *Berman F. D.* The Role of the International Lawyer in the Making of Foreign Policy // The International Lawyer as Practitioner / ed. by C. Wickremasinghe. — London, 2000.
3. *Bilder R.* On Being an International Lawyer // Loyola University Chicago International Law Abstract. — Vol. 3. — No. 2. — Spring/Summer 2006.
4. *Dunworth T.* The Legal Adviser in International Organizations: Technician or Guardian // Alberta Law Abstract. — 2009. — 46:4.
5. *Fitzmaurice G.* Legal Advisers and International Organizations // American Journal of International Law. — 1968. — Vol. 62.
6. *Franck T.* An Outsider Looks at the Foreign Office Culture // Wisconsin International Law Journal. — 2005. — Vol. 23. — No. 1.
7. *Jenks C. Wilfred.* Craftsmanship in International Law // American Journal of International Law. — 1956. — Vol. 50.

²⁶ International Criminal Court Bar Association // URL: <https://www.iccba-abcpi.org/documents> (дата обращения: 27.07.2020).

²⁷ *Koskenniemi M.* Between Commitment and Cynicism: Outline for a Theory of International Law as Practice... P. 523.

8. *Koskeniemi M.* Between Commitment and Cynicism: Outline for a Theory of International Law as Practice // Collection of Essays by Legal Advisers of States, Legal Advisers of International Organizations and Practitioners in the Field of International Law. — New York : United Nations, 1999.
9. *Kumar S. P., Rose C.* A Study of Lawyers Appearing before the International Court of Justice, 1999—2012 // The European Journal of International Law. — 2014. — Vol. 25.
10. *Noll A.* The Role of the Legal Adviser of an Intergovernmental Organization // Collection of Essays by Legal Advisers of States, Legal Advisers of International Organizations and Practitioners in the Field of International Law. — New York : United Nations, 1999.
11. *Pellet A.* The Role of the International Lawyer in International Litigation // Wickremasinghe C. (ed.). The International Lawyer as Practitioner. — London : British Institute of International and Comparative Law, 2000.
12. The Role of Legal Advisers in International Law / ed. by A. Zidar and J.-P. Gauci. — Leiden-London : Brill-BIICL, 2016.
13. *Schachter O.* Invisible College of International Lawyers // Northwestern University Law Abstract. — 1977. — Vol. 72. — No. 2.
14. *Zacklin R.* The Role of the International Lawyer in the Making of Foreign Policy // The International Lawyer as Practitioner / ed. by C. Wickremasinghe. — London, 2000.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: УНИКАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРИГОВОР: УРОКИ ИСТОРИИ ДЛЯ БУДУЩЕГО

Аннотация. В статье с точки зрения современного международного права рассматривается значение организации и проведения Нюрнбергского Международного военного трибунала для суда над военными преступниками в 1945—1946 гг. (далее — МВТ) как уникального опыта успешного международного сотрудничества, весьма востребованного в наши дни. На основе анализа приговора МВТ сформулирован ряд уроков для современного национального и международного правосудия. Высказано суждение о том, что договорные источники (Берлинская декларация, Лондонское Соглашение и Устав МВТ) оказали огромное влияние на последующее развитие международной договорной практики. Отмечено, что МВТ воспринял все лучшее, что было в социалистической (СССР), собственно континентальной (Франция) и англосаксонской (США и Великобритания) правовых системах, сумел преодолеть «системные» и национальные барьеры и найти взаимоприемлемые решения. Сделан вывод о том, что поскольку осуществление международного правосудия направлено на замещение национального правосудия, условием осуществления международной юрисдикции является утрата (в той или иной степени) государством своего суверенитета. Высказано авторское суждение о том, что эффективность национальных правовых и судебных систем, основанная на нюрнбергской юриспруденции, противостоит международному правосудию, вместе с тем, присвоение функций международного правосудия национальными судебными системами вызывает не меньшую озабоченность. В условиях отказа России от участия в МУС подчеркнута важность заключения двусторонних соглашений с государствами — участниками МУС об исключении российских граждан из юрисдикции МУС с соблюдением принципов неотвратимости наказания, взаимности и избирательности, а также установления запретов сотрудничества органов государственной власти с МУС и участия российских миротворцев в операциях в странах, которые находятся под юрисдикцией этого суда. Для современного правоприменения является важным урок Нюрнберга, состоящий в том, что признание организаций противоправными влечет юридическую ответственность лиц, входивших в них. Сделан обобщающий вывод о том, что Нюрнбергский МВТ задал установки, образующие фундаментальные ценности современной цивилизации.

Ключевые слова: Нюрнбергский международный военный трибунал, уроки Нюрнберга, международное уголовное право, источники международного права, индивидуальная уголовная ответственность руководителей государств, Международный уголовный суд, международные преступления, ответственность групп и организаций, попытки реабилитации нацизма.

**Вячеслав Анатольевич
БАТЫРЬ,**

профессор кафедры
международного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, профессор
batyr_62@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

V. A. BATYR,*Professor of the Department of International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA),**Cand. Sci. (Law), Professor***batyr_62@mail.ru***125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9***THE NUREMBERG VERDICT:
HISTORY LESSONS FOR THE FUTURE**

Abstract. The article examines the significance of the organization and holding of the Nuremberg International Military Tribunal for the trial of war criminals in 1945-1946 from the point of view of modern international law. (hereinafter — MW) as a unique experience of successful international cooperation, it is highly in demand nowadays; based on the analysis of the Sentence MW formulated a number of lessons for modern national and international justice; made the judgment that the contractual sources (Berlin Declaration, the London Agreement and Charter of the IMT) has had an enormous influence on the subsequent development of international contractual practice; noted that MW took all that was best in socialist (USSR), in fact, continental (France) and the Anglo-Saxon (US and UK) legal systems, have managed to overcome "the system" and national barriers and to find mutually acceptable solutions; it was concluded that since the implementation of international justice aimed at replacing the national justice condition the exercise of international jurisdiction is the loss (In varying degrees) by a state of its sovereignty; the author's expressed judgment that the effectiveness of national legal and judicial systems based on the Nuremberg jurisprudence, is opposed to international justice, however, the assignment of the functions of international justice in national judicial systems is no less disturbing; In the context of the refusal of the Russian Federation to participate in the ICC, the importance of concluding bilateral agreements with the states parties to the ICC on the exclusion of Russian citizens from the jurisdiction of the ICC in compliance with the principles of the inevitability of punishment, reciprocity and selectivity, as well as the establishment of prohibitions on both cooperation of state authorities with the ICC and the participation of Russian peacekeepers in operations in countries that are under the jurisdiction of this court is emphasized. The MW has set the guidelines that form the fundamental values of modern civilization.

Keywords: Nuremberg International Military Tribunal; lessons of Nuremberg; international criminal law; sources of international law; individual criminal responsibility of state leaders; International Criminal Court; international crimes; responsibility of groups and organizations; attempts to rehabilitate Nazism.

Создание 75 лет назад Нюрнбергского международного военного трибунала для суда над военными преступниками (далее — МВТ) стало первым практическим шагом человечества в создании международных судебных учреждений. В своей заключительной речи, произнесенной 30 августа 1946 г., главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко эмоционально подчеркнул, что «человечество» (выделено нами. — В. Б.) призывает к ответу преступников... главных организаторов преступлений гитлеризма»¹.

МВТ вошел в сознание и память человечества как Суд Народов², удовлетворивший справедливые требования бесчисленных жертв Второй мировой войны о суровом возмездии в отношении виновных³. Его подготовка и проведение представляют собой уникальный опыт успешного международного сотрудничества, весьма востребованный в наши дни. Безусловно, юрисдикция, сущностные принципы и организационно-процессуальные конструкции деятельности МВТ имеют уникальное, поистине новаторское значение в истории юстиции⁴. Отметим, что деятельность МВТ ограничилась Нюрнбергским процессом, проведенным в период с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. Суды над пособниками Гитлера начались раньше⁵, чем открылся «главный процесс», а последующие (Малые) Нюрнбергские процессы представляли собой цикл из 12 судебных процессов (1946—1949 гг.) над нацистскими деятелями меньшего масштаба⁶.

¹ Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса. М.: Мысль, 2006. С. 80, 98.

² См.: Сухарев А. Я. Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности // Журнал российского права. 2007. № 1.; Он же. Нюрнбергский процесс на службе международной законности // Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса. С. 7.

³ Наумов А. В. Нюрнбергский процесс и международный правопорядок // Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса. С. 15.

⁴ Сухарев А. Я. Нюрнбергский процесс на службе международной законности. С. 5.

⁵ Так, в октябре 1945 г. по обвинению в государственной измене в Осло был казнен «норвежский фюрер» Видкун Абрахам Лёуриц Йонссён Квислинг (слово «квислинг» стало синонимом слова «коллаборационист», или «предатель»), а в Париже — премьер «правительства Виши» — Пьер-Жан-Мари Лаваль.

⁶ Эти дела слушал Нюрнбергский военный трибунал (англ. *Subsequent Nuremberg trials*), созданный военным командованием США согласно праву, данному Контрольной комиссией всем союзникам, самостоятельно судить нацистов в пределах своей оккупационной зоны (Нюрнберг входил в американскую зону). Соответственно, дела формулировались в виде «Соединенные Штаты против...», а прокуроры и следователи были американцами. Процессы организовывались в соответствии с профессиональной и организационной принадлежностью группы подсудимых: 1) процесс над нацистскими врачами (США против Карла Брандта) (*Case I: Doctors trial*); 2) процесс Эрхарда Мильха (*Case II: Milch trial*); 3) процесс над нацистскими судьями (США против Йозефа Альштеттера) (*Case III: Lawyers trial*); 4) процесс по делу Главного административно-хозяйственного управления СС (США против Освальда Поля) (*Case IV: SS Central Economic and Administrative Office*); 5) процесс Фридриха Флика (*Case V: Flick trial*); 6) процесс IG Farben (США против Карла Крауха) (*Case VI: IG Farben trial*); 7) Нюрнбергский процесс над генералами юго-восточного фронта (*Case VII: Generals on south eastern front*); 8) процесс по делу о расовых преступлениях (США против Ульриха Грейфельта) (*Case VIII: Central Race and*

Главное же состоит в том, что в 1945 г. государства, различные по своему общественному строю, юридической культуре и традициям, смогли объединиться, согласовать свои воли, чтобы судить и наказать тех, кто развязал самую страшную войну в истории человечества⁷. В этом — первый и, пожалуй, главный урок Нюрнберга. Некоторые иные уроки для современного национального и международного правосудия будут рассмотрены в контексте актуализации истории для будущего.

Важно подчеркнуть, что официальные материалы Нюрнбергского процесса были опубликованы⁸, они стали объектом пристального внимания всего прогрессивного человечества. Казалось бы, сегодня даже само отрицание фактов или какое-либо одобрение преступлений, установленных приговором МБТ, является

Settlement Office); 9) процесс по делу об айнзатцгруппах (*Case IX: Taskforces*); 10) процесс по делу Альфреда Крупа (*Case X: Krupp trial*); 11) процесс по делу «Вильгельмштрассе» (США против Эрнста фон Вайцзеккера) (*Case XI: Wilhelmstrasse trial*); 12) процесс по делу военного командования Германии (США против Вильгельма фон Лееба) (*Case XII: Wermacht High Command*). Всего перед этими 12 процессами предстало 185 обвиняемых, из которых 142 признаны виновными; 24 приговорены к смертной казни (помилованы — 11, казнены — 13); 20 — к пожизненному заключению, 98 — к различным срокам, 35 — оправданы. Остальным 8 обвиняемым приговоры не были вынесены по разным причинам (признаны невменяемыми, по медицинским показаниям, умерли до суда). В 1951 г. многие осужденные на этих процессах подверглись амнистии либо их сроки были существенно сокращены.

⁷ URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/uroki-nurnberga-i-sovremennost.

⁸ Официальные материалы Международного военного трибунала над главными немецкими военными преступниками опубликованы на английском, немецком и французском языках Секретариатом МБТ в 42 томах каждое издание (см.: International Military Tribunal. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, Nuremberg, Nov. 14, 1945 — Oct. 1, 1946. 42 vol. Nuremberg, 1947—1949). Издание на русском языке также было подготовлено, но не вышло в свет, поскольку многие темы, обсуждавшиеся в Нюрнберге, вплоть до периода перестройки были под запретом в СССР. В СССР в 1959—1961 гг. был издан семитомник под редакцией Р. А. Руденко (см.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сборник материалов : в 7 т. / под ред. Р. А. Руденко. М., 1957—1961). В нем опубликованы все вступительные и заключительные речи обвинителей от СССР, США, Великобритании и Франции, выступления других советских юристов и частично выступления помощников главных обвинителей от США, Великобритании и Франции, в извлечениях — допросы некоторых свидетелей обвинения. В вышедший в 1987—1999 гг. восьмитомник (см.: Нюрнбергский процесс : сборник материалов : в 8 т. / науч. ред. Н. С. Лебедева. М., 1987—1999) вошли все без изъятий речи обвинителей от четырех стран, в извлечениях — речи защитников. В выступлениях адвокатов были восстановлены эпизоды, в которых речь шла о секретных протоколах к советско-германским договорам 1939 г., о присоединении стран Балтии к СССР, «катынском деле», массовых депортациях польского населения из Западной Украины и Белоруссии и т.д. (см.: *Лебедева Н. С.* Дорота в Нюрнберге // URL: <http://rusarchives.ru/publication/nurnberg/foreword.shtml#43>).

абсурдным. Однако, чтобы не доводить дело до абсурда, все возможные подобные «отрицания» и «одобрения» должны быть поставлены под запрет. Так, уголовная ответственность за реабилитацию нацизма установлена ч. 1 ст. 354.1 УК РФ⁹.

В некоторых зарубежных государствах (например, в Австрии, Бельгии, Германии, Польше, Словении, Франции, Швейцарии, Канаде, Израиле, Португалии, Чехии, Словакии, Венгрии) также приняты акты законодательства, запрещающие публичное отрицание, преуменьшение, одобрение или оправдание преступлений, совершенных нацистами¹⁰.

Вместе с тем в современном мировом сообществе все не так однозначно. Видимо, неспроста в резолюции ГА ООН A/RES/75/169 от 16 декабря 2020 г.¹¹ государствам вновь рекомендовано принять надлежащие конкретные меры с тем, чтобы предотвратить пересмотр итогов Второй мировой войны и отрицание преступлений против человечности и военных преступлений, совершенных нацистами. Действительно, поводы для такой озабоченности существуют даже спустя 75 лет после того, как в истории с нацизмом была поставлена точка. А это значит, что уроки Нюрнберга усвоены далеко не всеми, более того, трендом, предназначенным для «избранной» прозападной аудитории, является формирование психических состояний, которые в медицине определяются как деменция¹².

С точки зрения современных подходов к выражению и закреплению международно-правовых норм особенно важно то, что всем учредительным актам о MBT была придана договорная форма. Так, 8 августа 1945 г. СССР, США, Ве-

⁹ По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2019 г. один человек был осужден и один оправдан по ст. 354.1 УК РФ ([URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/k3-svod_vse_sudy-2019.xls](http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/k3-svod_vse_sudy-2019.xls)).

Показательным является следующий пример: 30 июня 2015 г. Пермский краевой суд огласил обвинительный приговор в отношении В. Лузгина по статье о реабилитации нацизма (оштрафован на 200 тыс. руб.). Верховный Суд РФ в сентябре 2016 г. признал решение Пермского суда законным и обоснованным. Устанавливая мотив распространения заведомо ложных сведений, гособвинение указало, что Лузгин имел «четверку» по истории в школе, т.е. знал правильную версию, но специально опубликовал лживую статью, реабилитирующую нацизм ([URL: https://zona.media/article/2017/04/25/denial](https://zona.media/article/2017/04/25/denial)).

¹⁰ Варченко И. А., Литвяк Л. Г. Уголовное законодательство зарубежных стран об ответственности за преступления, аналогичные ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» (часть 2) // [URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-zakonodatelstvo-zarubezhnyh-stran-ob-otvetstvennosti-za-prestupleniya-analogichnye-st-354-1-uk-rf-reabilitatsiya-natsizma](https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-zakonodatelstvo-zarubezhnyh-stran-ob-otvetstvennosti-za-prestupleniya-analogichnye-st-354-1-uk-rf-reabilitatsiya-natsizma). См. также: Они же. Характеристика ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» и соотношение со смежными составами (часть 1) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. С. 113—117.

¹¹ Резолюция ГА ООН A/RES/75/169 от 16 декабря 2020 г. «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» // [URL: https://undocs.org/ru/A/75/476](https://undocs.org/ru/A/75/476).

¹² Деменция (слабоумие) — тяжелое психическое расстройство, необратимая утрата или снижение приобретенных в прошлом знаний, опыта, нарушение памяти и способности к обучению // [URL: https://medportal.ru/terms/10835/](https://medportal.ru/terms/10835/).

ликобритания и Франция заключили Соглашение о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран «оси»¹³. В соответствии со ст. 5 Соглашения правительства 19 государств, входящих в Объединенные Нации, заявили о присоединении к нему ((Греции, Дании, Югославии, Голландии, Чехословакии, Польши, Бельгии, Эфиопии, Австралии, Гондураса, Норвегии, Панамы, Люксембурга, Гаити, Новой Зеландии, Индии, Венесуэлы, Уругвая и Парагвая).

Неотъемлемой частью этого международного договора стал Устав Международного военного трибунала¹⁴ для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом¹⁵. Он был основан на Берлинской декларации о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами Союза ССР, Соединенного королевства, США и Временным правительством Франции от 2 августа 1945 г.¹⁶

Правила процедуры и доказывания, в которых детализировался комплекс правил международного уголовного процесса, были приняты на совместном заседании судей и обвинителей. Был создан Комитет по расследованию дел и обвинению главных военных преступников (ст. 14, 15 Устава МВТ), выполнявший функцию обвинения. Приговор приводился в исполнение по приказу Контрольного совета по Германии, который мог смягчить наказание, изменить его, не повышая санкции (ст. 29 Устава МВТ)¹⁷. МВТ был создан с ориентацией на неопределенное количество судебных процессов. Местом пребывания МВТ был определен Берлин, где и состоялось первое организационное заседание 9 октября 1945 г., а местом проведения — Нюрнберг¹⁸.

Подлежит констатации непреложный факт: договорная форма организации МВТ противостояла откровенно антиправовой позиции — неоднократно высказанным предложениям американских и британских политиков о внесудебной

¹³ Текст соглашения официально опубликован не был. Страны «оси» (Рим — Берлин — Токио), или страны гитлеровской коалиции, представляли собой военный союз, в который входили Германия, Италия, Япония и другие государства: в Европе — Третий рейх (Германская империя), Австрия (в составе Германии), Италия (вышла из блока в 1943 г., Республика Сало оставалась союзником Германии до 1945 г.), Венгрия, Румыния (вышла из блока в 1944 г.), Болгария (вышла из блока в 1944 г.), Хорватия, Финляндия (вышла из блока в 1944 г.), Словакия; в Азии — Япония, Таиланд; в Африке — Ливия, Эритрея, Сомали (все — в составе Италии).

¹⁴ Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси» (Лондон, 8 августа 1945 г.) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901737883>. Текст Устава официально опубликован не был.

¹⁵ См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сборник материалов : в 7 т. М. : Госюриздат, 1957. Т. 1. С. 63—65.

¹⁶ Декларация о поражении Германии // Великая Отечественная война 1941—1945 : энциклопедия / под ред. М. М. Козлова. М. : Советская энциклопедия, 1985. С. 237.

¹⁷ Приговор в отношении осужденных к смертной казни после отклонения ходатайства о помиловании был приведен в исполнение в ночь на 16 октября 1946 г.

¹⁸ В мировом общественном мнении этот город из культурного центра Германии превратился в идеологический центр нацизма.

расправе над нацистскими преступниками, а собственно Нюрнбергский процесс представлял собой «экстраординарный эксцесс», призванный смягчить альтернативные варианты¹⁹.

Следует отметить огромное значение Нюрнбергского процесса в последующем формировании источников международного права. Договорные источники (Берлинская декларация, Лондонское Соглашение и Устав МВТ) оказали огромное влияние на последующее развитие международной договорной практики²⁰. Основные принципы Нюрнберга, и в первую очередь основания криминализации преступлений против мира и безопасности человечества, оказали влияние на развитие внутригосударственного уголовного права многих государств²¹, уголовно-правовых институтов и уголовно-правовой доктрины.

Приговор Нюрнбергского МВТ использовался и используется в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм, а также в качестве прецедента по аналогичным уголовным делам²². Он оказал влияние на формирование общепризнанных принципов международного уголовного права и его конкретных норм. Вместе с тем в последние годы стала проявляться негативная тенденция, связанная с отказом отдельных государств от своих договорных обязательств²³.

Следующий урок состоит в том, что следствие, обвинение, защита и суд говорили на одном понятном языке международного права. В учредительных документах МВТ был найден разумный компромисс, поскольку требовалось согласование воли государств, представлявших три системы права: социалистическую (СССР), собственно континентальную (Франция) и англосаксонскую (США и Великобри-

¹⁹ Зорькин В. Д. Правовые результаты Нюрнбергского процесса и их современное значение : Доклад на международной научной конференции, посвященной 65-летию Нюрнбергского процесса (Санкт-Петербург, 16 мая 2011 г.) // URL: <https://rg.ru/2011/05/16/dokladZorkina-site.html>.

²⁰ Свидетельством тому являются документы, образовавшие каркас современного международного права, заложившие основы его кодификации и прогрессивного развития: Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Конвенция ЮНЕСКО о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г., Международные пакты о правах человека 1966 г., Конвенция ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности 1968 г., Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 г. и др.

²¹ Так, соответствующие нормы (с учетом Устава Нюрнбергского трибунала и его приговора) вошли в уголовные кодексы Болгарии, Испании, Польши, Украины, Франции, Германии и других стран. В частности, в УК РФ это ст. 353, 356.

²² См.: Панов В. П. Международное уголовное право : учебное пособие. М. : Инфра-М, 1977. С. 27.

²³ Так, США вышли из ЮНЕСКО и из Совета по правам человека (СПЧ), в одностороннем порядке вышли из Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД) и из Договора по открытому небу.

тания)²⁴. При этом для каждой из систем было характерно существование своих процессуальных особенностей²⁵.

Так, условно объединив социалистическую и континентальную системы, можно представить их основные расхождения с англосаксонской системой по определенным критериям: 1) составлению подробного обвинительного заключения противостояло представление формулы обвинения; 2) активной роли суда (в первую очередь председательствующего в судебном заседании)²⁶ противостояла его относительно пассивная роль (с преобладанием принципа состязательности сторон); 3) роли судей как судебных следователей противостояли правила о том, что стороны обвинения и защиты имеют право допрашивать и подвергать перекрестному допросу любого свидетеля и любого подсудимого, который дает показания; 4) невозможности допроса подсудимого в качестве свидетеля по своему же делу противостояли иные правила; 5) положению о том, что никакое доказательство не имело заранее предустановленной силы, так как все они (доказательства) оценивались в соответствии с внутренним судебским убеждением, противостояли иные правила; 6) не известному в то время для стран континентальной Европы положению противостояла концепция ответственности организаций за совершение ими преступлений²⁷.

МБТ воспринял все лучшее, что было в каждой из указанных правовых систем, сумел преодолеть «системные» и национальные барьеры и найти взаимоприемлемые решения²⁸, особенности организации и деятельности Трибунала не помешали объективному рассмотрению дела и вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора²⁹. Материально-правовые нормы (уголовно-правовые

²⁴ См.: *Наумов А. В.* Нюрнбергский процесс: история и современность // Российская юстиция. 2006. № 9—10 // URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/10467449>.

²⁵ В концептуальную основу Устава МБТ легли идеи как американских юристов (теория заговора и ответственности за развязывание агрессии), так и доклад А. Н. Трайнина. См.: Об уголовной ответственности гитлеровцев : стенограмма публичной лекции д-ра юрид. наук проф. А. Н. Трайнина, прочит. 10 сентября 1943 г. в Колонном зале Дома союзов в Москве [на правах рукописи] / Лекционное бюро при Ком. по делам высш. школы при СНК СССР. М., 1943. 18 с. // URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008413889>; *Трайнин А. Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев. М. : Юриздат НКЮ СССР, 1944. 107 с.

²⁶ Трибунал широко использовал советский принцип активного суда. Он имел право: вызывать свидетелей на суд, требовать их присутствия и показаний и задавать им вопросы, допрашивать подсудимого, требовать предъявления документов и других материалов, используемых в качестве доказательств (ст. 17 Устава).

²⁷ Такая ответственность и сейчас не предусматривается российским уголовным законодательством.

²⁸ Было принято решение, что обвинительный акт будет содержать больше сведений, чем это могло быть в американском суде, и даст подсудимым значительно меньше информации, чем они получили бы в судах СССР, Франции или Германии. См.: *Международное право : учебник для вузов / отв. ред. Г. М. Мелков. М. : РИОР, 2009. С. 662—663.*

²⁹ См.: *Мэрфи Дж.* Нормы уголовного процесса в международном военном трибунале // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. М., 1995. С. 64, 73.

основания ответственности главных военных преступников и юрисдикция Трибунала) устанавливались в ст. 6 Устава.

В качестве тяжчайших международных преступлений, влекущих за собой индивидуальную ответственность, впервые в истории были названы преступления против мира³⁰, военные преступления³¹ и преступления против человечности³².

В немецкой доктрине отмечено, что преследование за преступления против мира явилось новшеством³³, а также высказано суждение о потенциальной готовности международного сообщества к тому, чтобы установить составы преступлений для серьезных нарушений международного права и передать их на рассмотрение международной судебной инстанции для вынесения окончательного приговора³⁴.

Не менее важным является и то обстоятельство, что Устав МВТ стал отправной точкой кодификации международного уголовного процесса. Уставом МВТ (ст. 24) был установлен четкий порядок проведения судебных заседаний, а также урегулирован целый комплекс процессуальных вопросов, в частности: 1) организация МВТ на основе международного договора; 2) назначение судей, обвинителей, их привилегии и иммунитеты; 3) права и обязанности участников процесса; 4) порядок задержания, ареста и содержания под стражей обвиняемых на разных стадиях уголовного процесса и после вынесения приговора; 5) допустимость доказательств, порядок их собирания и документального процессуального оформления; 6) основные гарантии предоставления обвиняемым и подсудимым права на защиту (ст. 16 Устава); 7) процедура голосования судей при вынесении решений, а также при постановлении приговора, его структура, возможность и

³⁰ В частности: i) планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений; ii) участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из действий, упомянутых в пункте «i».

³¹ В частности: нарушение законов и обычаев войны и, в том числе, но не исключительно, убийства, дурное обращение или увод на рабский труд или для других целей гражданского населения оккупированной территории, убийства или дурное обращение с военнопленными или лицами, находящимися в море, убийства заложников или разграбление государственного или частного имущества, бессмысленное разрушение городов и деревень или разорение, не оправдываемое военной необходимостью.

³² В частности: убийства, истребление, порабощение, высылка и другие бесчеловечные акты, совершаемые в отношении гражданского населения, или преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам, если такие действия совершаются или такие преследования имеют место при выполнении какого-либо преступления против мира или какого-либо военного преступления, или в связи с таковыми. Преступления против человечности являются порождением идеологии, которая низводит человека и человечество на более низкий, биологический уровень. См.: *Стецовский Ю. И.* Преступления против человечности и адвокатура // Адвокат. 2007. № 2. С. 13—25.

³³ Международное право = Völkerrecht / Вольфганг Граф Витцтум [и др.] ; сост. В. Бергманн ; пер с нем. 2-е изд. М. : Инфотропик Медиа, 2015. 1072 с. С. 230.

³⁴ Международное право = Völkerrecht. С. 842.

установленный порядок обжалования. Устав предусматривал возможность рассмотрения дела в отсутствие подсудимого, заочно (ст. 12 Устава).

Одним из важных вопросов, которые пришлось решать МВТ, был вопрос о круге лиц, относящимся к главным военным преступникам³⁵. Таковыми были определены лица, возглавлявшие нацистское государство, а также чиновники различных правительственных ведомств (ст. 7 Устава МВТ).

В приговоре было четко определено, что государство, давая санкцию на совершение нарушений законов ведения войны, выходит за пределы своей компетенции, предоставляемой ему согласно международному праву, а потому ссылки на выполнение распоряжений государства как преступных приказов являются несостоятельными. Также отмечалось, что факт наличия приказа может рассматриваться лишь как смягчающее вину обстоятельство при назначении наказания, однако подлинным критерием является вопрос о практически существовавшей возможности морального выбора. Приговор МВТ (в соответствии с разделами обвинительного заключения) был оглашен 1 октября 1946 г. Из 24 лиц, привлеченных к ответственности, 21 признано виновным, трое — оправданы³⁶.

Действительно, проблема индивидуальной уголовной ответственности руководителей государств представляется одной из важнейших в обеспечении эффективности международного права³⁷. Специалисты, изучавшие проблемы международной ответственности, в большинстве случаев доказывают, что физические, равно как и юридические, лица не являются и не могут являться субъектами международно-правовой ответственности³⁸. Вместе с тем физические лица, в том числе должностные лица государства, могут нести уголовную ответственность непосредственно «на основе международного права»³⁹ или

³⁵ Главный обвинитель от Франции Шампетье де Риб назвал их «мозгом этого государства». К ним были отнесены так называемые «носители власти» — государственные деятели, дипломаты, военачальники и руководители военизированных отрядов, банкиры и предприниматели, финансировавшие войну, руководящие партийные деятели. При всей размытости этих определений они послужили прецедентом для работы Трибуналов по бывшей Югославии и Руанде. См.: Международное право : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Велби ; Проспект, 2008. С. 564.

³⁶ На основании ст. 27 Устава МВТ: 12 главных военных преступников (Геринг, Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенбург, Франк, Фрик, Штрейхер, Заукель, Йодль, Зейс-Инкварт, Борман, в отношении которого приговор был вынесен заочно) были приговорены к смертной казни через повешение; 3 преступников (Функ, Гесс и Редер) — к пожизненному заключению; 4 преступника (Дёниц, Ширах, Шпеер и Нейрат) — к тюремному заключению на срок от 10 до 20 лет; 3 обвиняемым (Папену, Шахту и Фриче) были вынесены оправдательные приговоры.

³⁷ См.: Лукашук И. И. Право международной ответственности. М. : Волтерс Клувер, 2004. С. 50.

³⁸ См., например: Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966. С. 46; Василенко В. А., Давид В. Механизм охраны международного правопорядка. Брно, 1986. С. 93 и сл.

³⁹ См.: Лукашук И. И. Указ. соч. С. 72.

«по международному праву»⁴⁰. Этот принцип в дальнейшем был воплощен в уставах международных трибуналов⁴¹, а также в Статуте Международного уголовного суда⁴².

Следует отметить и то обстоятельство, что Устав МВТ не предусматривал возможности привлечения к уголовной ответственности за военное преступление лица, действовавшего на собственной, а не на оккупированной территории, т.е. субъектом военного преступления могли быть только лица, воевавшие на стороне «оккупирующей державы», совершившие серьезные нарушения в отношении граждан противоборствующей стороны. Такое толкование международного права позволило латвийским властям предложить Европейскому Суду по правам человека «исправлять недостатки Нюрнбергского процесса», т.е., по сути, ревидовать приговор Нюрнбергского трибунала по делу в отношении бывшего советского партизана В. М. Кононова⁴³.

Еще один урок для современного национального и международного правосудия состоит в том, что необходим поиск разумного баланса интересов в согласовании воли государств при передаче на надгосударственный уровень юрисдикции по делам о международных преступлениях. В рамках данного урока важен поиск ответов на следующие вопросы: 1) можно ли считать Нюрнбергский процесс эталоном современного правосудия; 2) можно ли считать международный уголовный суд судом высшей инстанции; 3) в конечном итоге — должны ли учредительные документы международного судебного учреждения обеспечивать абсолютный приоритет норм международного права над нормами национального законодательства.

⁴⁰ См.: Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Приложение к Резолюции ГА ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г. Ст. 58 // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/83>.

⁴¹ См.: Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токио, 19 января 1946 г.); Устав Международного трибунала по бывшей Югославии утвержден Резолюцией Совета Безопасности ООН № 827 (1993) 25 мая 1993 г.; Устав Международного трибунала по Руанде утвержден Резолюцией Совета Безопасности ООН № 955 (1994) 8 ноября 1994 г. (с изм. и доп.).

⁴² Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.). Текст Римского статута распространен в качестве документа A/CONF.183/9 от 17 июля 1998 г. (с изм.) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901750575>.

⁴³ 17 мая 2010 г. Большая палата ЕСПЧ вынесла постановление по делу «Кононов против Латвии» (жалоба № 36376/04), фактически согласившись с латвийскими судами в том, что борец против нацизма Кононов «переквалифицирован в военные преступники». См.: *Иншакова А. О.* Несовпадающее особое мнение научного сообщества с решением Большой палаты ЕСПЧ по делу «Кононов против Латвии»: правовые аргументы // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nesovpadayuschee-osoboe-mnenie-nauchnogo-soobschestva-s-resheniem-bolshoy-palaty-espch-po-delu-kononov-protiv-latvii-pravovye-argumenty>. Анализ решения ЕСПЧ по делу «Кононов против Латвии» см.: *Бауринг Б.* Постановление Большой палаты Европейского суда по правам человека по делу «Кононов против Латвии» (17 мая 2010 г.): права ли Российская Федерация в своем понимании соотношения политики и международного права? // Международное правосудие. 2012. № 2. С. 75—83.

При ответе на первый вопрос следует исходить из того, что осуществление международного правосудия направлено на замещение национального правосудия. Следовательно, чтобы национальное государство полностью «отдаться» в руки международного уголовного правосудия, оно должно в той или иной степени утратить свой суверенитет (быть разгромлено и капитулировать перед победителем⁴⁴, поставлено в полную зависимость от международных инстанций).

При ответе на второй вопрос следует иметь в виду, что международные судебные учреждения могут осуществлять юрисдикцию лишь на условиях субсидиарности (дополнительности). Эффективность национальных правовых и судебных систем, основанная на нюрнбергской юриспруденции, противостоит международному правосудию. Важно, чтобы на национальном уровне была закреплена компетенция судебных органов по делам, основанным на принципе универсальности юрисдикции⁴⁵. Опыт «гибридных» трибуналов и интернационализированных судов подтверждает этот тезис. Вместе с тем присвоение функций международного правосудия национальными судебными системами вызывает не меньшую озабоченность.

При ответе на третий вопрос следует исходить из того, какое место отведено международным договорам в правовой системе государства и каким образом разрешается коллизия норм договора и закона. В случае, когда приоритет отдан нормам международного права, следует взвешенно подходить к вопросам передачи даже малой части суверенных полномочий на надгосударственный уровень, создавать механизмы сдержек (противовесов). Так, решение о намерении России не стать участником Международного уголовного суда⁴⁶ было продиктовано весьма «пристрастной» позицией Суда применительно к двум ситуациям — в

⁴⁴ Акт о военной капитуляции вооруженных сил Германии был подписан в ночь на 9 мая 1945 г. // URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/>.

Документ, озаглавленный «Безоговорочная капитуляция Германии», был разработан и согласован трехсторонней Европейской консультативной комиссией, заседавшей в Лондоне (Великобритания), а затем подписан ее членами 25 июля 1944 г. Он представлял собой обширный текст из 14 четко сформулированных статей, в которых, помимо военных условий капитуляции, также говорилось, что СССР, США и Англия «будут обладать в отношении Германии верховной властью» и предъявят дополнительные политические, административные, экономические, финансовые, военные и другие требования. 5 июня 1945 г. в Берлине четырьмя союзными главнокомандующими была подписана Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, Великобритании, США и Временным правительством Франции, которая заменила акт о капитуляции Германии и стала правовой основой управления союзных держав в послевоенной Германии (URL: <https://history.ric.mil.ru/Stati/item/117781/>).

⁴⁵ *Каюмова А. Р. Уголовная юрисдикция в международном праве : монография. Казань : Центр инновационных технологий, 2016. С. 435.*

⁴⁶ Распоряжение Президента РФ от 16 ноября 2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41387>.

Грузии⁴⁷ и на Украине⁴⁸, ведь именно беспристрастность судебного органа и является основополагающим условием для его адекватного восприятия международным сообществом.

В сложившейся ситуации для Российской Федерации, с одной стороны, важно заключение двусторонних соглашений с государствами — участниками МУС об исключении российских граждан из юрисдикции МУС. Такие соглашения могут содержать следующие положения: а) о том, что Россия будет расследовать и привлекать потенциальных обвиняемых к уголовной ответственности в российских судах (обеспечивая неотвратимость наказания); б) о взаимности, включая положение о том, что граждане государств — участников МУС не подпадают под преследование на территории Российской Федерации и подлежат выдаче; в) об избирательности, т.е. о распространении иммунитета на лиц, официально направленных с правительственным поручением (в частности, для обеспечения иммунитета российских граждан во всех инициированных или санкционированных миротворческих операциях⁴⁹).

⁴⁷ Так, в 2016 г. прокурор начал расследование преступлений, которые могли быть совершены во время конфликта в Южной Осетии и вблизи нее с 1 июля по 10 октября 2008 г., поскольку пришел к выводу, что есть «разумные основания предположить, что в ситуации, связанной с Грузией, были совершены преступления, подпадающие под юрисдикцию МУС», а именно, военные преступления и преступления против человечности. При этом прокурор указал на «три стороны, вовлеченные в конфликт» — вооруженные силы Грузии, Южной Осетии и России (URL: <https://www.icc-cpi.int/Pages/item.aspx?name=otp-stat-27-01-2016-georgia>).

⁴⁸ Как указывалось в опубликованном в ноябре 2016 г. отчете МУС о действиях по предварительному расследованию применительно к событиям на юго-востоке Украины и в Крыму, а также в отчете от 5 декабря 2018 г., канцелярия прокурора дала оценку ситуации на территории Крыма и Севастополя, которую она квалифицировала как *международный вооруженный конфликт* между Украиной и Российской Федерацией, возникший не позднее, чем 26 февраля 2014 г., а к ситуации в Крыму остается применимым право международных вооруженных конфликтов и после 18 марта 2014 г., поскольку в Крыму и Севастополе фактически сохраняется состояние оккупации. Канцелярия прокурора также пришла к заключению, что примеры прямого военного противостояния между вооруженными силами России и Украины указывают на то, что по крайней мере с 14 июля 2014 г. на востоке Украины, параллельно с немеждународным вооруженным конфликтом, имеет место международный вооруженный конфликт (URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Отчет_Международного_уголовного_суда_от_5_декабря_2018_года_\(Украина\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Отчет_Международного_уголовного_суда_от_5_декабря_2018_года_(Украина))).

⁴⁹ Так, например, в соответствии с Законом о защите американских военнослужащих 2002 г. (American Service — Members' Protection Act, ASPA, официально — Title 2 of Public Law No. 107—206, H.R. 4775, 116 Stat. 820), любые действия, санкционированные Президентом для освобождения из плена любого военнослужащего США и некоторых других лиц, которые задерживаются или заключаются в тюрьму против их воли или от имени Суда, не запрещаются. Закон уполномочивает Президента использовать все средства, необходимые для освобождения лиц, на которых распространяется действие страховки США, и лиц, на которых распространяется действие страховки, находящихся в плену от имени / по требованию суда (URL: <https://2001-2009.state.gov/t/pm/rls/othr/misc/23425.htm>).

С другой стороны, неучастие России в МУС должно быть подтверждено законоположениями о том, что запрещается: а) сотрудничество органов государственной власти Российской Федерации с МУС; б) участие граждан России в миротворческих миссиях ООН в странах, которые находятся под юрисдикцией этого суда. Более того, уголовному преследованию подлежат представители бизнеса, которые сознательно и умышленно финансируют криминальные организации и боевые группировки, участвующие в вооруженных конфликтах.

Обвинительный акт МВТ содержал также требование о признании преступными 6 групп и организаций гитлеровской Германии, в частности имперского кабинета министров; руководящего состава фашистской партии; охранных отрядов фашистской партии (СС), включая службу безопасности (СД); государственной тайной полиции (гестапо); штурмовых отрядов фашистской партии (СА); генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил (ОКВ). Однако таковыми были признаны лишь 4 организации: СС, гестапо, СД и руководящий состав нацистской партии. Трибунал отклонил предложение обвинителей о признании преступными организациями гитлеровского правительства, СА, генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил, несмотря на то, что виновность указанных лиц и организаций была обстоятельно доказана обвинителями.

Основательный юридический анализ содержания обвинения против организаций был представлен в заключительной речи главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко⁵⁰. Он выделял две формы соучастия в международных преступлениях: участие в преступном заговоре и участие в преступных организациях. Если в первом случае деяние рассматривалось как совершенное от имени государства и уголовно наказуемое по Уставу МВТ, то во втором случае предполагалась юрисдикция национальных судов в выяснении виновности и определении индивидуальной ответственности конкретных лиц. Иными словами, если МВТ в соответствии со ст. 10 Устава признавал организацию преступной, то национальные суды ни отрицать, ни оспаривать такое постановление не могли.

При перенесении на современную российскую действительность такая модель оказалась востребованной, урок Нюрнберга прошел не напрасно. Так, на сайте ФСБ России размещен Единый федеральный список 33 организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством РФ террористическими⁵¹ (с указанием суда, вынесшего решение/приговор). В соответствии с указанной конструкцией в УК РФ включены нормы, предусматривающие ответственность за участие в террористическом сообществе (п. 2 ст. 205.4) и участие в деятельности организации, которая признана террористической (п. 2 ст. 205.5).

Перечень 79 некоммерческих организаций, в отношении которых судами принято вступившее в законную силу решение о ликвидации в соответствии с Феде-

О разрешении на приостановку расследований или судебных преследований в отношении миротворцев из стран, не подписавших Статут, см.: Резолюции СБ ООН 1422/1487 // URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-2003>.

⁵⁰ Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса. М.: Мысль, 2006. С. 93—98.

⁵¹ URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>.

ральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁵², опубликован на сайте Минюста России⁵³.

Иными словами, в соответствии с российским законодательством признание организаций противоправными влечет юридическую ответственность лиц, входивших в них. Вместе с тем достаточно показательным является и тот факт, что в обоснование преступного характера КПСС судья Конституционного Суда РФ А. Л. Кононов в особом мнении сослался на приговор Нюрнбергского МВТ, создавший прецедент признания преступными ряда организаций бывшей фашистской Германии⁵⁴. По убеждению А. Н. Яковлева, аналогичным образом следовало осудить большевизм⁵⁵.

В тексте приговора содержится четко сформулированное положение о том, что «Устав не является произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов, но с точки зрения Трибунала... он является выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания, и в этом смысле сам является вкладом в международное право». Вместе с тем до настоящего времени продолжаются дискуссии на доктринальном уровне. Это значит, что уроки Нюрнберга усвоены недостаточно и не всем пошли на пользу.

При наличии заданной мотивации, которая проявляется в — стремления возложить на СССР равную с гитлеровской Германией ответственность за начало Второй мировой войны, а заодно оправдать тех, кто стал пособником гитлеровцев, совершал злодеяния на территории оккупированных нацистами стран и был повержен вместе с Третьим рейхом — под сомнение могут быть поставлены очевидные, бесспорные факты.

Так, обычно указывается на следующие обстоятельства: 1) союзные державы были неправомочны создавать МВТ и принимать его уставные документы; 2) МВТ создавался *post factum* и был судом победителей над побежденными; 3) создание МВТ нарушало принцип *nullum crimen, nulla poena, sine lege* (без закона нет ни преступления, ни наказания), что привело к объективному вменению⁵⁶; 4) су-

⁵² URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o/>.

⁵³ URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/>.

⁵⁴ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 1992 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента РФ от 23 августа 1991 года № 79 «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 года № 90 «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» и от 6 ноября 1991 года № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 11. Ст. 400.

⁵⁵ См. подробнее: Яковлев А. Н. Большевизм — социальная болезнь XX века // С. Куртуа, Н. Верт, Ж.-Л. Панне, А. Пачковский, К. Бартошек, Ж.-Л. Марголен. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 1999.

⁵⁶ Это касалось таких новых положений, закрепленных в Уставе МВТ, как «подготовка военного нападения» (*Vorbereitung des Angriffskrieges*) и «преступления против мира» (*Verschwörung gegen den Frieden*). Нормы, связанные с «преступлениями против человечности» (*Verbrechen gegen Menschlichkeit*), в равной степени могли быть применены

допроизводство велось от лица потерпевшей стороны, что не соответствовало многовековой юридической практике, в соответствии с которой обязательным требованием законности вынесенного вердикта была независимость и нейтральность судей, которые никоим образом не должны быть заинтересованы в вынесении того или иного решения.

В немецкой печати⁵⁷ были высказаны сомнения в моральном праве ряда обвинителей и судей обвинять и судить нацистов, так как эти обвинители и судьи сами были причастны к политическим репрессиям. Так, советский обвинитель Р. А. Руденко считался причастным к массовым репрессиям на Украине, его британский коллега Дин был известен своим участием в передаче миллионов жителей Восточной Европы в руки СССР, где большинство из них попало в концлагеря ГУЛАГа, судьи из США Кларк (*Clark*) и Ф. Бидл организовывали концлагеря для японцев — жителей США, советский судья И. Т. Никитченко участвовал в вынесении сотен приговоров во время Большого террора (1937—1938 гг.).

Видимо, критики были заядлыми прогульщиками и не смогли самостоятельно усвоить уроки Нюрнберга. Так, в заключительной речи, произнесенной 30 августа 1946 г., представитель обвинения от Франции Шампетье де Риб прямо указал, что приговор не будет финалом суда «победителя над побежденными», а «будет торжественным и ясным выражением вечной справедливости». Не отрицая элемента справедливого возмездия за совершенные тяжкие преступления (как в деятельности, так и в решениях Нюрнбергского МВТ), следует иметь в виду, что в международном праве того времени уже имелись положения об ответственности военных преступников⁵⁸. Уставные нормы лишь конкретизировали эти запреты

как к обвиняемым (бомбардировки Ковентри, Роттердама и пр.), так и к обвинителям (бомбардировка Дрездена, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки и т.д.).

⁵⁷ См.: *Binder G. Epoche der Entscheidungen / Eine Geschichte des 20. Jahrhunderts mit Dokumenten in Text und Bild // Sechste Auflage 40—48. Tausend / Tübingen : Seewald Verlag, 1960. S. 491—502.*

⁵⁸ В IV Гагской конвенции 1907 г. установлено, что воюющая сторона будет ответственна за все действия, совершенные лицами, входящими в состав ее военных сил. Версальский мирный договор 1919 г. предусматривал два вида субъектов уголовной ответственности и два вида осуществления юрисдикции (ст. 227—229). Если кайзеру Германии Вильгельму II предъявлялось обвинение «в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров» и его должен был судить суд, состоящий из 5 судей, назначенных США, Великобританией, Францией, Италией и Японией (по сути, международный уголовный суд), то другие преступники, обвиняемые в «совершении действий, противных законам и обычаям войны», должны были нести ответственность перед военными судами государств-победителей, в которых они совершили преступления, т.е. перед национальными судами. И хотя до реализации этих положений дело не дошло (королевский двор Нидерландов отказался выдать Вильгельма II, а суд в Лейпциге осудил несколько нижних чинов), Версальский договор 1919 г. юридически закрепил норму о том, что должностное положение лица в государстве не должно освобождать от ответственности за преступления против международного права. Женевские конвенции о защите жертв войны 1928 г. установили перечень преступлений против лиц, находящихся под защитой конвенций.

применительно к преступлениям конкретных лиц, а придание им обратной силы носило формальный характер⁵⁹.

Критики также упускают из виду договорную международно-правовую природу создания и деятельности МВТ. Соответственно, сама возможность пересмотра приговора Нюрнбергского МВТ лежит в международной договорно-правовой плоскости. Нормами международного права какие-либо суды надзорной инстанции, которые могли бы отменить приговор и прекратить производство по уголовному делу либо передать уголовное дело на новое судебное рассмотрение, не предусмотрены⁶⁰. Уставом Нюрнбергского МВТ и последующих судебных учреждений не допускалась возможность возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Одной из особенностей договорных источников международного уголовного права является придание обратной силы целому ряду норм⁶¹. На первый взгляд это противоречит известной формуле *ex post facto laws*, т.е. запрет обратной силы уголовного закона, но в этом случае речь идет о внутригосударственном правотворчестве. В пункте 2 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.⁶² было подтверждено: «Ничто... не препятствует преданию суду и наказанию любого лица за деяние или упущение, которое в момент совершения являлось уголовным преступлением согласно общим принципам права, признанным международным сообществом». В развитие этой нормы были созданы «гибридные» трибуналы, в частности, Специальный суд по Сьерра-Леоне, Специальный трибунал по Ираку, Чрезвычайные палаты по Камбодже, Специальные комиссии по серьезным преступлениям в Восточном Тиморе и судебная система МООНВК в Косово. Лица, которые совершают серьезные нарушения норм международного права, теперь рассматриваются в качестве *hostis humani generis* — врагов всего человечества⁶³.

Судопроизводство в МВТ велось от лица мирового сообщества, тезис о «потерпевшей стороне» в международном праве опровергается совершенно иным субъектным составом правоотношений. Беспристрастность и независимость

⁵⁹ См.: Панов В. П. Международное уголовное право : учебное пособие. М. : Инфра-М, 1977. С. 28.

⁶⁰ Следует иметь в виду, что Международный уголовный суд, учрежденный на основании Статута, дополняет национальные органы уголовной юстиции и обладает юрисдикцией *ratio netemporis* только в отношении преступлений, совершенных после вступления его в силу (т.е. после 1 июля 2002 г.). Римским Статутом МУС предусмотрена возможность обжалования приговора в Апелляционную палату в соответствии с Правилами процедуры и доказывания. Разумеется, эти возможности ограничены лишь решениями, принятыми Судебной палатой МУС.

⁶¹ Например, обратную силу имели материальные нормы уставов МВТ (Нюрнбергского, Токийского, по бывшей Югославии, по Руанде), а также национальные законы о специальных судах в Луанде и Пномпене.

⁶² Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

⁶³ См.: Meron T. International Criminalization of Internal Atrocities // American Journal of International Law. 1995. Vol. 89. Is. 3.

судей обеспечивалась их внутренним убеждением и принесенной присягой, а тот факт, что процесс закончится признанием вины обвиняемых, не вызывал ни у кого сомнения, с этим было согласно не только мировое сообщество, но и большинство населения Германии еще до судебного рассмотрения действий обвиняемой стороны. Следует также учитывать историческую обусловленность событий, ряд экономических⁶⁴ и даже психологических факторов (в частности, цена человеческой жизни была осмыслена лишь после окончания Второй мировой войны).

Таким образом, выдвигаемая критиками Нюрнбергского процесса аргументация ни в малейшей степени не умаляет его историческую, политическую и правовую значимость для мирового сообщества. Ибо это беспрецедентный, уникальный и первый международный уголовный процесс с очень сильной идеологической составляющей, на котором мировое сообщество выступило с обвинением в адрес идейного и политического движения, руководителей вражеского государства с позиций общечеловеческих ценностей. Его решения легитимно признаны ООН, всеми народами, включая обманутых немцев и японцев, порвавших с идеологией нацизма и милитаризма и вставших на путь демократического развития. Это, по крайней мере, констатируется в Конституции (глава XI)⁶⁵ и в специальном Международном уголовном кодексе (ФРГ)⁶⁶.

* * *

Единодушное осуждение фашизма и милитаризма Нюрнбергским МВТ, утверждение им принципа личной ответственности за преступления против человечности и другие деяния и сейчас имеют непреходящее значение⁶⁷. Нюрнбергский приговор задал установки, образующие фундаментальные ценности современной цивилизации. Не менее очевидным является тот факт, что бывшие европейские страны «оси», являясь участниками ООН, не в восторге от того, что ст. 53,

⁶⁴ Материальный ущерб, о котором шла речь на Нюрнбергском процессе, был огромен. Для всех участников битв и сражений он оценивался в 316 млрд долл. США (по курсу 1939 г.), что в 11,3 раза превосходило соответствующий показатель Первой мировой войны. Из этой суммы 40,5 % (т.е. 128 млрд долл.) приходилось на СССР. Территория страны и вся ее инфраструктура, бывшая в зоне оккупации и боевых действий, была практически полностью уничтожена. Советский Союз потерял треть своего промышленного потенциала и материальных ресурсов. Экономический ущерб Германии составил 12,8 % (48 млрд долл.). На долю США пришлось 0,4 % потерь материальных ценностей. Общий ущерб Советского Союза в довоенных ценах составил 2,6 трлн руб. Это в 14 раз превышало доходы государственного бюджета СССР за предвоенный 1941 г.

⁶⁵ Конституция Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. // URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/germany/german-r.htm#sub_para_N_1099.

⁶⁶ См.: Закон о введении Международного уголовного кодекса от 26 июня 2002 г. // URL: icrc.org/rus/doc/assets/files/other/vstgb-russ.pdf.

⁶⁷ См.: Ларин А. М. Нюрнберг: судебное разбирательство и приговор // Нюрнбергский процесс и современность. М., 1986. С. 93.

77, 107 Устава ООН содержат категорию «вражеское государство»⁶⁸ и ссылки на результаты Второй мировой войны, — это препятствует реализации ряда их внешнеполитических инициатив.

С сожалением приходится констатировать, что к фактам повседневной европейской действительности относятся: попытки реабилитации и даже прославления тех, кто воевал на стороне нацистов; использование в быту нацистской символики⁶⁹; проявления неонацизма; поддержка политических партий с националистическими и ксенофобскими программами; расовая, этническая и религиозная нетерпимость, в том числе антисемитизм; осквернение памятников и могил воинов антигитлеровской коалиции и др. В упоминавшейся ранее резолюции ГА ООН A/RES/75/169 от 16 декабря 2020 г. выражена глубокая обеспокоенность по поводу сооружения памятников и мемориалов, проведения публичных демонстраций в целях прославления нацистского прошлого, переименования улиц в целях героизации приспешников нацизма.

Таким образом, Нюрнбергский приговор, несмотря на свою 75-летнюю историю, должен восприниматься нами, ныне живущими, и нашими потомками уже как история, но имеющая непреходящее значение для будущего всей мировой цивилизации. Мировое сообщество признало приговор Нюрнбергского МВТ окончательным, а попытки его пересмотра могут привести к демонтажу всей современной системы международных отношений. Нюрнбергский приговор — приговор человечества, его общее наследие, а его история — прекрасный урок для нынешнего и будущих поколений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса. — М. : Мысль, 2006. — 400 с.
2. Варченко И. А., Литвяк Л. Г. Характеристика ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» и соотношение со смежными составами (часть 1) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — № 4.
3. Василенко В. А., Давид В. Механизм охраны международного правопорядка. — Брно, 1986. — 257 с.
4. Великая Отечественная война 1941—1945 : энциклопедия / под ред. М. М. Козлова. — М. : Советская энциклопедия, 1985. — 832 с.
5. Зорькин В. Д. Правовые результаты Нюрнбергского процесса и их современное значение : доклад на Международной научной конференции, посвящен-

⁶⁸ Термин «вражеское государство», как он применен в п. 1 ст. 53 Устава ООН, относится к любому государству, которое в течение Второй мировой войны являлось врагом любого из государств, подписавших Устав (речь идет о 51 государстве — первоначальных членах ООН).

⁶⁹ Например, в Хорватии спокойно продавался сахар в упаковках с портретом Гитлера и надписями с антисемитскими издевками. См.: Маргелов М. Нюрнбергский процесс — уроки истории // URL: http://council.gov.ru/inf_ps/parlisurvey/2010/10/104/item5372.html.

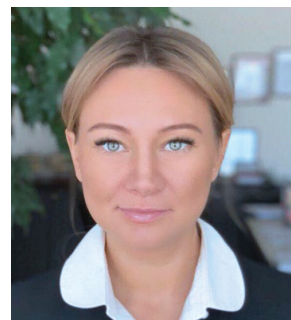

- ной 65-летию Нюрнбергского процесса (Санкт-Петербург, 16 мая 2011 г.) // Российская газета. 16 мая 2011 г.
6. *Каюмова А. Р.* Уголовная юрисдикция в международном праве : монография. — Казань : Центр инновационных технологий, 2016. — 488 с.
 7. *Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л.* Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / пер. с фр. — М. : Три века истории, 1999. — 780 с.
 8. *Левин Д. Б.* Ответственность государств в современном международном праве. — М. : Международные отношения, 1966. — 152 с.
 9. *Лукашук И. И.* Право международной ответственности. — М. : Волтерс Клувер, 2004. — 160 с.
 10. *Международное право : учебник.* — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Велби ; Проспект, 2008. — 560 с.
 11. *Международное право : учебник для вузов / отв. ред. Г. М. Мелков.* — М. : РИОР, 2009. — 720 с.
 12. *Международное право = Völkerrecht / Вольфганг Граф Витцтум [и др.] ; пер. с нем. ; сост. В. Бергманн.* — 2-е изд. — М. : Инфотропик Медиа, 2015. — 1072 с.
 13. *Наумов А. В.* Нюрнбергский процесс: история и современность // Российская юстиция. — 2006. — № 9. — С. 68—70.
 14. *Нюрнбергский процесс и современность / отв. ред. В. В. Пустогаров.* — М. : ИГиП АН СССР, 1986. — 176 с.
 15. *Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сборник материалов : в 7 т.* — М. : Госюриздат, 1957. — Т. 1. — 800 с.
 16. *Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Д. Гинзбургс, Р. С. Кларк, В. Н. Кудрявцев, А. М. Ларин [и др.] ; под ред. И. А. Ледях, И. И. Лукашука ; пер. с англ. А. С. Никифорова.* — М. : ИГиП РАН, 1995. — 263 с.
 17. *Панов В. П.* Международное уголовное право : учебное пособие. — М. : Инфра-М, 1977. — 309 с.
 18. *Стецовский Ю. И.* Преступления против человечности и адвокатура // Адвокат. — 2007. — № 2.
 19. *Сухарев А. Я.* Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности // Журнал российского права. — 2007. — № 1.
 20. *Трайнин А. Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев. — М. : Юриздат НКЮ СССР, 1944. — 107 с.
 21. *Binder G.* Epoche der Entscheidungen / Eine Geschichte des 20. Jahrhunderts mit Dokumenten in Text und Bild // Sechste Auflage 40—48. Tausend ; Tübingen : Seewald Verlag, 1960. — 575 S.
 22. *Meron T.* International Criminalization of Internal Atrocities // American Journal of International Law. — 1995. — Vol. 89. — Is. 3. — P. 554—577.

ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ РАСХОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ БЮДЖЕТОВ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются нормы Конституции Российской Федерации и действующего бюджетного законодательства, а также правовые позиции, выработанные как доктриной, так и правоприменительной практикой, в целях выявления принципов построения расходных обязательств. Выявлены общетраслевые принципы расходов, а также специфические принципы. Представленный систематизированный подход в исследовании позволил резюмировать, что нормативно-правовое закрепление рассматриваемых принципов в специализированных законодательных актах позволит результативно и эффективно спланировать и реализовать механизм финансово-правового регулирования.

Ключевые слова: принципы расходных обязательств, расходные обязательства, бюджет, бюджетная система, финансовое право, бюджетное право.

**Ольга Сергеевна
ЗАБРАЛОВА,**

докторант Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА),
кандидат юридических наук
zabolovaolga@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.76.12.217-223

O. S. ZABRALOVA,

doctoral of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

zabolovaolga@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

LEGAL PRINCIPLES OF FORMING EXPENDITURE OBLIGATIONS OF THE BUDGETS OF THE BUDGET SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article analyzes the norms of the Constitution of the Russian Federation and the current budget legislation, as well as legal positions developed by both the doctrine and law enforcement practice, in order to identify the principles of construction of expenditure obligations. Industry-wide spending principles as well as specific principles are identified. The presented systematic approach in the study allowed us to summarize that the regulatory and legal consolidation of the principles under consideration in specialized legislative acts will allow us to effectively and efficiently plan and implement the mechanism of financial and legal regulation.

Keywords: principles of expenditure obligations, expenditure obligations, budget, budget system, financial law, budget law.

© О. С. Забралова, 2020

По справедливому высказыванию Н. И. Химичевой, «Вступление России в новый этап развития... отразилось на всех отраслях российского права и его системы в целом: на ее строении и направленности регулятивных функций, роли отраслей права и их институтов, правовые нормы которых приобрели новое содержание и нацеленность»¹.

Следовательно, без переосмысления протекающих в системе финансового права процессов, определения места расходных обязательств в системе бюджетного права сложно совершенствовать нормы права, определяющие порядок формирования указанных расходных обязательств бюджета соответствующего уровня бюджетной системы.

Так, категория «расходы бюджета» представлена в ст. 6 БК РФ², которая определяет их как выплачиваемые из бюджета денежные средства, за исключением средств, являющихся источниками финансирования дефицита бюджета.

Расходы бюджета в его составе формируются с учетом расходных обязательств, а именно обусловленных законом, иным нормативным правовым актом, договором или соглашением обязанностей публично-правового образования (Российской Федерации, субъекта РФ, муниципального образования) или действующего от его имени казенного учреждения предоставить физическому или юридическому лицу, иному публично-правовому образованию, субъекту международного права средства из соответствующего бюджета.

Из этого следует, что расходное обязательство есть обязанность публично-правового образования по предоставлению ассигнований из бюджетов субъектам, наделенным правом на их получение.

При этом определяющим в этих правоотношениях является не право получить денежные средства из соответствующего бюджета, а обязанность их выделить, т.е. предоставить указанным субъектам бюджетных правоотношений.

Однако прежде чем изучить правовую природу расходных обязательств, необходимо детально исследовать принципы формирования государственных и муниципальных расходов, на базе которых может быть построен эффективный механизм реализации финансовой деятельности государства и муниципальных образований.

Так, вопросами принципов в науке финансового права занимались многие исследователи, среди которых, безусловно, необходимо назвать Е. А. Ровинского. Он относил к принципам финансового права такие принципы, как плановость, демократический централизм, социалистический демократизм, социалистическая законность³.

¹ Химичева Н. И. Актуальность научного обоснования принципов современного российского финансового права и их законодательного закрепления // Актуальные проблемы современного финансового права России : сб. науч. тр., посвящ. 80-летию д-ра юрид. наук, проф., акад. МАН ВШ Н. И. Химичевой / под ред. Е. В. Покачаловой. Саратов, 2008. С. 8—9.

² СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

³ См.: Финансовое право : учебник / под ред. Е. А. Ровинского. М., 1971. С. 27—30 ; Советское финансовое право / под ред. Е. А. Ровинского. М. : Госюриздат, 1961. С. 20—23.

Современные ученые к числу основополагающих принципов финансового права причисляли принципы федерализма, законности и плановости⁴. В дополнение к перечисленным выше принципам можно добавить гласность, самостоятельность и государственную поддержку органов местного самоуправления, которые предлагают Е. Ю. Грачева и Э. Д. Соколова⁵.

Другими авторами науки финансового права называются принципы: приоритетности публичных задач; социальной направленности финансово-правового регулирования; финансовой самостоятельности органов местного самоуправления; распределения функций в области финансовой деятельности на основе разделения законодательной (представительной) и исполнительной властей; участия граждан, общественных организаций в финансовой деятельности государства, ее контроле; гласности⁶.

Так, по мнению Н. А. Куфаковой, «независимо от источников поступления все денежные средства Советского государства имеют единые принципы их использования». К числу таких принципов автор относила законность, плановость, экономию, полноту отражения расходов в финансовых планах⁷.

Предложенные авторские классификации позволяют сделать однозначный вывод о том, что представители финансово-правовой мысли на протяжении многих лет размышляли над категорией «принципы расходов».

Представляется, что выделение принципов формирования и осуществления расходов на всех уровнях бюджетной системы Российской Федерации (федеральном, региональном и местном) возможно и без их привязки к централизованным и децентрализованным фондам. Можно согласиться с Ю. В. Пятковской, которая пишет: «Принципы государственных и муниципальных расходов являются основополагающими ориентирами в совершенствовании соответствующих правовых норм, определяют направления их развития и особенности правоприменения»⁸.

Бесспорным и основополагающим для финансового права, включая институт расходных обязательств, является принцип законности, означающий неукосни-

⁴ См.: Арзуманова Л. Л. Система права денежного обращения как подотрасли финансового права Российской Федерации : монография / под ред. Е. Ю. Грачевой. М. : Проспект, 2014. 128 с. ; Царегородская Ю. К. Принципы государственного долга: теоретико-правовые подходы // Юридическое образование и наука. 2015. № 4. С. 35—39 ; Бюджетная система и система налогов и сборов Российской Федерации : учебник для магистратуры / под ред. Е. Ю. Грачевой, О. В. Болтиновой. М. : Норма ; Инфра-М, 2017. 272 с. ; Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики / под ред. Е. Ю. Грачева. М. : Проспект, 2020. 256 с.

⁵ См.: Грачева Е. Ю., Соколова Э. Д. Финансовое право : учебное пособие. М., 2000.

⁶ См.: Химичева Н. И., Покачалова Е. В. Принципы российского финансового права как базисные принципы банковской деятельности // Юрист. 2013. № 6. С. 8—9 ; Химичева Н. И. Актуальность научного обоснования принципов современного российского финансового права и их законодательного закрепления. С. 11.

⁷ См.: Советское финансовое право : учебник / под ред. В. В. Бесчеревных, С. Д. Цыпкина. М., 1974. С. 317—318 ; М., 1982. С. 283—284.

⁸ Пятковская Ю. В. Правовое регулирование расходов бюджета субъекта Российской Федерации : монография / под ред. Е. Ю. Грачевой. М. : Норма, 2017. С. 39.

тельное следование правовым нормам и законодательным требованиям при реализации государственных и муниципальных расходов. Рассматриваемый принцип в полной мере распространяет свое действие на всех участников финансово-правовых отношений.

Именно в законности непосредственным образом ярко проявляются единые политические, государственно-юридические закономерности политико-юридической надстройки в целом, причем так, что право, государство, демократия, законность выступают в качестве элементов единой системы, тесным образом взаимодействующих друг с другом взаимопроникающих социально-политических явлений⁹.

Несоблюдение рассматриваемого принципа автоматически повергнет в нестабильное состояние все сферы жизнедеятельности общества и государства ввиду того, что расходы, заложенные в соответствующих бюджетах, оказывают непосредственное влияние на развитие разных направлений государственной социально-экономической политики.

Следующим основополагающим принципом можно назвать федерализм, который заложен в основу формирования государственных и муниципальных расходов в рамках федеративного строения государства. Принцип федерализма лежит в основе построения Российской Федерации как федеративного государства, что нашло отражение в ст. 5 Конституции Российской Федерации¹⁰.

Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации (ч. 3 ст. 5).

В научных публикациях можно найти высказывания о том, что вопросы федерализма решаются в бюджетной сфере. В науке также часто используется категория «бюджетный федерализм»¹¹, единого определения которого до сих пор не найдено. При этом, по мнению В. Г. Ермакова, разделение федерализма на бюджетный, экономический и политический следует считать некорректным.

Тем не менее, рассматривая федерализм как форму государственного устройства, можно говорить о том, что применение данного принципа с позиций финансового права оказывает воздействие на построение бюджетной системы нашего государства. Например, по мнению Н. И. Химичевой, принцип федерализма в бюджетном праве гарантирует самостоятельность бюджетной деятельности и бюджетов субъектов Российской Федерации как необходимой финансовой основы их компетенции, сочетающейся с единой бюджетной политикой, едиными задачами и целями Федерации, реализовать которые призван федеральный бюджет¹².

⁹ См.: *Алексеев С. С.* Общая теория права : в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 217.

¹⁰ URL: <http://pravo.gov.ru>.

¹¹ См. например: Программа развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 года, одобренная постановлением Правительства РФ от 15 августа 2001 г. № 584.

¹² См.: *Химичева Н. И.* Бюджетное право и бюджетные правоотношения // Финансовое право : учебник / под ред. Н. И. Химичевой. М., 1999. С. 147.

Есть и другая авторская позиция, основанная на сочетании принципов централизма и децентрализма между федеральными органами власти и органами власти субъектов Федерации по поводу формирования и реализации бюджетной политики государства, разграничений бюджетно-налоговых полномочий, расходов и доходов, распределения и перераспределения последних между федеральным бюджетом и консолидированными бюджетами субъектов РФ при высокой степени самостоятельности территориальных бюджетов, исходя из единства общегосударственных интересов и интересов населения, проживающего на территории субъекта Федерации и входящих в них муниципальных образований¹³.

Принцип самостоятельности местного самоуправления в рамках осуществления публичных расходов отнесен к числу базовых принципов финансовой деятельности. Данный принцип нашел отражение в первую очередь в ст. 12 Конституции, из которой следует, что на территории нашего государства признается и гарантируется местное самоуправление. Более того, закреплено, что местное самоуправление осуществляется самостоятельно в пределах компетенции данных органов.

Также согласно ст. 132 Конституции РФ органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, вводят местные налоги и сборы, решают иные вопросы местного значения, а также в соответствии с федеральным законом обеспечивают в пределах своей компетенции доступность медицинской помощи (ч. 1). Указанные органы входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории (ч. 3).

Следующим характерным принципом финансовой деятельности признается плановость. Традиционно плановость рассматривается как некий документ — план, в котором содержится комплекс мер и мероприятий, направленных на решение социально-экономических задач, включая ресурсы, в том числе финансовые, на их реализацию. Данный принцип применим абсолютно для каждого направления финансовой деятельности. Любая деятельность, любое хозяйство основано на планировании этапов его осуществления. «Государство как хозяйство более сложное, распоряжающееся гораздо большими средствами и удовлетворяющее большее количество потребностей, чем частное или акционерное предприятие, гораздо больше последних нуждается в составлении сметы доходов и расходов»¹⁴.

Важно подчеркнуть, что независимо от политического режима и курса, избранного государством, планирование остается важным признаком регулирования экономического и социального развития общества и свидетельством грамотного управления публичными финансами.

Принцип плановости нашел свое закрепление в ст. 11 Бюджетного кодекса РФ, из которой следует, что бюджеты всех уровней бюджетной системы в Российской

¹³ См.: *Игудин А. Г.* О принципах реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации // *Финансы*. 1998. № 8. С. 7.

¹⁴ См.: *Горбунова О. Н.* Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М., 2012. С. 75.

Федерации разрабатываются в форме бюджетных планов и облечены в форму законов и актов представительных органов муниципальных образований.

Еще одним из принципов расходных обязательств можно назвать принцип прозрачности, без которого сложно построить истинно демократическое общество. Прозрачность в первую очередь проявляется в открытости деятельности органов государственной власти и местного самоуправления при проведении ими финансовой политики, по сути, осуществления их деятельности под контролем со стороны общества.

В одном из своих постановлений Конституционный Суд РФ отмечал, что из Конституции РФ следует, что финансовое регулирование, бюджетная система РФ должны отвечать требованиям открытости, прозрачности как процесса принятия органами государственной власти финансово емких решений, так и самого использования финансовых ресурсов Российской Федерации, что способствует реализации базирующегося на принципах демократии эффективного контроля гражданского общества за финансовой деятельностью государства в лице его органов¹⁵.

Каждый из представленных принципов по отдельности и все в совокупности важны для формирования эффективного финансово-правового механизма. Однако анализ норм бюджетного законодательства позволяет сделать вывод о том, что проанализированные принципы относятся к числу общетрасловых. В то же время можно выделить и ряд других принципов при осуществлении расходных обязательств: эффективность; достоверность; адресность, целевой характер и т.д., которые являются специальными (специфическими) принципами расходных обязательств.

В заключение отметим, что лишь законодательное закрепление принципов организации расходных обязательств как основ осуществления централизованных и децентрализованных государственных и муниципальных расходов может способствовать созданию результативного финансового механизма.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики / под ред. Е. Ю. Грачевой. — М. : Проспект, 2020. — 256 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. — М., 1981. — Т. 1.
3. Арзуманова Л. Л. Система права денежного обращения как подотрасли финансового права Российской Федерации : монография / под ред. Е. Ю. Грачевой. — М. : Проспект, 2014. — 128 с.
4. Бюджетная система и система налогов и сборов Российской Федерации : учебник для магистратуры / под ред. Е. Ю. Грачевой, О. В. Болтиновой. — М. : Норма ; Инфра-М, 2017. — 272 с.
5. Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. — М., 2012.

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2004 г. № 12-П.

6. Грачева Е. Ю., Соколова Э. Д. Финансовое право : учебное пособие. — М., 2000.
7. Игудин А. Г. О принципах реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации // Финансы. — 1998. — № 8.
8. Пятковская Ю. В. Правовое регулирование расходов бюджета субъекта Российской Федерации : монография / под ред. Е. Ю. Грачевой. — М. : Норма, 2017.
9. Советское финансовое право / под ред. Е. А. Ровинского. — М. : Госюриздат, 1961.
10. Советское финансовое право : учебник / под ред. В. В. Бесчеревных, С. Д. Цыпкина. — М., 1974 ; М., 1982.
11. Финансовое право : учебник / под ред. Е. А. Ровинского. — М., 1971.
12. Химичева Н. И. Актуальность научного обоснования принципов современного российского финансового права и их законодательного закрепления // Актуальные проблемы современного финансового права России : сб. науч. тр., посвящ. 80-летию д-ра юрид. наук, проф., акад. МАН ВШ Н. И. Химичевой / под ред. Е. В. Покачаловой. — Саратов, 2008.
13. Химичева Н. И. Бюджетное право и бюджетные правоотношения // Финансовое право : учебник. — М., 1999.
14. Цареградская Ю. К. Принципы государственного долга: теоретико-правовые подходы // Юридическое образование и наука. — 2015. — № 4.

Виктория БУРЛА,

аспирант кафедры
конституционного и
муниципального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)

spiritvictory@list.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ЦИФРОВИЗАЦИЯ — ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА КАК МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ В ДОКУМЕНТАХ ООН И ЦЕННОСТИ В КОНСТИТУЦИЯХ ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ СНГ

Аннотация. В статье рассматривается влияние глобализации и информационно-коммуникационных технологий на научное осмысление государственного суверенитета как международно-правовой категории и конституционной ценности. Категория «суверенитет» в аксиологическом измерении выступает как базисный элемент системы ценностей конституционного права, а в международно-правовом контексте принцип уважения суверенитета государства является системообразующим. В силу дуалистичности правовой природы государственный суверенитет подлежит защите как конституционным законодательством, так и международным правом. Автор анализирует документы ООН и конституции государств — членов СНГ и предлагает пути оптимизации правовой защиты государственного суверенитета в условиях цифровой среды.

Ключевые слова: государственный суверенитет, конституционные ценности, государства — члены Содружества Независимых Государств (СНГ), международное право, Организация Объединенных Наций (ООН), цифровой (информационный) суверенитет государства.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.76.12.224-232

V. BURLA,

Postgraduate student

of the Department of Constitutional And Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

spiritvictory@list.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

DIGITALIZATION — A FACTOR OF TRANSFORMATION OF STATE SOVEREIGNTY AS AN INTERNATIONAL LEGAL CATEGORY IN UN DOCUMENTS AND A VALUE IN THE CONSTITUTIONS OF THE CIS MEMBER STATES

Abstract. This article deals with the influence of globalization, information and communication technologies on the scientific understanding of sovereignty as an international legal category and constitutional value. The category "sovereignty" in its axiological dimension acts as a basic element of the national system of constitutional values. In the international legal context,

the principle of respect for the sovereignty of the state is a system-forming one. It is noted that due to the dualistic value nature, sovereignty is subject to protection by both national constitutional legislation and international law. The author analyzes UN documents and the constitutions of the CIS member States and suggests ways to optimize the legal protection of state sovereignty in the digital environment.

Keywords: state sovereignty, constitutional values, member States of the Commonwealth of Independent States (CIS), international law, the United Nations (UN), digital (information) sovereignty of the state.

Государственный суверенитет — ключевая категория в международно-правовых отношениях. Устав ООН первым называет принцип суверенного равенства членов Организации, соблюдение которого является основополагающим условием достижения целей международного сотрудничества государств. В аксиологическом измерении суверенитет является одним из основообразующих ценностных элементов для реализации, гарантии и защиты всей системы конституционных ценностей, формирующих основу государственности и цели развития общества.

Как подчеркивает профессор В. В. Комарова, ценности обуславливают возникновение представлений об идеальных моделях социального взаимодействия¹. Суверенитет является одним из идеалов развития народа и исходной точкой для моделирования им своей государственности.

В типологии конституционных ценностей принято выделять национальные и наднациональные (универсальные) конституционные ценности. В контексте такого понимания государственный суверенитет обладает дуалистической природой, поскольку он закрепляется конституцией и носит характер самоценного атрибута государственности, одновременно являясь неперенным условием взаимодействия стран на международной арене.

Государственный суверенитет обеспечивает геополитические рамки допустимого и нежелательного, очерчивает границы национальных интересов. На принципе взаимного уважения государственного суверенитета строится вся система межгосударственного общения.

Как международно-правовая категория суверенитет начинает оформляться благодаря Вестфальским мирным соглашениям 1648 г., закрепившими те аспекты, которые и в современной теории права считаются классическими признаками государственного суверенитета: верховенство, независимость, самостоятельность государства на всей его территории. Подписанный спустя триста лет Устав ООН не содержит определения данной категории, однако возводит принцип суверенного равенства государств в ранг основополагающих в международном праве.

¹ Комарова В. В. Демократия в системе конституционных ценностей // Демократические ценности в международном и национальном конституционном измерении : материалы и доклады XI Международной научно-практической конференции (Самара, 24—27 сентября 2015 г.) / под ред. В. В. Полянского, В. Э. Волкова. Самара : Самарский университет, 2016. С. 99.

Суверенитет государств упоминается и в ряде других документов ООН, в частности, в Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (принята 21 декабря 1965 г. Резолюцией 2131 (XX) на 20-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН), в Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств (принята на 36-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1981 г. (Резолюция 36/103).

Принцип уважения суверенитета государств-членов как основообразующий закреплён и в Уставе СНГ от 22 января 1993 г. (ст. 3).

Итак, в силу двойственности правовой природы государственный суверенитет является как ценностью для правовых систем государств, так и категорией международно-правовых инструментов, а потому подвержен влиянию полярных процессов самоидентификации государств (национализации конституционных ценностей) и глобализации мировой архитектуры (универсализации конституционных ценностей)².

Воспринимая суверенитет в первом контексте как конституционную ценность, важно иметь в виду, что прямая формула «суверенитет является ценностью» не фигурирует ни в Конституции Российской Федерации, ни в конституциях иных государств — членов СНГ. Однако мы исходим из того, что системообразование конституционных ценностей трехсоставно и включает, помимо самой Конституции и ценностей, прямо в ней закреплённых, также конституционные ценности, выявляемые в процессе ее интерпретации Конституционным судом и в трудах ученых³. В этом ракурсе суверенитет относится к числу имплицитных конституционных ценностей.

Из анализа конституций государств — членов СНГ выявляется, что в ряду объектов, составляющих основы конституционного строя и подлежащих конституционной защите, суверенитет фигурирует как базисный элемент, причем принадлежность суверенитета источнику власти — народу — в ряде случаев артикулируется прямо. Например, в Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 3), Конституции Республики Беларусь (ст. 3), Конституции Кыргызской Республики (ст. 3) закрепляется, что народ является носителем суверенитета во всей полноте. Согласно ст. 2 Конституции Республики Молдова народу принадлежит национальный суверенитет.

В Конституции Азербайджанской Республики в ст. 2, озаглавленной «Суверенитет народа», фактически закрепляются гарантии и формы народовластия. Здесь в некотором смысле происходит интерференция ценностных смыслов двух категорий: «суверенитет» и «демократия», что не свойственно российской конституционной аксиологии, разделяющей эти категории, хотя и не противопоставляющей их. Более того, противопоставление этих категорий неизбежно приводит к ценностному конфликту, который в рассматриваемом случае должен быть исключен,

² См.: Невинский В. В. Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе // *Lex russica*. 2018. № 11 (144). С. 106—121.

³ Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. 2-е изд., доп. М. : Юрист, 2014. Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. С. 17.

поскольку если демократия есть полнота власти народа, то вне суверенитета, носителем которого также является народ, реализация им власти невозможна.

Замечательно отражена взаимосвязь суверенитета и демократии Н. Б. Пастуховой, по словам которой конституционно закрепленный принцип народного суверенитета позиционирует Российскую Федерацию как государство народо-властия, т.е. демократическое государство⁴.

В целом в конституциях государств — членов СНГ идея народного суверенитета находится в неразрывной связи с идеей суверенитета государства, что отражается в структуре конституционных положений, когда утверждение о том, что государство является суверенным, соседствует с признанием народа в качестве носителя суверенитета⁵. Фактически суверенитет народа опосредует и формирует суверенитет государства, так как последний есть не что иное, как юридически оформленный и приведенный в действие суверенитет, источником которого является народ. Такой взгляд на смысловое наполнение категории «государственный суверенитет» убедительно доказывает его особую ценность для конституционного права.

В результате анализа и глубокого осмысления существенных характеристик государственного суверенитета Н. Б. Пастухова заключает его дефиницию в следующую формулу: «Государственный суверенитет — это верховенство, самостоятельность и полнота высшей государственной власти на своей территории, ее независимость от других государств во внутренних делах и внешних международных отношениях, а также право делегировать часть властных полномочий внутри государства и за его пределами»⁶.

Одной из важнейших характеристик государственного суверенитета, таким образом, является его территориальность⁷. Части 1 и 2 ст. 67 Конституции Российской Федерации конкретно обозначают территорию распространения суверенных прав государства. Как видно, в классической парадигме суверенитет государства

⁴ Пастухова Н. Б. Основные характеристики и определение государственного суверенитета: современный взгляд // Социология власти. 2006. № 3. С. 161.

⁵ В статье 1 Конституции Кыргызской Республики в первой части Кыргызстан провозглашается как суверенное государство, а народ определен как носитель суверенитета во второй части той же статьи. В Конституции Республики Молдова статьи о суверенитете следуют друг за другом: «Республика Молдова — суверенное... государство» (ст. 1), «Национальный суверенитет принадлежит народу Республики Молдова» (ст. 2). В Конституции Российской Федерации за положением ч. 1 ст. 3 о народе как носителе суверенитета следует норма ч. 1 ст. 4, согласно которой Российская Федерация реализует суверенитет на всей своей территории.

⁶ Пастухова Н. Б. К вопросу об основных признаках и определении государственного суверенитета // Lex russica. 2007. № 5. С. 873.

⁷ В конституциях России и иных государств — членов СНГ неоднократно упоминается термин «территория», в том числе в контексте суверенитета. Конституция РФ прямо провозглашает: «Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию» (ч. 1 ст. 4). Аналогичные положения содержатся в Конституции Республики Казахстан (ч. 2 ст. 2) и Конституции Украины (ст. 2). Часть 1 ст. 9 Конституции Республики Беларусь связывает территорию Республики Беларусь с государственным суверенитетом.

«функционирует» на физическом пространстве, т.е. в пределах, имеющих географическое измерение. Это презюмировалось и Вестфальским миром, получив развитие в документах ООН. Речь не только об Уставе Организации, например, в упомянутой выше Декларации ООН о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств содержится формула «суверенитет государств над своими природными ресурсами». В этой связи возникает вопрос: возможно ли допустить, что государственный суверенитет может распространяться на сегменты, не имеющие физической территории? В частности, когда речь идет о цифровой среде.

Этот вопрос заставляет нас обратиться ко второму контексту существования государственного суверенитета уже как международно-правовой категории, осмысление которой в настоящее время происходит в условиях глобализации и универсализации ценностных основ государств. Сегодня процессы универсализации ценностей обеспечиваются в том числе факторами информационно-технического характера. Развитие цифровых технологий обуславливает необходимость пересмотра и усиления правовых механизмов гарантии и защиты суверенитета, имеющего первоосновное значение для государственности.

Цифровизация ведет к размыванию категории «государственный суверенитет», расширяя границы ее классического понимания. Появляются новые термины⁸: «киберпространственный суверенитет государства», «государственный суверенитет в сети Интернет», «цифровой суверенитет государства», «информационный суверенитет государства»; при этом суверенитет как юридический критерий государственности претерпевает серьезную трансформацию. Государственная граница уже не может быть единственной гарантией суверенитета страны, а территориальность суверенитета в киберпространстве лишается конституционно-правовой опоры. Характер правового регулирования рассматриваемого феномена подлежит всемерной адаптации к этим условиям.

Существует точка зрения, согласно которой конституционное закрепление территории, на которую распространяется суверенитет, не должно толковаться как подразумевающее ограничение сферы распространения государственного суверенитета только физическими границами государства⁹.

Тем не менее на уровне международного права совершенный отказ от территориального аспекта в вопросах регулирования суверенитета пока не происходит. Так, в преамбуле Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/65/41 от 8 декабря 2010 г. «Достижения в сфере информатизации и коммуникаций в контексте международной безопасности» содержится принципиальный тезис: «Суверенитет государств и международные нормы и принципы, проистекающие из суверенитета, применяются к осуществлению государствами деятельности, связанной с ИКТ (информационно-коммуникационными технологиями. — В. Б.), и к их юрисдикции над ИКТ-инфраструктурой, расположенной на их территории»¹⁰.

⁸ См., например: *Ефремов А. А.* Формирование концепции информационного суверенитета государства // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. № 1. С. 201—215.

⁹ См.: *Даниленков А. В.* Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // *Lex russica*. 2017. № 7. С. 166—177.

¹⁰ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/65/41 от 8 декабря 2010 года «Достижения в сфере информатизации и коммуникаций в контексте международной безопас-

Развивая этот тезис, концепция Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности предусматривает: «Суверенитет и законы распространяются на информационную инфраструктуру, расположенную на территории государства-участника или иным образом находящуюся под его юрисдикцией»¹¹.

На уровне национальных правовых систем вопрос предлагается урегулировать посредством конституционно-правового закрепления принципа государственного суверенитета в сети Интернет (или цифрового (информационного) суверенитета государства). Так, в развитие темы влияния информационных технологий на современный конституционализм М. А. Федотов заключает, что «пока Конституция не обретет своего интернет-измерения, всякие попытки правового регулирования деятельности в киберпространстве методами национального законодателя обречены на неудачу»¹². При этом автор приводит ряд предложений в части поправок положений глав первой и второй Конституции России, направленных в том числе на включение в Конституцию категории «информационное пространство».

Однако важно помнить, что положения первых двух глав российской Конституции обладают известной жесткостью и предполагают особую процедуру реформирования: они не могут быть пересмотрены парламентом, для этого необходимо созывать Конституционное Собрание (ч. 1 и 2 ст. 135). На практике это сопряжено с рядом процедурных неопределенностей, поскольку специальный федеральный закон на этот счет отсутствует. По этой причине полагаем, что конституционное закрепление цифрового (информационного) суверенитета государства является преждевременным.

Кроме того, по нашему убеждению, суверенитет государства в цифровой среде — это одна из форм проявления государственного суверенитета, воплощающая ценностную основу базового понятия, и национальный законодатель призван регулировать данную сферу в целом, исходя из целей защиты основ конституционного строя.

Наконец, суверенитет в условиях цифровизации как части глобализационных процессов нуждается в защите не только внутренними способами, но также инструментами международно-правового регулирования, с учетом его значения для отношений государств на международной арене, о чем говорилось выше.

В части правового воздействия на рассматриваемую сферу национальным законодателем импонирующим является подход В. Б. Наумова, который, разделяя юрисдикционную проблему регулирования государственного суверенитета в Сети, выражает мысль о целесообразности законодательного распространения государственного суверенитета на информационные отношения, в которых информационный ресурс находится на территории страны или субъекты информационного обмена являются гражданами России или зарегистрированными в

ности» // URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/73/27> (дата обращения: 8 декабря 2020 г.).

¹¹ Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/191666 (дата обращения: 22 декабря 2020 г.).

¹² Федотов М. А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex russica. 2016. № 3. С. 168.

установленном порядке юридическими лицами — резидентами¹³, т.е., по крайней мере, на область, подпадающую под юрисдикцию государства.

Информационный суверенитет государства тесно связан с вопросами информационной безопасности. В законодательстве некоторых государств — членов СНГ действуют документы стратегического характера в этой области. В России Указом Президента от 5 декабря 2016 г. № 646 утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации¹⁴, где информационная безопасность определяется как состояние защищенности от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечивается в том числе суверенитет государства (пп. «в» п. 2).

В постановлении Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» также фигурирует термин «информационный суверенитет Республики Беларусь», под которым понимается неотъемлемое и исключительное верховенство права государства самостоятельно определять правила владения, пользования и распоряжения национальными информационными ресурсами, осуществлять независимую внешнюю и внутреннюю государственную информационную политику, формировать национальную информационную инфраструктуру, обеспечивать информационную безопасность.

Однако для защиты государственного суверенитета национального регулирования, как мы указывали выше, недостаточно, поскольку в киберпространстве границы стерты и на фоне различных геополитических интересов государств возникают угрозы их национальным (суверенным) интересам. Качественному межгосударственному регулированию данной сферы, наряду с ООН, могут способствовать союзы стран со сходными интересами. СНГ является таким союзом.

В настоящее время действует Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в области обеспечения информационной безопасности от 20 ноября 2013 г.¹⁵, в рамках которого подготовлена Стратегия сотрудничества в построении и развитии информационного общества на период до 2025 г.¹⁶

Тем не менее в обозначенных документах информационный (цифровой) суверенитет государств не артикулирован как объект, на который направлено основ-

¹³ Наумов В. Б. Интернет и государственный суверенитет : тезисы доклада на I Всероссийской конференции «Право и Интернет: теория и практика» // URL: <http://www.ifap.ru/pi/01/r16.htm> (дата обращения: 8 декабря 2020 г.).

¹⁴ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 года № 646 // URL: <http://base.garant.ru/71556224/> (дата обращения: 8 декабря 2020 г.).

¹⁵ Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности от 20 ноября 2013 г. // URL: <http://base.garant.ru/70604710/> (дата обращения: 8 декабря 2020 г.).

¹⁶ Решение Совета глав правительств СНГ «О Стратегии сотрудничества государств — участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 года и Плана действий по ее реализации» (принято в г. Минске 28 октября 2016 г.) // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=60242#05486147856310337> (дата обращения: 8 декабря 2020 г.).

ное регулятивное внимание. В этой связи необходимо рассмотреть возможность создания дополнительных правовых механизмов защиты государственного суверенитета стран СНГ в сети Интернет. Речь может идти о разработке конвенции о мерах, направленных на защиту информационного (цифрового) суверенитета государств — членов СНГ, в которой будет четко определено содержание категории «информационный (цифровой) суверенитет государства-члена» и предусмотрены практические меры защиты суверенных прав государств в информационно-коммуникационном пространстве: обмен данными, оказание технической помощи, создание единой цифровой инфраструктуры.

Кроме документальных инструментов упрочению суверенитета государств — членов СНГ в цифровом пространстве может способствовать применение специальных форм сетевой защиты. В начале 2019 г. обсуждалось создание единой цифровой платформы СНГ (рабочее название «СНГнет»), которая объединила бы домены стран Содружества в единую защищенную сеть¹⁷. Сегодня целесообразно вернуться к идее создания единой доменной зоны СНГ, техническую возможность реализации которой дополнительно следует оценить специалистам.

В заключение отметим, что информационно-технологические процессы на фоне глобализации неизбежно ведут к трансформации ценностного значения государственного суверенитета. Защита суверенитета как национальной ценности государства и ценности международной, общей по значению для всех стран, должна осуществляться, соответственно, на двух уровнях: национальном и наднациональном. В рамках второго важная роль принадлежит развитию правовых инструментов ООН в этом направлении, которое будет способствовать упрочению ценностной основы суверенитета всех государств в информационно-правовом пространстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бондарь Н. С.* Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. — 2-е изд., доп. — М. : Юрист, 2014. — Серия «Библиотечка судебного конституционализма». — Вып. 2. — 184 с.
2. *Даниленков А. В.* Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // *Lex russica*. — 2017. — № 7. — С. 166—177.
3. *Ефремов А. А.* Формирование концепции информационного суверенитета государства // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. — 2017. — № 1. — С. 201—215.
4. *Комарова В. В.* Демократия в системе конституционных ценностей // *Демократические ценности в международном и национальном конституционном измерении : материалы и доклады XI Международной научно-практической*

¹⁷ См.: *Горелик А.* В СНГ предлагают создать единую защищенную цифровую платформу // *Парламентская газета*. URL: <https://www.pnp.ru/economics/v-sng-predlagayut-sozdat-edinuyu-zashhishhyonnyuyu-cifrovuyu-platformu.html> (дата обращения: 8 декабря 2020 г.).

- конференции (Самара, 24—27 сентября 2015 г.) / под ред. В. В. Полянского, В. Э. Волкова. — Самара : Самарский университет, 2016. — С. 99—103.
5. *Медушевский А. Н.* Конституция Интернета: идея, проекты и перспективы // *Общественные науки и современность*. — 2019. — № 1. — С. 71—86.
6. *Наумов В. Б.* Интернет и государственный суверенитет : тезисы доклада на I Всероссийской конференции «Право и Интернет: теория и практика» // URL: <http://www.ifap.ru/pi/01/r16.html> (дата обращения: 8 декабря 2020 г.).
7. *Невинский В. В.* Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе // *Lex russica*. — 2018. — № 11 (144). — С. 106—121.
8. *Пастухова Н. Б.* К вопросу об основных признаках и определении государственного суверенитета // *Lex russica*. — 2007. — № 5. — С. 863—874.
9. *Пастухова Н. Б.* Основные характеристики и определение государственного суверенитета: современный взгляд // *Социология власти*. — 2006. — № 3. — С. 157—166.
10. *Федотов М. А.* Конституционные ответы на вызовы киберпространства // *Lex russica*. — 2016. — № 3. — С. 164—182.

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕГРИРОВАННОЙ ПОЛИТИКИ ЕС ПО АРКТИКЕ В ЗАКЛЮЧЕНИЯХ СОВЕТА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 2016 И 2019 гг.

Аннотация. Статья посвящена изучению развития правового регулирования арктической политики ЕС на примере эволюции положений ее текущего базового документа — Совместного заявления Европейской комиссии и Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности об Интегрированной политике Евросоюза по Арктике 2016 г. в четырех заключениях Совета ЕС 2016 и 2019 гг. Исследуются место и роль вышеуказанных актов в правовом регулировании арктической политики Евросоюза, а также их взаимосвязь. Демонстрируется взгляд Совета ЕС как одного из адресатов Политики на ее дальнейшее развитие. Посредством углубленного анализа тематически разных заключений Совета Евросоюза рассматривается их вклад в развитие идей Совместного заявления по направлениям экологии, устойчивого развития и международного сотрудничества в Арктике; отмечаются новые предложения и подходы.

Отдельное внимание уделено определению юридической природы Совместного заявления и заключений как нетипичных актов институтов ЕС. В ходе изучения сопутствующих заключениям документов (особенно по космической тематике) демонстрируется интегрированный характер арктической политики Евросоюза, т.е. ее связь с иными политиками и сферами компетенции ЕС (морской, экологической, космической).

По результатам проведенного исследования формулируется несколько выводов: заключения Совета Евросоюза 2016 и 2019 гг. вместе образуют единое целое как пакет интегрированных документов, служат основой для дальнейших действий ЕС и стран-членов в Арктическом регионе; имплементация Политики 2016 г. продолжается на рубеже 2019–2020 гг. и в 2021 г. в том же ключе, по тем же приоритетам, но более адаптированным и дополненным последующими документами, с тенденцией большей интеграции арктической политики в смежные сферы компетенции.

Ключевые слова: Арктика, Европейский Союз, Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности, Европейская комиссия, Совет Европейского Союза, Совместное заявление, Интегрированная политика, арктическая политика, заключения Совета ЕС, нетипичные акты.

**Егор Николаевич
МОНОКИН,**

аспирант кафедры
международного права
Всероссийской академии
внешней торговли
Министерства
экономического развития
Российской Федерации
monokin_egor@vavt.ru
119285, Россия, г. Москва,
Воробьевское ш., д. 6А

**Наталья Николаевна
МАЗАЕВА,**

доцент кафедры
международного права
Всероссийской академии
внешней торговли
Министерства
экономического развития
Российской Федерации,
кандидат юридических наук
n_mazaeva2001@mail.ru
119285, Россия, г. Москва,
Воробьевское ш., д. 6А

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.76.12.233-248

© Монокин Е. Н.,
Мазеева Н. Н., 2020

E. N. MONOKIN,

Post-graduate Student of international law Department
of the Russian Foreign Trade Academy
of the Ministry of economic development
of the Russian Federation
monokin_egor@vavt.ru
119285, Russia, Moscow, Vorobyevsky sh., 6A

N. N. MAZAEVA,

Associate Professor of the international law Department
of the Russian Foreign Trade Academy
of the Ministry of economic development
of the Russian Federation, Cand. Sci. (Law)
n_mazaeva2001@mail.ru
119285, Russia, Moscow, Vorobyevsky sh., 6A

LEGAL REGULATION DEVELOPMENT OF AN INTEGRATED EUROPEAN UNION POLICY FOR THE ARCTIC IN COUNCIL OF THE EUROPEAN UNION CONCLUSIONS OF 2016 AND 2019

Abstract. The article is dedicated to the study of legal regulation development of the EU Arctic policy, on the example of its current basic document (Joint Communication by the European Commission and the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy on An integrated European Union policy for the Arctic 2016) provisions evolution in the latest documents — four conclusions issued by the Council of the European Union in 2016 and 2019. Place and role of the aforementioned acts in legal regulation of the EU Arctic policy, as well as their interconnection, is examined. View of the Council of the European Union, as one of the Policy addressee, on its further development is demonstrated. By means of in-depth analysis of thematically different conclusions of the Council of the European Union, their contribution to the development of the ideas of Joint Communication within such directions as environment, sustainable development and international cooperation in Arctic is considered; new proposals and approaches are underlined. Special attention is paid to the definition of the legal nature of Joint Communication and conclusions as atypical acts of the EU institutions. During the study of documents accompanying the conclusions (especially on space issue), an integrated nature of the EU Arctic policy is demonstrated, i.e. its relationship with other EU policies and areas of competence (maritime, environmental, space). Based on the results of the study, several findings are made: Council conclusions of 2016 and 2019 compose together a single entity as integrated documents package, serve as the basis for further actions by the EU and Member States in the Arctic region; implementation of 2016 Policy in 2019-2020 and 2021 is carried along the same lines laid

down by it, according to the same priorities, which are more adapted and supplemented by documents following it, with tendency to greater integration of Arctic policy into neighboring areas of competence.

Keywords: Arctic, European Union, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy, European Commission, Council of the European Union, Joint Communication, Integrated Policy, Arctic policy, Council conclusions, atypical acts.

Совместное заявление Европейской комиссии и Верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности Европейскому парламенту и Совету «Об Интегрированной политике ЕС по Арктике» 27.04.2016¹ (далее — Политика) является последним на сегодняшний день, третьим базовым документом по арктической политике Евросоюза после Заявления Комиссии Парламенту и Совету «Европейский Союз и Арктический регион» (2008 г.)² и Совместного заявления «Развитие политики ЕС по Арктике: прогресс с 2008 г. и последующие шаги» (2012 г.)³. В промежутках между ними Парламент издавал резолюции, а Совет — заключения по арктической политике.

Будучи нетипичным (не указанным в ст. 288–292 Договора о функционировании ЕС) актом институтов ЕС (принятым на основании ст. 22 (2) и 30 (1) Договора о Европейском Союзе), указанный документ по своей юридической природе является необязывающим, политико-правовым и зиждется на обновленном Лиссабонском договоре 2007 г. полномочиях Комиссии и Верховного представителя⁴. Однако, по мнению авторов, он заслуживает пристального внимания с точки зрения понимания дальнейших действий Европейского Союза в Арктическом регионе.

Нетипичные акты являются направляющими (steering effect), способствуя, с одной стороны, законодательному процессу (побуждают институты к принятию законодательных актов), а с другой — их имплементации (благодаря наличию «мягкого» права). Поэтому такие акты можно назвать политико-правовыми — они освещают политику и действия ЕС в определенной сфере, а также являются результатом нормотворчества институтов ЕС и побуждают к принятию законо-

¹ Joint Communication to the European Parliament and the Council — An integrated European Union policy for the Arctic. Brussels, 27.04.2016. JOIN (2016) 21 final // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex:52016jc0021> (дата обращения: 29.03.2020).

² Communication from the Commission to the European Parliament and the Council — The European Union and the Arctic region. Brussels, 20.11.2008. COM (2008) 763 final // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex:52008dc0763> (дата обращения: 29.03.2020).

³ Joint Communication to the European Parliament and the Council — Developing a European Union Policy towards the Arctic Region: progress since 2008 and next steps. Brussels, 26.06.2012. join/2012/019 final // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex%3a52012jc0019> (дата обращения: 29.03.2020).

⁴ Raspotnik A. The European Union and the Geopolitics of the Arctic. Cheltenham : Edward Elgar publishing, 2018. 240 p.

дательных актов. Некоторые ученые емко характеризуют эту особенность как регулирование посредством информирования (regulation by information)⁵.

Затрагивая все сферы компетенции ЕС и стран-членов (а также дополняя их национальные арктические стратегии⁶), Совместное заявление 2016 г. установило основные приоритеты деятельности Евросоюза и его государств по Арктике в трех главных областях (priority areas) — экологии и изменениям климата, устойчивому развитию, международному сотрудничеству. Каждая из них содержала подкатегории или более узкие сферы (такие как, например, наука, экономика и инвестиции), в которых были описаны текущие проблемы европейской Арктики (issues) и способы их решения — собственно шаги Политики (policy response).

Политика стала логическим продолжением и развитием идей, заложенных в Резолюции Парламента об Арктической стратегии ЕС 12.03.2014⁷ (переход на возобновляемую энергетику, привлечение частного бизнеса, синтез науки и образования) и Совместном заявлении 2012 г. (акцент на науку).

Акцент на экологию и международное сотрудничество в Политике дополнен направлением социально-экономического развития Арктики (инвестиции, транспорт) и в гораздо большей степени — наукой и инновациями. Эти два перспективных направления встречаются в каждой приоритетной области и порой даже дублируются⁸. Еще одной закреплённой в Политике новеллой стала взаимозависимость европейской Арктики и остальной части Евросоюза, интегрированность (во все сферы компетенции) и комплексность развития: для модернизации северного региона необходимо приложить усилия не только в нем, но и во всем Евросоюзе; арктические территории и центральные части Европейского Союза не могут развиваться сами по себе, в отрыве друг от друга (что наглядно продемонстрировано в социально-экономическом разделе Политики).

В международном сотрудничестве по Арктике Евросоюз делает упор на региональный уровень и соответствующие площадки (часто упоминаются арктические страны, Арктический совет, Совет Баренцева/Евроарктического региона и про-

⁵ Jaeger T., Kordic R., Ruse-Khan H. G. The Role of Atypical Acts in EU External Trade and Intellectual Property Policy // *European Journal of International Law*. 2010. Vol. 21. № 4. P. 2, 6 ; Lin C. H. Legal Development of Atypical Acts in the European Union with Some Reference to Spectrum Management Legislation // *Athens Journal of Law*. January 2020. Vol. 6. Is. 1. P. 2, 5, 9.

⁶ NINS / Information memo for a new referral. Subject: Joint communication to the European Parliament and the Council "An integrated European Union policy for the Arctic". № REX/470-EESC-2016-3695 / European Economic and Social Committee. Brussels, 28.06.2016. P. 2 // URL: <https://webapi2016.eesc.europa.eu/v1/documents/EESC-2016-03695-00-02-NINS-TRA-EN.docx/content> (дата обращения: 29.03.2020) ; Арктический регион: проблемы международного сотрудничества : хрестоматия : в 3 т. / под общ. ред. И. С. Иванова. М. : Аспект пресс, 2013. Т. 3 : Применимые правовые источники. С. 13.

⁷ European Parliament resolution of 12 March 2014 on the EU strategy for the Arctic (2013/2595(RSP)) // OJ C 378. 09.11.2017. P. 174–181.

⁸ Пункт 1.1 раздела «Изменение климата и безопасность арктической среды», п. 3.4 раздела «Международное сотрудничество по вопросам Арктики».

грамма приграничного сотрудничества «Северное измерение»⁹), но также рассматривает потенциал и выгоды кооперации с неарктическими азиатскими странами.

Со времен базового документа арктической политики ЕС 2012 г. Совместное заявление 2016 г. сделало большой шаг вперед в качественном и количественном плане. Оно последовательно соединяет настоящее с будущим: изобилует примерами как реализуемых, так и запланированных мер, правовых актов (в меньшей степени). Политика выполнила наказ Заявления 2008 г. *«сформировать более четкую, детальную, структурную и скоординированную политику для сотрудничества с арктическими государствами и баланса между приоритетным сохранением арктической среды и устойчивым использованием ее ресурсов»* (п. 5).

Однако, призывая ЕС и страны-члены к 39 шагам, Политика приблизилась, но еще не смогла преобразиться в *«целостную стратегию и конкретный план действий по участию ЕС в Арктике»* — выполнить требование Парламента в п. 1–2 Резолюции 2014 г. Для этого ей не хватает сроков реализации и четкого институционального контроля за исполнением.

Невыполненные требования и стали заделом для новых, анализируемых в данной статье документов Европейского Союза по Арктике.

Заключения Совета ЕС № 10400/16 по Арктике (20.06.2016)

Свою оценку Политики дал один из его адресатов — Совет ЕС¹⁰. Его заключения, будучи (как и совместные заявления) нетипичным актом институтов ЕС, являются необязывающими документами, выражают единодушное согласие, мнение по определенной теме и служат основой для дальнейших действий¹¹.

⁹ Northern Dimension Policy framework document. 2006. 8 p. // European External Action Service. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/north_dim/docs/nd_framework_document_2006_en.pdf (дата обращения: 29.03.2020); Northern Dimension Policy framework document. 2015. 7 p. // European External Action Service. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/northern_dimension_policy_framework_document_updated_28_05_2015.pdf (дата обращения: 29.03.2020).

¹⁰ Council Conclusions on the Arctic. Brussels, 20.06.2016. 10400/16. 5 p. // URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10400-2016-init/en/pdf> (дата обращения: 29.03.2020).

¹¹ Summaries of EU Legislation: Atypical acts // Eur-Lex: access to European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=legissum:ai0037> (дата обращения: 29.03.2020); Council conclusions & resolutions // European Council, Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/council-eu/conclusions-resolutions> (дата обращения: 29.03.2020); Comments on the Council's Rules of Procedure. European Council's and Council's Rules of Procedure. Luxembourg: Publications Office of the European Union, March 2016. P. 68–69; *Blanke H.-J., Mangiameli S.* The Treaty on European Union (TEU): A Commentary. Berlin: Springer Science+Business Media, 2013. P. 629; *Airolidi A.* The European Union and the Arctic: Main developments July 2008 — July 2010. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2010. P. 24; *Rasputnik A.* The European Union and the Geopolitics of the Arctic. Cheltenham: Edward Elgar publishing, 2018. 240 p.; *Hofmann H. C. H., Rowe G. C.*,

Совет в основном поддержал Политику, ссылаясь на свои Заключения о развитии Политики ЕС по Арктическому региону (12.05.2014), ее цели, «*тематический и географический акцент*» мер (п. 5 Заключений). Но особое внимание он обратил на устойчивое развитие и международное сотрудничество (п. 2 и 3 Политики).

Главным принципом Политики 2016 г. и последующих «*интегрированных*» документов, по мнению Совета, является и должно оставаться **устойчивое развитие** (п. 5 Заключений): среди всех сфер, о выполнении которых авторы Политики должны отчитываться перед Советом, особенно выделяются социально-экономическое развитие, экология и климат (п. 12). Для обеспечения устойчивого развития и совместных (как ЕС и стран-членов, так и иных государств) научных исследований Совет рекомендует укрепить взаимодействие инструментов финансирования, упомянутых в п. 1.1 и 2.3 Политики, — Европейского инвестиционного банка, Европейских структурных и инвестиционных фондов (ESIFs / European Structural and Investment Funds)¹², научно-исследовательской инновационной программы Horizon 2020¹³ (п. 7 и 8 Заключений).

Комиссии адресован призыв увеличить вклад Евросоюза в устойчивое развитие Арктики через обозначенный Политикой инструментарий: «зеленые» и инновационные технологии, коммуникации (в рамках TEN-T / Трансевропейской транспортной сети), помощь малым и средним предприятиям (SMEs / Small and medium-sized enterprises), развитие туризма (п. 10).

Усиление присутствия Евросоюза в Арктике, по мнению Совета, является важным для общей внешней политики и политики безопасности. Этой цели посвящены все документы арктической политики ЕС. Поэтому, говоря о перспективах развития **международного сотрудничества** в «*стратегически важном для ЕС регионе*», Совет призвал наращивать межсекторальное и скоординированное

Türk A. H. Administrative Law and Policy of the European Union. Oxford : Oxford University Press, 2011. P. 11, 124, 213, 226 ; *Bartolini A., Cippitani R., Colcelli V.* Dictionary of Statuses within EU Law : The Individual Statuses as Pillar of European Union Integration. Berlin : Springer, 2019. P. 222.

¹² Фонд регионального развития, Социальный фонд, Фонд сплочения, Фонд аграрной промышленности и сельскохозяйственного развития, Фонд морского промысла и рыболовства.

См.: Regulation (EU) № 1303/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2013 laying down common provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund, the Cohesion Fund, the European Agricultural Fund for Rural Development and the European Maritime and Fisheries Fund and laying down general provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund, the Cohesion Fund and the European Maritime and Fisheries Fund and repealing Council Regulation (EC) № 1083/2006 // OJ L 347. 20.12.2013. P. 320–469.

¹³ Бюджет 77 млрд евро рассчитан на 2014–2020 гг.

См.: Regulation (EU) № 1291/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 establishing Horizon 2020 — the Framework Programme for Research and Innovation (2014–2020) and repealing Decision № 1982/2006/EC (text with EEA relevance). Art. 3, 6, 20, 21 // OJ L 347. 20.12.2013. P. 104–173.

взаимодействие Евросоюза на всех уровнях — с «*региональными и глобальными акторами в Арктике*» (п. 2, 3). Обращаясь к арктическим государствам, Совет транслирует сходную позицию о большей эффективности регионального и глобального сотрудничества для решения проблем Арктики (п. 3).

На уровне ЕС Совет рекомендует наладить сотрудничество между институтами и странами — членами Евросоюза (п. 11). Комиссии и Верховному представителю желательно включать арктическую повестку в различные сферы международного взаимодействия для повышения осведомленности и интереса к Арктике как членов ЕС, так и его иностранных партнеров. Например, для защиты и адаптации к изменениям климата Арктики Совет¹⁴ обязывает ЕС и государства-члены уделять во внешней политике первостепенное внимание имплементации глобальных и региональных экологических соглашений (п. 6). Позже идея об **инклюзивности арктической повестки** станет одной из рекомендаций EPSC / Европейского центра политической стратегии (при Комиссии)¹⁵ как приоритет новой арктической политики ЕС.

В итоге, поддерживая арктическую Политику ЕС, изложенную Комиссией и Верховным представителем в Совместном заявлении, предложения Совета ЕС затрагивают лишь устойчивое развитие и международное сотрудничество. По этим же двум направлениям он видит дальнейшее совершенствование политики ЕС, задавая Евросоюзу, его институтам и странам-членам основу для будущих действий. Через три года в новых заключениях Совета эти направления пополнятся экологией и космическими технологиями.

Заключения Совета ЕС № 14249/19 по океанам и морям (19.11.2019)

В соответствии с п. 1–2 Резолюции Парламента 2014 г. арктическая Политика ЕС начала интегрироваться в иные, пока смежные сферы интересов и компетенции Евросоюза. Заключения Совета ЕС № 14249/19 по океанам и морям (19.11.2019)¹⁶ хотя и не затрагивают Арктику полностью, но во введении, кроме своих же документов по морской политике ЕС, упоминают и о Совместном заявлении 2016 г. Общее содержание заключений затрагивает угрозу быстрых изменений климата для морской среды и такие способы совместного ответа международного сообще-

¹⁴ Ссылаясь на свои Заключения по европейской климатической дипломатии от 15.02.2016 (обновлены 20.01.2020).

См.: Council Conclusions on European climate diplomacy after COP21. Brussels, 15.02.2016. 6061/16. 9 p. // URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6061-2016-INIT/en/pdf> (дата обращения: 29.03.2020); Council Conclusions on Climate Diplomacy. Brussels, 20.01.2020. 5033/20. 6 p. // URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/st-5033-2020-init/en/pdf> (дата обращения: 29.03.2020).

¹⁵ Walking on thinice: a balanced Arctic strategy for the EU // European Political Strategy Centre (EPSC). EPSC Strategic Notes. 19.07.2019. Is. 31. P. 10, 13.

¹⁶ Council Conclusions on Oceans and Seas. Brussels, 19.11.2019. 14249/19. 16 p. // URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/41384/st14249-en19.pdf> (дата обращения: 29.03.2020).

ства и всех уровней ЕС на них, как морская безопасность, устойчивое использование биоресурсов (защита биоразнообразия, уменьшение загрязнения), «синяя» экономика (рыболовство, транспорт, гидроэнергетика), научные исследования.

Являясь одним из самых удаленных (от основной части ЕС) регионов, Арктика в то же время очень значима для ЕС (п. 58). В VIII разделе Заключений, посвященном ей (п. 59–67), Совет прежде всего выражает обеспокоенность высокой уязвимостью Северного Ледовитого океана и в два раза более быстрыми по сравнению с другими регионами темпами его потепления — неизбежным следствием человеческой деятельности. Выделяются два направления (научные исследования, экологическая безопасность и мониторинг) и три международно-правовых инструмента для защиты океана от антропогенной деятельности.

Главной региональной площадкой для защиты экологии Северного Ледовитого океана п. 64 и 65 Заключений называют Арктический совет (из-за целей по ст. 1 (а) — (с) Оттавской декларации (1996 г.)¹⁷) с его шестью рабочими группами (каждая из которых имеет экологическую направленность) и программой председательства Исландии на 2019–2021 гг. (среди ее акцентов — климат, морская среда, «зеленая» и «синяя» экономика)¹⁸.

Основным направлением защиты океана, по мнению Совета, являются совместные (с международными организациями и арктическими государствами) научные исследования. Международно-правовыми инструментами здесь выступают Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море центральной части Северного Ледовитого океана (2018 г.)¹⁹ и Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества (2017 г.)²⁰. В научной работе необходимо учитывать традиционные знания, опыт коренного и местного населения Арктики (п. 59, 66). Также приветствуется деятельность

¹⁷ Declaration on the establishment of the Arctic Council (Ottawa Declaration). Joint communique of the governments of the Arctic countries on the establishment of the Arctic Council. Arctic Council. Ottawa, 19.09.1996. 5 p. // URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/85> (дата обращения: 29.03.2020).

¹⁸ Together towards a sustainable Arctic: Iceland's Chairmanship Program for the Arctic Council 2019–2021 / Iceland Ministry for Foreign Affairs. Rovaniemi, May 2019. 12 p. // URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2456> (дата обращения: 29.03.2020) ; Iceland's Chairmanship in the Arctic Council — Key Priorities: FM Gudlaugur Thor Thordarson // YouTube. The Arctic Circle. 20.01.2019. URL: <https://youtu.be/3df7turhqe4> (дата обращения: 29.03.2020).

¹⁹ Для ЕС действует с 18.03.2019.

См.: Agreement to Prevent Unregulated High Seas Fisheries in the Central Arctic Ocean. Ilulissat, 03.10.2018 // OJ L 73. 15.03.2019. P. 3–8 ; Council Decision (EU) 2019/407 of 4 March 2019 on the conclusion, on behalf of the European Union, of the Agreement to Prevent Unregulated High Seas Fisheries in the Central Arctic Ocean. Art. 3 // OJ L 73. 15.03.2019. P. 1–2.

²⁰ Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation. Fairbanks (10th Ministerial meeting), 11.05.2017. 30 p. // Arctic Council. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916> (дата обращения: 29.03.2020).

РАМЕ / Рабочей группы Арктического совета по защите морской среды по разработке Регионального плана действий по морскому мусору (п. 65)²¹.

Второе направление защиты Северного Ледовитого океана — экологическая безопасность арктического судоходства, а именно ограничение вредных выбросов, усиление сотрудничества по поиску и спасанию (search & rescue), готовности и предотвращению чрезвычайных ситуаций (preparedness & response). Ведущей международной организацией здесь называется ИМО (Международная морская организация), а главным международно-правовым инструментом — Полярный кодекс (2015 г.)²². Арктическим членам ИМО необходимо гармонизированно исполнять Кодекс и добиваться уменьшения выбросов черного угля в Арктике (п. 60).

На уровне ЕС безопасность обеспечивает Агентство по глобальным навигационным спутниковым системам (European GNSS agency), программа мониторинга Copernicus (с ее спутниковой системой слежения Sentinel) и спутниковая система навигации Galileo. Совет призывает объединить их функционал для наиболее обширного применения в Арктике: для помощи метеорологам, океанографам и жителям региона и судоходства (п. 61).

В свете «*растущего геополитического интереса к Арктике*» Совет предлагает обновить арктическую политику ЕС (п. 63), где базовым принципом международного сотрудничества должен стать *low-tension-high cooperation* (п. 62). Этот принцип впервые был упомянут в заявлении Верховного представителя, европейского комиссара, посла по особым поручениям по арктическим вопросам ЕС и министра иностранных дел Швеции²³, сделанном по итогам Арктического форума ЕС (EU Arctic Forum; 3–4.10.2019, Швеция), проведение которого, наряду с собранием Arctic Circle (10–13.10.2019, Исландия), Совет также приветствует в своих Заключениях (п. 67).

По результатам анализа второго документа Совета ЕС, касающегося Арктики, обозначенных им направлений, приведенных мер и инструментария можно сделать вывод, что заключения вносят актуальные уточнения и придерживаются положений Политики в части экологии Арктики.

²¹ Regional Action Plan on Marine Litter // PAME/Protection of the Arctic Marine Environment. URL: <https://www.pame.is/projects/arctic-marine-pollution/regional-action-plan-on-marine-litter> (дата обращения: 29.03.2020).

²² International Code for Ships Operating in Polar Waters (Polar Code). London, 15.05.2015. 54 p. // IMO. URL: <https://www.imo.org/en/MediaCentre/HotTopics/Pages/polar-default.aspx> (дата обращения: 29.03.2020).

²³ EU Arctic Forum (Umeå, 3–4 October 2019) : Joint Statement by the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy and Vice President of the European Commission Federica Mogherini, European Commissioner Karmenu Vella, and the Minister for Foreign Affairs of Sweden Ann Linde «The European Union's long standing commitment to enhance sustainable international cooperation in the Arctic» / European Commission, EEAS, Government Offices of Sweden (Ministry for Foreign Affairs). 03.10.2019 // URL: https://ec.europa.eu/maritimeaffairs/press/eu-arctic-forum-statement-high-representativevice-president-federica-mogherini-commissioner_en (дата обращения: 29.03.2020).

**Заключения Совета ЕС № 13996/19
о решениях по космосу для устойчивого
развития Арктики (21.11.2019)**

Изданные всего через три дня после предыдущего документа Заключения Совета ЕС № 13996/19 «О решениях по космосу для устойчивого развития Арктики» (21.11.2019)²⁴ развивают идеи Политики в сфере космических программ — совершенствование, объединение функционала, создание новых, адаптация и региональное использование глобальных космических программ, спутниковых систем мониторинга и навигации в Арктике.

Также эти Заключения посвящены влиянию реформы космической программы ЕС на арктическую политику Евросоюза: они были приняты в свете предложенного Комиссией (на основании ст. 172 и 189 Договора о функционировании ЕС) Регламента об установлении Космической программы ЕС и учреждении Агентства ЕС по Космической программе (06.06.2018)²⁵.

Важность этого Регламента для Арктики проявляется, по мнению авторов, в трех аспектах:

- 1) в пункте 72 говорится об эффективности предметов регулирования (выделяется программа GOVSATCOM) для главных политик ЕС, среди которых названа и арктическая;
- 2) предложенный Регламент заменит учредительные акты программ мониторинга Copernicus (с ее спутниковой системой слежения Sentinel) и спутниковой системы навигации Galileo, также применяемых в Арктике²⁶;
- 3) Агентство по глобальным навигационным спутниковым системам (European GNSS agency), ведущее совместно с Комиссией ЕС, ESA / Европейским кос-

²⁴ Council Conclusions on Space solutions for a sustainable Arctic. Brussels, 21.11.2019. 13996/19. 7 p. // URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-13996-2019-INIT/en/pdf> (дата обращения: 29.03.2020).

²⁵ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing the space programme of the Union and the European Union Agency for the Space Programme and repealing Regulations (EU) № 912/2010, (EU) № 1285/2013, (EU) № 377/2014 and Decision 541/2014/EU. Brussels, 06.06.2018. COM (2018) 447 final — 2018/0236 (COD) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=com%3A2018%3a447%3afin> (дата обращения: 29.03.2020).

²⁶ Регламент № 377/2014 и Регламент № 1285/2013 соответственно.

См.: Regulation (EU) № 377/2014 of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 establishing the Copernicus Programme and repealing Regulation (EU) № 911/2010 (text with EEA relevance) // OJ L 122. 24.04.2014. P. 44–66 // URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2014/377/oj> (дата обращения: 29.03.2020) ; Regulation (EU) № 1285/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 on the implementation and exploitation of European satellite navigation systems and repealing Council Regulation (EC) № 876/2002 and Regulation (EC) № 683/2008 of the European Parliament and of the Council // OJ L 347. 20.12.2013. P. 1–24 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2013/1285/oj> (дата обращения: 29.03.2020).

мическим агентством и странами-членами систему Galileo²⁷, в п. 28, 87, 88 ст. 1 (2) проекта Регламента предложено заменить (упразднив Регламент № 912/2010)²⁸ на Агентство ЕС по Космической программе (EU Agency for the Space Programme). В результате возникли разногласия из-за возможного конфликта полномочий нового Агентства с уже существующим ESA / Европейским космическим агентством²⁹. Поэтому можно сказать, что своим документом Совет включается в диалог Парламента и Комиссии.

Заключения Совета главным образом повествуют о роли космических программ и предоставляемых ими возможностях для устойчивого развития европейской Арктики, т.е. был принят к исполнению п. 2.4 Политики 2016 г., однако им не ограничились. Уже в начале документа подчеркнута большая **роль космических технологий** для всех трех приоритетных областей арктической Политики 2016 г. (п. 1). Например, программа мониторинга Copernicus (с ее спутниковой системой слежения Sentinel) помогает наблюдать за изменениями климата Арктики (п. 1 Политики), спутниковая система навигации Galileo обеспечивает социально-экономическую деятельность в регионе (п. 2 Политики), а система обмена данными INTERACT способствует международному сотрудничеству по Арктике (п. 3 Политики).

Географические и социально-экономические вызовы Арктики (большие территории и низкая плотность населения), как отмечает Совет, во многом сходны с проблемами иных удаленных и прибрежных районов. Заключения предлагают опираться на спутниковые системы наблюдения (в том числе метеорологии), навигации, связи, охватывающие Арктику, и они уже вносят свой вклад. Например, система навигации Galileo, предоставляя точные данные с

²⁷ П. 17–18, ст. 5(2), 6(d), 11(7), 12 Регламента № 912/2010 ; п. 26–27, 42, ст. 11(a)(b), 12, 14, 15 Регламента № 1285/2013.

См.: Regulation (EU) № 912/2010 of the European Parliament and of the Council of 22 September 2010 setting up the European GNSS Agency, repealing Council Regulation (EC) № 1321/2004 on the establishment of structures for the management of the European satellite radio navigation programmes and amending Regulation (EC) № 683/2008 of the European Parliament and of the Council. Par. 17–18, art. 5(2), 6(d), 11(7), 12 // OJ L 276. 20.10.2010. P. 11–21 ; Regulation (EU) № 1285/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 on the implementation and exploitation of European satellite navigation systems and repealing Council Regulation (EC) № 876/2002 and Regulation (EC) № 683/2008 of the European Parliament and of the Council. Par. 26–27, 42, art. 11(a)(b), 12, 14, 15 // OJ L 347. 20.12.2013. P. 1–24. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2013/1285/oj> (дата обращения: 29.03.2020).

²⁸ См.: Regulation (EU) № 912/2010 of the European Parliament and of the Council of 22 September 2010 setting up the European GNSS Agency, repealing Council Regulation (EC) № 1321/2004... P. 11–21.

²⁹ Teffer P. ESA pushback against new EU space agency plan // EU observer. Brussels, 18.02.2019 ; Proposal by ESA's Director-General for certain amendments to European Commission's proposal for a Regulation establishing the space programme of the Union and the European Space Agency for the Space Programme ref. COM(2018) 447 final // ESA. Paris, February 2019. P. 14–15.

низкой задержкой, содействует арктическому судоходству, поиску и спасанию. Сходный эффект ожидается и от программы GOVSATCOM (для государственных и военных нужд).

Шесть тематических услуг, оказываемых программой мониторинга Copernicus (с ее спутниковой системой слежения Sentinel), удовлетворяют потребностям арктических ученых (в наблюдении за атмосферой, морской средой, землей, изменениями климата) и береговых служб (в готовности к чрезвычайным ситуациям и в обеспечении безопасности; п. 5).

Заключения разделяют мнение, высказанное в п. 1.2 Заявления Комиссии «Космическая стратегия для Европы» (26.10.2016) о развитии функционала уже существующих космических программ и их адаптации к Арктике. Наиболее значимым для региона **функционалом**, который необходимо **развивать** для устранения пробелов, п. 6, 7, 10, 12 Заключений называют площадь покрытия (система EGNOS), скорость, точность передачи данных и доступ к ним (система навигации Galileo; SMEs (важно для метеорологии и конкурентоспособности)), мониторинг (программа Copernicus; наблюдение за ледовой обстановкой, уровнями парниковых газов).

Важно развивать и взаимосвязь (synergy) космических программ (например, программы мониторинга Copernicus и системы навигации Galileo), объединять **их функционал** (связь, позиционирование, наблюдение), чтобы обеспечить наиболее обширное применение в Арктике для экологического мониторинга, экономической деятельности и нужд населения (п. 9). Здесь Совет напоминает об аналогичном призыве в п. 61 Заключений № 14249/19 по океанам и морям (19.11.2019).

На практике синтез двух программ осуществляется на двух уровнях: на частном уровне предприниматели, научные центры и университеты в рамках конкурса Galileo-Copernicus Synergy Challenge предлагают свои проекты синтеза, лучший из которых получает административную и финансовую помощь (88 тыс. евро)³⁰; на уровне ЕС его Агентство по глобальным навигационным спутниковым системам заключает с иными организациями среднесрочные рамочные соглашения о партнерстве (framework partnership agreement; например с Eurocontrol)³¹.

Наряду с разработкой новых, **адаптацией**, улучшением и взаимосвязью существующих космических программ, рекомендуется увеличивать число и

³⁰ В 2019 г. победителем стало приложение Xylene, документирующее цепочку поставок древесины. Стоит отметить, что среди основных производителей древесины в ЕС Финляндия и Швеция, являющиеся арктическими государствами.

См.: Challenges // Galileo Masters. URL: <https://esnc.eu/#challenges> (дата обращения: 29.03.2020); Galileo Masters: a springboard for your ideas // European Global Navigation Satellite Systems Agency. 17.06.2020. URL: <https://www.gsa.europa.eu/newsroom/news/galileo-masters-springboard-your-ideas> (дата обращения: 20.06.2020).

³¹ Enabling synergies between Galileo, EGNOS, Copernicus & more — Cooperation with GSA extended // Eurocontrol: Supporting European Aviation. 05.11.2019. URL: <https://www.eurocontrol.int/news/enabling-synergies-between-galileo-egnos-copernicus-more-cooperation-gsa-extended> (дата обращения: 29.03.2020).

наземных пунктов наблюдения (п. 2, 4, 8, 13). Здесь же Совет определяет, что именно нехватка наземной инфраструктуры (в том числе систем связи) в Арктике подталкивает к совершенствованию космических программ, которые должны играть большую роль (п. 12). Поскольку большая роль подразумевает и большую ответственность, крайне важно своевременно устранять негативные эффекты программ (сбои в работе, конфликт спутниковых систем), влияние которых на Арктику будет особенно заметным ввиду ее географических и социально-экономических особенностей (п. 11).

В целом для космических программ, как и для морской или арктической политики ЕС, характерна интегрированность во все регионы, сферы компетенции Евросоюза. Программы мониторинга климата Арктики помогут не только понять причину его быстрых изменений, но и предотвратить аналогичные процессы в других регионах ЕС (п. 3).

Что касается межинституционального взаимодействия Комиссии, Европейского Агентства по глобальным навигационным спутниковым системам и ESA / Европейского космического агентства, то для исполнения космических программ и вышеперечисленных рекомендаций необходимо сотрудничать не только с международными партнерами (в рамках Horizon Europe; п. 14), с коренным и местным населением (учитывая его нужды; п. 15), но и между собой, причем в последнем случае стороны должны *«избегать ненужных совпадений и дублирования [полномочий]»* (avoid unnecessary overlaps and duplication; п. 16).

Эта фраза Совета отражает его позицию и призвана снизить возможный конфликт полномочий преемника Агентства по глобальным навигационным спутниковым системам с ESA / Европейским космическим агентством. Взаимодействие института (Комиссии) с вышеуказанными агентствами, в том числе по вопросам Арктики, можно считать совершенствованием институциональной структуры ЕС (координации институтов, органов и учреждений) по межсекторальным вопросам региона, предложенной п. 35 Резолюции Парламента 2014 г.

В финальных положениях Заключений содержится отдельная рекомендация Комиссии и Верховному представителю обновить Политику 2016 г., учтя новые вызовы и возможности, среди которых *«космические технологии и растущий международный интерес к региону»* (п. 17).

В итоге Заключения Совета демонстрируют прогресс арктической политики и посвящены сразу трем группам документов.

Во-первых, будучи изданными во исполнение Политики 2016 г., они показали важность космических программ как для Арктики, так и для всех трех приоритетных областей Политики — экологии, устойчивого развития, международного сотрудничества. Последнее, однако, Заключения затрагивают в меньшей степени (п. 3, 14, 15) — основной акцент делается на работу внутри ЕС.

Во-вторых, Заключения впитали и развили идеи предыдущих документов арктической политики. Совет ЕС консолидировал и дополнил предложения об объединении функционала уже существующих космических программ для наиболее обширного, гибкого и эффективного применения в Арктике, озвученные в собственных Заключениях № 14249/19 по океанам и морям (19.11.2019).

В-третьих, будучи принятыми в свете проекта Регламента об установлении Космической программы ЕС и учреждении Агентства ЕС по Космической программе (06.06.2018), Заключение также затрагивают и влияние реформы космической программы Евросоюза на его арктическую политику.

Заключения Совета ЕС № 14952/19 по арктической политике ЕС (09.12.2019)

Спустя короткое время после двух предыдущих заключений Совет Евросоюза издал 09.12.2019 третьи Заключение № 14952/19 по арктической политике ЕС³², рассуждая о ее будущем, уровнях международного сотрудничества и роли Евросоюза. Данные Заключение из пяти пунктов являются итоговым на сегодняшний день документом арктической политики ЕС.

Признавая первостепенную ответственность арктических государств в развитии региона, Совет отмечает, что многие проблемы, влияющие на Арктику, имеют глобальную природу, поэтому могут быть эффективно решены путем **сотрудничества** на универсальном или региональном уровне (п. 3). В первом случае площадкой сотрудничества называется система ООН, а во втором — Арктический совет, Совет Баренцева/Евроарктического региона, «Северное измерение» (и другие программы приграничного сотрудничества).

Евросоюз и страны-члены должны продолжать оказывать значительный вклад на обоих уровнях, и ярким примером их участия Совет называет первый Форум заинтересованных лиц в европейской Арктике (3–4.10.2019, Швеция). Эта позиция о совокупности обоих уровней международного сотрудничества в Арктике и значительной роли ЕС в нем впервые была озвучена Резолюцией 2011 г. (п. 43), закреплена Совместным заявлением 2012 г. (ч. 1 п. 3) и дословно указана во введении и п. 3 Совместного заявления 2016 г.

Таким образом, Совет выражает солидарность с Комиссией и Верховным представителем по данному аспекту Политики и призывает активизировать деятельность ЕС и его стран в этом направлении. Заключение, вторя двум предыдущим (их п. 63 и 17), также рекомендуют Комиссии и Верховному представителю **обновить Политику** в ответ на растущий геополитический интерес, новые вызовы и возможности, быстрые изменения в Арктике (п. 4).

Будучи посвященными Политике, но разделенными по объекту и тематическим сферам (морская среда, космические программы, международное сотрудничество), Заключение 2016 и 2019 гг. вместе образуют единое целое как пакет **интегрированных** документов и служат основой для дальнейших действий. Последние Заключение призывают не только принять новый базовый документ ЕС по Арктике, но и продолжать активное выполнение существующего («в соот-

³² Council Conclusions on the EU Arctic policy. Brussels, 09.12.2019. 14952/19. 2 p. // URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14952-2019-INIT/en/pdf> (дата обращения: 29.03.2020).

ветствии с распределением компетенций между странами-членами и ЕС»), регулярно отчитываясь перед Советом (п. 5).

Таким образом, можно констатировать, что исполнение Политики 2016 г. продолжается на рубеже 2019–2020 гг. и в 2021 г. в том же ключе, по тем же приоритетам, но более адаптированным и дополненным следующими за ней документами, углубляющими интеграцию Политики в различные сферы компетенции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества : хрестоматия : в 3 т. / под общ. ред. И. С. Иванова. — М. : Аспект пресс, 2013. — Т. 3 : Применимые правовые источники. — 662 с.
2. Airoldi A. The European Union and the Arctic: Main developments July 2008 — July 2010. — Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2010. — 64 p. — // URL: <https://doi.org/10.6027/ANP2010-763> (дата обращения: 29.03.2020).
3. Bartolini A., Cippitani R., Colcelli V. Dictionary of Statutes within EU Law: The Individual Statutes as Pillar of European Union Integration. — Berlin: Springer, 2019. — 652 p. — URL: https://books.google.ru/books?id=_oyCDwAAQBAJ (дата обращения: 29.03.2020).
4. Blanke H.-J., Mangiameli S. The Treaty on European Union (TEU): A Commentary. — Berlin: Springer Science+Business Media, 2013. — 1813 p. — URL: <https://books.google.ru/books?id=hPu8BAAQBAJ> (дата обращения: 29.03.2020).
5. Challenges // Galileo Masters. — URL: <https://esnc.eu/#challenges> (дата обращения: 29.03.2020).
6. Comments on the Council's Rules of Procedure. European Council's and Council's Rules of Procedure. — Luxembourg : Publications Office of the European Union, March 2016. — 119 p. — URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/29824/qc0415692enn.pdf> (дата обращения: 29.03.2020).
7. Enabling synergies between Galileo, EGNOS, Copernicus & more — Cooperation with GSA extended // Eurocontrol: Supporting European Aviation. — 05.11.2019. — URL: <https://www.eurocontrol.int/news/enabling-synergies-between-galileo-egnos-copernicus-more-cooperation-gsa-extended> (дата обращения: 29.03.2020).
8. Galileo Masters: a springboard for your ideas // European Global Navigation Satellite Systems Agency. — 17.06.2020. — URL: <https://www.gsa.europa.eu/newsroom/news/galileo-masters-springboard-your-ideas> (дата обращения: 20.6.2020).
9. Hofmann H. C. H., Rowe G. C., Türk A. H. Administrative Law and Policy of the European Union. — Oxford : Oxford University Press, 2011. — 1064 p.
10. Iceland's Chairmanship in the Arctic Council — Key Priorities : FM Gudlaugur Thor Thordarson // YouTube. — The Arctic Circle. — 20.01.2019. — URL: <https://youtu.be/3df7tuRhQE4> (дата обращения: 29.03.2020).
11. Jaeger T., Kordic R., Ruse-Khan H. G. The Role of Atypical Acts in EU External Trade and Intellectual Property Policy // European Journal of International Law. — 2010. — Vol. 21. — № 4. — Pp. 901–939.

12. *Lin C. H.* Legal Development of Atypical Acts in the European Union with Some Reference to Spectrum Management Legislation // Athens Journal of Law. — January 2020. — Vol. 6. — Is. 1. — Pp. 9–36.
13. *Rasputnik A.* The European Union and the Geopolitics of the Arctic. — Cheltenham : Edward Elgar publishing, 2018. — 240 p.
14. *Teffer P.* ESA pushback against new EU space agency plan // EU observer. — Brussels, 18.02.2019.
15. Walking on thinice: a balanced Arctic strategy for the EU // European Political Strategy Centre (EPSC). — EPSC Strategic Notes. — 19.07.2019. — Is. 31. — 15 p. — URL: <https://op.europa.eu/s/ougt> (дата обращения: 29.03.2020).

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Памятники права

ЛИГА НАЦИЙ

Сегодня многие задают вопрос: отвечает ли ООН вызовам современности, готова ли противостоять новым угрозам, с которыми сталкивается мировое сообщество. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, как давно мировое сообщество задумалось над проблемой сохранения мира.

Предшественником ООН была Лига Наций, первая всемирная организация, в цели которой входили сохранение мира и развитие международного сотрудничества. Формально была основана 10 января 1920 г. и прекратила существование 18 апреля 1946 г. с образованием ООН.

В Лиге Наций нашли свое практическое выражение идеи и проекты, предлагавшиеся начиная с XVII в. вплоть до Первой мировой войны. Из 65 крупных государств, существовавших на планете в 1920 г., все, за исключением США и Саудовской Аравии (образованной в 1932 г.), в тот или иной период состояли членами Лиги.

Основными целями Лиги Наций было сохранение мира и улучшение условий человеческой жизни. К числу мер, применяемых для сохранения мира, относились сокращение и ограничение вооружений; обязательства государств — членов Лиги выступать против любой агрессии; взаимные соглашения по арбитражу, юридическому урегулированию или осуществлению специальных расследований Совета Лиги; соглашения членов Лиги о взаимных действиях в применении экономических и военных санкций. В дополнение к этим основным условиям был принят целый ряд различных положений, например о регистрации договоров и защите меньшинств.

Несмотря на то, что Лиге Наций удалось урегулировать — в той или иной степени успешно — более 40 политических конфликтов, ее усилия по разрешению основных противоречий путем использования параграфа 16 Устава Лиги о коллективной безопасности привели к ее ослаблению и прекращению деятельности.

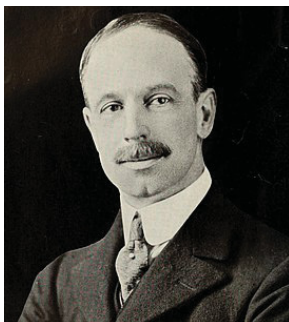
Неудачи Лиги Наций в решении политических проблем часто заслоняют ее достижения в социальной и гуманитарной области, преуменьшают значение ее деятельности в сфере международной экономической политики и финансового регулирования, международных сообщений и системы транзита, в улучшении системы здравоохранения во многих странах мира, в научном сотрудничестве, кодификации международного права, подготовке конференций по разоружению и в других социальных и гуманитарных областях. К успехам следует отнести установление контроля за распространением опиума и работоторговлей (в основном женщинами).

Кроме того, были достигнуты значительные успехи в защите прав и интересов молодежи. Лига Наций была тесно связана со своим юридическим органом — Постоянной палатой международного правосудия, имевшей собственную структуру и принимавшей самостоятельные решения. Кроме того, Лига тесно сотрудничала со многими международными организациями, которые не имели с ней официальных или исторически сложившихся связей.

Юрий Григорьевич ШПАКОВСКИЙ,
главный редактор
журнала «Вестник
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доктор юридических наук,
профессор

© Ю. Г. Шпаковский, 2020

Первый Генеральный секретарь Лиги Наций почтенный сэр Джемс Эрик Друммонд, Командор Ордена Михаила и Георгия, кавалер Ордена Бани

Исключение СССР из членов Лиги в 1939 г. привело к тому, что в ее составе осталась лишь одна великая держава — Великобритания. В критические дни, предшествовавшие сентябрю 1939 г., ни одна из стран не прибегла к помощи Лиги; к январю 1940 г. Лига Наций прекратила свою деятельность по урегулированию политических вопросов.

На последней сессии Ассамблеи Лиги 18 апреля 1946 г. было принято решение о передаче имущества и материальных ценностей Лиги Организации Объединенных Наций, а ее социальные и экономические функции были объединены с деятельностью Экономического и социального совета ООН.

Устав Лиги Наций¹

Высокие Договаривающиеся Стороны, принимая во внимание, что для развития сотрудничества между народами и для гарантии их мира и безопасности, важно принять некоторые обязательства не прибегать к войне, поддерживать в полной гласности международные отношения, основанные на справедливости и чести, строго соблюдать предписания международного права, признаваемые отныне действительным правилом поведения правительств, установить господство справедливости и добросовестно соблюдать все налагаемые договорами обязательства во взаимных отношениях организованных народов, принимают настоящий Статут, который учреждает Лигу Наций.

Статья 1

1. Первоначальными членами Лиги Наций являются те из подписавшихся, имена которых значатся в Приложении к настоящему Уставу, а также государства, равным образом названные в Приложении, которые приступят к настоящему Уставу без всяких оговорок, посредством декларации, сданной в Секретариат в течение двух месяцев до вступления в силу Устава, о чем будет сделано оповещение другим членам Лиги.

2. Все государства, доминионы или колонии, которые управляются свободно и которые не указаны в Приложении, могут сделаться членами Лиги, если за их допущение выскажутся две трети Ассамблеи (Собрания), поскольку ими будут даны действительные гарантии их искреннего намерения соблюдать международные обязательства и поскольку они примут положения, установленные Лигой касательно их военных, морских и воздушных сил и вооружений.

3. Всякий член Лиги может, после предварительного, за два года, предупреждения, выйти из Лиги, при условии, что он выполнил к этому моменту все свои международные обязательства, включая и обязательства по настоящему Уставу.

Статья 2

Деятельность Лиги, как она определена в настоящем Уставе, осуществляется Ассамблеей и Советом, при которых состоит постоянный Секретариат.

¹ Устав Лиги наций разработан специальной комиссией, созданной на Парижской мирной конференции 1919—1920 гг. и включен в Версальский мирный договор 1919 г. и другие договоры, завершившие Первую мировую войну (Устав вступил в силу 10 января 1920 г.).

Статья 3

1. Ассамблея состоит из представителей членов Лиги.
2. Она собирается в установленное время и во всякий другой момент, если того требуют обстоятельства, в месте пребывания Лиги или в таком другом месте, какое может быть назначено.
3. Ассамблея ведает всеми вопросами, которые входят в сферу действия Лиги и которые затрагивают всеобщий мир.
4. Каждый член Лиги может насчитывать не более трех представителей в Ассамблее и располагает лишь одним голосом.

Статья 4

1. Совет состоит из представителей главных союзных и объединившихся держав (Примеч.: США, Британская империя, Франция, Италия и Япония), а также из представителей четырех других членов Лиги. Эти четыре члена Лиги назначаются по усмотрению Ассамблеи и в те сроки, которые она пожелает избрать. Впредь до первого назначения Ассамблеей представители Бельгии, Бразилии, Испании и Греции являются членами Совета.
2. С одобрения большинства Ассамблеи Совет может назначать других членов Лиги, представительство которых в Совете будет с тех пор постоянным (Примеч.: В силу этого параграфа Устава Германия была избрана постоянным членом Совета 8 сентября 1926 г.). Он может с такого же одобрения увеличивать число членов Лиги, которые будут избраны Ассамблеей, чтобы быть представленными в Совете (Примеч.: 25 сентября 1922 г. количество членов Совета, выбираемых Ассамблеей, было увеличено до шести, а 8 сентября 1926 г. — до девяти).
- 2-а. Ассамблея установит, большинством в две трети голосов, порядок избрания временных членов Совета, в частности определит срок их участия в нем и условия нового избрания. (Эта поправка вступила в силу 29 июля 1926 г.)
3. Совет собирается, когда того требуют обстоятельства, и, по меньшей мере, один раз в год, в месте пребывания Лиги или в таком другом месте, которое может быть назначено.
4. Совет ведает всеми вопросами, входящими в сферу действия Лиги и затрагивающими всеобщий мир.
5. Всякий член Лиги, не представленный в Совете, приглашается посылать для присутствия в нем представителя, когда в Совет вносится вопрос, особенно затрагивающий его интересы.
6. Каждый член Лиги, представленный в Совете, располагает лишь одним голосом и имеет лишь одного представителя.

Статья 5

1. Поскольку не имеется определенно противоположных постановлений настоящего Устава или положений настоящего Договора, решения Ассамблеи или Совета принимаются единогласно членами Лиги, представленными в собрании.
2. Всякие вопросы о процедуре, возникающие на собраниях Ассамблеи или Совета, включая назначение комиссий, на которые возлагается расследование особых случаев, разрешаются Ассамблеей или Советом, и решение выносится большинством членов Лиги, представленных на собрании. <...>

Статья 6

1. Постоянный Секретариат устанавливается в месте пребывания Лиги. Он включает в себя Генерального секретаря, а также необходимых секретарей и необходимый персонал. <...>

Статья 7

1. Местом пребывания Лиги устанавливается Женева.

Статья 8

1. Члены Лиги признают, что сохранение мира требует ограничения национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с выполнением международных обязательств, налагаемых общим выступлением.

2. Совет, учитывая географическое положение и особые условия каждого государства, подготовливает планы этого ограничения в целях рассмотрения и вынесения решения различными правительствами.

3. Эти планы должны составить предмет нового рассмотрения, а в случае надобности — пересмотра по меньшей мере каждые десять лет.

4. После их принятия различными правительствами предел вооружений, установленный таким образом, не может быть превышаем без согласия Совета.

5. Принимая во внимание, что частное производство снаряжения и военного материала вызывает серьезные возражения, члены Лиги поручают Совету дать заключение о мерах, способных устранить его пагубные последствия, учитывая нужды тех членов Лиги, которые не могут изготавливать снаряжение и военный материал, необходимые для их безопасности.

6. Члены Лиги обязуются обмениваться самым откровенным и исчерпывающим образом всеми сведениями, относящимися к масштабу их вооружений, к их военным, морским и воздушным программам и к состоянию тех из отраслей их промышленности, которые могут быть использованы для войны.

Статья 9

Постоянная комиссия будет образована для представления Совету своих заключений о выполнении постановлений статей 1 и 8 и равным образом по общим военным, морским и воздушным вопросам.

Статья 10

Члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целость и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства.

Статья 11

1. Определенно объявляет, что всякая война или угроза войны затрагивает ли она прямо или нет кого-либо из членов Лиги, интересуется Лигу в целом и что последняя должна принять меры, способные действительным образом оградить мир наций. В подобном случае Генеральный секретарь немедленно созывает Совет по требованию всякого члена Лиги.

2. Кроме того, объявляется, что всякий член Лиги имеет право дружественным образом обратить внимание Ассамблеи или Совета на всякое обстоятельство, способное затронуть международные отношения и, следовательно, грозящее поколебать мир или доброе согласие между нациями, от которого мир зависит.

Статья 12

1. Члены Лиги соглашаются, что если между ними возникнет спор, могущий повлечь за собой разрыв, то они подвергнут его либо третейскому разбирательству, либо судебному разрешению, либо рассмотрению Совета. Они соглашаются еще, что они ни в коем случае не должны прибегать к войне до истечения трехмесячного срока после решения третейских судей или судебного постановления, или доклада Совета.

2. Во всех случаях, предусмотренных этой статьей, решение третейских судей или судебное постановление должно быть вынесено в течение разумного срока, а доклад Совета должен быть составлен в течение шести месяцев, считая со дня представления спора на его рассмотрение.

Статья 13

1. Члены Лиги соглашаются, что если между ними возникнет спор, могущий, по их мнению, быть разрешенным третейским судом или судебным постановлением, и если этот спор не может быть удовлетворительно урегулирован дипломатическим путем, то вопрос будет полностью подвергнут третейскому разбирательству или судебному разрешению.

2. Объявляются принадлежащими к числу вопросов, вообще подлежащих третейскому или судебному разрешению, споры, которые относятся к толкованию какого-либо договора, ко всякому вопросу международного права, к наличию всякого факта, который, будучи установлен, составил бы нарушение международного обязательства, или к объему и способу возмещения, следуемого за такое нарушение.

3. Судом, на рассмотрение которого должны передаваться все подобного рода споры, будет являться Постоянная палата Международного суда (Правосудия), учрежденная в соответствии со статьей 14, или всякий другой трибунал, о котором стороны, участвующие в споре, согласятся между собой или который является установленным какой-либо существующей между ними конвенцией.

Статья 14

Совету поручается изготовить проект Постоянной палаты Международного суда и представить его членам Лиги. Эта Палата будет ведать всеми спорами международного характера, которые стороны передадут ей. Она будет давать также консультативные заключения по всем спорам и по всем вопросам, которые будут внесены в нее Советом или Ассамблеей.

Статья 15

1. Если между членами Лиги возникает спор, могущий повлечь за собой разрыв, и если этот спор не будет подвергнут третейскому или судебному разбирательству, предусмотренному в статье 13, то члены Лиги соглашаются представить его Совету. Для этого достаточно, чтобы один из них указал на этот спор Гене-

ральному секретарю, который принимает все меры для полного расследования и рассмотрения.

2. В кратчайший срок стороны должны сообщать ему изложение их дела со всеми относящимися сюда фактами и оправдательными документами. Совет может распорядиться об их немедленном опубликовании.

3. Совет прилагает усилия к тому, чтобы обеспечить урегулирование спора. Если ему это удастся, то он публикует в той мере, в какой сочтет нужным изложение, передающее факты, соответствующие разъяснения и условия этого урегулирования.

4. Если спор не мог быть урегулирован, то Совет составляет и публикует доклад, принятый либо единогласно, либо по большинству голосов, для осведомления об обстоятельствах спора, а также решения, предлагаемые им, как наиболее справедливые и наиболее подходящие к случаю.

5. Всякий член Лиги, представленный в Совете, может равным образом публиковать изложение фактов, относящихся к спору, и свои собственные выводы.

6. Если доклад Совета принят единогласно, причем голоса представителей сторон не учитываются при установлении этого единогласия, то члены Лиги обязуются не прибегать к войне против всякой стороны, которая сообразуется с выводами доклада.

7. В том случае, когда Совету не удастся достигнуть принятия его доклада всеми его членами, кроме представителей участвующих в споре сторон, члены Лиги оставляют за собой право поступать, как они считают подходящим для сохранения права и правосудия.

8. Если одна из сторон утверждает и если Совет признает, что спор касается вопроса, предоставляемого международным правом исключительно ведению внутренней юрисдикции этой стороны, то Совет констатирует это в докладе, не предлагая какого-либо решения вопроса.

9. Совет может во всех случаях, предусмотренных в настоящей статье, внести спор в Ассамблею. Ассамблея должна будет заниматься рассмотрением спора также и по ходатайству одной из сторон; это ходатайство должно быть представлено в течение четырнадцати дней, считая с момента, когда спор внесен в Совет.

10. Во всяком деле, переданном Ассамблее, постановления настоящей статьи и статьи 12, относящиеся к действиям и полномочиям Совета, равным образом применяются к действиям и полномочиям Ассамблеи. Условлено, что доклад, составленный Ассамблеей с одобрения представителей членов Лиги, представленных в Совете, и большинства других членов Лиги, за исключением в каждом случае представителей участвующих в споре сторон, имеет ту же силу, как и доклад Совета, единогласно принятый его членами, кроме представителей участвующих в споре сторон.

Статья 16

1. Если член Лиги прибегает к войне, вопреки обязательствам, принятым в статьях 12, 13 или 15, то он *ipso facto* рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги. Последние обязуются немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения, воспретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего Устав, и пресечь фи-

нансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства, является ли оно членом Лиги или нет.

2. В этом случае Совет обязан предложить различным заинтересованным правительствам тот численный состав военной, морской или воздушной силы, посредством которого члены Лиги будут, по принадлежности, участвовать в вооруженных силах, предназначенных для поддержания уважения к обязательствам Лиги.

3. Члены Лиги соглашались, кроме того, оказывать друг другу взаимную поддержку при применении финансовых и экономических мер, которые должны быть приняты в силу настоящей статьи, чтобы сократить до минимума могущие произойти из них потери и неудобства. Они равным образом оказывают взаимную поддержку для противодействия всякой специальной мере, направленной против одного из них государством, нарушившим Устав. Они принимают необходимые постановления для облегчения прохода через их территорию сил всякого члена Лиги, участвующего в общем действии, для поддержания уважения к обязательствам Лиги.

4. Может быть исключен из Лиги всякий член, оказавшийся виновным в нарушении одного из обязательств, вытекающих из Устава. Исключение решается голосами всех остальных членов Лиги, представленных в Совете.

Статья 17

1. В случае спора между двумя государствами, из которых лишь одно является членом Лиги, или из которых ни одно не входит в нее, государство или государства, посторонние Лиге, приглашаются подчиниться обязательствам, лежащим на ее членах, в целях урегулирования спора на условиях, признанных Советом справедливыми. Если это приглашение принимается, то применяются постановления статей 12—16, с соблюдением изменений, сочтенных Советом необходимыми.

2. После посылки этого приглашения Совет открывает расследование об обстоятельствах спора и предлагает такую меру, которая кажется ему лучшей и наиболее действительной в данном случае.

3. Если приглашенное государство, отказываясь принять на себя обязанности члена Лиги в целях урегулирования спора, прибегнет к войне против члена Лиги, то к нему применимы постановления статьи 16.

4. Если обе приглашенные стороны отказываются принять на себя обязанности члена Лиги в целях урегулирования спора, то Совет может принять всякие меры и сделать всякие предложения, способные предупредить враждебные действия и привести к разрешению конфликта.

Статья 18

Всякие международные договоры или международные обязательства, заключаемые в будущем членом Лиги, должны быть немедленно зарегистрированы Секретариатом и опубликованы возможно скорее. Никакие из этих международных договоров или соглашений не сделаются обязательными, пока не будут зарегистрированы.

Статья 19

Ассамблея может время от времени приглашать членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также ме-

ждународных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир.

1. Члены Лиги признают — каждый, поскольку это его касается, — что настоящий Устав отменяет все обязательства или соглашения *inter se*, несовместимые с его условиями, и торжественно обязуются подобных в будущем не заключать.

2. Если до своего вступления в Лигу член взял на себя обязательства, несовместимые с условиями Устава, то он должен принять немедленные меры к освобождению себя от этих обязательств.

Статья 21

Международные обязательства, такие как договоры о третейском разбирательстве, и соглашения, ограниченные пределами известных районов, как доктрина Монро, которые обеспечивают сохранение мира, не рассматриваются как несовместимые с каким-либо из постановлений настоящего Устава.

Статья 22

1. Следующие принципы применяются к колониям и территориям, которые в итоге войны перестали быть под суверенитетом государств, управлявших ими перед тем, и которые населены народами, еще не способными самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира. Благополучие и развитие этих народов составляет священную миссию цивилизации, и подобает включить гарантии осуществления этой миссии в настоящий Устав.

2. Лучший метод практически провести этот принцип — это доверить опеку над этими народами передовым нациям <...> которые согласны ее принять: они осуществляли бы эту опеку в качестве мандатариев и от имени Лиги.

3. Характер мандата должен различаться сообразно степени развития народа, географическому положению территории, ее экономическим условиям и всяким другим аналогичным обстоятельствам. <...>

7. Во всех случаях мандатарий должен посылать в Совет ежегодный доклад касательно территорий, которые ему поручены. <...>

Статья 23

С соблюдением постановлений международных соглашений, которые существуют в настоящее время или будут заключены впоследствии, и в согласии с ними члены Лиги:

а) приложат усилия к обеспечению и сохранению справедливых и гуманных условий труда для мужчины, женщины и ребенка на своих собственных территориях, а также и во всех странах, на которые распространяются их торговые и промышленные отношения. <...>

Статья 24

1. Все международные бюро, ранее учрежденные коллективными договорами, будут, под условием согласия Сторон, поставлены под руководство Лиги. Всякие другие международные бюро и всякие комиссии по урегулированию дел международного значения, которые будут созданы впоследствии, будут поставлены под руководство Лиги. <...>

Юридическое наследие

К. Б. Радек ЛИГА НАЦИЙ — ОБЕСПЕЧЕНИЕ МИРА¹

Я перехожу к четвертой проверке, к Лиге Наций и вопросу о разоружении на конференции Лиги. В Вашингтоне американский и английский капитал выступал в качестве застрельщиков мира, уменьшения вооружения и т.д. От Вашингтонской конференции нас отделяет уже два года. Вашингтонская конференция укрепила мир в том смысле, что вместо больших кораблей теперь строят больше подводных лодок, крейсеров и создают целые флотилии аэропланов.

Она произвела серьезные изменения в роде оружия. Положение на Д. Востоке в смысле военном разрядилось не благодаря Вашингтонской конференции, а благодаря землетрясению в Японии. Какую же картину представляла борьба за разоружение на осенней сессии Лиги Наций? Во всяком случае, очень характерную. Во-первых, Америка по сегодняшний день не принимает участия в Лиге Наций и, по всей вероятности, и впредь от всякого участия воздержится. Причина? Мощный американский капитал совсем не намерен подвергать вопрос о своем отношении к республикам Центральной и Южной Америки, вопрос, разрешенный с оружием в руках и при помощи жесточайшего экономического давления, публичному обсуждению многоуважаемых Эстонии, Латвии, Литвы, Албании и других республик, представленных в Лиге Наций. Во-вторых, американский капитал совсем не намерен поставить свое вооружение под контроль синедриона этих малых держав. Американский капитализм остается формально вне игры вокруг «разоружения» Европы.

Решающую роль на сессии Лиги Наций играло английское рабочее и демократическое французское правительство. В Женеве состоялся большой турнир. Господин Макдональд сказал очень патетическую речь, господин Эррио также. Господин Макдональд говорил все время об арбитраже, господин Эррио говорил о гарантиях мира. В чем разногласия? Англия имеет флот громадной силы, равный ему флот имеет только Америка; Франция на море

Карл Бернгардович Радек (1885—1939) — революционер, деятель международного социал-демократического и коммунистического движения, советский политический деятель, литератор, журналист, публицист, дипломат, литературный критик

¹ Радек К. Лига Наций — обеспечение мира // Радек К. Что такое эра демократического пацифизма : доклад при открытии курсов Генерального штаба, прочитанный 31 сентября 1924 г. Л. ; М. : Гос. изд-во, 1925.

слаба. Разоружение в Европе очень выгодно для английского империализма по той причине, что оно обозначает ослабление Франции.

На материке сражаются пехота, кавалерия, артиллерия, и если уменьшить этот род вооружения, не уменьшая вооружения на море, то континентальные державы ослабнут, опять-таки в первую очередь Франция... Поэтому англичане, не уменьшая вооружения на море, а, наоборот, устроив перед сессией большие военные маневры, чтобы показать свою силу, добиваются уменьшения вооружения в Европе как гарантии ослабления сил Франции. Франция, со своей стороны, спрашивает: а в случае нападения на меня, что вы гарантируете? Блокаду?

Блокада медленно действует, за это время меня успеют задуть, обещаете, что Лига Наций прикажет всем нациям идти нам на помощь: где гарантии, что они исполнят приказ Лиги Наций? Гарантия мира состоит в создании боеспособности, а боеспособность создается путем частичных военных союзов. Позвольте мне иметь союз с Польшей, с Румынией, с Югославией и Чехословакией, это уже кое-что даст, а кроме того, заключите со мной договор, гарантирующий Франции границы, завоеванные в 1918 г., и тогда мы готовы идти на уменьшение вооружения. Но Англия не только не намерена дать Франции гарантии, связывающие ее на определенный исторический период с Францией, она еще решительно высказывается против частичных союзов.

Вот почему пацифистский турнир в Лиге Наций превратился, по меткому определению одного из английских журналистов, в очередную войну Англии и Франции «на пацифистском попреще». Дебаты Лиги Наций от 4 сентября вызвали взрыв негодования во Франции. Все дело было передано в комиссию Лиги Наций, которая в течение трех месяцев состряпала компромисс, увидевший свет божий под названием «Протокол Бенеша». Этот протокол, после многих переработок принятый единогласно 2 октября Лигой Наций, должен быть до мая 1925 г. ратифицирован парламентами всех членов Лиги Наций, после чего в июне должна быть созвана международная конференция, посвященная вопросу об уменьшении вооружений, к участию в которой будут приглашены и державы, не являющиеся членами Лиги Наций.

Каково содержание протокола Бенеша? Он представляет собой компромисс французской и английской точек зрения и обязывает всех членов Лиги Наций не начинать никаких военных действий ни друг против друга, ни против третьих держав, прежде чем Гаагский арбитражный суд и Лига Наций не займутся спорным вопросом и не решат его. Держава, которая отклонит привлечение ее Лигой Наций к суду или вопреки решения ее начнет военные

действия во время разбирательства дела, должна быть объявлена зачинщиком наступательной войны. Все члены Лиги Наций обязаны по решению Лиги Наций порвать с нею всякие экономические сношения и, в случае соответствующего решения, даже начать против нее военные действия. После принятия этого статута всеми государствами, входящими в Лигу Наций, международная конференция должна заняться вопросом об уменьшении вооружений. Еще не обсохла бумага, на которой напечатан этот протокол, а уж начался ожесточенный бой между французской и английской капиталистической прессой.

Часть французской буржуазной прессы празднует это решение как большую победу Франции. Во-первых, по ее мнению, английский флот на основе этого решения может быть мобилизован Лигой Наций против державы, не подчиняющейся решениям Лиги Наций. Для Франции само собой не подлежит сомнению, что такими злостными свойствами характера может обладать только Германия или Советский Союз. Против них-то Англия обязана будет гарантировать безопасность невинной Франции. Во-вторых, в Бенешском протоколе есть пункт, разрешающий всякой державе сказать, какими средствами, какой силой она может и хочет помочь своим друзьям в несчастном случае.

Это не что иное, как легализация существующих уже военных союзов Франции и ее вассалов. Английская печать заявляет в один голос, от «Таймса» до «Манчестер Гардиан», что не может быть и речи о том, чтобы Англия обязалась на основе решений Лиги Наций ангажировать свой флот. Во-первых, Великобритания является не только европейской державой, она имеет колонии во всех частях мира, колонии, не очень заинтересованные в европейских событиях. Они, наверное, не пожелают взять ответственность за вмешательство в чертов котел Европы. Во-вторых, отсутствие С. Штатов Америки в Лиге Наций создает опасность конфликтов между южной и центральноамериканскими республиками, входящими в состав Лиги Наций, и С. Штатами. При таких конфликтах Англия не намерена рисковать никаким вмешательством. «Таймс», играющий и при рабочем правительстве роль наиболее показательного представителя взглядов английской буржуазии, заявляет, что Англия и так уже чересчур обременена обязательствами, вытекающими из Лондонского соглашения, чтобы прибавлять к ним еще новые.

Очень характерно отношение ко всей женевской шумихе С. Штатов Америки. Пресса их, занятая выборами, ограничивалась короткими комментариями, и притом довольно скептическими, по адресу женевских решений. Вряд ли они будут ратифицированы всеми участниками, во всяком случае постановления эти не каса-

ются нас. Американский капитал не позволит никому путаться под ногами в случае, если американские тресты начнут душить одну из южноамериканских республик. Кроме того, инцидент, вызванный на сессии Лиги Наций Японией, наверно только усилит враждебное отношение С. Штатов к женевским решениям. Япония едва не сорвала все единогласие, нужное для того, чтобы написать хоть бумагу о водворении всеобщего мира. Бенешский протокол содержал пункт, оговаривающий, что вмешательство Лиги Наций возможно только по вопросам международным.

Если спор идет из-за конфликта, который международный суд признал делом внутренней политики одного из тяжущихся государств, то Лига Наций не вмешивается; если одна сторона, вопреки решению Лиги, все-таки отказывается рассматривать вопрос, как внутривнутриполитический, и вступит в войну, то она объявляется нападающей стороной и будет иметь против себя Лигу Наций. Вся эта абракадабра означает следующее: одним из главных поводов возможного конфликта между Японией и С. Штатами Америки является исключение японцев из числа народностей, имеющих право эмигрировать в Америку.

Эта политика С. Штатов закрывает для Японии все отдушины. Английские колонии последовали примеру С. Штатов. Япония, страдающая относительным избытком населения, лишена возможности выбросить его за границу, и все снова протестуют против этой политики ограничений. Господствующие ее классы боятся скопления пролетаризированных элементов, не находящих применения в японской промышленности. Вопрос об эмиграции, являющийся, таким образом, крупным международным вопросом, есть одновременно вопрос внутренней политики Америки. Отказ Лиги Наций от принятия определенного решения по этому вопросу и страх перед войной, которую он может вызвать, ставят японскую буржуазию в неслыханно тяжелое положение. Поэтому Япония и отказалась подписать Бенешский протокол до внесения в него оговорок, во всяком случае позволяющих поднять этот вопрос перед Лигой Наций. Само собой, понятно, что при первой попытке Лиги Наций вмешаться в американские дела, она не услышит ничего, кроме грубого: «Господа, убирайтесь вон!»

Но самая возможность такого вмешательства усиливает враждебность правительства С. Штатов ко всей женевской затее. Оно само намерено взять в свои руки вопрос об уменьшении вооружений в Европе. Ведь американский президент Кулидж уже заявил, что Америка созывает международную конференцию по вопросу о разоружении. Америка хочет удержать этот вопрос в своих руках, потому что она сама будет разоружать и вооружать Европу в за-

висимости от того, удержится ли англо-американская кооперация или уступит место англо-американской конкуренции. Тогда, может быть, полезно не только разрешить Франции ее дальнейшие вооружения, но даже помочь ей в этом, что может понадобиться еще и по другим соображениям. Если Америка серьезно ангажируется в германских делах, то ей может понадобиться судебный пристав в лице Франции, который с винтовкой в руках караулил бы германского должника.

Вопрос об уменьшении вооружений не только не решен Лигой Наций, но он будет в ближайшие месяцы предметом самой острой политической борьбы, в которой, с одной стороны, примет участие Франция со своими вассалами, требующими обеспечения своей добычи 1918 г., с другой стороны, Англия с жирными нейтральными государствами, боящимися быть втянутыми в новый империалистический конфликт. На чьей стороне окажутся в этой борьбе С. Штаты Америки — теперь еще не известно.

Из периодики прошлого

**ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
АССОЦИАЦИЯ ЖУРНАЛИСТОВ**

Журналисты сыграли едва ли не решающую роль в судьбе Лиги Наций, особенно на начальном этапе, придав ее деятельности ту легитимность и тот авторитет, в которых она столь отчаянно нуждалась. Департамент информации и печати Лиги был важнейшим изобретением...

Давид Родоньо, профессор кафедры мировой истории Женевского института международных отношений и развития

Создание Лиги Наций и ее расположение в Женеве привели к тому, что город, да и страна в целом, неожиданно оказались в поле зрения мировой интеллектуальной и политической элиты. Документы этого периода сохранились не полностью, но перечни иностранных журналистов и их фотографии все еще можно найти в архивах Лиги Наций¹. Важной датой стал январь 1921 г., когда в Женеве была создана Международная ассоциация журналистов, аккредитованных при Лиге Наций.

Согласно материалам архивов, основу ассоциации составили 1 456 журналистов из 55 стран, включая и страны, которые не были членами Лиги, такие

Рис. 1. Журналисты из Голландии, Дании, Швейцарии и Швеции в гостях у Секретариата Лиги Наций

¹ URL: <http://archives-geneve.lhistoire.ch>.

как Соединенные Штаты и Советский Союз (Москва вступила в Лигу Наций только в 1934 г.), и такие страны, как Германия, Италия и Япония, которые потом сами вышли из Лиги в 1930-е гг. Были даже представители Вольного города Данциг и Территории Саарского бассейна, которая с 1920 по 1935 г. находилась под управлением Лиги Наций.

Еще одной важной структурой информационного обеспечения работы Лиги было информационное агентство Argus Suisse, штаб-квартира которого находилась в Женеве. Ее сотрудники анализировали и переводили на все основные языки самые важные и интересные публикации в мировых газетах, а также предоставляли Лиге Наций и другим заинтересованным сторонам переводческие услуги (письменно и устно). В итоге на базе этого агентства сложилась целая разветвленная сеть по обмену информацией.

Рис. 2. Общая конференция журналистов Лиги Наций. Раз в год журналисты из разных стран, проживающие в Женеве, и сегодня проводят общее собрание и устраивают праздничный ужин

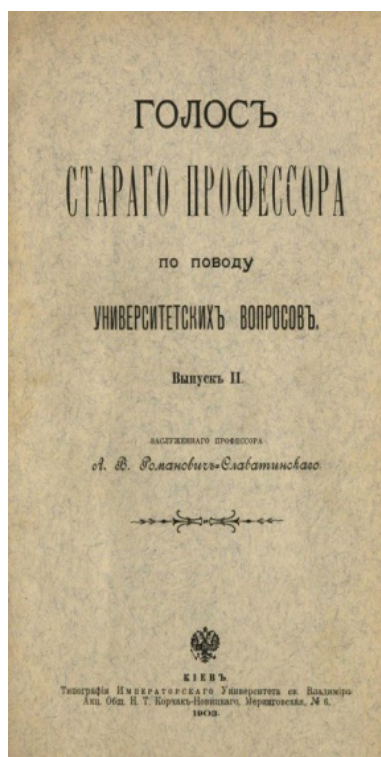

Рис. 3. Среди сотрудников Департамента информации и печати Лиги Наций были представители самых разных стран и народов

ПОСТСКРИПТУМ

ГОЛОС СТАРОГО ПРОФЕССОРА ПО ПОВОДУ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ВОПРОСОВ¹

А. В. Романович-Славатинский

Студенты или экстерны?

Устав 84 г. отменил право лиц, не слушавших университетского курса, держать экзамены для получения диплома. Против этого в «Новом времени» горячо восстает Е. Г-ин, доказывая полную неосновательность такого ограничения. Он именно утверждает, «что для получения высшего образования вовсе не требуется пребывание в университете и слушание лекций, являющихся остатком университетской археологии, неуместным пережитком устного обучения, удовлетворявшего греческих перипатетиков, но не пригодного для времени дешевой бумаги и ротационного печатания».

Как ни внушителен апломб, с которым произнесены эти пышные слова, но нельзя без боли сердца слушать их, и тем более, что такое мнение распространяется в нашем обществе, проникая иногда в высшие сферы. Вот до чего дожили наши университеты, которые так чтит наше общество, которые пролили так много света на русское царство. Так, значит, университеты не нужны! Так, значит, их следует упразднить, заменив их экзаменационными комиссиями, которые будут экзаменовать по дешевым книжкам из соседних книжных лавок.

Мы не принадлежим к сторонникам устава 84 г., много виноватом в теперешней университетской смуте, из которой так трудно найти выход. Но запрещение держать экзамен на диплом, не выслушавши университетского курса, нам кажется вполне разумным и целесообразным. Разве университетское образование состоит единственно в изучении университетских курсов и сдаче по ним экзаменов?!

Кто считает возможным ограничиться только этой стороной дела, тот не имеет права претендовать на университетское образование. Университетское образование получает только тот, кто в течение установленного числа лет исполняет все требования университетской школы, кто дышит ее атмосферой, находясь в непрерывном общении и со своими профессорами, и со своими товарищами различных факультетов. Слушать годы талантливого профессора, усваивая его взгляды и приемы, заниматься наукой под его руководством, бывать на академических диспутах, участвовать в семинариях и практических занятиях, писать студенческие сочинения, выслушивать доклады и прения в учебных обществах, состоящих при университете, — да разве это может быть заменено выучкой дешевой книжки и получением удовлетворительной отметки? Университетский

¹ Романович-Славатинский А. В. Голос старого профессора по поводу университетских вопросов. Киев : Тип. Императорского университета Св. Владимира, 1903. С. 20—42. Продолжение. Начало см.: Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 9, 10.

диплом поэтому должны получать не мимолетные гости университета — экстерны, но только студенты, добросовестно и серьезно прошедшие университетскую школу. Правда, в настоящее время такое прохождение является редким; правда, студенты настоящего времени пребывают вне университетской жизни, занимаясь более политикой, чем наукой.

Но это явление временное и, даст Бог, преходящее; это абберрация истинной идеи университета, и отправляться от нее едва ли будет справедливо. К сожалению, однако ж, обскурантизм и недоброжелательство к университету пользуются теперешней смутой, чтобы бросить грязью в школу, к которой с таким пиететом должен относиться всякий просвещенный человек. Несомненно, что наши университеты упали и переживают смутную пору.

Большинство профессоров из года в год повторяют на кафедрах свои старые тетрадки перед пустой аудиторией, в которой слышится вакханалия сходки, обструкции и забастовки. Но разве все это вытекает из идеи университета и при-сущее его природе? Разве это не плод общего настроения русского общества, переживающего теперь острый кризис? Разве это до некоторой степени не вызвано уставом 84 года, разложившим строй университета, подчинив его контролю столоначальников департамента?

Профессора-де читают лекции по старым тетрадкам, поэтому для получения высшего образования вовсе не требуется пребывание в университете и слушание лекций, являющихся «остатком университетской археологии, неуместным пережитком устного обучения, удовлетворявшим греческих перипатетиков, но не пригодным для времени дешевой бумаги и ротационного печатания!»

«Университетская археология, достойная времен перипатетиков!» Какие захватские слова и как они, можно думать, нравились их автору! Но как эти кошунственные слова могли найти место на столбцах такой просвещенной газеты, как «Новое Время»? Читают лекции по тетрадкам, которые в 100 дней так легко изучить по дешевым книжкам. Так зачем поступать в студенты? По тетрадкам читали нам лекции многие профессора заграничных университетов. Я хорошо помню лекции Роберта фон Молля в Гейдельберге, которые он слово в слово прочитывал по старой тетрадке. Я живо помню, как на лекции Блунчли я приходил с его учебником, который он буквально повторял на своих лекциях, и, однако ж, немецкая пресса не трубила, что поступать в университет и слушать в нем лекции не стоит, так как это все можно проделать и скорее, и дешевле по книжке, благо дешева бумага. Но неужто эта книжка может заменить живое слово профессора? Но неужто изучение курса какого-нибудь Грановского или Шульгина по тетрадке может заменить слушание их лекций? Кто был истинным студентом университета, кто честно и добросовестно проходил эту школу, выше и целесообразнее которой не существует никакой, так как только она одна может дать человеку многостороннее умственное развитие, тот поймет, почему просвещеннейшая династия Гогенцоллернов воспитывается в Боннском университете. И больно слышать в нашей среде, которая так мало еще проникнута университетским образованием, циничные слова, произнесенные на страницах «Нового времени» г. Е. Г-ным. Нет, университетское преподавание — не археология и не пережиток изуственного преподавания перипатетиков, а живое великое дело, в котором всегда будет нуждаться человечество, пока наука сохранит для него свое значение и прелесть.

Приложение

Н. И. Зибер и А. Е. Назимов
(Из воспоминаний старого профессора)
(Элегия в прозе)

А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила... И с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманчивых надежд и горьких сожалений.

М. Ю. Лермонтов. Памяти Одоевского

Когда я вспоминаю свою давнюю аудиторию и своих слушателей, из среды последних выдвигаются две яркие фигуры, столь мне памятные и симпатичные: Н. И. Зибер (1844—1888) и А. Е. Назимов (1852—1902), студенты разных выпусков: первый оканчивал университет в том году, в котором второй начинал. Это были два типа крайне противоположные: различного темперамента и мировоззрения, различного воспитания, неодинаковых нравов и привычек, даже различной национальности. Н. И. Зибер не был славянином: он был швейцарцем по отцу и сам числился всегда швейцарским подданным, а мать его была полуфранцуженка. Родился он в Судаке, а молодость его проходила в живописной Ялте, где море Черное шумит не умолкая. Это была натура нервная, глубоко впечатлительная, с которой не всегда мог справиться его уравновешенный довольно положительный ум. Он как-то трепетно и лихорадочно относился к явлениям жизни и к вопросам науки, представлявшейся ему царственною богиней, у ног которой он готов был повергаться ниц с постом и молитвой. Чистокровный идеалист, он неспособен был ни к какой сделке и компромиссу: брезгливо и нетерпимо он относился ко всему, что не подходило под его чисто пуританские требования. Своей особой он напоминал растение «не тронь меня», которое сжималось и закрывалось от всякого к нему прикосновения.

Совершенно другого рода личность Назимова. Истый россиянин, псковский столбовой дворянин, он наделен был всеми плюсами и минусами своего благородного сословия. Эпикурец и немножко Обломов, он любил науку, но подчас изменял ей ради других благ мира, к которым был равнодушен. Колкий и остроумный, он осыпал своими сарказмами не только своих товарищей и знакомых, но и собственную свою персону за свою склонность к «обломовщине» и «эпикуреизму». Но как ни различны были между собой изображенные нами типы, им свойственна была одна общая черта: сильный и пытливый ум, жажда просвещения и познаний, способность к научным занятиям. А потом их сблизила преждевременная утрата обоих для русской науки, для которой они не успели совершить всего того, к чему были способны. Когда они сидели еще на студенческой скамье, я предугадывал, что из них выйдут выдающиеся русские ученые. Предвидение меня не обмануло. Зибер, живя в Берне, работал для русской науки, которую обо-

гатил рядом ценных исследований: Назимов был блестящим профессором Демидовского лицея и Новороссийского университета, и как ни мало написал он, это немногое запечатлело оригинальной мыслью и мастерством истинного таланта.

Мои воспоминания о Зибере особенно оживились во время моего пребывания в Ялте, где я имел случай познакомиться с сестрой покойного Софией Ивановой, проживающей в материнском доме, на Церковной улице. Когда я беседовал с этой достойной, просвещенной особой, в моей памяти воскресал образ студента Зибера. Мне ясно выделялись его симпатичное лицо, его русая шевелюра и рыжеватая борода, его то вспыхивающий, то потухающий румянец, сообразно тому внутреннему интересу, который возбуждал в нем данный предмет. Аккуратнейший посетитель моих лекций, особенно по иностранному государственному праву, которое в то время я так подробно излагал. Зибер всегда сидел на первой скамейке против кафедры, жадно вслушиваясь в слова профессора. Долгое время я с ним не был знаком, но, когда, входя в аудиторию, примечал его милый образ, мне делалось легко и приятно: я видел нечто свое родное, близкое.

Познакомился я с ним уже впоследствии, когда он со своим товарищем Скордели приходил ко мне потолковать о литографировании моих лекций по иностранному государственному праву. Поговорив с ним, я убедился, что не даром считал его таким мыслящим и интеллигентным студентом. Молодой ревнитель своей науки, я очень пожелал обратить Зибера в государствоведа, но его любимым предметом уже тогда была политическая экономия, и мои попытки сбить его с этого пути не могли увенчаться успехом. А политической экономии у нас было у кого поучиться: ее преподавали такие экономисты, как П. Х. Бунге и его талантливый ученик Г. М. Цехановецкий. Воспитавшиеся в классической школе Адама Смита, они чужды были научного догматизма и новые веяния в науке не считали еретичеством, достойным кары. Это делало их особенно симпатичными для студентов, из которых весьма многие отдались изучению экономических наук. В их школе начал свое экономическое воспитание и Н. И. Зибер, к которому с таким вниманием и заботливостью отнесся профессор Бунге, наметивший его в свои стипендиаты.

В 1867 г. Зибер блистательно окончил юридический факультет, но вакантной стипендии не оказалось. Столь ревностно заботившийся о своих учениках Н. Х. доставил Зиберу место мирового посредника в Волынской губернии. Швейцарскому подданному пришлось служить великому русскому делу недолго: его тянуло в университет к любимой науке. Открылась вакантная стипендия; по предложению Бунге она была предоставлена Зиберу. Хорошо знакомый со студенческой скамьи с избранной наукой, Зибер недолго готовился к магистерскому экзамену, который он выдержал, если только память мне не изменяет, уже в 1871 г. Живое я помню этот экзамен. Экзаменовал его профессор Бунге, так как Цехановецкий перешел уже в Харьков.

Вспоминаю при этом те деликатные, благородные приемы экзамена, которыми всегда так отличался профессор Бунге. Припоминаю блестящие ответы Зибера. Экзаменатор предложил ему изложить теорию Маркса, которая была тогда большой новинкой. Я помню, как разгорелись щеки Зибера, когда он стал излагать теорию, которой он сделался горячим последователем. За экзаменом последовала магистерская диссертация «Теория ценности и капитала Давида

Рикардо», которого он впоследствии сопоставлял с Марксом; затем — заграничная командировка, во время которой в Гейдельберге Зибер нашел себе супругу. Этот выбор был обусловлен, может быть, той горячей любовью к науке и жадной изучить ее, которую Н. И. подметил в своей избраннице.

По возвращении в Россию Зибер был выбран штатным доцентом по кафедре политической экономии и статистики, которые он и преподавал до 1875 г., когда окончательно расстался с университетом св. Владимира и поселился в Берне. Это было вполне естественно и вполне соответствовало особенностям природы Зибера. Зибер не мог долго оставаться в той университетской среде, которая сложилась в половине семидесятых годов, когда стали господствовать совместительство и нажива, когда достаток предпочитали таланту, когда научные интересы побледнели и самым ценным качеством человека признавались хитрость и практическая изворотливость.

Завелась даже газета в Киеве, ратовавшая за эту практичность и деловитость. Зибер с некоторыми своими единомышленниками замыслил создать противовес этой газете, которым и явился «Киевский телеграф», приобретенный супругой профессора Гогоцкого у фон Юнка. Я помню, с каким страстным увлечением относился к этому делу Зибер, но дело не выгорело: не боец с ударами жизни, Зибер не выдержал и бросил свой университет: швейцарский подданный возвратился в свою Швейцарию и поселился в Берне. Но русский душою, он работал здесь для русской науки и работал с той страстностью, которая была свойственна его природе, не жалея своих слабых сил и мало-помалу надламывая их. Достаточно назвать эти работы, чтобы судить, как велик был труд, затраченный на них. Это были: «Очерки первобытной экономической культуры», имевшие три издания: материалы для этого сочинения он, между прочим, собирал в Британском музее в Лондоне; «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» и два тома мелких статей: том I «Вопросы землевладения и промышленности», том II «Право и политическая экономия».

Работы эти подорвали здоровье: появились симптомы медленного паралича центрального мозга. Симптомы эти усилились в 1881 г. Н. И. переселился в родную Ялту, на берега родного Черного моря, но ни родина, ни заботы сестры и матери не спасли угасающего рыцаря науки: в апреле 1888 г. он успокоился вечным сном. Над его могилой на ялтинском кладбище супруга его поставила памятник, изображающий усеченную мраморную колонну — символ усеченной жизни покойника. Да, нередко родная среда усекает жизнь мыслящего интеллигентного русского человека, которому иногда приходится отправиться за рубеж, чтобы встретить признание и надлежащую оценку.

Ближе ко мне стоял Назимов, которого считаю себя вправе назвать своим учеником. Уже в студенческие годы я манил его государственным правом, а, оставленный стипендиатом при моей кафедре, он проходил стипендиатский стаж под моим непосредственным руководством: я экзаменовал его на степень магистра, сделав подробную оценку его диссертации в «Журнале Министерства народного просвещения». Он сам признавал себя моим учеником, всегда относясь ко мне как к уважаемому наставнику. Я мечтал о том, чтобы передать Назимову свою кафедру. Преемственность системы и доктрины казалась мне полезной. Но мечтам моим не суждено было сбыться: на мою кафедру назначен был Егиазаров,

а Назимов был назначен в Одессу на кафедру полицейского права, которым он никогда не занимался.

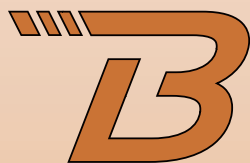
Устав 1884 г. давал министру это широкое право рассаживания русских ученых по кафедрам, не считаясь с их специальностью. В ученой же карьере Назимова этот переход к новому неведомому предмету был обстоятельством неблагоприятным, хотя, прекрасный лектор, он с успехом преподавал и полицейское право. В Демидовском же лицее он преподавал свой родной предмет — государственное право. Там же он написал и свою магистерскую диссертацию «История прусской реакции». Сочинение это — выдающееся. На диспуте я упрекал автора в позитивизме, но кто тогда не болел недугом позитивизма? Статика и динамика Огюста Конта находили себе место даже в курсах римского и уголовного права. Сочинение свое Назимов защитил блистательно. Особенно эффектно была его речь перед диспутом, свидетельствующая о редком даре формулировать изящным и простым словом отвлеченные мысли.

Я хотел похвалить этим трудом русского ученого перед такими авторитетами, как Гнейст и Штейн, и послал им работу Назимова при письме. Я получил скоро от них ответы, преисполненные похвал работе Назимова, с которой, как писали они, познакомил их переводчик. Эти письма-автографы знаменитых немецких ученых я передал покойному Бычкову для включения в богатую коллекцию автографов Императорской публичной библиотеки.

Получив кафедру полицейского права в Новороссийском университете, Назимов обработал свой собственный курс, в котором юридический элемент перевешивал экономический. Он думал и о докторской диссертации, для которой собирал материалы в столичных архивах и, между прочим, в архиве бывшего Третьего отделения, так как темой работы была избрана «История министерства полиции». Не сомневаюсь, что из-под пера даровитого Назимова вышла бы блестящая монография; и сухая, по-видимому, тема получила бы животрепещущий интерес. Под конец своей недолгой жизни Назимов, несмотря на звание исправляющего должность экстраординарного профессора, был назначен деканом юридического факультета Новороссийского университета. Назначение это свидетельствует о большом такте начальства: Назимов был благовоспитанный джентльмен, каковым и должен быть представитель факультета.

В последний раз я видел своего дорогого ученика в августе прошлого года, когда он почти со слезами на глазах кинулся в мои объятия. Никогда не забуду этой сцены, так умилившей меня. Никогда не забуду и нашего горячего разговора. Как будто возвратились старые семидесятые годы и он был моим стипендиатом, а я его руководителем. Думал ли я тогда, что это моя последняя встреча с моим дорогим учеником и что его через год не станет. Почивай же с миром, а я буду доживать свой долгий век, чтобы добрым словом помянуть даровитых русских людей.

*Материал предоставлен и подготовлен к публикации
цифровой академической библиотекой «Автограф»
(URL: <http://avtograf-library.ru>)*

ISSN 2311-5998

